

МЕРРИКТ

АБРАХАМ

**КОРАБЛЬ
ИШТАР**

АБРАХАМ

АБРАХАМ

АБРАХАМ

**КОРАБЛЬ
ИШТАР**

Абрахам МЕРРИТ

**Собрание сочинений
в пяти томах**

**Амбер Лтд.
1994**

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ
ФАНТАСТИКА
XX века

*****

Пол АНДЕРСОН
Кеннет БАЛМЕР
Джеймс БЛИШ
Джеймс БАЛЛАРД
Джон БРАННЕР
Мэрион Зиммер БРЭДЛИ
Альфред ВАН ВОГТ
Стэнли ВЕЙНБАУМ
Джин ВУЛФ
Джек ВЭНС
Гордон ДИКСОН
Абрахам МЕРРИТ
Ларри НАЙВЕН
Андрэ НОРТОН
Брайан ОЛДИСС
Эдгар ПАНГБОРН
Фредерик ПОЛ
Джерри ПУРНЕЛЛЬ
Джоанна РАСС
Фред САБЕРХАГЕН
Роберт СИЛЬВЕРБЕРГ
Джек УИЛЬЯМСОН
Филипп Хосе ФАРМЕР
Фрэнк ХЕРБЕРТ
Пирс ЭНТОНИ

Абрахам МЕРРИТ

Собрание сочинений
в пяти томах

том третий

Корабль Иштар
Семь шагов к сатане

Амбер Лтд.
1994

ББК 84.7
М 25

Перевод с английского Д. Арсеньева

Издание осуществлено
при участии издательства
«Сигма-Пресс»

Меррит Абрахам

М 25 Корабль Иштар. Пер. с англ. — Ангарск:
Амбер, Лтд., 1994. — 384 с.

ISBN 5-88358-039-4

© Название серии и оформление «Амбер, Лтд.»
© Перевод Д. Арсеньев, 1993

**КОРАБЛЬ
ИШТАР**

Перевод с английского Д. Арсеньева

1. Появление корабля

Облако странного запаха по спирали поднималось над большим каменным блоком. Кентон почувствовал, как оно коснулось его лица, будто ласковая ладонь.

Он отчетливо ощущал этот запах — незнакомый аромат, слегка беспокоящий, воскрешающий в памяти странные неуловимые образы, обрывки мыслей, которые исчезали, прежде чем мозг мог уловить их, — ощущал с того самого мгновения, как снял упаковку с предмета, присланного старым археологом Форсайтом из песчаных склепов давно умершего Вавилона.

Он снова мысленно измерил блок — четыре фута в длину, несколько больше в высоту, немного меньше в ширину. Выгоревшего желтого цвета: столетия висели на нем, как полупрозрачное одеяние. Надпись только на одной стороне, десяток параллельных линий архаичной клинописи; если Форсайт не ошибся в своем толковании, надпись сделана во времена правления Саргона Аккадского, шесть тысяч лет назад. Поверхность камня обита, усеяна трещинами, знаки в форме клиньев повреждены, почти неразличимы.

Кентон склонился ниже, аромат стал сильнее, его витки цеплялись, как десятки щупалец, как маленькие пальцы, тоскующие, просящие, умоляющие...

Умоляющие об освобождении!

Что за вздор! Кентон распрямился. Рядом лежал тяжелый молоток; Кентон схватил его и нетерпеливо удариł.

Послышался звук; он становился громче, еще громче, в нем прозвучали музыкальные тона, будто заговорили где-то далеко нефритовые колокольчики. Звук прекратился, остался только высокий колокольный перезвон; колокольчики звучали все яснее, все ближе, они приближались по бесконечным коридорам времени.

Потом резкий треск. Блок раскололся. Оттуда запульсировало сияние розового перламутра, а вместе с ним — волны аромата, больше не вопрошающего, не тоскующего, не умоляющего.

Теперь он был ликующим! Триумфальным!

Что-то скрывается в блоке! Что-то пролежало в нем шесть тысяч лет, со времен Саргона Аккадского!

Снова прозвучали нефритовые колокольчики. Снова они просили о чем-то, потом повернули и понеслись назад, по бесконечным коридорам времени. Стихи, и тут же блок стал опадать — исчез, превратился в кружашущуюся, медленно оседающее облако сверкающей пыли.

Облако вращалось: водоворот сверкающего тумана. И исчезло, как будто отдернули занавес.

В блоке находился — корабль!

Он плыл на пьедестале волн из лазурита, верхушки волн белели молочным горным хрусталем. Корпус корабля тоже из хрусталия, кремового и полупрозрачного. Нос в виде ятагана, круто изогнутого назад. Под загнутым назад концом ятагана каюта, ее обращенные к морю стены, как у галеонов, образованы высоко поднятыми на носу бортами. Там, где борта поднимались, образуя каюту, начиналось легкое сияние, согревавшее туманный хрусталь; оно становилось сильнее по мере подъема бортов; ярко сверкало на самом верху, превращая каюту в розовый драгоценный камень.

В центре корабля, занимая треть его длины, находился трюм, где сидели гребцы; к нему от розовой каюты спускалась палуба цвета слоновой кости; часть палубы, шедшая к корме по другую сторону трюма, черная. На корме другая каюта, больше, чем на носу, но приземистая и тоже черная. Обе части палубы широкими платформами тянулись по бокам трюма. Посреди корабля белая и черная части палубы встречались, при этом возникало странное впечатление соперничества, борьбы. Они не смешивались, не переходили друг в друга. Обрывались резко, край к краю, враждебно.

Из ямы поднималась высокая мачта, заостренная и зеленая, как сердцевина огромного изумруда. На рее размещался широкий парус, светящийся, будто сделанный из благородных опалов; от мачты и реи спускались снасти тусклого золота.

По обе стороны корабля — ряды больших весел, по семь с каждой стороны, их алые лопасти погружены в перламутровую лазурь волн.

И драгоценный корабль имел экипаж!

«Почему, — удивился Кентон, — я не заметил этого раньше?».

Как будто крошечные фигурки только что появились на палубе... женщина выскользнула из двери розовой каюты, ее рука еще протянута к закрывающейся двери... и еще женские фигуры на белой палубе, их три, они сидят... головы низко опущены; две держат арфы, третья — двойную флейту...

Маленькие фигурки, не больше двух дюймов в высоту...

Игрушки!

Странно, но он не может различить ни черты лиц, ни детали одежды. Фигурки нечеткие, как будто на них наброшена вуаль. Кентон сказал себе, что это обман зрения; на мгновение он зажмурился.

Открыв глаза, он взглянул на черную каюту и почувствовал все растущее недоумение. Когда корабль появился, черная палуба была пуста — он готов был поклясться в этом.

Теперь здесь, на самом краю ямы, виднелись четыре куклы.

А сбивающая с толку дымка вокруг игрушек все гуще. Конечно, виной его глаза — что же еще? Надо лечь и дать им отдохнуть немного. Он неохотно повернулся, медленно пошел к двери, остановился в нерешительности, оглядываясь на сверкающую загадку...

Всю комнату за кораблем затянуло дымкой!

Кентон услышал рев бури, звуки множества ураганов, свистящий хаос обрушился на него водопадом могучих ветров.

Комната раскололась на тысячи фрагментов, растаяла. Сквозь этот хаос ясно послышались звуки колокола... один... два...три...

Он узнал этот колокол. Его часы были шесть. Третий удар оборвался на середине.

Прочный пол, на котором он стоял, растаял. Кентон почувствовал, что висит в пространстве, полном серебряного тумана.

Туман рассеивался.

Кентон увидел сквозь него обширную поверхность волнующегося океана, а в десяти футах под собой — палубу корабля.

Потом ошеломляющий толчок, удар в правый висок. Расщепляющиеся молнии принесли с собой тьму, которая охватила и море, и корабль.

2. Первое приключение

Кентон лежал, прислушиваясь к негромкому шепоту, несмолкающему, настойчивому, будто небольшие медленные волны. Все вокруг наполнено этим звуком. Журчащий шепот становился все настойчивее. В закрытые глаза ударили свет. Кентон почувствовал движение, поверхность под ним мягко поднималась и опускалась. Он открыл глаза.

Он на корабле, лежит на узкой палубе, головой упираясь в фальшборт. Перед ним мачта, поднимающаяся из ямы. В яме прикованные люди двигают большие весла. Мачта, похоже, деревянная, но покрыта прозрачным изумрудным лаком. Она пробуждает какие-то неясные воспоминания.

Где-то он уже видел эту мачту.

Взгляд его пополз вверх по мачте: широкий парус, сделанный из опалового шелка. Низко нависло небо, затянутое мягким серебристым туманом.

Он услышал женский голос, глубокий, музыкальный, льющийся, золотистый. Справа от него каюта под изогнутым ятаганом носа; она розовая. По ее верху проходит балкон; на нем цветущие маленькие деревья; голуби с клювами и лапками, алыми, будто вымоченными в рубиновом вине, взмахивают в ветвях белоснежными крыльями.

У дверей каюты женщина, высокая, стройная, глядящая куда-то вдали. У ног ее три девушки. Две держат арфы, третья поднесла к губам двойную флейту. И снова воспоминания зашевелились в голове Кентона и тут же были забыты: взгляд его упал на лицо женщины.

У нее широкие глаза, зеленые, как глубины лесных оврагов, и так же полные движущимися тенями. Голова маленькая, прекрасные черты лица, рот, обещающий любовь. На шее ямочка — чаша для поцелуев, пустая и ждущая наполнения. Над бровями серебряный полуме-

сяц, тонкий, как нарождающаяся луна. Над каждым рогом полумесяца поток рыже-золотых волос обрамляет прекрасное лицо; поток устремляется вниз, разделенный острыми грудями, ручейками падает до самых ног в сандалиях.

Юная, как весна, и мудрая, как осень; весна какого-то древнего Ботичелли — но и Мона Лиза в то же время; девственна телом, но не душой.

Он проследил за ее взглядом. По другую сторону гребной ямы стояли четыре человека. Один на голову выше Кентона, значительно массивнее его. Бледные глаза, не мигая, устремлены на женщину; в них угроза, злоба. Лицо у человека безбородое, бледное. Огромная приплюснутая голова гладко выбрита; нос хищно изогнут; с плеч до самых ног падает просторное черное одеяние. Слева от него еще два человека с бритыми головами, в черной одежде, сухощавые, похожие на волков; у каждого бронзовый рог в форме раковины.

Глаза Кентона задержались на последнем члене этой группы. Человек присел на корточки, опираясь заостренным подбородком на высокий барабан; изогнутые бока барабана блестели алым и черным, как полированная кожа большой змеи. Ноги мощные, но короткие — тело гиганта, узловатое и искривленное, невероятно сильное. Обезьяньими руками он обвивал бока барабана, длинные пальцы, лежавшие на коже барабана, подобны паучьим лапам.

Но Кентона поразило выражение его лица. Сардоническое и злое, но злоба не такая, как у остальных троих. Широкий рот похож на лягушачий, на тонких губах усмешка. Глубоко посаженные немигающие черные глаза с открытым восхищением устремлены на женщину с полумесяцем. На мочках оттопыренных ушей висят золотые диски.

Женщина быстро спустилась и встала рядом с Кентоном. Он мог бы протянуть руку и коснуться ее. Но, казалось, она его не видит.

— Эй, Кланет! — воскликнула она. — Я слышу голос Иштар. Она идет на свой корабль. Ты готов поклониться ей, слизь Нергала?

Ненависть исказила массивное бледное лицо, как адская волна.

— Это корабль Иштар, — ответил он, — но мой страшный повелитель тоже претендует на него, Шарейн.

Дом богини насыщен светом, но ответь мне, разве за мной не видна тень Нергала?

И Кентон увидел, что палуба, на которой стояли эти люди, черна, как смоль, и снова неясные воспоминания зашевелились в его мозгу.

Неожиданный порыв ветра ударил корабль, как открытой ладонью, наклонил его. Голуби на ветвях деревьев над розовой каюты подняли крик; они взлетели, как белое облако, перевитое розовым; собрались вокруг женщины.

Обезьяны руки барабанщика развернулись, паучьи пальцы удерживались на поверхности барабана. Тьма сгустилась и скрыла его; тьма затянула всю корму корабля.

Кентон чувствовал, как собираются неведомые силы. Он скользнул ниже, прижимаясь к фальшборту.

От розовой каюты донесся золотой трубный звук, негодующий, нечеловеческий. Кентон повернул голову, волосы его встали дыбом, по коже поползли мурашки.

На крыше розовой каюты появился большой шар, похожий на полную луну, но не белый и холодный, как луна, — он жил, кипел розовым накалом. Он протянул лучи по кораблю, и там, где стояла женщина — Шарейн — теперь была не женщина.

Купающаяся в розовых лучах шара, она казалась гигантской. Веки закрыты, но сквозь закрытые веки смотрят глаза. Кентон ясно видел их — глаза, жесткие, как нефрит, смотрят сквозь веки, будто это паутина. Стройный полумесяц на голове превратился в арку живого пламени, а вокруг развевались рыже-золотые волосы.

А облако голубей круг за кругом вилось над кораблем, белые крылья бьются, розовые клювы раскрыты, они кричат, кричат...

В черноте корабельной кормы загремел змеиный барабан.

Чернота поредела. Сквозь нее смотрело лицо, полускрытое, бестелесное, плавущее в тени. Лицо человека по имени Кланет, — и в то же время так же не принадлежащее ему, как лицо бросившей ему вызов женщины — Шарейн. Бледные глаза превратились в два бассейна адского пламени; они без зрачков. Мгновение это лицо парило, обрамленное тьмой. Потом его затянула и скрыла тень.

Теперь Кентон увидел, что тень эта висит, как занавес, точно по центру корабля и что сам он лежит едва ли в десяти футах от того места, где этот занавес делит корабль надвое. Он лежит на белой палубе, и снова в голове зашевелилось неясное воспоминание. Сверкание шара ударило в теневой занавес, образовало диск, более широкий, чем корабль; как паутина лучей, протянулось оно от огненной луны. Но тень прижалась к сверкающей паутине, стремясь прорвать ее.

Гром барабана с черной палубы усилился, заревели бронзовые рога. Звуки барабана и рогов смешались, они стали пульсом преисподней, логовища обреченных.

А рядом с Шарейн три женщины создали бурю звуков, арпеджио арф устремились, как тонкие стрелы, резкие звуки флейты — как копья. Стрелы и копья звука прорывали барабанный гром и рев рогов, заглушали их, отгоняли прочь.

Внутри тени началось движение. Тень забурлила. Она кипела. На поверхности сверкающего диска появились черные формы. Их тела, безлицые, походили на гигантских личинок, на слизняков. Они рвали паутину, пытались прорваться сквозь нее, колотились о нее.

Паутина подалась!

Края ее держались, но центр медленно отступал, пока диск не превратился в полусферу. Внутри вогнутой полости ползали, извивались, кишели чудовищные формы. Триумфально взревели во тьме барабан и бронзовые рога.

Снова с белой палубы золотой трубный звук. Из шара полилось невыносимое сияние. Края паутины устремились вперед и сомкнулись. Они захватили черные исчадия, те бились и извивались, как рыба в сети. Как сеть, поднятая могучей рукой, паутина поднялась высоко над кораблем. Она стала еще ярче, сравнялась в яркости с шаром. Пойманные черные формы испускали жалкий тонкий писк. Они сжимались, таяли,.. исчезали.

Сеть раскрылась. Оттуда посыпалась черная пыль.

Паутина вернулась к пославшему ее шару.

И тут же шар исчез.

Исчезла и тень, затягивавшая корму корабля. Высоко над кораблем с победоносными криками кружили белоснежные голуби.

Чья-то рука коснулась плеча Кентона. Он взглянул в затененные глаза женщины, которую звали Шарейн. Те-

перь это была не богиня, а просто женщина. В глазах ее виднелось недоумение, крайнее изумление.

Кентон вскочил на ноги. Резкая боль пронзила его голову. Палуба под ногами вращалась. Он старался преодолеть головокружение, но не мог. Корабль продолжал медленно поворачиваться под ногами. А дальше широкой аркой поворачивались бирюзовое море и серебряный горизонт.

И вот все образовало водоворот, внутрь которого его затянуло — он падал все быстрее, быстрее. Вокруг все стало бесформенным. Снова послышались голоса бурь, резкие крики ветров пространства. Звуки стихии. И только три ясных, звонких удара...

Кентон стоял в своей комнате!

Колокол, который он слышал, — это часы, отбивавшие шесть. Шесть часов? Но ведь последний звук, который он слышал в своем мире, прежде чем его унесло в мир загадочного моря, был третий удар все тех же шести часов. Удар, оборванный посередине.

Боже — что за сон! И все на протяжении половины боя часов.

Он поднял руку и коснулся ссадины на виске. Сморщился — по крайней мере этот удар не был сном. Подошел к драгоценному кораблю. И в недоумении уставился на него.

Игрушечные фигурки на палубе переместились — и появились новые.

На черной палубе не было больше четырех кукол. Стояли только две. Одна указывала рукой направо, на место на палубе рядом с мачтой, другой рукой она опиралась на плечо игрушечного солдата, рыжебородого, с агатовыми глазами, одетого в сверкающую кольчугу.

Не было и женщины у двери розовой каюты — там ее видел Кентон, когда впервые появился корабль. На пороге каюты виднелись пять стройных девушек с короткими копьями в руках.

А женщина стояла на правой половине палубы и низко склонилась над бортом.

И весла корабля больше не были погружены в волны из лазурита. Они были подняты, готовы к очередному гребку!

3. Корабль возвращается

Одну за другой Кентон потрогал фигурки. Неподвижные, твердые, они казались частью палубы. никакими усилиями он не мог их передвинуть.

Но что-то их передвинуло — а куда подевались исчезнувшие? Откуда возникли новые?

Вокруг крошечных фигур не было дымки, они больше не расплывались, каждая вырисовывалась очень четко. Игрушка, указывавшая на правую сторону палубы, — с короткими, кривыми ногами, у нее торс гиганта, лысая голова блестит, в ушах золотые диски. Кентон узнал ее — барабанщик, бивший в змеиный барабан.

На голове склонившейся маленькой женщины-игрушки — миниатюрный полумесяц, и над ним потоки рыже-золотых волос...

Шарейн!

А место, на которое она смотрит, — разве не на этом месте лежал он на другом корабле в своем сне?

Этот — и есть тот корабль? Кентон опять увидел белую и черную палубы, розовую каюту и изумрудную мачту. Это тот самый корабль! Сон? Но что передвинуло игрушки?

Удивление Кентона росло. В то же время нарастало беспокойство, возбуждение, любопытство. Он обнаружил, что, глядя на корабль, не может четко рассуждать; казалось, корабль притягивает его к себе, наполняет его каким-то напряженным ожиданием. Кентон снял занавеску и набросил на сверкающую загадку. Потом вышел из комнаты, каждый шаг давался ему с трудом, непреодолимым было желание вернуться, повернуть голову. Он вытолкнул себя за дверь, чувствуя, будто чьи-то руки держат его, тащат назад. Все еще стараясь не обернуться, он затворил дверь, закрыл на замок.

В ванной он осмотрел ссадину на голове. Болезненная, но ничего серьезного. Холодный компресс в течение пол-учаса — и ничего не будет видно. Он говорил себе, что,

должно быть, упал на пол под действием странного запаха, — но знал, что это не так.

Кентон пообедал в одиночестве, не замечая ничего на столе; разум его по-прежнему был в недоумении. Что связано с этим блоком из Вавилона? Кто поместил внутрь него корабль и почему? В письме Форсайта говорилось, что блок нашли в холме, известном под названием Амран, непосредственно к югу от Ксера — развалин «дворца» Набупалассара. Кентон знал: существуют доказательства, что Ксар — одна из сторон Е-Сагиллы, Зиккурата, ступенчатого храма, который когда-то был Великим Домом богов в древнем Вавилоне. Блок, должно быть, пользовался особым почтением, заключил Форсайт, поскольку только он был спасен при разрушении города Сеннахерибом и впоследствии помещен в восстановленный храм.

Но почему к нему относились с таким почтением? Почему такой чудесный корабль был заключен в камне?

Какой-то ключ к разгадке могла дать надпись, если бы не была так повреждена. В своем письме Форсайт указывал, что имя Иштар — матери-богини всех вавилонян, а также богини мщения и разрушения — несколько раз повторялось в надписи. Видны были также стрелообразные символы Нергала, бога вавилонского Аида и повелителя мертвых. Часто встречались символы Набу, бога мудрости. Эти три имени были почти единственными различимыми словами на блоке. Как будто кислота времени, изъевшая остальные знаки, эти не могла тронуть.

Кентон читал клинопись почти так же свободно, как родной английский. Он припомнил, что в надписи символы Иштар говорили о ее гневной ипостаси скорее, чем о добной. И всегда сопровождались знаком Набу, одновременно обозначавшим сигнал опасности, предупреждение.

Очевидно, Форсайт этого не заметил — или не счел достойным упоминания в письме. По-видимому, он также не подозревал о таинственном запахе блока.

Что ж, теперь нечего раздумывать о надписи. Она исчезла навсегда с пылью, в которую превратилась.

Кентон нетерпеливо отодвинул стул. Он знал, что весь час тянул время, разрываясь между горячим желанием вернуться в комнату, где находился корабль, и страхом, что когда он туда вернется, все его приключение окажется иллюзией, сном. Что маленькие фигуры на самом

деле не двигались, что они на тех же местах, где и были, когда он впервые увидел корабль, что это всего лишь игрушки — ничего больше... Но довольно тянуть.

— Больше обо мне сегодня не беспокойтесь, Джевинс, — сказал он дворецкому. — У меня важная работа. Если будут звонить, говорите, что меня нет. Я закроюсь, и тревожить меня можно только, если протрубит архангел Гавриил, не меньше.

Старик слуга, полученный Кентоном в наследство от отца, улыбнулся.

— Хорошо, мистер Джон, — сказал он. — Я не позволю никому беспокоить вас.

Путь в комнату с кораблем пролегал через другую, где Кентон держал предметы, приобретенные им в разных отдаленных концах земли. Проходя через нее, он заметил яркое голубое свечение и остановился как вкопанный. Свечение исходило от рукояти меча в одном из шкафов — любопытного оружия, купленного им у одного кочевника в Аравийской пустыне. Меч висел на стянутом плаще, в который он был завернут, когда вороватый араб проскользнул в его палатку. Бесчисленные столетия обесцветили лазурь плаща, на ткани которого извивались большие серебряные змеи, кабалистически переплетенные.

Кентон достал меч. Серебряные змеи, двойники тех, что изображались на плаще, вились вокруг рукояти. От рукояти отходил бронзовый стержень, восьми дюймов в длину и трех в толщину, круглый, как посох. Стержень расширялся и превращался в лезвие в форме листа двух футов в длину и шести дюймов в ширину посередине. В рукоять был посажен большой туманно-синий камень.

Камень больше не был туманным. Он стал полупрозрачным и светился, как огромный сапфир.

Повинуясь неясной мысли, связавшей эту новую загадку и сияние корабля-игрушки, Кентон снял плащ и набросил его себе на плечи. Держа в руке меч, он открыл дверь и закрыл ее за собой на ключ; подошел к завешенному кораблю; снял с него покрывало.

Чувствуя, как сильнее забилось сердце, Кентон отпрянул.

На корабле виднелись лишь две фигуры: барабанщик, сидящий на корточках на черной палубе, положив голову

на руки, и на белой палубе девушка, склонившаяся на перила и смотрящая в трюм.

Кентон выключил электричество и замер в ожидании.

Ползли минута за минутой. Отсветы огней Пятой авеню проникали сквозь занавеси и отражались в корабле. Приглушенно, но отчетливо доносились звуки уличного движения, временами гудки автомобилей — знакомый голос Нью-Йорка.

Что за ореол окутал корабль? И куда делись звуки с улицы?

Комната наполнялась тишиной, как сосуд наполняется водой.

Но вот тишину нарушил звук — звук волн, томный, ласкающий. Звуки гладили, такие усыпляющие, прижи-мали веки. Огромными усилиями он удержал глаза открытыми.

На него кольцами наплывал серебряный туман. В тумане плыл корабль: весла неподвижны, парус едва наполнен ветром. Волны завивались у заостренного носа, светло-бирюзовые, с кружевами пены.

Половина комнаты потерялась в волнах приближающегося моря... та часть, в которой он стоял, находилась на много футов выше волн... они так далеко внизу, что палуба корабля на уровне его ног.

Корабль приближался. Кентон удивился, почему не слышит свиста ветра, грома ураганов — ни звука, кроме слабого шепота увенчанных пеной волн.

Отступая, Кентон уперся спиной в противоположную стену. Перед ним плыл туманный мир, и на его груди — корабль.

Кентон прыгнул, нацеливаясь на палубу.

Вокруг него теперь ревели ветры. Ветры выли и кричали — он их слышал, но совсем не чувствовал. И неожиданно все стихло.

Ноги Кентона коснулись твердой поверхности.

Он стоял на белой палубе, лицом к розовой каюте, чьи маленькие цветущие деревья были полны воркующих голубей с алыми кловами и зелеными лапами. Между ним и дверью каюты стояла девушка, мягкие карие глаза полны удивления и того же недоверия, какое он видел в глазах Шарейн, когда та впервые увидела его у изумрудной мачты.

— Ты повелитель Набу, что явился из воздуха, в его плаще мудрости, на котором вьются его змеи? — прошептала девушка. — Но этого не может быть — Набу очень стар, а ты молод. Ты его посланец?

Она опустилась на колени, сложила руки ладонями наружу над лбом. Потом вскочила и побежала к закрытой двери каюты.

— Кадишту! — она кулаком ударила по двери. — Святая, вестник от Набу!

Дверь каюты распахнулась. На пороге стояла женщина — Шарейн. Взгляд ее упал на Кентона, потом — на черную палубу. Он тоже посмотрел туда. Там на корточках сидел барабанщик; казалось, он спит.

— Карапуль, Саталу! — сказала Шарейн девушке.

Она схватила Кентона за руку и втащила его в дверь. Там были еще две девушки. Они уставились на Кентона. Шарейн вытолкнула их.

— Наружу! — прошептала она. — Наружу и помогите Саталу.

Они выскользнули из каюты. Шарейн подбежала к другой, внутренней, двери, ведущей во вторую часть каюты, и закрыла ее на затвор.

Потом повернулась и медленно подошла к Кентону. Протянула к нему тонкие пальцы, коснулась ими его глаз, губ, груди — как будто хотела убедиться, что он реален.

Взяла его руки в свои, прижалась к ним лбом, волны ее волос окутали его. Волосы ее — золотая сеть, в которую устремилось его сердце.

Она подняла голову, посмотрела на него.

— Что повелитель Набу хочет сказать мне? — голос ее поразил Кентона опасной мягкостью. — Каковы его слова ко мне, посыльный? Я готова слушать — в своей мудрости повелитель Набу прислал посыльного, которого легко... слушать.

В голосе ее звучало легкое кокетство, в обращенных к нему туманных глазах — озорство.

Потрясенный близостью к ней, в поисках прочной почвы, Кентон пытался найти слова ответа. Стارаясь выиграть время, он осмотрелся. В дальнем конце каюты алтарь. Он вышил блестящими жемчужинами, перламутровыми и бледными лунными камнями, застывшим молочным хрусталем. Перед алтарем семь хрустальных бассейнов, из них

поднимается неподвижное серебряное пламя. За алтарем ниша, но свет семи огней скрывает ее содержимое. У Кентона появилось смутное ощущение, что в алтаре кто-то прячется.

В дальнем конце каюты — низкий широкий диван слоновой кости, выложенный молочным хрусталем и укращенный золотыми арабесками. Серебряные шпалеры покрывают стены, многоцветные, вышитые цветами. Мягкие глубокие серебристые ковры покрывают пол каюты, на коврах — груды подушек. Сзади и слева открыты два широких низких окна, сквозь них струится серебряный свет.

На подоконник села птица, снежно-белая, с алым клювом и лапками; посмотрела на Кентона, прихорашиваясь, проворковала и улетела.

Мягкие ладони коснулись его, лицо Шарейн было близко, в глазах теперь — глубокое сомнение.

— Ты на самом деле от Набу? — спросила она и ждала ответа; а он по-прежнему не знал, что сказать. — Ты должен быть посланником, — она запнулась, — иначе... как ты мог оказаться на борту корабля Иштар?... И ты одет в плащ Набу... у тебя его меч... я много раз видела его в храме в Уруке... и я так устала от этого корабля, — прошептала она. — Я хочу снова увидеть Вавилон! О, как я хочу в Вавилон!

Теперь Кентон нашел нужные слова.

— Шарейн, — смело сказал он, — у меня есть послание для тебя. Это правда, а наш повелитель Набу — бог правды, поэтому послание должно быть от него. Но прежде чем я сообщу его тебе, расскажи мне — что это за корабль?

— Что за корабль? — она отпрянула, теперь все ее лицо выражало недоверие. — Но если ты действительно от Набу, ты должен это знать!

— Не знаю, — ответил он. — Не знаю даже значения того послания, которое несу — расшифровать его должна ты. Но я здесь, на корабле, перед тобой. И своими ушами я слышал приказ — приказ самого Набу — я не должен говорить, пока ты не расскажешь мне, что это за корабль.

Некоторое время она стояла, разглядывая его, изучая.

— Неисповедимы пути богов, — вздохнула она наконец. — Трудно их понять. Но — я повинуюсь.

4. Грех Зарпанит

Шарейн опустилась на диван и поманила Кентона к себе. Положила руку ему на сердце. Сердце забилось от ее прикосновения, она тоже почувствовала это и слегка отодвинулась, улыбаясь, глядя на него сквозь полуоткрытые загнутые ресницы. Подогнула под себя стройные ноги в сандалиях, зажала белые руки меж круглых коленей. А когда заговорила, голос ее звучал негромкой музыкой.

— Расскажу тебе о грехе Зарпанит, о ее прегрешении против Иштар; Иштар — могучей богини, матери богов и людей, повелительницы неба и земли — которая любила ее.

Главной жрицей Иштар в ее Большом доме в Уруке была Зарпанит. Кадишту — святая, была она. А я, Шарейн, родом из Вавилона, стояла к ней ближе всех, была ее главной помощницей; она любила меня, как ее любила Иштар. Через Зарпанит богиня давала свои советы и предупреждения, награждала и наказывала — и царей, и простых людей. В теле Зарпанит приходила богиня в свой храм, видела глазами Зарпанит, говорила ее устами.

Храм, в котором мы жили, назывался Домом семи богов. В нем было святилище Сина, бога богов, живущего на Луне; Шамаша, сына Сина, чей дом на Солнце; Набу, повелителя мудрости; Ниниба, повелителя войн; Нергала, Темного, безрогого правителя мертвых; и Бела-Мардука, великого повелителя. Но прежде всего это был дом Иштар, здесь она правила — это было ее святилище.

Из Гутава, на севере, из храма, в котором темный Нергал правил так же, как в Уруке правила Иштар, приехал в Дом семи богов жрец, чтобы стать главным жрецом храма Нергала. Звали его Алусар — и как Зарпанит была близка к Иштар, так он был близок к Нергалу. Нергал проявлял себя через Алусара, говорил через него и временами жил в нем, как жила иногда в Зарпанит Иштар. Вместе с Алусаром прибыла свита жрецов, и среди них это порождение слизи Нергала — Кланет.

Кланет был так же близок к Алустару, как я — к Зарпанит.

Шарейн подняла голову и сузившимися глазами посмотрела на Кентона.

— Я узнала тебя! — воскликнула она. — Ты недавно лежал на корабле и следил за моей борьбой с Кланетом. Я узнала тебя, хоть тогда на тебе не было этого плаща и меча; и ты исчез, когда я смотрела на тебя.

Кентон улыбнулся ей.

— У тебя было испуганное лицо, — сказала она. — Ты смотрел на меня испуганными глазами — и бежал!

Она привстала. Он видел, что ее вновь охватило сомнение; презрение в ее голосе вызвало в нем вспышку гнева. Он привлек ее к себе.

— Я был тот человек, — сказал он. — И не моя вина, что я исчез, я вернулся, как только смог. И твои глаза обманули тебя. Никогда больше не думай, что я тебя боюсь! Посмотри мне в глаза! — яростно сказал он.

Она смотрела — долго; вздохнула и отклонилась, снова вздохнула и томно качнулась к нему. Его руки обхватили ее.

— Довольно, — она отвела их. — Я не тороплюсь читать в глазах незнакомцев. Но беру свои слова назад — ты не боялся. И не сбежал! Теперь я в тебе не буду сомневаться. Да будет так!

— Между Иштар и Нергалом, — продолжала она прерванный рассказ, — существуют и всегда должны существовать ненависть и борьба. Потому что Иштар — созидательница жизни, а Нергал — ее уничтожитель. Она возлюбленная добра, он возлюбленный зла. И как же можно соединить небо и ад, жизнь и смерть, добро и зло?

И все же она, Зарпанит, кадишту, святая жрица Иштар, ее любимица, соединила все это. Там, где ей следовало отвернуться, она посмотрела с вожделением; там, где нужно было ненавидеть, она — любила!

Да, жрица повелительницы жизни полюбила Алусара, жреца-повелителя смерти! Ее любовь была ярким пламенем, в котором она видела его и только его. Будь Зарпанит самой Иштар, она ради Алусара пошла бы в жилище мертвых, как поступила богиня ради своего возлюбленного Таммуза, — чтобы забрать его оттуда или жить там с ним.

Да, даже жить с ним там, в холодной тьме, где медленно передвигаются мертвые, перекликаясь слабыми птичьими голосами. В холода царства Нергала, в голоде его жилища, в черноте его города, где самая глубокая тень земли как солнечный луч, Зарпанит была бы счастлива — зная, что она с Алусаром.

Так сильно она любила его!

Я помогала ей в ее любви — ради любви к ней, — шептала Шарейн. — Но Кланет всегда был рядом с Алусаром, ожидая шанса предать его и самому занять его место. А Алусар верил ему. И вот настала ночь...

Шарейн замолчала, лицо ее казалось изможденным от ужаса воспоминаний.

— Настала ночь... ночь, когда Алусар лежал с Зарпанит... в ее комнате. Он обнимал ее... она обнимала его... губы их соприкасались...

И в эту ночь спустилась с неба Иштар и вселилась в нее!..

И в то же мгновение из своего темного города явился Нергал... и вселился в Алусара...

И в объятиях друг друга, глядя друг другу в глаза, охваченные огнем смертной любви... были... Иштар и Нергал... небо и ад... душа жизни слилась с душой смерти!

Шарейн задрожала и заплакала, прошли долгие минуты, прежде чем она снова смогла заговорить.

— И тут же двое обнявшихся были оторваны друг от друга. Мы были подхвачены ураганом, ослеплены молниями, обожжены и избиты о стены. А когда пришли в себя, вокруг были все жрецы и жрицы всех семи храмов. И грех перестал быть тайной!

Да, и даже если бы Иштар и Нергал... не встретились... грех все равно стал бы известен. Потому что Кланет, который должен был стоять на страже, предал их и привел всю свору.

Да будет проклят Кланет! — Шарейн высоко подняла руки, и ее ненависть ударила Кентона, как языком пламени. — Пусть Кланет вечно ползает слепой в холодной черноте жилища Нергала! Но богиня Иштар! Гневная Иштар! Отдай сначала его мне, чтобы я сама послала его туда!

5. Как рассудили боги

Некоторое время, — продолжала Шарейн, — мы лежали во тьме, Зарпанит и я, а об Алусаре мы ничего не знали. Велик был грех этих двоих, и я разделяла его. Долго пришлось нам ждать решения своей судьбы. Я, как могла, утешала ее — я ее любила и о себе не думала, а сердце ее готово было разбиться: она ведь ничего не знала о нем, о том, которого любила.

Потом настала ночь, когда за нами пришли жрецы. Они вытащили нас из темницы и молча отвели к входу в Ду-Аззага, бриллиантовый зал, зал совета богов. Здесь были другие жрецы с Алусаром. Вход боязливо открыли и нас троих втолкнули внутрь.

И тут я впервые упала духом, я испугалась и почувствовала, как рядом дрожит Зарпанит.

Потому что Ду-Аззага была полна светом, а на месте изображений богов были сами боги! Скрытые сверкающим облаком, боги глядели на нас. А на месте Нергала была тьма.

Из сияющего лазурного тумана перед алтарем Набу донесся голос повелителя мудрости.

— Велик твой грех, женщина, — произнес этот голос, — и твой, жрец, так велик, что обеспокоил даже нас, богов! Что вы можете сказать; прежде чем мы вас накажем?

Голос Набу звучал холодно и бесстрастно, как свет далеких звезд, — и все же в нем было понимание.

И тут вспыхнула моя любовь к Зарпанит, я ухватилась за нее, и она придала мне силы; я чувствовала, как распрямляется ее непокорная душа, любовь стала ее щитом. Она не ответила — только протянула руки к Алусару. И его любовь проявилась бесстрашно, как и ее. Он обнял ее.

Их губы встретились — и боги-суды были забыты!

Тогда снова заговорил Набу.

— В этих двоих пламя, которое никто, кроме Иштар, не может погасить; и вряд ли даже она сможет.

При этих словах Зарпанит отвела руки своего возлюбленного, подошла к сиянию, скрывавшему Иштар, поклонилась и обратилась к ней:

— Да, о мать, разве ты не мать огня, который мы зовем любовью? Разве не ты создала любовь и, как факел, утвердила ее над хаосом? И разве ты не знаешь, какова сила любви? Любовь, созданная тобой, пришла незваной в этот храм, в мое тело, которое было твоим и все еще им остается, хотя ты от него отказалась. Разве моя вина, что любовь оказалась такой сильной, что взломала двери твоего храма; разве моя вина, что любовь ослепила меня и дала видеть лишь того, в ком она сияет? Ты создательница любви, о Иштар, и если ты хотела, чтобы ее можно было победить, почему ты сделала ее такой могучей? И если любовь стала сильнее, чем ты ее создавала, можно ли винить нас, мужчин и женщин, если даже ты не можешь справиться с нею? И даже если любовь не сильней тебя, ты сделала ее сильней человека. Поэтому наказывай любовь, свое creation, а не нас, о Иштар!

Молчание богов нарушил повелитель Набу.

— В ее словах правда. Огонь, который горит в них, известен тебе лучше, чем нам, о Иштар. Поэтому отвечать должна ты.

Из-за сверкающей вуали донесся голос богини, мягкий, но в то же время гневный:

— Есть правда в том, что ты говоришь, Зарпанит, которую я некогда называла дочерью. Из-за этой правды я сдержу свой гнев. Ты спрашиваешь, сильнее ли любовь меня, ее создательницы. Мы узнаем это! Ты и твой возлюбленный будете жить в некоем месте, открытом только для вас. Вы вечно будете вместе. Вы сможете смотреть друг на друга, глаза ваши будут встречаться — но никогда руки или губы! Вы сможете говорить друг с другом — но никогда об этом пламени, называемом любовью! Ибо когда оно вспыхнет и повлечет вас друг к другу, я, Иштар, вселюсь в тебя, Зарпанит, и вступлю с нею в бой! И это будет незнакомая тебе Иштар. Это будет та моя ипостась, которую люди называют Гневной, Уничтожительницей, — она овладеет тобой. И так будет до тех пор, пока пламя ее в тебе не погаснет!

Голос Иштар смолк. Остальные боги сидели молча. Потом из тьмы алтаря Нергала донесся голос повелителя смерти!

— Так говоришь ты, Иштар! А я, Нергал, говорю тебе — я с этим человеком, моим жрецом. Не могу сказать,

что я им недоволен: благодаря ему я так близко заглянул в твои глаза, о мать жизни! — Тьма задрожала от хохота. — Я буду с ним и встречусь с тобой, Иштар-Разрушительница! Да, с искусством, достойным твоего, и с силой не меньшей, чем твоя, — пока я, а не ты, загашу это пламя. Потому что в моем жилище такого пламени нет — и я погашу его, чтобы моя тьма не испугалась, когда эти двое наконец попадут ко мне!

И снова хохот сотряс черное облако, а сияние, скрывавшее богиню, задрожало от ее гнева.

А мы трое слушали в отчаянии — наши несчастья усугублялись, когда мы слышали этот разговор Темного Безрогого с Матерью неба.

Снова послышался голос Иштар, еще тише:

— Да будет так, Нергал!

Остальные боги продолжали молчать; и мне показалось, что за своими покровами они искоса смотрят друг на друга. Наконец послышался бесстрастный голос Набу:

— А как эта другая женщина?..

Нетерпеливый ответ Иштар:

— Ее судьба будет связана с судьбой Зарпанит. Она будет в свите Зарпанит, там, куда она отправляется.

Снова голос Набу:

— Жрец Кланет — он свободен?

— Что? Разве у Алусара не будет своей свиты? — насмешливо спросил Нергал. — Нет, Кланет и другие будут с Алусаром.

И снова мне показалось, что боги поглядывают друг на друга; потом Набу спросил:

— Так ли, Иштар?

И Иштар ответила:

— Да будет так!

Ду-Аззага потемнела, мы были одни.

Проснувшись, мы оказались на этом корабле, в этом странном море, в странном мире, и все, что провозгласили боги в Ду-Аззаге, осуществилось. С Зарпанит и мною были пять храмовых девушки, которых она любила. А с Алусаром был Кланет и свора черных жрецов. У нас были гребцы, крепкие храмовые рабы, — по двое на каждое весло. Корабль был прекрасен, и боги позаботились, чтобы в нем было все необходимое.

На мгновение в глазах ее вспыхнуло пламя гнева.

— Да, — сказала она, — добрые боги устроили нас удобно — и спустили этот корабль в странное море этого странного мира как поле битвы любви и ненависти, как арену, на которой сражаются Гневная Иштар и Темный Нергал, как камеру пыток для своих любимых жрицы и жреца.

Зарпанит проснулась в этой каюте — с именем Алусара на устах. Она выбежала из двери, а из черной каюты, призывая ее, вышел Алусар. Я видела, как она добежала до линии, разделяющей корабль, там, где встречаются белая и черная палубы, — и вот ее отбросило назад, как чьими-то руками. Потому что там барьер, вестник, барьер, созданный богами, и никто из нас на корабле не может преодолеть этот барьер. Но ведь тогда мы ничего не знали об этом. И Алусар тоже был отброшен назад.

И вот, когда они встали, протягивая друг к другу руки, пытаясь коснуться друг друга, в Зарпанит вселилась Иштар, Гневная Иштар, Иштар-Разрушительница, а вокруг Алусара собралось темное облако и скрыло его. А когда оно рассеялось, вместо лица Алусара смотрело лицо Нергала, повелителя смерти!

Так и было — как установили боги. И вот бессмертные двойники в теле смертных, любивших друг друга, сражались, ненавидели, а рабы в трюме цеплялись за весла и сходили с ума или падали без сознания при виде этого ужаса. А храмовые девушки падали на палубу или бежали, зажав уши, в каюту, чтобы ничего не видеть. И только я не кричала и не бежала — тот, кто однажды видел богов в Ду-Аззаге, больше никогда ничего не боится.

Как долго это продолжалось, я не знаю; в этом месте, кажется, нет времени; здесь нет ни дня, ни ночи, какими мы знали их в Вавилоне.

Снова и снова Зарпанит и Алусар стремились встретиться, и снова, и снова Гневная Иштар и Темный Нергал отбрасывали их друг от друга. Много хитостей знает повелитель тьмы, и бесчисленно его оружие. Много искусств у Иштар, и разве не всегда полон ее колчан? Вестник, я не знаю, сколько выдержала эта пара. Но все время пытались они разорвать преграду, влекомые своей любовью. И всегда...

Пламя в них продолжало гореть, — прошептала Шарейн. — Ни Нергал, ни Иштар не могли приглушить его. Их любовь делалась все сильнее. И вот настал день...

Это было в середине схватки. Иштар овладела Зарпанит и стояла там, где начинается трюм. Нергал вселился в Алусара и бросил свою темную сеть через яму на сверкавшую молниями богиню.

И тут, сидя скорчившись у входа в каюту, я увидела, как померкло сияние Иштар. Лицо Иштар стало расплываться и блекнуть, и на его месте показалось лицо Зарпанит.

Тьма, окружавшая повелителя мертвых, просветлела, как будто внутри нее вспыхнуло сильное пламя.

И тут Иштар сделала шаг к барьеру, разделявшему палубы, и еще шаг, и еще. Но мне показалось, что не по своей воле она движется. Нет! Она шла спотыкаясь, неохотно, как будто кто-то сильнее ее подталкивал ее вперед. И так же двигался Нергал внутри своей тени навстречу ей.

Они все ближе подходили друг к другу. А сияние Иштар все меркло и меркло. И тьма, окутывавшая Нергала, все светлела и светлела. И вот медленно, вопреки своей воле, но неумолимо они приближались друг к другу. Я видела, как сквозь маску Нергала просвечивает лицо жреца Алусара.

Медленно, медленно белые ноги Зарпанит несли Иштар к барьеру; и медленно, медленно, как и она, шел ей навстречу Алусар. И они встретились!

Руки их соединились, губы соприкоснулись, и побежденные бог и богиня покинули их.

Они поцеловались и упали. Упали на палубу — мертвые. Мертвые, в объятиях друг друга.

Не победили ни Иштар, ни Нергал! Нет! Победила любовь — любовь мужчины и любовь женщины. Победившее бога и богиню пламя освободилось!

Жрец упал по нашу сторону барьера. Мы не разнимали их объятий. Опустили их в воду вместе, лицом к лицу.

И я побежала навстречу Кланету — чтобы убить его. Но я забыла, что ни Иштар, ни Нергал не победили друг друга. И вот в меня вселилась богиня, а в Кланета — Нергал. И как раньше, они сражались друг с другом. И снова, как и раньше, невидимый барьер был непреодолим, отделяя тех, кто на белой палубе, от тех, кто на черной.

Но я была счастлива, потому что знала — боги забыли о Зарпанит и Алусаре. Для них двоих битва кончилась.

Ни Гневная Иштар, ни Нергал больше не думали о своих жрице и жреце — в моем теле и теле Кланета они могли продолжать свою борьбу за обладание кораблем...

И вот мы плывем — и боремся, плывем — и боремся... Как долго, я не знаю. Много, много лет должно было пройти с того времени, как я видела богов в Уруке, но посмотри, я все еще молода, все еще хороша! По крайней мере так говорит мне зеркало, — и она вздохнула.

6. Я — ~~ее~~ женщина!

Кентон сидел молча, не отвечая. Она молода и хороша, ка Урук и Вавилон уже тысячи лет лежат в развалинах!

— Скажи мне, — услышал он ее голос, — по-прежнему ли храм в Уруке славится между народами? А Вавилон по-прежнему ли гордится своим господством?

Он молчал, в нем боролись вера в то, что он в каком-то чужом, незнакомом мире, и здравый смысл.

А Шарейн, с обеспокоенным лицом, смотрела на него все с большим и большим сомнением. Она отскочила от него и стояла дрожа, как гневное лезвие в прекрасных ножнах.

— Ты принес мне послание? — воскликнула она. — Говори — и быстро!

Женщина из мечты, женщина из древнего волшебства, для Шарейн у него был только один ответ — правда.

И Кентон рассказал ей правду, начав с появления каменного блока из Вавилона в его доме. Он не упускал ни одной подробности, чтобы ей стало понятней. Она слушала, не отрывая от него взгляда, она упивалась его словами — удивление сменялось на ее лице недоверием, а потом гневом, отчаянием.

— Даже место, где находился древний Урук, забыто, — закончил он. — Дом семи богов — теперь груда песка. А Вавилон, великий Вавилон, уже тысячи лет как сровнялся с землей!

Она вскочила на ноги — вскочила и бросилась на него, глаза ее сверкали, рыже-золотые волосы развевались.

— Лжец! — закричала она. — Лжец! Теперь я знаю — ты посланец Нергала.

В ее руке сверкнул кинжал; он успел перехватить ее руку, боролся с ней, отбросил ее на диван.

Она ослабла, почти потеряла сознание в его руках.

— Урук превратился в пыль! — всхлипывала она. — Храм Иштар — пыль! Вавилон — пустыня! И Саргон Аккадский умер шесть тысяч лет назад, ты говоришь — шесть тысяч лет! — Она задрожала, вырвалась из его объятий. — Но если это так, то кто же я? — шептала она побледневшими губами. — Кто — я? Шесть тысяч лет и больше прошло с моего рождения, а я — жива! Кто же я?

Ее охватил страх, глаза ее потускнели, она ухватилась за подушки. Он склонился к ней, она обняла его белыми руками.

— Я жива? — воскликнула она. — Я — человек? Я — женщина?

Ее мягкие губы умоляюще прижались к его губам, аромат ее волос окутал его. Она держала его, прижимаясь своим стройным телом, в крайнем отчаянии. И он почувствовал, как сильнее бьется его сердце. И между поцелуями она шептала:

— Разве я не женщина? Я не живая? Скажи мне, разве я не жива?

Желание охватило его, он отвечал ей поцелуем на поцелуй и в то же время понимал, что не мгновенная любовь и не страсть бросили ее в его объятия.

За ее ласками стоял ужас. Она боялась — страшилась пропасти глубиной в шесть тысяч лет между ее жизнью и его. Цепляясь за него, она хотела увериться в себе. Она ухватилась за последнее оружие женщины — первичное назначение женщины — уверенность в своей женственности, в том, что ее желают.

Нет, поцелуи, обжигавшие его губы, должны были убедить не его — ее самое.

Но ему было все равно. Она была в его объятиях. Он отвечал поцелуем на поцелуй.

Она оттолкнула его, вскочила на ноги.

— Значит, я женщина? — торжествующе спросила она. — Женщина — и живая?

— Женщина! — хрипло ответил он, все его тело дрожало. — Живая! Господи, да!

Она закрыла глаза, глубоко вздохнула.

— Это правда, — воскликнула она, — и это единственная правда из всего сказанного тобою. Нет, теперь молчи, — остановила она его. — Если я женщина и жива, отсюда следует, что все сказанное тобою — ложь. Я не могу быть живой, если с того момента, как я ступила на этот корабль, прошло шесть тысяч лет и Вавилон превратился в пыль. Ты лживая собака! — закричала она и украшенной кольцами рукой ударила Кентона по губам.

Кольца глубоко поранили его. Кентон упал, ошеломленный и болью, и неожиданным изменением ее поведения, а она раскрыла внутреннюю дверь.

— Луарда! Атнал! Все!! — гневно призывала она. — Быстро! Свяжите эту собаку! Свяжите его, но не убивайте!

Из каюты вырвались семь девушек-воинов, в коротких юбках, обнаженные по пояс, в руках они держали легкие копья. Они набросились на него. И в то же время Шарейн вырвала у него из руки меч Набу.

И вот юные ароматные тела окружили его кольцом женской плоти, мягкой, но неразрывной, как сталь. На голову ему набросили синий плащ, обернули вокруг шеи. Кентон очнулся от оцепенения — очнулся с гневным криком. Высвободился, сорвал плащ, прыгнул к Шарейн. Но гибкие тела двигались быстрее, девушки заслонили Шарейн от него. Они кололи его копьями, как матадор колет нападающего быка. Назад и назад теснили они его, рвали одежду, там и тут показалась кровь.

И сквозь эту пытку он слышал ее хохот.

— Лжец! — насмехалась она. — Лжец, трус и глупец! Орудие Нергала, посланное сюда с лживой вестью, чтобы поколебать мое мужество! Назад к Нергалу вернешься ты с другой вестью!

Девушки, опустив копья, как одна, бросились вперед. Они вцепились в него, обхватили руками и ногами, увлекли вниз. Выкрикивая проклятия, молотя кулаками, пинаясь — больше не думая, что перед ним женщины, — Кентон боролся с ними. Ногой он зацепился за перемычку двери розовой каюты. И упал, таща за собой этих диких кошек. Продолжая драться, они выкатились за дверь.

Сзади послышался крик, предупреждение Шарейн — какой-то резкий приказ. Державшие его руки и ноги разжались, девушки отступили.

Всхлипывая от гнева, Кентон вскочил на ноги. И увидел, что находится совсем рядом с чертой, разделяющей белую и черную палубы. Он подумал, что именно поэтому Шарейн отзовала своих фурий: они подкатились слишком близко к загадочной преграде.

Снова он услышал ее смех. Она стояла на галерее с маленькими цветущими деревьями, голуби вились над нею. В руках ее был меч Набу; она насмешливо подняла его.

— Эй, лживый посланец! — насмехалась Шарейн. — Эй, собака, побитая женщинами! Иди, возьми свой меч!

— Иду, черт тебя побери! — крикнул он и прыгнул вперед.

Корабль покачнулся. Потеряв равновесие, Кентон откинулся назад и перекатился через линию, разделяющую белую и черную палубы. Перекатился — невредимый!

Что-то в глубине его сознания отметило этот факт, отметило его чрезвычайную важность. Как бы велика ни была власть барьера, на Кентона она не распространялась. Он подготовился прыгнуть назад на белую палубу.

— Остановите его! — послышался голос Кланета.

И посредине прыжка его схватили за плечо и повернули длинные мускулистые пальцы. Он смотрел в лицо барабанщика. Когти барабанщика подняли его и, как щенка, швырнули назад.

Тяжело дыша, как рассерженный щенок, Кентон с трудом удержался на ногах. Вокруг него смыкалось кольцо людей в черной одежде, со смертельно-бледными, невыразительными лицами, со сжатыми кулаками. За этим кольцом стоял воин с красной бородой и агатовыми глазами; а рядом с ним Черный жрец.

Но Кентон не обратил на них внимания. Он ринулся вперед. Черные одеяния сомкнулись над ним, охватили его, прижали к палубе.

Корабль снова качнулся, на этот раз сильнее. Кентон, сбитый с ног, скользнул в сторону. Его накрыло волной. Руки, державшие его, разжались. Другая волна подняла его и захлестнула с головой. Он погрузился глубоко; отчаянно устремился к поверхности; протер глаза и искал корабль.

Ревел ветер. Подгоняемый ветром, корабль быстро удалялся — он был уже в ста ярдах. Кентон закричал и поплыл к нему. Парус спустили, весла ожили, стремясь удержать корабль против ветра. Но корабль продолжал удаляться все быстрее и быстрее.

Он затерялся в серебристом тумане.

Кентон перестал бороться; плыл, затерянный в неведомом мире.

Его ударило волной; он вынырнул, давясь водой. Морская пена хлестала его. Он услышал гром прибоя, свист волн, разбиваемых скалами. Его подхватила другая волна. Удерживаясь на ее вершине, он увидел прямо перед собой желтый утес, поднимающийся из груды огромных камней, на которые с ревом накатывались волны, брызгая фонтанами пены.

Огромная волна подняла его и бросила на желтый столб.

Толчок оказался не сильнее, чем прикосновение к паутине. Несколько мгновений ему казалось, что он несется сквозь мягкую густую тьму. И с ним несется рев ураганов. Неожиданно движение прекратилось, шум ураганов стих.

Он лежал навзничь, пальцы его сжимали какую-то жесткую ткань, которая упрямо рвалась из рук. Он перекатился, вытянул руки, одна из них коснулась холодного полированного дерева. Он сел...

Он снова был в своей комнате!

Кентон с трудом встал и, ошеломленный, стоял, покачиваясь. Что это за темное пятно у его ног? Вода — вода, капающая с него, странного цвета — чуть красноватая.

Он понял, что вся его одежда промокла. Лизнул губы — соленые. Одежда его изорвана, с нее каплет соленая вода.

А из десятка ран течет кровь и смешивается с водой.

Он, спотыкаясь, двинулся к игрушечному кораблю. На черной палубе несколько кукол, наклоняясь через борт, смотрят в воду.

На галерее над розовой каютоей крошечная фигурка...

Шарейн!

Он коснулся ее — алмазно твердая, алмазно холодная, игрушка!

И все же — Шарейн!

Его сотрясла вернувшаяся волна безумного гнева. Вспомнив ее смех, Кентон бранился, искал, чем бы ударить по кораблю, разбить его на куски. Никогда больше Шарейн не будет смеяться над ним!

Он схватил за ножку тяжелый стул, поднял его над головой и на мгновение задержал, прежде чем обрушить на корабль...

И вдруг ощутил на губах медовый вкус ее поцелуев — поцелуев Шарейн!

Стул выпал из его рук.

— Иштар! Набу! — прошептал он и упал на колени.
— Отправьте меня назад на корабль! Иштар! Делай со мной что хочешь — только верни на свой корабль!

7. Раб на корабле

Ответ пришел быстро. Кентон услышал далекий рев прибоя, постоянно бьющего о скалистый берег. Рев становился громче.

С грохотом волн передняя стена его комнаты исчезла. Там, где была стена, возвышалась вершина огромной волны. Волна перекатилась через Кентона, подняла его, унесла далеко; и выбросила, хватающего воздух.

Он плыл по поверхности бирюзового моря.

Корабль находился близко. Близко! Его закругленный нос пронесся рядом с головой Кентона, пролетел мимо. Золотая цепь свисала с него, рассекая вершины волн. Кентон попытался ухватиться за нее — и промахнулся.

Он упал в воду. Мимо него быстро двигался сверкающий корпус корабля. Он снова поднялся над водой. С корпуса свисала другая цепь — черная цепь свисала с кормы, рассекая волны.

Он ухватился за цепь. Море хватало его за ноги. Он крепко держался. Перехватываясь руками, осторожно подтянулся. Теперь он находился на уровне фальшборта. Медленно поднял голову и заглянул на палубу.

К нему протянулись длинные руки, схватили за плечи, подняли, швырнули на палубу, прижали к ней. Вокруг ног обвился ремень, руки были прижаты к бокам.

Он смотрел в лицо с лягушачьим ртом — лицо барабанщика. А из-за широченных плеч барабанщика виднелось белое лицо Кланета. Послышался его голос:

— Неси его, Джиджи.

Барабанщик поднял его легко, как ребенка, и в своих огромных руках пронес в черную каюту.

Тут он поставил его на ноги и с любопытством оглядел. С таким же любопытством его разглядывали агатовые глаза краснобородого воина и бледные глаза Кланета.

Кентон в свою очередь разглядывал этих троих. Сначала черный жрец — массивный, со слоновыми мускулами. Кожа бледная, словно кровь в нем течет слишком глубоко, чтобы оживить плоть; лицо Нерона, вылепленное из холодной глины онемевшими пальцами.

Затем Джиджи — барабанщик. Лягушачье лицо с заостренными ушами; короткие согнутые ноги; торс гиганта; с огромных плеч свисают длинные мускулистые обезьяничьи руки, силу которых испытал на себе Кентон; в углах рта улыбка. Что-то в нем от древних богов земли, что-то от Пана.

Рыжебородый — перс из того времени, когда орды персов были для всего мира тем же, чем позже стали легионы Рима. Так рассудил Кентон по короткой кольчуге, по ногам в шелке, по высоким ботинкам со шнурковкой, по изогнутым кинжалам и ятагану на украшенном драгоценностями поясе. Человек, как и сам Кентон. Ни кладбищенского запаха Кланета, ни гротескности Джиджи. Полные красные губы над тщательно подстриженной бородой — чувственные, полные любви к жизни; тело плотное и мускулистое; лицо белее, чем лицо Кентона. Но лицо мрачное, на нем глубоко отпечатались тоска, скука, так что даже любопытство, вызванное появлением Кентона, не изменило его тоскливого выражения.

Перед ним находилась широкая плита из красного железняка. У ее края склонились шесть жрецов, поклоняясь чему-то, стоящему в нише над плитой. Что это было, он не мог сказать, — но это что-то дышало злом. Немного больше человека, это что-то в нише было черным и бесформенным, как будто сделано из свернувшихся теней. Оно дрожало, пульсировало — как будто тени,

из которых оно состояло, постепенно сгущались вокруг него, проникали внутрь и сменялись другими.

Мрачной была эта каюта, стены сумрачные, из тусклого черного мрамора. Другие тени цеплялись за темные стены, сгущались в углах. Казалось, они только ждут приказа, чтобы сгуститься еще больше.

Нечестивые тени — подобные тем, что собирались в нише.

В глубине, как и в каюте Шарейн, находилось другое помещение, у входа в него толпился с десяток жрецов в черной одежде с бледными лицами.

— Возвращайтесь на место, — обратился к ним Кланет, нарушив молчание.

Они выскользнули из каюты. Черный жрец закрыл за ними дверь. Он коснулся ближайшего из стоявших на коленях.

— Вы достаточно восхваляли нашего повелителя Нергала, — сказал он. — Смотрите — он принял ваши молитвы.

Кентон посмотрел на существо в нише. Оно больше не было туманным. Теперь оно вырисовывалось ясно и четко. У него было тело человека, а на лице виднелось то же злобное выражение, которое Кентон видел на лице Черного жреца во время первого своего приключения.

Лик Нергала — повелителя смерти!

А что же за свернувшиеся дрожащие тени обволакивали статую?

Он чувствовал, что Кланет украдкой изучает его. Трюк! Трюк, чтобы испугать его! Он спокойно встретил взгляд жреца, улыбнулся.

Перс рассмеялся.

— Эй, Кланет, — сказал он. — Твоя стрела пролетела мимо. Может, этот незнакомец видел такие вещи раньше. Может, он сам колдун и может делать кое-что похлеще. Измени игру, Кланет.

Он зевнул и уселся на низком стуле. Лицо Черного жреца стало еще мрачнее.

— Лучше помолчи, Зубран, — ответил он. — Иначе Нергал изменит свою игру с тобой и навсегда уничтожит твое неверие.

— Неверие? — повторил перс. — О, Нергал вполне реален. Не неверие раздражает меня, а вечное однообразие. Неужели ты не можешь сделать что-нибудь новое,

Кланет? Может ли Нергал сделать что-нибудь новое? Изменить игру со мной, а? Клянусь Ариманом, именно этого я и жду от него, если он, конечно, может.

Он снова нарочито зевнул. Черный жрец что-то проворчал, повернулся к шести помощникам.

— Идите, — приказал он, — и пришлите ко мне Зачеля.

Они гуськом вышли через внешнюю дверь. Черный жрец опустился на другой стул, изучая Кентона; баранщик сидел на корточках, тоже глядя на него; перс что-то бормотал про себя, играя рукоятью кинжала. Дверь раскрылась, и в ней появился жрец. В одной руке он держал длинный хлыст, змеиный конец которого, увенчанный металлом, был много раз свернут вокруг его руки. Он поклонился Кланету.

Кентон узнал его. Когда он лежал на палубе у мачты, он видел этого человека: тот сидел на высокой платформе у основания мачты. Зачель был надсмотрщиком рабов галеры, гребцов, а длинный хлыст был рассчитан на то, чтобы достать до любого раба, хоть немного замешкавшегося.

— Этого ли человека ты видел на палубе несколько сров назад? — спросил Кланет. — Он лежал на палубе и, как ты рассказывал, исчез в тот момент, когда шлюха Иштар вон оттуда склонилась к нему.

— Он самый, господин, — ответил надсмотрщик, подходя ближе к Кентону и рассматривая его.

— Куда же он тогда исчез? — спросил Кланет скорее самого себя. — В каюту Шарейн? Но если так — почему она выгнала его, а ее кошки вцепились в него когтями? А откуда меч, которым она размахивала и звала его вернуться за мечом? Я знаю этот меч...

— Он не ушел тогда в каюту, хозяин, — прервал его Зачель. — Я видел, как она его искала. Она вернулась в кабину одна. Он исчез.

— И его прогнали два сна назад, — продолжал размышлять Кланет. — Корабль с тех пор непрерывно двигался. Мы видели, как он боролся с волнами далеко позади нас. Но вот он снова на корабле — и раны его совсем свежие, все еще кровоточат, будто нанесены несколько мгновений назад. И как он прошел барьер? Да... как он прошел барьер?

— Наконец-то ты задал настоящий вопрос, — воскликнул перс. — Пусть он мне только расскажет это, и, клянусь девятыю адами, недолго я буду твоим товарищем, Кланет.

Кентон заметил, как барабанщик украдкой сделал предупреждающий жест персу, увидел, как сузились глаза Черного жреца.

— Ха-ха! — рассмеялся Джиджи. — Зубран шутит. Жизнь там так же утомительна, как и у нас. Не правда ли, Зубран?

И снова предупреждающий знак. Перс заметил его.

— Да, думаю, это так, — неохотно ответил он. — Во всяком случае — разве я не принес обет Нергалу? Тем не менее, — пробормотал он, — боги даровали женщине одно умение, которое не наскучило мужчинам с того дня, как создан мир.

— Они забывают это умение в жилище Нергала, — мрачно сказал жрец. — Помни это и придерживай свой язык, иначе окажешься в худшем месте, чем это — тут тебе по крайней мере сохранили тело.

— Могу я сказать, господин? — спросил Зачель, и Кентон почувствовал угрозу в брошенном на него взгляде надсмотрщика.

Черный жрец кивнул.

— Я думаю, он миновал барьер, потому что ничего не знает о нашем повелителе, — сказал Зачель. — Он, может быть, даже враг нашего повелителя. А если нет — как он смог сбросить с себя руки жрецов, исчезнуть в море... и снова появиться?

— Враг Нергала! — пробормотал Кланет.

— Но отсюда не следует, что он друг Иштар, — спокойно вмешался барабанщик. — Конечно, если бы он присягнул Темному повелителю, он не смог бы пересечь барьер. Но правда и то, что присяга Иштар так же помешала бы ему сделать это.

— Верно! — лицо Кланета прояснилось. — И я знаю этот меч — это меч самого Набу.

Он помолчал, задумался. А когда заговорил, его низкий голос звучал вежливо.

— Незнакомец, — сказал он, — если мы были грубы с тобой, прости нас. Посетители на этом корабле — большая редкость. Ты, как бы это сказать, застал нас

врасплох и заставил забыть о манерах. Зачель, развязжи его.

Зачель наклонился и угрюмо снял с ног Кентона ремень.

— Если, как я думаю, ты пришел от Набу, — продолжал Черный жрец, — говорю тебе, что я не скорюсь с Мудрейшим и его людьми. И мой хозяин, повелитель смерти, равен повелителю мудрости. Как может быть иначе, если один держит ключи знаний этой жизни, а другой — ключи, раскрывающие двери к абсолютному знанию? Нет, никакой вражды здесь нет. Ты приближенный Набу? Он послал тебя на корабль? И — зачем?

Кентон молчал, напряженно размышляя в поисках ответа. Он знал, что оттягивать ответ, как с Шарейн, нельзя. Бесполезно и рассказать всю правду, как он рассказал ей — и был изгнан, как преследуемая крыса. Здесь его ждет опасность большая, чем в розовой каюте. Его мысли прервал голос Кланеты:

— Но хоть ты и посланец Набу, похоже, он не смог помешать тебе потерять его меч, не спас от копий женщин Иштар. А если это так, спасет ли он тебя от моего хлыста, от моих цепей?

И поскольку Кентон продолжал молчать, волчий огонь загорелся в мертвых зрачках и черный жрец с криком вскочил на ноги:

— Отвечай мне!

— Отвечай Кланету! — крикнул Джиджи. — Или страх перед ним отнял у тебя языки?

Под внешним гневом в голосе барабанщика звучало предупреждение, дружелюбие.

— Если Набу и мог спасти меня, он этого не сделал, — угрюмо сказал Кентон.

Черный жрец с усмешкой снова сел.

— И не спасет, если я приговорю тебя к смерти, — сказал он.

— Смерть — если он приговорит к ней, — прохрипел Джиджи.

— Кем бы ты ни был и откуда бы ни явился, — продолжал Черный жрец, — одно кажется мне верным. Ты можешь порвать цепь, которая раздражает меня. Нет, Зачель, останься, — сказал он, заметив, что надсмотрщик сделал движение к выходу. — Твой совет ценен. Останься!

— Умер один из рабов на веслах, — сказал надсмотрик. — Я хочу снять с него цепи и выбросить за борт.

— Умер? — в голосе Кланета прозвучала заинтересованность. — Который? И как он умер?

— Кто знает? — Зачель пожал плечами. — От усталости, может быть. Он один из тех, кто отплыл с нами с самого начала. Он сидел рядом с желтоволосым рабом с севера, которого мы купили в Эмактиле.

— Да, он прослужил долго, — сказал Черный жрец.

— Его забрал Нергал. Пусть его тело еще немного поносит цепи. Оставайся со мной.

И он снова обратился к Кентону, неторопливо, непрекаемо:

— Предлагаю тебе свободу. Ты получишь почести и богатство в Эмактиле, куда мы поплыvем, как только ты выполнишь мою просьбу. Станешь главным жрецом в храме, если захочешь. Золото, женщины, звания — все твое, если сделаешь то, что я велю.

— Что же я должен сделать, чтобы заслужить все это? — спросил Кентон.

Черный жрец встал и склонил голову так, чтобы смотреть прямо в глаза Кентону.

— Убей Шарейн! — сказал он.

— Мало разума в этом, Кланет, — насмешливо сказал перс. — Разве ты не видел, как его побили ее девушки? Все равно что послать на схватку с львицей человека, побежденного львятами.

— Нет, — сказал Кланет, — я вовсе не имел в виду, что он открыто пересечет палубу, чтобы его все могли видеть. Он может перебраться за борт и продвигаться от цепи к цепи, с выступа на выступ. В задней стене каюты, где она спит, есть окно. Он может пробраться сквозь него.

— Лучше пусть принесет клятву Нергалу, господин, прежде чем отправиться в дорогу, — прервал Зачель. — Иначе мы его больше не увидим.

— Дурак! — заявил Джиджи. — Если он принесет клятву Нергалу, он вообще ничего не сможет сделать. Откуда мы знаем, что тогда барьер не закроется для него, как он закрыт для всех, поклявшихся Темному повелителю и Иштар?

— Верно, — кивнул Черный жрец. — Мы не можем рисковать. Хорошо сказано, Джиджи.

— А почему Шарейн должна быть убита? — спросил Кентон. — Позволь мне сделать ее рабыней, чтобы я мог отплатить за насмешки и удары. Отдай ее мне — и оставь у себя все обещанные богатства и почести.

— Нет! — Черный жрец склонился ближе, внимательно глядя ему в глаза. — Она должна быть убита. Пока она жива, у богини есть сосуд, в который она может вливаться. Шарейн мертва — и на этом корабле нет никого, через кого проявила бы себя Иштар. Я, Кланет, знаю это. Шарейн мертва, Нергал правит — через меня! Нергал выигрывает — благодаря мне!

У Кентона появился план. Он пообещает сделать это — убить Шарейн. Он проберется в ее каюту, расскажет о заговоре Черного жреца. Каким-нибудь образом заставит ее поверить ему.

Слишком поздно понял он по лицу Кланета, что Черный жрец уловил его мысли. Слишком поздно вспомнил, что зоркие глаза надсмотрщика не отрываются от него, не упускают ни тени выражения.

— Смотри, господин! — проворчал Зачель. — Смотри! Разве ты не читаешь его мысли, как я? Ему нельзя доверять. Ты призвал меня сюда для совета и назвал мой совет ценным — позволь высказать, что у меня на уме. Я думал, что этот человек у мачты исчез, как я и говорил тебе. Но так ли это? Боги приходят на корабль и уходят с него, как хотят. Но не человек. Нам кажется, мы видели, как он борется с волнами позади корабля. Но так ли это? Колдовством он мог заставить нас видеть то, чего в действительности не было. Он был все это время на корабле, прятался в каюте Шарейн. Мы видели, как он вышел из ее каюты...

— Но его выгнали оттуда женщины, Зачель, — прервал барабанщик. — Выбросили. Избили. Вспомни это. Там нет дружбы, Кланет. Они рвались к его горлу, как псы к горлу оленя.

— Игра! — воскликнул Зачель. — Игра, чтобы обмануть тебя, господин. Они могли убить его. Почему не убили? Его раны — булавочные уколы. Они гнали его, но куда? Сюда, к нам! Шарейн знала, что он может пересечь барьер. Послала бы она нам такой подарок, если бы у нее не было цели? А какая цель у нее может быть, господин? Только одна. Поместить его сюда, чтобы убить тебя... точно так, как ты хочешь послать его, чтобы

убить ее! Он сильный человек — и позволил девушкам побить себя! У него был меч, священное острое оружие — и он позволил женщинам отобрать его. Ха-ха! — рассмеялся Зачель. — Ты веришь в это, господин? Я — нет!

— Клянусь Нергалом, — Кланет встал, разгневанный.
— Клянусь Нергалом...

Он схватил Кентона за плечи, швырнул через дверь каюты на палубу. И быстро вышел за ним.

— Шарейн! — взревел он. — Шарейн!

Кентон поднял голову, увидел Шарейн у дверей ее каюты; она обнимала руками талии двух стройных девушек.

— Нергал и Иштар заняты, — насмехался Черный жрец. — Жизнь на корабле стала скучной. У меня под ногами раб. Лживый раб. Ты его знаешь, Шарейн?

Он наклонился и высоко поднял Кентона, как мужчина ребенка. Ее лицо, холодное, презрительное, не изменилось.

— Он ничто для меня... червь, — ответила она.

— Ничто для тебя? — ревел Кланет. — Но по твоей воле он пришел ко мне. У него лживый язык, Шарейн. По старому закону раб должен быть наказан за это. Я выставлю против него четверых моих людей. Если он победит их, я сохранию ему жизнь... на некоторое время... чтобы он и дальше развлекал нас. Но если победят они... у него вырвут его лживый язык. Я пришлю его тебе в знак моей любви, о священный сосуд Иштар!

— Ха-ха! — рассмеялся Черный жрец, видя, как побледнела Шарейн. — Испытание твоего колдовства, Шарейн. Заставь этот язык говорить. Заставь его... — хриплый голос замурлыкал, — заставь его говорить тебе о любви. О том, как ты прекрасна, Шарейн. Как удивительна, как сладка, Шарейн! Немного упрекать тебя, может быть, за то, что ты позволила его вырвать!

— Хо-хо! — хохотал Кланет. Потом словно выплюнул:
— Ты, храмовая шлюха!

Он сунул в руки Кентону легкий хлыст.

— Сражайся, раб, — рявкнул он, — дерись за свой лживый язык!

Вперед прыгнули четверо жрецов, вытягивая из-под одежды ремни, окованные металлом. Они окружили его и, прежде чем Кентон собрался с силами, набросились. Прыг-

нули, как четыре тощих волка, стегали его своими ремнями. Удары падали ему на голову, на обнаженные плечи. Он пытался отразить удары, ответить на них. Металл ремней глубоко врезался в тело. С плеч, груди, со спины потекла кровь.

Ремень попал ему в лицо, на какое-то время ослепив.

Он услышал издалека золотой голос Шарейн, полный презрения:

— Раб — ты даже бороться не можешь!

Изрыгая проклятия, он отбросил ненужный хлыст. Прямо перед собой увидел улыбающееся лицо жреца, который ударил его. Прежде чем жрец смог снова поднять ремень, кулак Кентона ударили его прямо в ухмыляющийся рот. Кентон почувствовал, как под костяшками его пальцев хрустнули кости носа, посыпались зубы. Жрец отшатнулся, упал и покатился к борту.

И сразу оставшиеся трое набросились на него, пытались схватить за горло, рвали ногтями, хотели сбить с ног. Он высвободился. На мгновение трое отступили, потом набросились вновь. Один оказался немного впереди остальных. Кентон схватил его за руку, завел эту руку за плечо, подставил бедро, напрягся и швырнул жреца по воздуху на остальных. Голова жреца ударилась о палубу, послышался треск, как от лопнувшего сухожилия. Мгновение тело стояло на голове, касаясь палубы плечами, ноги извивались в гротескном полуобороте. Затем упало и лежало неподвижно.

— Хороший бросок! — услышал Кентон голос перса.

Длинные пальцы схватили его за ноги, его потянуло в сторону. Падая, он увидел перед собой лицо — вернее, красное пятно на месте лица; лицо первого жреца, которого он ударил. Кентон вытянул руки. В глотку ему вцепились когти. В мозгу Кентона вспыхнула ужасная картина, которую он видел в другой неравной схватке на поле битвы во Франции. Вверх взметнулась его правая рука с вытянутыми двумя пальцами. Они попали в глаза душителя. Кентон безжалостно нажал. И услышал крик боли, слезы и кровь струились по его рукам, душившие пальцы разжались. На месте глаз были теперь две пустых красных глазницы, из которых торчали какие-то утолщения.

Кентон вскочил на ноги. Наступил на красное лицо, наступил раз, два, три — и пальцы, державшие его за ноги, разжались.

Он мельком заметил бледное лицо Шарейн с широко раскрытыми глазами; понял, что Черный жрец больше не смеется.

На него устремился четвертый жрец, сжимая в руке нож с широким лезвием. Кентон наклонил голову и бросился навстречу. Схватил руку, державшую нож, дернул ее назад, услышал, как щелкнула кость. Четвертый жрец закричал и упал.

Кентон увидел Кланета, смотревшего на него, раскрыв рот.

Прямо к горлу Черного жреца он прыгнул, подняв кулак. Но жрец вытянул руку, схватил его в прыжке, поднял высоко над головой и приготовился ударить о палубу.

Кентон закрыл глаза — это конец.

Он услышал настойчивый голос перса:

— Эй, Кланет, эй! Не убивай его! Ради Исхака из девяти адов — не убивай его! Кланет! Сохрани его для будущих схваток!

Потом барабанщик:

— Нет, Кланет, нет! — он чувствовал, как его перехватили когти Джиджи и держали крепко. — Нет, Кланет! Он сражался честно и храбро. Хорошо его сохранить на будущее. Может, он изменит свои намерения — научится повиновению. Помни, Кланет, он может пересекать барьер.

Огромное тело жреца задрожало. Медленно руки его начали опускать Кентона.

— Повинование? Ха! — послышался резкий голос надсмотрщика. — Дай мне его, господин, на место раба, умершего у весла. Я научу его... повиновению.

Черный жрец опустил Кентона на палубу. Постоял над ним. Потом кивнул, повернулся и ушел в каюту. Кентон, охваченный усталостью, съежился, сжал руки в коленях.

— Сними цепи с мертвого раба и выбрось его за борт, Зачель, — услышал он голос Джиджи. — Я послежу за ним, пока ты не вернешься.

Кентон слышал, как ушел надсмотрщик. Барабанщик склонился над ним.

— Ты хорошо сражался, волчонок, — прошептал он.

— Хорошо сражался! Теперь в цепи. Повинуйся. Придет и твой черед. Слушайся меня, волчонок, и я сделаю, что могу.

Он отошел. Кентон, удивленный, поднял голову. Увидел, как барабанщик нагнулся, поднял тело жреца со сломанной шеей и одним движением длинной руки бросил его за борт. Наклонившись опять, выбросил тело того, на чье лицо наступил Кентон. Остановился в раздумье перед кричащим ужасом с пустыми глазницами, извивающимся на палубе. Потом, весело улыбнувшись, схватил его за ноги и тоже перебросил через борт.

— Потом будет на троих меньше беспокойства, — пробормотал Джиджи.

Кентона охватила дрожь, зубы его застучали, он всхлипнул. Барабанщик удивленно взглянул на него.

— Ты храбро сражался, волчонок, — сказал он. — Почему же ты дрожишь, как побитый пес, у которого отобрали кость?

Он положил руки на окровавленные плечи Кентона. При этом прикосновении Кентон перестал дрожать. Как будто через руки Джиджи вливался поток силы, которую пила его душа. Как будто он наткнулся на древний источник, на древний бассейн равнодушия к жизни и смерти.

— Хорошо! — сказал Джиджи и встал. — За тобой идет Зачель.

Надсмотрщик стоял рядом, он коснулся плеча Кентона, указал вниз, на лестницу, ведущую с черной палубы в трюм. Кентон спустился в полутьму ямы, Зачель — за ним. Кентон, спотыкаясь, пошел по узкому проходу, был остановлен у большого весла, на котором лежала голова человека с мускулистыми плечами и длинными, как у женщины, светлыми волосами. Гребец с золотыми волосами спал. Вокруг его талии шло толстое железное кольцо. Сквозь это кольцо была продета цепь, ее конец крепился к скобе, глубоко вбитой в скамью, на которой сидел гребец. На запястьях его были наручники. Такие же кольца — на весле. Кольца и наручники соединяла еще одна цепь.

Слева от спящего было пустое металлическое кольцо, на весле — пара пустых колец, с которых свисала цепь с наручниками.

Зачель подтолкнул Кентона к этому месту рядом со спящим. Надел ему на пояс кольцо, защелкнул его, закрыл на замок.

Сунул руки несопротивлявшегося Кентона в наручники, защелкнул и их и тоже закрыл на замок.

И тут Кентон почувствовал на себе чей-то взгляд. Смотрели сзади. Он увидел наклонившееся над перилами лицо Шарейн. В глазах ее была жалость и еще какое-то чувство, от которого сердце Кентона забилось.

— Я научу тебя повиновению — не сомневайся! — сказал Зачель.

Кентон снова оглянулся.

Шарейн ушла.

Он склонился к веслу рядом со спящим гигантом.

Склонился к веслу...

Прикован к нему.

Раб на галере!

8. Рассказ Сигурда

Кентон проснулся от резкого звука свистка. Плечо его обожгло, как горячим железом. Он рывком поднял голову, лежавшую на руках; тупо посмотрел на наручники на запястьях. Опять обожгло плечи, впилось в тело.

— Вставай, раб! — услышал он рычание. Он узнал этот голос и пытался осознать свое положение. — Вставай! За весла!

Другой голос, рядом, прошептал хрипло, но с теплым чувством товарищества:

— Поднимайся, иначе кнут напишет на твоей спине кровавые руны.

Кентон с трудом расправился, руки его механически легли в два гладких полированных углубления на деревянном стволе, к которому он был прикован. Стоя на скамье, он увидел спокойный бирюзовый океан, небольшие волны в огромном перевернутом кубке из серебристого тумана. Перед ним находились четыре человека, два стояли, два сидели у больших весел, подобных тому, за которое держался он; весла проходили сквозь борт судна. За ними видна была черная палуба...

Память вернулась к нему, уничтожив остатки сна. Первый голос принадлежал Зачелю, а прикосновение к плечу

— удар бича надсмотрщика. Кентон повернул голову. Еще с десяток мужчин, черных и коричневых, сидели и стояли у других больших весел, сгибаясь и разгинаясь, двигая корабль Иштар по спокойному лазурному морю. И на платформе у мачты стоял Зачель, насмешливо улыбаясь. Кентона снова ударили длинный бич.

— Не оглядывайся! Греби! — рявкнул Зачель.

— Я буду грести, — прошептал второй голос. — Стой и качайся вместе с веслом, пока к тебе не вернется сила.

Кентон взглянул на светловолосую голову; волосы длинные, будто женские. Но ничего женского в этом поднятом на мгновение ему навстречу лице не было. Ледяной холод и ледяная синева были в глазах, как будто чуть подтаявших от теплого дружеского чувства. Кожа, закаленная бурями, окрашенная ураганами. Ничего женского и в больших мышцах плеч, спины и рук, которые вздымали огромное весло легко, как женщина метлу.

Северянин до кончика пальцев; викинг из древней саги и, подобно Кентону, раб на корабле; гигант, спавший на весле, когда Кентона приковывали к месту.

— Я Сигурд, сын Тригга, — пробормотал северянин

— Какие злые норны привели тебя на корабль колдунов? Говори тихо, наклонись к веслу — у дьявола с хлыстом острый слух.

В такт движениям весла Кентон наклонялся и выпрямлялся, стоя на скамье. Оцепенение, охватившее его мозг, проходило тем быстрее, чем быстрее мышцы, державшие весло, разгоняли кровь по телу. Сосед одобрительно крякнул.

— Ты не слабый человек, — прошептал он. — Весла утомляют, но по ним из моря идет сила. Однако пей эту силу неторопливо. Становись сильней — медленно. А потом, может быть, мы с тобой...

Он замолчал, искоса бросил осторожный взгляд на Кентона.

— По внешности ты Эйрна, с южных островов, — прошептал он. — Я не таю злобу на людей Эйрна. Они всегда отвечают нам мечом на меч, встречают грудь к груди. Многими ударами мы обменялись, и крылатые валькирии никогда не возвращаются в Валгаллу с пустыми руками, когда мы встречаемся с людьми Эйрна. Храбрые люди, сильные люди, люди, которые умирают с криком,

целуя лезвие меча и острие копья весело, как невесту. Ты один из них?

Кентон быстро соображал. Он должен так ответить, чтобы подкрепить дружбу, ясно предложенную ему. Ни откровения полной правды, ни уклончивого ответа, вызывающего подозрение.

— Меня зовут Кентон, — негромко ответил он. — Мои предки из Эйрна. Они хорошо знают викингов и их корабли — и мне не передали никакой злобы к ним. Я буду твоим другом, Сигурд, сын Тригга, все время, пока мы будем вместе. И мы с тобой... вместе...

Он многозначительно замолчал, как перед этим викинг. Северянин кивнул, затем снова взглянул искоса.

— Как выпала тебе эта злая судьба? — спросил он по-прежнему шепотом. — С тех пор как меня привели на корабль на острове волшебников, мы не заходили в гавань. И тебя здесь не было, когда меня приковали к веслу.

— Сигурд, клянусь всеобщим отцом Одином, не знаю! — руки северянина вздрогнули при имени его бога. — Невидимая рука выхватила меня из моего мира и перенесла сюда. Сын Гелы, главный на черной палубе, предложил мне свободу — если я совершу постыдный поступок. Я отказался. Я сразился с его людьми. Убил троих. И тогда меня приковали к веслу.

— Ты убил троих! — Викинг смотрел на Кентона сверкающими глазами, оскалив зубы. — Убил троих! Твое здоровье! Товарищ! Твое здоровье!

Что-то, похожее на летающую змею, свистнуло рядом с Кентоном; свистнуло и ударило северянина по спине. Кровь брызнула из этого места. Хлыст ударил еще и еще.

Сквозь свист бича послышалось рычание Зачеля:

— Отродье свиньи! Ты сошел с ума? Убить тебя?

Под ударами хлыста Сигурд, сын Тригга, задрожал. Он посмотрел на Кентона, на губах его появилась кровавая pena. И Кентон вдруг понял, что это не от боли ударов — от стыда и гнева. Удары вызывали кровотечение из сердца, могли разорвать его...

И Кентон, откинувшись, заслонил собою окровавленную спину, принял удары на себя.

— Ха! — закричал Зачель. — Ты тоже хочешь? Ты ревнуешь к поцелуям моего кнута? Что ж — получи их сполна!

Хлыст безжалостно свистнул и ударил, свистнул и ударил. Кентон стойчески переносил побои; ни на мгновение не отодвинул он своего ставшего щитом тела; и при каждом ударе думал, как он ответит на них, когда придет время...

Когда он овладеет кораблем!

— Остановись! — Сквозь затянутые болью глаза он увидел наклонившегося через перила барабанщика. — Ты хочешь убить раба? Клянусь Нергалом, если ты сделаешь это, я попрошу у Кланета разрешения приковать тебя на его место!

Потом мрачный голос Зачеля:

— Греби, раб!

Молча, почти теряя сознание, Кентон склонился к веслу. Северянин взял его за руку, сжал его в железном захвате.

— Я Сигурд, сын Тригга! Внук Ярла! Хозяин драккаров! — голос его звучал негромко, но в нем был отзвук скрещивающихся мечей; он говорил, закрыв глаза, будто стоял перед алтарем. — Теперь между нами кровное братство, Кентон из Эйрна! Мы с тобой — кровные братья. Клянусь кровавыми рунами на твоей спине, которую ты подставил вместо моей. Я буду твоим щитом, как ты был моим. Наши мечи всегда будут заодно. Твои друзья — мои друзья, твои враги — мои враги И моя жизнь — твоя, если понадобится! Клянусь всеобщим отцом Одином и всеми асами — я, Сигурд, сын Тригга! И если я нарушу эту клятву, пусть жалят меня ядовитые змеи Гелы, пока не увянет Ягдразил, древо жизни, и не наступит Рагнарк — ночь богов!

На сердце у Кентона стало тепло.

Пожатие северянина стало еще сильнее. Затем он разжал руку и склонился к веслу. Ничего больше не было сказано, но Кентон знал — клятва скреплена.

Щелкнул бич надсмотрщика, раздался резкий свисток. Четыре передних гребца высоко подняли весла и положили их в ниши. Викинг поднял свое весло и положил в такое же углубление.

— Садись, — сказал он. — Сейчас нас вымоят и накормят.

Тут на них полилась вода. Прошли два смуглых человека, обнаженные по пояс, со спинами, покрытыми шрамами. В руках они держали ведра. Подняв их, они вылили

воду на двух следующих гребцов. Потом повернулись и ушли по узкому проходу между скамьями. Тела у них были мощные, а лица — как будто с древней ассирийской фрески, узкие, с крючковатыми носами, с полными губами. Но на этих лицах не было признаков разума. Глаза их были пусты.

Они вернулись с другими ведрами, вылили воду на пол и чисто вымыли его. Два других раба поставили на скамью между Кентоном и северянином грубую тарелку и чашку. На тарелке лежал десяток длинных стручков и груда круглых лепешек, напоминающих хлеб из маниоки, который в тропиках пекут на солнце. Чашка была наполнена темной густой жидкостью пурпурно-красного цвета.

Кентон пожевал стручки. Они были мясистые, и вкусом напоминали мясо. Круглый лепешки имели вкус того, что они напоминали, — хлеба из маниоки. Жидкость оказалась крепкой, ароматной, с привкусом брожения. В этой еде и питье была сила. Северянин улыбнулся ему.

— Теперь хлыста нет, можно говорить, только негромко, — сказал он. — Таково правило. Поэтому, пока мы едим и пьем, задавай вопросы без страха, кровный брат.

— Прежде всего я хотел бы узнать две вещи из многих, — ответил Кентон. — Как ты попал на корабль, Сигурд? И откуда приходит эта пища?

— Пища из разных мест, — ответил викинг. — Это корабль колдунов, к тому же проклятый. Он нигде не может надолго останавливаться, и нигде его не ждут. Да, даже в Эмактиле, которая полна колдунами. Когда корабль приходит в гавань, на него несут пищу и такелаж торопливо и с опаской. Все это быстро грузят на корабль и отплывают, чтобы владеющие им демоны не рассердились и не уничтожили их. У них сильное колдовство — у этого бледного сына Гелы и у женщины на белой палубе. Иногда она мне кажется дочерью Локи, которого Один заковал в цепи за его злобность. А иногда я считаю ее дочерью Фреи, матери богов. Но кто бы она ни была, она прекрасна и у нее великая душа. У меня к ней нет ненависти.

Он поднес чашку к губам.

— Как я появился здесь, — продолжал он, — это долгая история. Я плыл на юг во флоте Рагнара Красное Копье. Мы отплыли на двенадцати больших драккарах. И

плыли на юг через множество морей, грабя по пути. Потом из оставшихся десяти драккаров шесть приплыли в город в земле египтян. Очень большой город и полон храмов богов со всего мира — кроме наших.

Нас рассердило, что среди этих храмов нет храма всеобщего отца Одина. Мы разгневались. И вот однажды вечером, когда мы выпили много крепкого египетского вина, мы вшестером решили захватить храм, выбросить оттуда его бога и отдать его Одину.

Мы пришли к храму и вошли в него. Это был темный храм, полный черных одежд, как эти, на корабле. Когда мы объяснили им, что собираемся делать, они зажужжали, как пчелы, и бросились на нас волчьей стаей. Мы тогда многих убили. И захватили бы храм для Одина, воюя вшестером в кольце врагов, но тут — затрубил рог.

— Он призывал помошь? — спросил Кентон.

— Вовсе нет, кровный брат, — ответил Сигурд. — Это был колдовской рог. Рог сна. Он навеял на нас сон, как ветер бросает брызги пены на паруса. Он превратил наши кости в воду, наши красные мечи выпали из рук, которые больше не могли держать их. И мы упали, охваченные сном, упали среди мертвых.

Проснулись мы в храме. Мы решили, что это тот же самый храм: он был темный, и в нем полно жрецов в черных одеждах. Мы были закованы в цепи, нас высекли и превратили в рабов. И тут мы узнали, что находимся не в земле египтян, а в городе, который называется Эмактила, на острове колдунов в море, и все это, как я думаю, в мире колдунов. Долго я был рабом у черных жрецов, я и мои товарищи, пока меня не приволокли на этот корабль, который бросил якорь в гавани Эмактилы. И с тех пор я сижу у весла, смотрю на их колдовство и стараюсь уберечь свою душу.

— Рог, который насыщает сон! — удивленно сказал Кентон. — Я не понимаю этого, Сигурд.

— Поймешь, товарищ, — мрачно сказал Сигурд. — Скоро поймешь. Зачель хорошо играет на нем... слушай... он начинает.

Сзади послышался звук рога — глубокий, монотонный, густой звук. Низкий, дрожащий, длительный, он забирался в уши и через них, казалось, проникал в каждый нерв, касался его, ласкал, погружал душу в наркотический транс.

Нота монотонно тянулась, навевая сон.

Гневные глаза викинга были напряжены в борьбе со сном. Медленно, медленно его веки сомкнулись. Руки расслабились, пальцы разжались, тело покачнулось, голова склонилась на грудь. И он упал на скамью.

Монотонная нота продолжала тянуться.

Как ни старался Кентон, он не мог отогнать мягкий, липкий сон, навалившийся на него со всех сторон. Все тело его онемело. Сон, сон — рои бесчисленных частиц сна летели на него, плыли в крови каждого сосуда, вдоль каждого нерва, туманили мозг.

Все ниже и ниже опускались его веки.

Больше он не мог бороться. Звеня цепями, он упал рядом с Сигурдом.

* * *

Что-то глубоко внутри Кентона заставило его проснуться. Что-то поднялось из пропасти зачарованного сна к поверхности его сознания. Медленно начали подниматься тяжелые веки и остановились, повинуясь какому-то предупреждению. Он посмотрел сквозь сомкнутые ресницы. Цепи, приковывавшие его руки к кольцам на весле, были длинными. Он подвинулся во сне и теперь лежал, вытянувшись, спиной к низкой скамье. Лицом к белой палубе.

На краю ее, глядя на него, стояла Шарейн. Бледно-голубая накидка, на которой руки давно умерших ассирийских девушек выткали золотые лотосы, покрывала ее грудь, струилась постройной талии и падала к маленьким ногам в сандалиях. Черноволосая Саталу стояла рядом с ней и тоже наклонялась, глядя на него.

— Госпожа, — услышал он голос Саталу, — он не может быть человеком Нергала, слуги Нергала приковали его здесь.

— Да, — проговорила Шарейн, — да, в этом я ошибалась. И будь он слугой Нергала, он не смог бы пересечь барьер. И Кланет не насмехался бы надо мной, как тогда...

— Он очень красив и молод, — вздохнула Саталу, — и силен. Сражался со жрецами, как повелитель-лев.

— Даже крыса, загнанная в угол, может отбиваться, — презрительно ответила Шарейн. — Он позволил заковать себя в цепи, как побитую собаку. О! — воскликнула она, и это был наполовину плач, — О, Саталу, я стыжусь!

Лжец, трус, раб — и все же он затрагивает что-то в моем сердце, что не затрагивал еще ни один мужчина. О, я стыжусь, я стыжусь, Саталу!

— Госпожа Шарейн, не плачь! — Саталу схватила ее за руки. — Может быть, он не лжец и не трус. Откуда нам знать, может, он сказал правду. Как нам знать, что случилось в мире, который мы потеряли так давно? И он очень красив — и молод!

— И все же он раб, — горько сказала Шарейн.

— Ш-ш-ш! — предупредила Саталу. — Зачель возвращается.

Они повернулись, направились к каюте и исчезли из поля зрения Кентона.

Прозвучал свисток побудки. Рабы зашевелились, и Кентон застонал, потянулся, потер глаза и схватился за весло.

В сердце его был восторг. Ошибиться в словах Шарейн было нельзя. Он привлекал ее. Может быть, слегка, но привлекал. И если бы не был рабом — но ведь он не всегда будет рабом — что тогда? Не такой тонкой нитью будет он держать ее. Он рассмеялся, но негромко, чтобы не услышал Зачель. Сигурд с любопытством взглянул на него.

— Сонный рог принес тебе веселые сны, — прошептал он.

— И на самом деле веселые, Сигурд, — ответил Кентон. — Такие сны делают наши цепи все тоньше, пока мы не сможем их порвать.

— Пусть Один шлет такие сны почаше, — пожелал северянин.

9. Договор с Шарейн

Когда Зачель снова подул в свой рог, Кентону не нужна была его помошь, чтобы уснуть. Острый взгляд надсмотрщика улавливал все хитрости Сигурда, он постоянно следил за Кентоном и стегал его, если то сбивался с ритма или позволял северянину брать на себя большую тяжесть. Руки Кентона были в волдырях, каждая кость и каждая

мышца болели, а мозг тупо дремал в усталой голове. И так продолжалось пять следующих снов.

Однажды Кентон нашел в себе силы и задал вопрос, который все время возникал в его мозгу. Половина гребцов находилась за линией, разделяющей белую и черную палубы — ни Кланет с его свитой, ни Шарейн с ее женщинами не могли пересечь эту границу. А Зачель расхаживал от одного края трюма до другого; другие жрецы тоже, — он видел их. И хотя он не видел внизу ни Кланета, ни Джиджи, ни перса, он не сомневался, что они тоже могли бы пройти. Почему же тогда черные одежды не проберутся понизу и не захватят розовую каюту? Почему Шарейн и ее женщины не спустятся в яму и не устроят засаду черной каюте? Почему непускают в ход свои копья, свои стрелы — через яму в стаю черных жрецов?

Это колдовской корабль, повторил викинг, и на нем лежит не простое заклятье. Умерший раб рассказывал ему, что он был на корабле с того дня, как его спустили боги, и что всегда невидимый загадочный барьер отделял одну половину корабля от другой. Ни копье, ни стрела, ни другой снаряд не могли пересечь этот барьер, если не были посланы рукой бога или богини.

Оставаясь людьми, и тот и другой лагерь бессильны друг перед другом. Есть и другие законы, говорил раб Сигурду. Ни Шарейн, ни Кланет не могут покинуть корабль, когда он приходит в гавань. Женщины Шарейн могут. Черные жрецы тоже, но ненадолго. Скоро они должны вернуться. Корабль тянет их к себе. Что с ними будет, если они не вернутся? Раб не знал, но сказал, что это невозможно, корабль все равно притянет их.

Кентон раздумывал над этим, с болью в спине двигая веслом. Несомненно, корабль создали весьма практичные и экономные божества, они ничего не упустили, ни малейшей подробности, подумал он насмешливо.

Что ж, они создали игру, и у них есть право устанавливать законы этой игры. Он подумал, сможет ли Шарейн свободно ходить по кораблю от носа до кормы, когда он станет его хозяином. Думая об этом, он услышал рог Зачеля и, довольный, погрузился в забвение, которое приносил сон.

После шестого сна он проснулся с кристально ясным сознанием, с удивительным чувством радости жизни, тело

его, свободное от боли, стало гибким и сильным. Он легко и сильно двигал веслом.

— Я предсказывал, что сила придет к тебе из моря,
— сказал Сигурд.

Кентон с отсутствующим видом кивнул, его обострившаяся мысль ухватилась за проблему освобождения от цепей.

Что происходит на корабле, когда гребцы спят? Не может ли представиться ему и викингу шанс освободиться, если они не заснут?

Если бы он мог не заснуть!

Но как закрыть уши, если рог льет в них сон, как сирены в древности или свои смертоносные песни в уши моряков, посмевших приплыть в их владения.

Сирены! В его памяти вспыхнуло приключение хитроумного Одиссея. Как его охватило желание услышать песни сирен — но не остаться с ними. Как приплыл он в их владения, залепил уши своих гребцов растопленным воском, велел им привязать себя к мачте с открытыми ушами — и тогда, проклиная всех, стремясь разорвать путы, сходя с ума от желания прыгнуть в их белые руки, он слышал их зачарованные мелодии — и благополучно уплыл от них.

Поднялся ветер — ровный ветер, который заполнил парус корабля и нес его по мягким волнам. Скомандовали сушить весла. Кентон склонился на скамью. Сигурд был в дурном настроении, он стал молчалив, нахмурился, глаза его были устремлены вдаль, он грезил о далеких днях, когда его драккар бороздил Северный океан.

Кентон опустил руки на шелковые тряпки, в которые были завернуты его ноги, пальцы его как бы бесцельно начали отрывать нити, сминать их и собирать в шелковые цилиндрики. Он продолжал работать, викинг не обращал на него внимания. И вот он сделал две пробки. Зажал одну в ладони, потер лицо и незаметно всунул пробку в ухо. Немного подождал, закрыл второе ухо. Рев ветра превратился в громкий шепот.

Медленно, незаметно вынул пробки, скрутил еще нитей. Снова заткнул уши. Теперь слышалось только слабое далекое бормотаниe. Удовлетворенный, он сунул пробки за пояс.

Корабль летел вперед. Вскоре пришли рабы и вылили на них с викингом ведра с водой, принесли им еду и питье.

Перед самым началом сна Кентон опустил голову на скамью, держа в пальцах шелковые цилиндрики. Быстро засунул их в уши. И расслабил все мышцы. Монотонный звук рога превратился в еле слышное жужжание. Но даже и теперь его охватывал сон. Кентон боролся с ним, отгонял его. Жужжание прекратилось. Он слышал, как рядом прошел надсмотрщик, посмотрел ему вслед сквозь сомкнутые ресницы. Надсмотрщик поднялся на корму и исчез в каюте Кланета.

Черная палуба была пуста. Как бы ворочаясь во сне, Кентон перевернулся, опустил руку со скамьи, оперся на нее и взглянул на то, что находилось за ним.

Он услышал смех, золотой, звонкий. По краю палубы шла Шарейн, рядом с ней черноволосая Саталу. Шарейн села, распустила волосы, золотое облако рассыпалось по плечам, и она сидела будто под ароматным шелковым красно-золотым тентом. Саталу приподняла золотистую прядь, начала расчесывать ее.

И сквозь эту прекрасную паутину глаза Шарейн устремились на него. Невольно он широко раскрыл свои, взглянул в ее полускрытые зрачки. Она удивленно выдохнула, привстала, в изумлении глядя на него.

— Он не спит! — прошептала она.

— Шарейн! — выдохнул он.

Он видел, как краска покрыла ее лицо, оно стало надменным. Она подняла голову, нарочно принюхалась.

— Саталу, — сказала она, — тебе не кажется, что очень воняет из трюма? — Она сморщила нос. — Да, я уверена. Как на старом базаре рабов в Уруке, когда приводили новых рабов.

— Я не заметила, госпожа, — запинаясь, ответила Саталу.

— Ну, конечно, — голос Шарейн стал безжалостен.

— Вот он сидит, новый раб. Странный раб, который спит с открытыми глазами.

— Но он... он не похож на раба, — девушка по-прежнему запиналась.

— Неужели? — ласково спросила Шарейн. — Что с твоей памятью, девушка? Каковы признаки раба?

Черноволосая девушка не ответила, низко склоняясь над локонами госпожи.

— Цепь и следы кнута, — насмехалась Шарейн. — Вот признаки раба. И у этого нового раба они есть — во множестве.

Кентон по-прежнему молчал, не отвечая на насмешки, не двигаясь; он на самом деле едва слышал ее, упиваясь ее красотой.

— Ах, мне снился человек, который пришел ко мне с великими словами, носитель обещаний, надежда моего сердца, — вздохнула Шарейн. — Я открыла ему свое сердце — в том сне, Саталу. Все сердце! А он ответил мне ложью, и его обещания оказались пустыми, и мои девушки побили его. А теперь мне кажется, что там сидит этот лжец и слабый человек из моего сна, и на спине у него следы кнута, а руки у него в цепях. Раб!

— Госпожа! О, госпожа! — прошептала Саталу.

Кентон хранил молчание, хотя насмешки начали жечь его.

Неожиданно она встала, просунула руки сквозь сверкающие пряди.

— Саталу, — прошептала она, — может ли мой вид разбудить раба? Может ли раб, особенно молодой и сильный, разорвать свои цепи — ради меня?

Она качнулась, обернулась; сквозь тонкую одежду сверкнули изящные розовые округлости грудей и бедер. Она широко раскинула сеть своих волос, посмотрела сквозь них на него шаловливым взглядом. Прихорашиваясь, выставила вперед розовую ногу, колено с ямочкой.

Он безрассудно поднял голову, кровь ударила ему в лицо.

— Цепи будут разорваны, Шарейн! — воскликнул он.
— Я разорву их — не сомневайся. И потом...

— И потом, — повторила она, — потом мои девушки снова побьют тебя, как и раньше! — она усмехнулась и отвернулась.

Он следил, как она уходит, пульс бился в его висках, как барабан. Он заметил, что она остановилась и что-то шепнула Саталу. Черноволосая девушка обернулась и сделала ему предупреждающий жест. Он закрыл глаза и опустил голову на руки. И услышал шаги Зачеля, спускавшегося в яму. Прозвучал свисток.

Но если она смеялась над ним, почему предупредила об опасности?

* * *

Шарейн снова смотрела на него с палубы.

С того первого раза прошло время, но как измерить его в этом заколдованным мире, Кентон не знал. Как и корабль, он запутался во вневременной паутине.

Сон за сном лежал он на скамье, ожидая Шарейн. Она не выходила из каюты. Или если и выходила, то не попадалась ему на глаза.

Он не рассказывал викингу, что сумел разорвать чары сна. Сигурду он верил душой и телом. Но он не был уверен в хитрости северянина, не был уверен, что тот сумеет изобразить сон, как это делал Кентон. Он не мог рисковать.

И вот Шарейн стояла и смотрела на него с палубы возле изумрудной мачты. Рабы спали. На черной палубе никого не было. И в лице Шарейн не было насмешки. И когда она заговорила, слова ее нашли отклик в его сердце.

— Кто бы ты ни был, — шептала она, — две вещи ты можешь делать. Пересекать барьер. Оставаться бодрствующим, когда другие рабы спят. Ты сказал, что можешь разорвать цепи. Поскольку те две вещи ты можешь делать, я верю, что и третья может оказаться правдой. Если только...

Она помолчала; он прочел ее мысли.

— Если только я не солгал тебе, как лгал раньше, — спокойно сказал он. — Что ж, я тебе не лгал.

— Если ты разорвешь цепи, — сказала она, — ты убьешь Кланета?

Он сделал вид, что думает.

— Зачем мне убивать Кланета? — спросил он наконец.

— Зачем? Зачем? — в голосе ее звучало презрение.

— Разве он не заковал тебя в цепи? Не высек тебя? Не сделал тебя рабом?

— А разве Шарейн не прогнала меня копьями? — спросил он. — Разве не Шарейн сыпала мне соль на раны своими насмешками? Своим смехом?

— Но... но ты лгал мне! — воскликнула она.

Снова он сделал вид, что раздумывает.

— И что же получит этот лжец, слабак и раб, если убьет ради тебя этого Черного жреца? — спросил он.

— Получит? — повторила она, не понимая.

— Чем ты мне за это заплатишь? — сказал он.

— Заплатить тебе? Заплатить? — она жгла его своим презрением. — Тебе заплатят. Ты получишь свободу — любые из моих драгоценностей — все бери...

— Свободу я и так получу, убив Кланета, — ответил он. — Какая польза мне от драгоценностей на этом проклятом корабле?

— Ты не понимаешь, — сказала она. — Когда ты убьешь Черного жреца, я смогу высадить тебя в любом месте, где захочешь, в этом мире. Тут везде ценятся драгоценности.

Она помолчала и добавила:

— И разве они не ценятся в твоем мире, куда ты, кажется, можешь возвращаться, когда тебе грозит опасность?

Голос ее теперь был как сладкий яд. Но Кентон только рассмеялся.

— Чего же еще ты хочешь? — спросила она. — Если этого недостаточно, чего же еще?

— Тебя!

— Меня? — выдохнула она. — Я, которая не отдавалась за плату никому. Я — должна отдать тебе? Ты избитый пес. — Она бушевала. — Никогда!

До этого момента Кентон вел рассчитанную игру; теперь же он почувствовал гнев, такой же настоящий, как и ее.

— Нет! — воскликнул Кентон. — Нет! Ты не отдашь себя мне! Клянусь Богом, Шарейн, я возьму тебя!

Он протянул к ней сжатые в кулак закованные руки.

— Я буду хозяином корабля, и без всякой твоей помощи — ты назвала меня трусом и лжецом, а теперь готова бросить мне плату мясника. Я захвачу корабль своими руками. И теми же руками возьму — тебя!

— Ты угрожаешь мне! — лицо ее покраснело от гнева.

— Ты!

Она прижала руку к груди, достала кинжал и бросила в него. Но он, как будто ударившись о невидимую стену, упал со звоном у ее ног, лезвие откололось от рукояти.

Она побледнела, съежилась.

— Ненавидь меня! — насмехался Кентон. — Ненавидь меня, Шарейн: что такое ненависть, как не очищающий пламень для чаши любви?

Она ушла и дверь каюты закрыла вовсе не бесшумно. А Кентон, мрачно усмехаясь, склонил голову на весло. Скоро он спал, как и его сосед-северянин.

10. На корабле под парусом

Он проснулся от шума и суматохи по всему кораблю. На белой и черной палубах стояли люди, они указывали куда-то руками, разговаривали, жестикутировали. Стая птиц, первая увиденная им в этом странном мире, пролетела над головой. Крылья у птиц были похожи на крылья больших бабочек. Оперение сияло, как лакированное, золотом и яркой зеленью. Из раскрытых клювов доносились крики, похожие на перезвон маленьких колоколов.

— Земля! — воскликнул викинг. — Мы входим в гавань. Должно быть, кончаются пища и вода.

Дул свежий ветер, и корабль шел под парусом. Не думая о биче Зачеля, Кентон взобрался на скамью и взглянул вперед. Надсмотрщик не обратил на это внимания, его собственный взгляд был устремлен туда же.

Перед ними находился солнечно-желтый остров, высокий и круглый, усеянный кратерами радужной расцветки. Если не считать этих углублений, весь остров казался сверкающим топазом, от основания, лежавшего в переливчатом мелком лазурном море, до вершины, на которой росли деревья с листвой, похожей на оперение; ветви деревьев напоминали огромные плюмажи из страусиных перьев, окрашенные в тусклое золото. Над ними и в них мелькали яркие вспышки — как многочисленные летающие цветы.

Корабль подошел ближе. На носу собирались девушки Шарейн, они смеялись и болтали. А на галерее стояла Шарейн и смотрела на остров грустным задумчивым взглядом.

Теперь берег был совсем рядом. Опустился радужный парус. Корабль на веслах медленно подходил все ближе

и ближе. И только когда нос чуть не уткнулся в берег, кормчий резко повернул рулевое весло и развернул корабль. Они плыли вдоль берега, и султаны странных деревьев овеяли палубу своими листьями, похожими на ту листву, которую рисует мороз на стекле. Топазно-желтыми и солнечно-янтарными были эти листья, а ветви, с которых они свисали, блестели, как высеченные из золотистого хризалита. На них висели огромные гроздья цветов в форме лилий, пламенно-алых.

Медленно, все более медленно плыл корабль. Он вполз в широкую расщелину, которая рассекала остров почти до его середины. Берега расщелины пестрели многоцветными кратерами, и Кентон теперь увидел, что это просто поля цветов, росших как бы глубокими круглыми амфитеатрами. А сверкающие вспышки оказались птицами — птицами всех размеров, маленькие — не больше стрекозы, а у самых больших размах крыльев, как у кондоров с высоких Анд. Большие и маленькие, все они летали на ярких крыльях бабочек.

Остров дышал ароматом. И на нем не было ничего зеленого, кроме изумрудного сверкания птичьих перьев.

Мимо них плыла долина. Все медленнее мели палубу ветви деревьев. Корабль проскользнул в устье оврага, в конце которого водопад обрушивал дождь жемчужин в золотой бассейн, обрамленный папоротником. Послышался звон цепи, упал якорь. Нос корабля развернулся, прорезал листву, уперся в берег.

По трапу спустились женщины Шарейн, неся на головах большие корзины. Шарейн смотрела им вслед с глубокой грустью. Женщины мелькнули меж цветов, усевавших рощу, все тише и тише звучали их голоса, пока совсем не стихли. Шарейн, опустив подбородок на белые руки, впитывала землю широко раскрытыми тоскующими глазами. Над ее головой, над серебряным полумесяцем, по которому струились рыже-золотые волосы, парила птица — птица из сверкающих бриллиантов и блестящей синевы, со звоном волшебных колокольчиков. Кентон видел слезы на щеках Шарейн. Она заметила его взгляд и гневно отвернулась. Повернулась, как будто хотела уйти, потом понуро спряталась за цветущими деревьями своей галереи, где он больше не мог видеть, как она плачет.

Женщины вернулись с корзинами, полными добычи: фруктами, похожими на тыкву, пурпурными и белыми, большими гроздьями тех стручков, которые он ел, когда оказался на корабле. Они занесли свой груз в каюту и вышли с пустыми корзинами. Еще не раз они уходили и возвращались. Наконец они унесли не пустые корзины, а мехи для воды. Их они наполнили водой у водопада. Несколько раз приносили они мехи, полные водой, на своих плечах.

И вот они еще раз отправились на берег, на этот раз без ноши; весело спустились с борта, скинули свои легкие одежды и бросились в воду. Как водяные нимфы, плавали они и играли, а перламутровая вода ласкала, гладила их изысканные округлости цвета слоновой кости, теплого розового цвета, мягкого коричневого. Наконец они выбрались из пруда, в цветочных венках и с охапками водяных лилий в руках, неохотно поднялись на борт и исчезли в каюте.

Теперь за борт спустились люди Кланета. Они тоже носили грузы на корабль, выливали воду в баки.

И снова началось движение на корабле. Загремели цепи, поднялся якорь. Вверх и вниз взметнулись весла, отводя корабль от берега. Вверх взлетел парус. Корабль развернулся, поймал ветер, медленно поплыл по аметистовым отмелям. Быстрее заработали весла. Золотой остров уменьшался, превращаясь в шафрановое облачко на горизонте, пока не исчез.

Корабль шел на парусах.

Все дальше и дальше — куда, в какой порт? Этого Кентон не знал. Сон за сном шел корабль безостановочно. Огромная чаша серебряного тумана, краем которой был горизонт, то расширялась, то сужалась — туман то сгущался, то чуть рассеивался. Им встречались бури, но они их выдерживали; ревущие шторма сменяли серебро тумана расплавленным свинцом, чернотой, более глубокой, чем ночная тьма. Неожиданные порывы бури угрожали им молниями, страшными и прекрасными. Эти молнии напоминали осколки огромных призм, разбитые драгоценные радуги. Бури мчались на ногах громов. Гром звучал металлом, как звон колоколов; ураганы, сопровождаемые грохотом сотен цимбал, сменялись дождями многоцветных пламенеющих жемчужин.

И постоянно море вливало в Кентона силу через весло, как и пообещал Сигурд, переделывая его, преобразовывая, превращая его тело в машину, закаленную и гибкую, как рапира.

Междя снами Сигурд пел ему песни викингов, неспешные саги, забытый эпос севера.

Дважды посыпал за ним Черный жрец: допрашивал, угрожал, соблазнял — напрасно. И каждый раз с еще более мрачным лицом отправлял его обратно к цепям.

Сражений бога и богини больше не было. И Шарейн во время сна рабов не выходила из своей каюты. Бодрствуя, он не мог повернуть головы, не рискуя навлечь на себя бич Зачеля. Поэтому он часто поддавался сонному рогу — какой смысл бодрствовать, если Шарейн скрывается?

И вот наступил момент, когда он, лежа с закрытыми глазами, услышал чьи-то шаги. Он повернулся, лицом прижимаясь к спинке скамьи, как будто в беспрокойном сне. Шаги остановились возле него.

— Зубран, — это голос Джиджи, — этот человек превратился в юного льва.

— Да, он силен, — согласился перс. — Жаль, что он тратит силу здесь, перегоняя корабль от одного скучного места в другое.

— Я думаю так же, — сказал Джиджи. — Сила теперь у него есть. И есть мужество. Помнишь, как он убивал жрецов?

— Помню ли я? — в голосе перса больше не слышалась скука. — Как я могу забыть? Клянусь сердцем Рустама, это забыть невозможно! Для меня это первый глоток жизни, кажется, за столетия. Я у него в долгу за это.

— К тому же, — продолжал Джиджи, — у него есть верность. Я рассказывал тебе, как он защитил своей спиной человека, который спит с ним рядом. Этим он мне еще больше понравился.

— Прекрасный жест, — сказал перс. — Может, для изысканного вкуса чересчур цветистый. Но все же — прекрасный.

— Мужество, верность, сила, — размышлял барабанщик, потом медленно, с оттенком веселья в голосе, — и хитрость. Необычная хитрость, Зубран: он нашел способ закрыть уши для сонного рога — и сейчас он не спит.

Сердце Кентона остановилось, потом начало биться сильнее. Откуда барабанщик знает? Знает ли он на самом деле? Или только догадывается? Он отчаянно пытался сдержать нервы, заставлял себя лежать неподвижно.

— Что! — воскликнул перс недоверчиво. — Не спит! Джиджи, ты бредишь!

— Нет, — спокойно ответил Джиджи. — Я незаметно следил за ним. Он не спит, Зубран.

Неожиданно Кентон почувствовал прикосновение руки к своей груди, к сердцу. Барабанщик усмехнулся, отвел руку.

— Он к тому же осторожен, — одобрительно сказал он. — Он мне немного верит, но только немного. И тебя он знает недостаточно, Зубран, чтобы довериться тебе. Поэтому он лежит тихо и говорит себе: «Джиджи на самом деле не знает. Он не может быть уверен, пока я не открою глаза». Да, он осторожен. Но смотри, Зубран, он не может заставить кровь отхлынуть от лица, не может замедлить ритм сердца до сонного.

Он снова усмехнулся.

— А вот и еще одно доказательство его осторожности: он не сказал своему товарищу, что рог не имеет над ним власти. Слышишь, как хранит длинноволосый? Он-то уж точно спит. Мне это нравится — он знает, что тайна, разделенная двоими, уже не тайна.

— Он кажется мне спящим, — Кентон почувствовал, как перс склоняется к нему, сомневаясь.

Усилием воли он держал свои веки закрытыми, дышал регулярно, спокойно. Долго ли они будут стоять тут?

Наконец Джиджи нарушил молчание.

— Зубран, — негромко сказал он, — подобно тебе, мне тоже наскучил Черный жрец и эта бесплодная борьба между Иштар и Нергалом. Но, связанные обетом, ни я, ни ты не можем сразиться с Кланетом, не можем причинить вред его людям. Неважно, что обеты вырваны у нас хитростью. Мы их дали — и они действуют. До тех пор, пока Нергал через своего жреца правит на своей палубе, мы не можем сражаться с ним. Но предположим, что Кланет больше не правит, что чья-нибудь рука отправила его к его темному хозяину?

— Это должна быть могучая рука! Где в этих морях мы найдем такую руку? И если найдем, как убедим выступить против Кланета? — усмехнулся перс.

— Я думаю, она здесь, — Кентон снова ощущил на себе руку барабанщика. — Мужество, верность, сила, быстрый ум и осторожность. У него все это есть. К тому же — он может пересекать барьер.

— Клянусь Адрианом! Верно!

— Теперь я хочу дать еще один обет. Обет, к которому ты присоединишься. Если цепи этого человека будут... разорваны, он легко сможет пробраться к Шарейн, легко вернет свой меч.

— Ну, и что тогда? — спросил Зубран. — Ему все же нужно будет встретиться с Кланетом и его сворой. А мы не сможем помочь ему.

— Да, не сможем, — согласился барабанщик. — Но мы не будем и мешать ему. Наши клятвы не заставляют нас воевать на стороне черного жреца, Зубран. На месте этого человека — если бы мои цепи были разорваны и меч снова был бы у меня — я нашел бы возможность освободить спящего рядом товарища. Он, я думаю, смог бы удержать свору, пока этот волчонок, который больше не волчонок, а взрослый волк, сразился бы с Кланетом.

— Что ж, — с сомнением начал перс, но потом с большим воодушевлением продолжил: — Я хотел бы видеть его свободным, Джиджи. По крайней мере хоть что-то нарушит это проклятое однообразие. Но ты говорил об обете.

— Клятва за клятву, — ответил Джиджи. — Если его цепи будут сломаны, если он вернет себе свой меч, если мы не будем помогать Кланету справиться с ним и если он убьет Кланета, станет ли он товарищем тебе и мне, Зубран? Вот что меня интересует.

— Почему он должен давать такую клятву? — спросил Зубран. — Разве только мы сломаем его цепи.

— Вот именно, — прошептал Джиджи. — Если он даст такую клятву, я сломаю его цепи.

Кентон почувствовал надежду. Но потом — сомнение. Не ловушка ли это? Уловка, чтобы мучить его. Он не станет рисковать... и все же... свобода!

Джиджи склонился к нему.

— Верь мне, Волк, — тихо сказал он. — Клятва за клятву. Если согласен, посмотри на меня.

Ему предлагают кости. Он не знает, фальшивые ли они, но нужно бросать. Кентон открыл глаза, посмотрел

прямо в близкие мигающие бусинки. И снова крепко закрыл, успокоил дыхание, будто крепко спал.

Джиджи со смехом распрямился. Кентон слышал, как эти двое поднялись по ступеням из трюма.

Снова свобода! Может ли это быть? И когда Джиджи — если это правда и не ловушка — когда Джиджи разорвет его цепи? Он лежал, разрываясь между надеждой и холодным сомнением. Может ли это быть правдой?

Свобода! И...

Шарейн!

11. Джиджи разрывает цепи

Недолго пришлось ждать Кентону. Едва прозвучал в следующий раз сонный рог, как Кентон почувствовал прикосновение к своему плечу. Длинные пальцы дернули его за ухо, приподняли веки. Он смотрел в лицо Джиджи. Кентон вытащил из ушей пробки, которые помогли ему не поддаться звуку рога.

— Вот как ты это делаешь, — Джиджи с интересом осмотрел их. Он присел на корточки рядом.

— Волк, — сказал он, — я пришел поговорить с тобой, чтобы ты узнал меня немного получше. Я мог бы посидеть рядом с тобой, но кто-нибудь из этих проклятых жрецов может рыскать близко. Поэтому я сяду на стул Зачеля. А ты повернись лицом в мою сторону и прими тот обманчивый сонный вид, который я столько раз наблюдал у тебя.

Он поднялся со скамьи.

— Зубран сейчас с Кланетом, спорит о богах. Зубран, хоть и присягнул Нергалу, считает его подчиненным Аримана, персидского бога тьмы. Он также убежден, что эта борьба между Иштар и Нергалом за корабль лишена не только оригинальности и изобретательности, но и вкуса — ничего подобного его собственные боги и богини не сделали бы или если бы сделали, то гораздо лучше. Это бесит Кланета, что, в свою очередь, веселит Зубрана.

Джиджи встал и осмотрелся.

— Однако, — продолжал он, — на этот раз Зубран спорит, чтобы держать Кланета и особенно Зачеля по дальше от нас, пока мы говорим: в таких спорах Кланет часто за аргументами обращается к Зачелю. Я сказал им, что не выношу таких разговоров и буду сидеть на месте Зачеля, пока спор не кончится. А он не кончится, пока я не вернусь, потому что Зубран умен, о, очень умен и ожидает, что наш разговор приведет в конечном счете к освобождению его от скучи.

Он искоса взглянул на белую палубу.

— Так что не бойся, Волк, — он привстал на коротких ногах. — Только следи за мной. Я предупрежу тебя, если понадобится.

Он, раскачиваясь, пошел к сидению надсмотрщика и сел на него. Кентон, повинуясь, сонно повернулся, положил руку на скамью и голову на руку.

— Волк, — неожиданно сказал Джиджи, — есть ли в том месте, откуда ты пришел, куст под названием чилкор?

Кентон смотрел на него, поставленный в тупик вопросом. Но у Джиджи, должно быть, была причина спрашивать. Слышал ли он о таком растении? Он порылся в памяти.

— Листья у него вот такого размера, — Джиджи расставил пальцы на три дюйма. — Оно растет только на краю пустыни и очень редко — к сожалению. Послушай, может, ты знаешь его под другим названием? Может, вот что тебе поможет. Нужно растереть его почки, перед тем как они раскрываются. Потом смешать с сезамовым маслом и медом, добавить немного перегоревшей слоновой кости и намазать голову, как пастой. Потом тереть, тереть, тереть — вот так, так, так — он показал это на своей лысой сверкающей голове.

— Спустя немного, — продолжал он, — начинают расти волосы; они прорастают, как зерно под весенним дождем, и вот скоро — о, чудо! — лысый купол оброс. И вместо того, чтобы отражать свет, на нем играют новые волосы. И мужчина, который был лыс, снова прекрасен в глазах женщин!

— Клянусь Надаком Козлиным! Клянусь Танит, подательницей радости! — с воодушевлением воскликнул Джиджи. — Мазь отращивает волосы! Как растут от нее волосы! Они выросли бы и на дыне. Да, даже на досках,

если натереть их этой мазью, отрастут волосы, как трава. Ты уверен, что не слыхал об этом растении?

Борясь с изумлением, Кентон отрицательно покачал головой.

— Ну, что ж, — печально сказал Джиджи, — все это делают почки чилкора. И вот я их ищу, — он испустил могучий вздох, — я, который снова хотел бы быть прекрасным в женских глазах.

Он снова вздохнул. Потом одного за другим потрогал спящих рабов концом хлыста Зачеля — даже Сигурда.

— Да, — прошептал он, — да, они спят.

Его черные глаза подмигнули Кентону, лягушачий рот улыбался.

— Ты думаешь, зачем я говорю о таких обыденных вещах, как растения, волосы и лысые макушки, в то время как ты закован в цепи, — сказал он. — Что ж, Волк, это вещи вовсе не обыденные. Именно они привели меня сюда. А не будь я здесь, разве у тебя была бы надежда на свободу, а, подумай? Нет, — сказал Джиджи. — Жизнь — серьезное дело. И все ее части серьезны. И поэтому никакая ее часть не может быть обыденной. Отдохнем немного, Волк, чтобы ты мог постигнуть эту великую истину.

И снова, одну за другой, он перетрогал спины спящих рабов.

— Так вот, Волк, — продолжал он, — теперь я расскажу тебе, как оказался на этом корабле из-за чилкора, его воздействия на волосы и из-за моей лысой головы. И ты увидишь, что от них зависит и твоя судьба. Волк, когда я был ребенком в Ниневии, девушки находили меня исключительно привлекательным. «Джиджи! — кричали они, когда я проходил мимо. — Джиджи, милый, Джиджи, дорогой! Поцелуй меня, Джиджи!»

Голос Джиджи стал забавно меланхоличным; Кентон рассмеялся.

— Ты смеешься, Волк, — заметил барабанщик. — Что ж — мы теперь лучше понимаем друг друга.

И его глаза озорно блеснули.

— Да, — сказал он, — «Поцелуй меня!» — восклицали они. И я целовал их, потому что считал такими же привлекательными, каким они считали меня. И по мере того как я рос, эта взаимная привлекательность возрастала. Ты, несомненно, заметил, — самодовольно сказал Джид-

жи, — что я человек необычный. Но когда я перешел от отрочества к зрелости, самой большой моей красотой стали волосы. Длинные, черные, завитые в кольца, они падали мне на плечи. Я заботился о них, смачивал благовониями, и нежные маленькие сосуды радости, которые любили меня, переплетали ими свои пальцы, когда моя голова лежала у них на коленях. Они наслаждались ими, как и я.

А потом я заболел. И когда оправился, мои прекрасные волосы исчезли.

Он замолчал и снова вздохнул.

— В Ниневии была женщина, которая пожалела меня. Именно она смазала мне голову мазью из чилкора, рассказала, как готовить эту мазь, показала растущие кусты. После многих лет... ммм... взаимного влечения... я снова заболел. И снова потерял волосы. Я тогда был в Тире, Волк, и, как мог быстрее, вернулся в Ниневию. Но когда я вернулся, добная женщина уже умерла, а буря покрыла песком то место, где росли кусты чилкора, которые она мне показывала.

Он испустил чудовищный вздох. Кентон, очарованный, втайне забавляющийся рассказом, не мог предвидеть подозрительного взгляда после этого меланхоличного излияния. Это уже казалось перебором.

— И тут, прежде чем я смог продолжить поиски, — торопливо продолжал Джиджи, — пришло известие, что женщина, которая любила меня — принцесса, — находится на пути в Ниневию, чтобы повидаться со мной. Какой стыд я испытал и какую боль! Я не мог встретиться с ней лысым. Никто не любит лысого мужчину.

— Никто не любит толстяков, — улыбнулся Кентон. Говорил он, как ему показалось, на своем языке; во всяком случае, барабанщик не понял.

— Что ты сказал? — спросил он.

— Я сказал, — серьезно ответил Кентон, — что для человека с такими превосходными качествами, как ты, утрата волос должна иметь не больше последствий, чем потеря одного пера из хвоста любимой птицы.

— Забавный у тебя язык, — флегматично заметил Джиджи. — С его помощью так много можно сказать в нескольких словах.

— Ну что ж, — продолжал он. — Я действительно расстроился. Я мог бы спрятаться, но боялся, что воля моя окажется недостаточно сильной, чтобы укрываться долго. Она была очень красива, эта принцесса, Волк. К тому же я знал: если она узнает, что я в Ниневии, то найдет меня обязательно. У нее были светлые волосы. А между блондинками и брюнетками есть разница — брюнетки ждут, когда к ним придут, а блондинки сами ищут встречи. А в другой город отправиться я не мог — в каждом городе были женщины, восхищавшиеся мной. Что мне оставалось делать?

— Почему ты не надел парик? — спросил Кентон, настолько заинтересованный теперь рассказом Джиджи, что даже забыл о цепях.

— Я говорил тебе, Волк, что они любили играть моими волосами, продевать пальцы в мои локоны, — свирепо ответил Джиджи. — Может ли парик остаться на месте после такого обращения? Нет, если женщины так любят, как любили меня! Нет! Нет! Я расскажу тебе, что я сделал. И тут ты увидишь, как связаны мои утраченные волосы с тобой. Верховный жрец Нергала в Ниневии был моим другом. Я пошел к нему и попросил с помощью волшебства вырастить мне снова волосы. Он возмутился, сказал, что его искусство не для таких пустяков.

Именно тогда, Волк, я начал сомневаться в истинных возможностях этих жрецов. Я видел, как этот жрец совершил магические обряды. Он создавал привидения, от которых поднимались мои волосы — когда они у меня еще были. Насколько легче для него снова отрастить мне волосы, не тревожа привидения. Я ему так и сказал. Он еще более возмутился, сказал, что имеет дело с богами, а не с цирюльниками!

Но я уже понял. Он просто не мог этого сделать! Тем не менее я решил его использовать и попросил спрятать меня, чтобы принцесса меня не нашла, и чтобы я, слабовольный, сам не мог пойти ей навстречу. Он улыбнулся и сказал, что знает такое место. Он посвятил меня в последователи Нергала и дал опознавательный знак, по которому, как он сказал, меня узнает и хорошо примет некто по имени Кланет. И взял с меня клятвы, которые нельзя нарушить. Я охотно дал их, считая их временными. Его друга Кланета я счел жрецом какого-нибудь отдален-

ного храма. В эту ночь я спокойно уснул, а проснулся, Волк, — здесь!

— Это была дурная шутка, — гневно прошептал Джиджи. — И как бы пожалел о ней тот жрец из Ниневии, если бы я мог найти к нему дорогу!

— И вот с тех пор я тут, — резко добавил он. — Моя клятва Нергалу не дает мне права пересечь барьер и перейти на ту палубу, где есть маленький сосуд радости по имени Саталу, который я с восторгом взял бы в руки. И я не могу покинуть корабль, когда он пристает к берегу в поисках пищи и воды — ведь я искал убежища, из которого не смог бы уйти к своей принцессе.

— Клянусь Тиамат из пропасти — я нашел такое убежище! — печально воскликнул он. — И клянусь Белом, покорившим Тиамат, я устал от этого корабля не меньше Зубрана!

— Но если бы я не был здесь, — добавил он как бы вдогонку, — кто бы снял с тебя цепи? Куст, потеря волос, любящая принцесса и мое щеславие — все это привело меня на корабль, чтобы я смог освободить тебя. Из таких нитей ткут боги наши судьбы.

Он наклонился вперед, вся злость исчезла из мигающих глаз, в выражении лягушачьего рта появилась нежность.

— Ты мне нравишься, Волк, — просто сказал он.

— И ты мне нравишься, Джиджи, — все опасения Кентона были забыты. — Очень нравишься. И я тебе верю. Но Зубран...

— Не сомневайся в Зубране, — выпалил Джиджи. — Его тоже обманом заманили на корабль, и он еще больше меня хочет освободиться. Когда-нибудь он расскажет тебе свою историю, как рассказал я. Хо! Хо! — рассмеялся барабанщик. — Вечно ищет нового, вечно устает от известного — таков Зубран. И такова его судьба — оказаться в новом мире и найти его еще хуже старого. Нет, Волк, не бойся Зубрана. С мечом и щитом будет он стоять рядом с тобой — пока не устанет даже от тебя. Но и тогда он сохранит верность.

Он помрачнел и всматривался, не мигая, в Кентона, заглядывая, казалось, в самую душу.

— Подумай как следует, Волк, — прошептал он. — Шансы будут против тебя. Мы двое не сможем помочь тебе, пока Кланет правит на палубе. Возможно, ты не

сумеешь освободить своего длинноволосого соседа. Тебе придется драться с Кланетом и двадцатью его людьми, а может, и с Нергалом! И если ты проиграешь — смерть, после долгой, долгой пытки. Здесь, прикованный к веслу, ты по крайней мере жив. Подумай!

Кентон протянул к нему руки в наручниках.

— Когда ты освободишь меня от цепей, Джиджи? — все, что он спросил.

Лицо Джиджи прояснилось, черные глаза сверкнули, он расправился, золотые кольца в заостренных ушах заплясали.

— Сейчас же! — сказал он. — Клянусь Сином, отцом богов! Клянусь Шамашем, его сыном, и Белом-громовержцем — сейчас же!

Он просунул руки между талией Кентона и большим бронзовым кольцом, обвивавшим ее, потянул кольцо, будто сделанное из замазки, разорвал наручники на руках Кентона.

— Бегай на свободе, Волк! — прошептал он. — Бегай на свободе!

И, не оглядываясь, пошел к лестнице из ямы и начал подниматься по ней. Кентон медленно встал. Цепи спали с него. Он посмотрел на спящего викинга. Как освободить его? И как, если это удастся, разбудить его до прихода Зачеля?

Он снова осмотрелся. У основания высокого сидения надсмотрщика лежал его сверкающий нож с длинным лезвием, тонкий нож, который уронил Джиджи — для него? Он не знал. Но знал, что ножом можно попробовать снять цепи с Сигурда. Он сделал шаг к ножу...

Сколько прошло времени до второго шага?

Его окутал туман.

Сквозь туман он видел, как задрожали фигуры спящих гребцов — стали похожи на призраки. И он больше не видел нож.

Он потер глаза, посмотрел на Сигурда. И увидел пристраек!

Посмотрел на борта корабля. Они таяли у него на глазах. Он успел заметить сияющее бирюзовое море. И тут же оно испарилось. Его не было. Оно перестало существовать!

Кентон плыл в густом тумане, пронизанном серебряным светом. Свет исчез. Теперь его несло через тьму, полную рева ветров.

Чернота исчезла! Сквозь закрытые веки он ощутил свет. И больше он не падает. Стоит, качаясь на ногах. Он открыл глаза...

Он опять находился в своей комнате!

Снаружи доносился шум уличного движения с Авеню, наполненный сигналами автомобилей.

Кентон подбежал к маленькому кораблю. Кроме рабов, на нем виднелась только одна крошечная фигура — игрушка. Кукла, стоявшая на полпути к яме с раскрытым ртом, с кнутом в руке, в каждой черте полное недоумение.

Зачель, надсмотрщик!

Кентон посмотрел в трюм. Рабы спали, весла были подняты...

И вдруг он увидел себя в длинном настенном зеркале! И замер, с удивлением рассматривая себя.

Тот, кого он увидел, не был тем Кентоном, которого унесло отсюда на грудь загадочного моря. Рот его затвердел, глаза стали бесстрашными и острыми, как у ястреба. На широкой груди выдавались мускулы — не застывшие, а грациозные, гибкие и твердые, как сталь. Он согнул руки — мышцы волной пробежали под кожей. Он повернулся, разглядывая спину.

Ее покрывали шрамы, залеченные рубцы бича. Бича Зачеля...

Зачеля — игрушки?

Игрушка не могла нанести эти побои!

И игрушечное весло не вызвало бы к жизни эти мышцы.

И вдруг мозг Кентона проснулся. Проснулся и наполнил его стыдом, горящим стремлением, отчаянием.

Ярость сотрясала его. Он должен вернуться! Вернуться раньше, чем Сигурд и Джиджи узнают, что его нет на корабле.

Долго ли он отсутствовал? Как бы в ответ на его мысль начали бить часы. Он считал. Восемь ударов.

Два часа его собственного времени провел он на корабле. Только два часа? И за эти два часа произошло столько? Его тело так изменилось?

Но что случилось на корабле за те две минуты, что он находится в своей комнате?

Он должен вернуться! Должен...

Он подумал о предстоящей схватке. Можно ли взять с собой пистолеты, если он вернется — если сможет вернуться? С ними он справился бы с любым количеством жрецов. Но они в другой комнате, в другой части дома. Он снова посмотрел на себя в зеркале. Если его увидят слуги... такого... Они его не узнают. Как он сможет им объяснить? Кто ему поверит?

Они могут помешать ему вернуться — вернуться в комнату, где стоит корабль. Его единственная возможность вернуться в мир Шарейн.

Он не смеет рисковать, выходя из комнаты.

Кентон упал на пол, схватил тоненькую золотую цепочку, свисавшую с корабельного носа — какой маленькой она была, какой тонкой на этом игрушечном корабле!

Всей своей волей он устремился к кораблю. Вызывал его, приказывал ему.

Золотая цепь шевельнулась в его пальцах. Она увеличивалась. Он почувствовал сильный рывок. Все толще делалась цепь. Она поднимала его. Снова ужасный рывок, разрывающий каждую мышцу, каждый нерв и кость.

Ноги его повисли.

Страшные ветры дули вокруг — одно короткое мгновение. Исчезли. Их место занял шум волн. Он почувствовал, как его обдает брызгами.

Под ним летело лазурное море. Высоко изгибался нос корабля Иштар. Но не игрушечного корабля. Нет. Зачарованный корабль, символом которого была игрушка, настоящий корабль, на котором удары тоже настоящие и на котором ютится смерть — смерть, которая, может быть, именно сейчас ожидает его, изготавясь для удара!

Цепь, на которой он висел, уходила в швартовы, раскрашенный, как гигантский глаз, между стеной носовой каюты и концом носа. За ним вздымались и опускались большие весла. Гребцы не могли его видеть: они сидели спиной к нему, а отверстия, через которые проходили весла, были плотно закрыты кожей — для защиты от постоянных брызг. Не могли его видеть и с черной палубы из-за изгиба борта.

Медленно, молча, рука за руку, как можно плотнее прижимаясь к борту, он начал подниматься по цепи.

Вверх, к каюте Шарейн. Вверх, к маленькому окну, которое вело в ее каюту с маленького участка палубы сразу за изогнутым носом.

Медленно, все медленнее полз он; через каждые несколько звеньев останавливался, прислушиваясь; добрался наконец до швартова; перенес ногу через фальшборт и упал на маленькую палубу. Подкатился под окно, прижался к стене каюты, скрытый теперь от всех на корабле, скрытый даже от Шарейн, если она выглядит в окно.

Сжался здесь — в ожидании.

12. Хозяин корабля!

Кентон осторожно поднял голову. Цепь проходила через отверстие швартова, обвивалась вокруг грубого ворота и крепилась к тонкому двойному крюку, больше похожему на монтерскую кошку, чем на якорь. Очевидно, хотя контроль над рулевым оборудованием, мачтой и гребцами в трюме находился в руках Черного жреца, женщины Шарейн следили за якорем. Кентон с некоторым беспокойством посмотрел на дверь, ведущую во внутреннюю каюту, где размещались девушки. Впрочем, решил он, маловероятно, чтобы кто-нибудь из них вышел, пока корабль движется под парусом или на веслах. В любом случае придется рискнуть.

В открытое окно над собой он слышал голос. Послы-шался полный презрения голос Шарейн.

— Он разорвал цепи, как и обещал, и бежал!

— Но, госпожа, — это Саталу, — куда он мог деться? Сюда он не пришел. Откуда мы знаем, что Кланет не забрал его?

— Ошибиться в гневе Кланета нельзя, — ответила Шарейн — И в том, как он избил Зачеля. И то, и другое неподдельно, Саталу.

Итак, Черный жрец избил Зачеля; само по себе это уже хорошая новость.

— Послушай, Саталу, — сказала Шарейн, — к чему спорить? Он стал силен. Он разорвал цепи. И бежал. И

тем самым доказал, что он трус. Я так его и назвала, но никогда в это не верила — а теперь верю.

В каюте наступило молчание. Потом снова заговорила Шарейн.

— Я устала. Луарда, иди наружу, следи за дверью. Вы, остальные, отправляйтесь спать — или делайте, что хотите. Саталу, расчеси мне волосы, потом можешь тоже идти.

Снова молчание, на этот раз долгое. Потом голос Саталу:

— Госпожа, ты почти спиши. Я ухожу.

Кентон ждал, но недолго. Подоконник, если бы он встал на палубе, пришелся бы ему на уровне подбородка. Он осторожно подтянулся, заглянул внутрь. Взгляд его упал вначале на алтарь со сверкающими жемчужинами и бледными лунными камнями, светящимися молочными кристаллами. У него появилось ощущение, что алтарь пуст, лишен обитателей. В семи маленьких хрустальных сосудах не горели огни.

Тогда он взглянул вниз. Почти непосредственно под ним находилось изголовье широкого дивана слоновой кости с золотыми арабесками. На диване лежала Шарейн, лицом в подушки, одетая только в тонкое шелковое покрывало и в свои золотые волосы. Она плакала, плакала, как женщина с разбитым сердцем.

Плакала — о нем?

Он увидел блеск сапфира, блеск стали. Это его меч — меч Набу. Он поклялся, что возьмет этот меч сам, а не из ее рук. Меч висел над самой ее головой; ей нужно только поднять руку, чтобы схватить его.

Он опустился, нетерпеливо дожидаясь, пока прекратится плач. Он чувствовал к ней любовь — или вожделение. Но как ни искал в сердце, не чувствовал жалости.

Скоро всхлипывание прекратилось, стало тихо. Немного погодя он снова просунул голову в окно. Шарейн спала, повернувшись лицом к входу в каюту, на длинных ресницах еще видны слезы, но дышала она ровно и спокойно.

Кентон ухватился за подоконник и подтягивался, пока его плечи и грудь не оказались в каюте. Тогда он перегнулся в пояссе. С одной руки коснулся мягкого ковра на полу каюты. Соскользнув неслышно, держась ногами за

подоконник. Медленно, как акробат, опустил ноги, лег во всю длину у подножия постели Шарейн.

И снова ждал. Ее ровное дыхание не изменилось. Он поднялся на ноги. Подкрался к двери, ведущей во внутреннюю каюту. Оттуда доносились негромкие голоса. Он увидел засов, бесшумно задвинул его. «Теперь кошки в клетке», — подумал он, улыбаясь.

Осмотрел каюту. На низком стуле лежал небольшой шелковый платок, рядом — другой, длинный, похожий на шарф. Он взял маленький и искусно сделал из него кляп. Потом взял длинный и испытал на прочность. Тяжелый и прочный, то, что нужно, подумал он. Но этого недостаточно. Он снял со стены занавес.

На цыпочках подошел к изголовью дивана. Шарейн беспокойно зашевелилась, как будто почувствовала на себе его взгляд, как будто начала просыпаться.

Прежде чем она смогла открыть глаза, Кентон раскрыл ей рот и сунул шелковый кляп. Потом, придавив ее своим весом, приподнял ее голову и прочно обвязал рот длинным шарфом. И так же быстро связал ей руки.

Гневно сверкая глазами, она попыталась выкатиться из-под него, ударить его коленями. Он смеялся, лег поперек ее бедер, связал ноги вторым куском ткани, снятым со стены.

Теперь она лежала неподвижно, глядя на него. Он насмешливо послал ей поцелуй. Она повернулась, попыталась упасть на пол. По-прежнему бесшумно он снял еще один занавес и плотно укутал ее. И, наконец, привязал к дивану.

Больше не обращая на нее внимания, он прошел к внешней двери. Ему нужно как-то заманить девушки по имени Луарда в каюту и сделать такой же беспомощной, как ее хозяйка, такой же бессловесной. Он чуть-чуть приоткрыл дверь и заглянул в щелку. Луарда сидела рядом, спиной к нему, глядя на черную палубу.

Он отошел, отыскал еще один кусок шелка, сорвал со стены еще один занавес. Маленький кусок превратил в кляп. Потом опять чуть приоткрыл дверь, прижал губы к щели и высоким женским, насколько сумел, голосом позвал:

— Луарда! Тебя зовет госпожа! Быстрее!

Она вскочила. Он отшатнулся, вжался в стену рядом с дверной рамой. Ничего не подозревая, она открыла

дверь, вошла и на мгновение остановилась, широко раскрыв рот, при виде связанной и беспомощной Шарейн.

Это мгновение и нужно было Кентону. Одной рукой он схватил ее за горло и придавил. Свободной рукой сунул ей в рот кляп; в тот же момент ногой притворил дверь. Девушка в его руках извивалась, как змея. Он сумел удержать ее рот закрытым, пока не обмотал ей голову занавесом. Она царапалась, пыталась обвиться вокруг него ногами. Он крепче затянул шелк, начал душить ее. Когда она перестала бороться, он связал ей руки. Положил на пол и связал, как Шарейн, по рукам и ногам.

Теперь она лежала беспомощно, как и ее госпожа. Кентон поднял ее, понес к дивану, закатил под него.

Только теперь он взял свой меч. Постоял возле Шарейн.

В ее горящих глазах не было страха. Только гнев, но не страх.

Кентон негромко рассмеялся, прижался губами к ее перевязанным губам. Поцеловал гневные глаза.

— А теперь, Шарейн, — смеялся он, — я иду брать корабль — без твоей помощи. И когда я возьму его, вернусь и возьму — тебя!

Он подошел к двери, открыл ее, осмотрелся.

На черной палубе сидел на корточках Джиджи, упираясь лбом в барабан, длинные руки бесцельно свисали. В его позе было отчаяние, от которого Кентону захотелось заплакать. Но вид головы Зачеля быстро заставил его забыть об этом желании. Он видел эту голову над низкими перилами, которые отделяли палубу Шарейн от трюма.

Кентон присел так, чтобы голова надсмотрщика не была видна — в такой позиции и Зачель его не увидит. Привязал меч к поясу. На четвереньках отполз от двери каюты. Он видел, что в каюте, где спят девушки Шарейн, тоже есть окно. Но двери прямо на палубу нет. Чтобы попасть туда, они должны пройти через первую каюту. Но если они что-нибудь заподозрят и обнаружат, что их дверь закрыта, они, несомненно, выберутся через окно. Что ж, опять придется рисковать; он надеялся, что большую часть необходимого проделает прежде, чем они что-то заподозрят.

Если бы он смог застать Кланета врасплох, ударить быстро и молча, тогда с остальными они с викингом справились бы быстро, и тогда пусть женщины делают, что хотят. Они не смогут ни помочь, ни помешать. Будет слишком поздно.

Кентон распластался на палубе, подполз под окно, прислушался. Теперь голоса не слышались. Медленно он приподнялся, заметив, что это место скрыто от надсмотрщика мачтой. Продолжая осторожно поглядывать на безутешного Джиджи, он подтянулся и заглянул во вторую каюту. Здесь было восемь девушек, все они спали, кто на груди друг у друга, кто на шелковых подушках. Он протянул руку и бесшумно прикрыл окно.

Снова лег и мимо стены каюты пополз к правому борту. Перелез через фальшборт. Повисел на руках, отыскивая ногой цепь. Потом ухватился за цепь и повис на ней. Цепь тянулась вдоль борта. Он пополз по ней. Добравшись до конца, снова ухватился за фальшборт.

Теперь мачта находилась непосредственно против него, он добрался до места, с которого собирался нанести первый удар. Он прижался подбородком и, как змея, перелез через перила. Снова лег и лежал неподвижно у фальшборта, пока дыхание не восстановилось.

Отсюда он видел Джиджи — и когда он так лежал, голова Джиджи рывком поднялась с барабана, его глаза заглянули прямо в глаза Кентона. Уродливое лицо выразило крайнее изумление и сразу же стало равнодушным, неподвижным. Он зевнул, встал. Заслонив глаза от солнца, стал пристально всматриваться в море, как будто увидел там что-то.

— Клянусь Нергалом, Кланет должен об этом узнать! — сказал он. И, переваливаясь, пошел к черной каюте.

Кентон подполз к краю трюма. Он видел, что Зачель встал и смотрит в море, отыскивая, очевидно, то, что так заинтересовало барабанщика.

Кентон прыгнул в яму. Одним прыжком он оказался у мачты. Надсмотрщик резко обернулся. Он открыл рот, чтобы крикнуть, и опустил руку к поясу, где у него висел короткий кинжал.

Меч Кентона свистнул в воздухе.

Отрубленная голова Зачеля соскочила с плеч, с раскрытым ртом, с раскрытыми глазами. Еще несколько

мгновений тело надсмотрщика стояло, из перерезанных артерий била кровь, рука все еще держалась за кинжал.

Потом тело Зачеля начало клониться.

Сонный рог выпал из-за пояса. Кентон перехватил его. Колени Зачеля подогнулись, и он упал.

Со скамей гребцов не донеслось ни звука, ни вскрика; все они сидели, раскрыв рты, неподвижно держа весла.

Кентон принялся искать на поясе надсмотрщика ключи, чтобы освободить Сигурда. Нашел, снял их, вынул кинжал из стынивших пальцев Зачеля и побежал по узкому проходу к викингу.

— Брат! Я думал, ты ушел... Забыл о Сигурде... — бормотал северянин. — Клянусь Одином, какой удар! Голова собаки слетела с плеч, будто сам Тор удариł своим молотом...

— Тише, Сигурд,тише! — Кентон с отчаянной торопливостью рылся среди ключей, отыскивая тот, что подойдет к цепи Сигурда. — Мы должны сражаться за корабль, мы с тобой вдвоем... Дьявол, который же ключ! Если сможем добраться до логова Кланета раньше, чем поднимется тревога, стой между мной и жрецами. Оставь Кланета мне. Не трогай Джиджи и рыжебородого Зубрана. Они не могут нам помочь, но не будут и сражаться против нас... помни, Сигурд... ага!

Наручники Сигурда щелкнули и раскрылись, замок на металлическом поясе расстегнулся. Сигурд стряхнул цепи, потянулся и снял пояс. Распрямился, его соломенная грива струилась по ветру.

— Свободен! — взревел он. — Свободен!

— Закрой рот! — Кентон зажал рукой кричащий рот. — Ты хочешь, чтобы на нас набросилась вся свора, прежде чем мы выберемся отсюда?

Он сунул в руки викингу кинжал Зачеля.

— Пользуйся этим, — сказал он, — пока не найдешь оружие получше.

— Это? Хо-хо! — рассмеялся Сигурд. — Женская игрушка! Нет, Кентон, Сигурд найдет себе получше!

Он уронил кинжал. Схватился за весло, поднял его из уключини. Резко ударил о борт. Послышался треск — скрип расщепленного дерева. Сигурд вытащил весло и ударил о противоположный борт. Еще раз послышался треск, и весло раскололось посередине. В руках викинга оказалась гигантская дубина десяти футов длиной. Он

ухватился за расколотый конец, повертел над головой, как булаву, с весла свисали цепь и наручники.

— Пошли! — рявкнул Кентон и наклонился, подбирав кинжал.

Теперь гребцы подняли шум, они пытались разорвать свои цепи, просили выпустить их.

А с палубы Шарейн донеслись пронзительные женские крики. Через окно выбирались девушки-воины.

Теперь Черного жреца не застигнешь врасплох. Остается драться. Его меч и дубина Сигурда против Кланета и всей его своры.

— Быстрее, Сигурд! — закричал он. — На палубу!

— Я первый! — отозвался Сигурд. — Я твой щит!

Он оттолкнул Кентона и пробежал мимо него. Но прежде чем он добрался до верха лестницы, на ее верху уже толпились жрецы, бледнолицые, кричащие, размахивающие мечами и короткими копьями.

Кентон оступился на чем-то, откатившемся от него, и упал на колено. Взглянув вниз, он увидел улыбающееся лицо Зачеля. Он споткнулся о его отрубленную голову. Кентон схватил ее за волосы, размахнулся и швырнул в переднего жреца на лестнице. Она попала тому прямо в лицо, отскочила и покатилась.

Жрецы отпрянули. Прежде чем они смогли собраться снова, викинг уже был наверху и теснил их, размахивая дубиной, как цепом. А за ним двигался Кентон, пробиваясь к черной каюте.

Им противостояло восемь черных жрецов. Весло северянина ударило, расколов череп одного из них, как скорлупу яйца. Прежде чем он смог поднять дубину вновь, двое жрецов набросились на него с копьями. Меч Кентона опустился, отрубив руку с копьем, которое немного не дошло до груди Сигурда. Быстрый рывок вверх разрезал тело этого жреца от пупа до подбородка. Викинг, освободив одну руку, перехватил ею древко копья у второго жреца, вырвал его из рук противника и пронзил его сердце. Еще один упал от удара меча Кентона.

Из двери бежали еще жрецы, вооруженные мечами, копьями и щитами. Они кричали.

И вот из черной каюты выбежал Кланет, с ревом, с большим мечом в руках. За ним — Джиджи и перс. Черный жрец напал прямо на Кентона, прорвавшись, как

бык, сквозь кольцо служителей. А Джиджи и перс отошли к барабану и стояли, не вмешиваясь.

Мгновение Черный жрец стоял, возвышаясь над Кентоном. Затем нанес молниеносный удар сверху вниз, который должен был рассечь Кентона от плеча до бедра.

Но Кентона не оказалось на том месте, куда обрушился удар. Быстрее меча Кланета он отскочил в сторону, удариł своим мечом...

Почувствовал, как он погрузился в бок жреца.

Черный жрец взревел и отшатнулся. И тут же его приближенные заслонили его от Кентона. Окружили его.

— Спина к спине! — закричал викинг. Кентон слышал удары большой дубиной, видел, как падали жрецы под натиском огромного цепа. Он ударами разбросал набросившихся на него врагов.

Теперь борьба переместилась к барабану. Кентон видел перса, тот держал в напряженной руке меч. И бранился, всхлипывал, дрожал, как пес на привязи, которого не спускают на добычу. Джиджи, с пеной на углах широкого рта, с искаженным лицом, стоял, вытянув длинные руки, трясясь от жажды боя.

Кентон знал, что он жаждет присоединиться к нему и Сигурду в битве, но не может: егодерживают данные им клятвы.

Джиджи указал вниз. Кентон посмотрел туда и увидел ползущего с мечом в руках жреца. Тот уже почти добрался до ног Сигурда. Один удар по ногам, и с Сигурдом будет покончено. Забыв о собственной защите, Кентон наклонился вперед, ударили мечом вниз. Голова ползущего соскочила с плеч и откатилась.

Но, распрямляясь, он увидел над собой готового к удару Кланета.

— Конец! — подумал Кентон. Он упал на палубу и откатился от разящего удара.

Он не рассчитывал на викинга. Но тот видел этот эпизод. Поднял весло, держа его горизонтально, размахнулся и нанес страшный удар. Он пришелся Кланету в грудь. Удар мечом не дошел до Кентона, Черный жрец отскочил назад и, несмотря на свой массивный корпус и силу, чуть не упал.

— Джиджи! Зубран! Ко мне! — взревел он.

Прежде чем Кентон смог встать, двое жрецов насыли на него, цепляясь, тыча копьями. Он выпустил рукоятку

меча, схватил кинжал Зачеля. Ударил вверх, почувствовал, как тело над ним напряглось, затем опало, как пробитый воздушный шарик; его залил поток крови. Он услышал бормотание, и вторая тяжесть тоже откатилась.

Он опять схватил меч и с трудом встал. Из всей своры Кланета на ногах осталось не более полудюжины. Они отступили подальше от дубины викинга. Викинг стоял, тяжело дыша. Черный жрец тоже отдувался, держась за широкую грудь, куда пришелся удар Сигурда. У его ног виднелась лужица крови; кровь капала из бока, пронзенного мечом Набу.

— Джиджи! Зубран! — в трудом выговорил он. — Возьмите этих собак!

Барабанщик усмехнулся.

— Нет, Кланет, — ответил он. — Мы не давали клятв помогать тебе.

Он приподнял огромный барабан и одним движением швырнул его в воду.

Жрецы испустили громкий стон. Кланет стоял молча, ошеломленный.

И тут от волн, касавшихся бортов корабля, донесся звук — громкий и зловещий.

Барабанный бой, угрожающий, злобный — призывающий!

Бум-бум-бум!

Барабан плыл у борта. Поднятый волнами, он ударялся о корабль.

Призывал — Нергала!

Корабль задрожал. На море упала тень. Вокруг Кланета начала собираться тьма.

Все более гневно гремел барабан под ударами волн. Туман вокруг Черного жреца густел, завивался; началось адское превращение жреца Нергала в самого повелителя мертвых.

— Бей! — взвыл Джиджи. — Быстрее! Кусай глубже!

Кентон бросился на туманный ужас, внутри которого двигался Черный жрец. Меч прошел сквозь туман, ударили. Послышался болезненный крик. Голос Кланета. Кентон ударил снова.

И понял, что барабанный бой прекратился, голос барабана стих. Он слышал крик Джиджи:

— Бей еще, Волк! Сильнее!

Туман вокруг Кланета разошелся. Жрец стоял, закрыв глаза, держа одной рукой другую, сквозь его пальцы сочилась кровь.

И когда Кентон поднял меч, чтобы нанести еще один удар, Кланет брызнул ему в глаза кровью. Ослепленный, Кентон задержал удар. И Черный жрец опять напал на него. Кентон механически, затуманенным взглядом, поднял лезвие ему навстречу. Он видел, как Сигурд сдерживает оставшихся жрецов, слышал треск костей, когда окрашенное кровью весло встречалось с их телами.

Его меч столкнулся с мечом Кланета и был отбит.

Кентон поскользнулся на луже крови. Упал. Черный жрец набросился на него, обхватил руками. Они покатились по палубе. Он видел, как Сигурд пытается ударить...

И вдруг Кланет разжал руки, вытянулся и замер.

Кентон склонился к нему, взглянул на северянина.

— Не твой! — выдохнул он. — Мой!

И потянулся за кинжалом. Тело Черного жреца напряглось. И, как выпущенная пружина, отбросило Кента на. Прежде чем Сигурд смог поднять весло, Кланет оказался у борта.

И прыгнул в море!

В ста футах плыл змеиный барабан, с верхушкой, разрезанной ножом Джиджи. Голова Кланета появилась возле него, руки ухватились за барабан. Под тяжестью жреца барабан наклонился, как бы в гротескном колено-преклонении. Послышался далекий звук, похожий на плач.

Из серебряного тумана надвинулась тень. Остановилась над Черным жрецом и барабаном. Накрыла их и отступила. Ни Черного жреца, ни барабана не стало видно. Человек и барабан — исчезли.

13. Хозяин... Шарейн!

Все еще ощущая боевую ярость в крови, Кентон осмотрелся. Черная палуба была усеяна людьми Кланета, людьми, избитыми и изломанными булавой Сигурда, людь-

ми, у которых его собственный меч перерезал нить жизни, людьми, лежащими в грудах, людьми — но таких было немного — ранеными и стонущими.

Он обернулся к палубе Шарейн. У входа в каюту толпились ее женщины, с побелевшими лицами.

А на самой границе между двумя палубами стояла Шарейн. Гордо смотрела она на него, но в глазах, на ресницах которых еще виднелись слезы, был туман. Сияющий полумесяц с головы исчез, исчез и ореол богини, который, даже когда Иштар была далеко, окружал это ее живое воплощение.

Она была всего лишь женщиной. Нет — всего лишь девушки! Изящной, человеческой...

Джиджи и перс высоко подняли Кентона.

— Да здравствует! — воскликнул Джиджи. — Да здравствует хозяин корабля!

— Хозяин корабля! — подхватил перс.

Хозяин корабля!

— Опустите меня! — приказал он. И когда его поставили на ноги, направился прямо к Шарейн. Остановился перед ней.

— Хозяин корабля! — рассмеялся он. — И твой хозяин, Шарейн!

Он обнял ее за стройную талию, привлек ее к себе.

Посыпался крик Джиджи, громкий стон перса. Лицо Шарейн побледнело...

Из черной каюты вышел Сигурд, неся в руках темную статую туманного зла, стоявшую в алтаре Кланета.

— Стой! — закричал Джиджи и прыгнул. Но прежде чем ниневит смог дотянуться до него, Сигурд поднял идола и бросил его в воду.

— Последний демон ушел! — закричал он.

Корабль задрожал... задрожал так, словно какая-то рука схватила его за киль и затряслася.

Корабль остановился. Вокруг него вода потемнела.

Глубоко, глубоко внизу, в потемневших водах начало разгораться алое облако. Глубоко, глубоко под ними облако двигалось и разрасталось, как грозовая туча. Оно завертелось водоворотом, в котором алый штурм был усеян черными пятнами. Эти пятна стали всплывать; и при этом алое становилось все ярче, а черное — все темнее.

Поднимающееся облако завертелось, из него брызнули странные лучи, горизонтальные, в форме веера. И вот из этого огромного колеса, поднимающегося из пропасти, полетели огромные пузыри, алые и черные. Они поднимались и при этом росли, приближаясь к поверхности.

В них Кентон разглядел туманные фигуры, тела вооруженных людей, чьи доспехи сверкали алым и черным.

Люди внутри пузырей!

Вооруженные люди! Мужчины, прижимающиеся головой к коленям, одетые в сверкающую броню. Воины, держащие в руках туманные мечи, туманные луки, туманные копья.

Вверх летели пузыри, мириады пузырей. И вот они уже рядом с поверхностью моря. Они прорывают поверхность.

Пузыри лопаются!

Оттуда выпрыгивают воины. В пестрых кольчугах, бледнолицые, глаза без зрачков полуоткрыты и мертвы; они выпрыгивают из потемневшей голубизны моря. Переprыгивают с волны на волну. Бегут по воде, как по полу увядших фиалок. Молча окружают корабль.

— Люди Нергала! — закричала Шарейн. — Воины Темного повелителя! Иштар! Иштар, помоги нам!

— Привидения! — воскликнул Кентон и высоко поднял свой окровавленный меч. — Привидения!

Но в глубине души он знал, что это не привидения.

Передний ряд воинов расположился на гребне волны, как на низком холме. Луки воинов больше не казались туманными. Воины поднесли к щекам оперения длинных стрел. Послышался звон тетивы, свист разрезаемого воздуха. Дюжина стрел торчала в мачте, одна упала у ног Кентона — похожая на змею, ало-черная, ее острие глубоко вонзилось в доску.

— Иштар! Мать Иштар! Избавь нас от Нергала! — призывала Шарейн.

И в ответ корабль рванулся вперед, будто другая гигантская рука подхватила его снизу.

Воины, все еще выпрыгивавшие из пузырей, закричали. И помчались за кораблем. Посыпался новый дождь стрел.

— Иштар! Мать Иштар! — всхлипывала Шарейн.

Нависшая тьма раскололась. На мгновение оттуда выглянул гигантский шар, окруженный гирляндами маленьких лун. Из него лился серебряный огонь, живой, трепещущий, ликующий. Пульсирующий поток ударила в море и растворился в нем. Тени сомкнулись, шар исчез.

Лунное пламя, которое он оставил, погружалось все глубже и глубже. И оттуда начали подниматься большие пузыри, розовые, перламутровые, серебряные, сверкающие нежнейшими оттенками жемчуга.

В каждом из них виднелась фигура — удивительная, тонкая и изящная; женское тело, к красоте которого добавлялось сверкание пузырей.

Женщины внутри пузырей.

Вверх поднимались блестящие шары, касались поверхности бледного моря, лопались.

Оттуда устремлялось женское войско. Обнаженные, покрытые только черными, как ночь, волосами, серебряные, как луна, золотые, как пшеница, и оранжево-красные, они выходили из светящихся дарохранительниц, которые вознесли их наверх.

Они вздымали руки, белые и коричневые, розовые и бледно-янтарные, призывая бегущих, рожденных морем воинов.

Глаза их сверкали, как драгоценные озера — сапфирно-голубые, бархатно-черные, солнечно-желтые, колдовские, глаза серые, как лезвие меча под зимней луной.

С округлыми бедрами, с высокой грудью, женственные, они раскачивались на вершинах волн, маня, призываая воинов Нергала.

И под их призывом — сладким, как голубиный, убедительным, как призыв чайки, нетерпеливым, как крик сокола, сладким и ядовитым — воины дрогнули, остановились. Поднятые луки опустились, мечи плеснули по воде, копья погрузились в глубины. В их мертвых глазах вспыхнуло пламя.

Воины закричали. Они прыгнули навстречу женщинам...

Вершины волн, на которых стояли воины в кольчугах, устремились навстречу вершинам, на которых стояли удивительные женщины. Руки в железных перчатках обняли женщин. На мгновение черные, серебряные, как луна, золотые, как пшеница, волосы обвились вокруг черных и алых кольчуг.

Воины и женщины слились воедино за бегущим кораблем, стали единой сверкающей кильватерной струей, струя эта катилась и вздыхала, как будто была душой любовного моря.

— Иштар! Возлюбленная мать! — молилась Шарейн.
— Поклонитесь Иштар!
— Поклонимся Иштар! — подхватил Кентон и опустился на колени.

Поднявшись, он прижал ее к себе.

— Шарейн! — выдохнул он. Ее мягкие руки обвились вокруг его шеи.

— Мой повелитель, молю о прощении, — вздохнула она. — Молю о прощении! Но откуда я могла знать, когда ты впервые лежал на палубе и казался таким испуганным? Я полюбила тебя. Но я не могла знать, какой ты могучий, мой повелитель.

Ее аромат потряс его, от ее мягкого прикосновения перехватило горло.

— Шарейн! — прошептал он. — Шарейн!

Губы ее отыскали его губы и прижались к ним, безумное вино жизни пробежало по жилам, в сладком огне ее поцелуя забылось все, кроме этого момента.

— Я... отдаюсь... тебе! — выдохнула она.

Он вспомнил...

— Ты ничего не отдаешь, Шарейн, — ответил он.— Я беру!

Он поднял ее, пошел к розовой каюте, ударом ноги закрыл за собой дверь и задвинул засов.

* * *

Сигурд, сын Тригга, сидел на пороге розовой каюты. Он полировал лезвие меча Черного жреца, негромко напевая древние венчальные песни.

На черной палубе Джиджи и Зубран выбрасывали в море тела убитых, кончали страдания тех, кто еще не умер, и тоже бросали их за борт.

Сначала один, потом другой голубь опустились на кроны маленьких цветущих деревьев. Викинг следил за ними, продолжая напевать. Вскоре появились еще, пара за парой. Они ворковали, изгибались изящные шеи. Образовали полуокольцо перед закрытой дверью каюты.

Голуби с белой грудью, алыми клювами, зелеными лапами, бормочущие, воркующие, ласкающие голуби, они поставили снежную печать на пути Кентона и Шарейн.

Голуби Иштар повенчали их!

14. Черный жрец напосыпает удар

Мой дорогой повелитель! Кентон, — шептала Шарейн. — Мне кажется, даже ты не понимаешь, как сильно я тебя люблю!

Они сидели в розовой каюте, ее голова у него на груди.

Новый Кентон смотрел вниз, на поднятое к нему лицо. Все следы ХХ века на нем исчезли. Он стал выше ростом, лицо и широкая грудь в открытой рубашке загорели. Голубые глаза — ясные и бесстрашные, полные веселой беззаботностью, но с оттенком беспощадности. Над локтем левой руки широкий золотой браслет с выгравированными на нем символами Шарейн. На ногах сандалии, которые Шарейн украсила вышитыми вавилонскими за-клиниениями — чтобы ноги несли по тропе любви, ведущей только к ней.

«Сколько времени прошло со дня битвы с князем тьмы? — подумал он, ближе привлекая ее к себе. — Казалось, вечность, а в то же время как будто вчера. Как давно?»

Он не мог сказать — в этом мире без времени вчера и вечность были равны.

И вчера, и вечность тому назад он перестал об этом беспокоиться.

Они плыли все вперед и вперед. В черной каюте, очищенной от зла, жили теперь викинг, Джиджи и перс. Джиджи или Сигурд вели корабль с помощью двух больших весел, прикрепленных к корме. Иногда, в хорошую погоду, место у руля занимали девушки Шарейн. В черной каюте викинг отыскал наковальню, изготовил горн и теперь ковал мечи. Он сделал меч для Джиджи девяты футов в длину, и гигант с ногами гнома вертел им, как веткой. Но Джиджи больше нравилась булава, которую

тоже изготавил для него Сигурд — длинная, как меч, с огромным бронзовым шаром, усаженным остриями, на конце. Зубран остался верен своему ятагану. А викинг продолжал работать, готовя более легкое вооружение для девушек Шарейн. Он сделал им щиты и учил пользоваться одновременно мечом и щитом, как они делали это на своих драккарах.

А Кентон участвовал в этом обучении, фехтовал с Сигурдом, боролся с Джиджи и пытался своим мечом отразить удары ятагана Зубрана.

Все это Джиджи всячески поощрял.

— Пока жив Кланет, мы в опасности, — хрипло повторял он. — Наш корабль должен быть сильным.

— Мы покончили с Кланетом! — отвечал Кентон слегка хвастиливо.

— Нет, — отвечал Джиджи. — Он придет в сопровождении множества воинов. Раньше или позже, но Черный жрец придет.

Вскоре они получили подтверждение этого. Сразу после битвы Кентон взял одного из черных рабов, нубийца, и посадил его на место Зачеля. Теперь им не хватало гребцов. Они встретили корабль, остановили его и потребовали гребца. Капитан отдал им одного — со страхом, и тут же быстро, торопливо уплыл.

— Он не знал, что Кланета тут больше нет, — усмехнулся Джиджи.

Но вскоре после этого они встретили еще один корабль. Капитан не остановился, когда они его окликнули, и им пришлось преследовать корабль и сражаться. Это было маленькое судно, его легко догнали и захватили. И капитан корабля мрачно сообщил им, что Кланет находится в Эмактиле, он там верховный жрец храма Нергала и входит в совет храма Семи Зон. Больше того, Черный жрец пользуется расположением того, кого капитан назвал Повелителем двух смертей, — они решили, что это правитель Эмактилы.

Кланет, так говорил капитан, сообщил всем, что корабля Иштар больше не нужно бояться, что на нем больше нет ни Нергала, ни Иштар, а только мужчины и женщины. Всякий, кто встретит этот корабль, должен его потопить, а экипаж пленить. За них назначена награда.

— И будь моя лодка немножко побольше и людей у меня не так мало, я попробовал бы получить награду, — смело закончил он.

Они взяли все, что им было нужно, и отпустили корабль, но когда тот таял в тумане, капитан крикнул им, чтобы они наслаждались жизнью, пока могут, потому что Кланет на большом корабле со многими людьми ищет их, и им недолго осталось жить.

— Хо-хо! — рассмеялся Джиджи, — хо-хо! Кланет ищет нас? Что ж, я тебя предупреждал, Волк, что так и будет. Что же теперь?

— Можно пристать к одному из островов, выбрать хорошую позицию, и пусть приходит, — ответил Кентон. — Мы можем построить крепость, создать защиту. Так у нас будет больше возможностей, чем на корабле, — если правда, что он преследует нас на большом судне со множеством солдат.

Они решили, что совет Кентона хорош, и поплыли к островам — Сигурд у руля, Джиджи, перс и женщины Шарейн на карауле.

* * *

— Да, мой дорогой повелитель, ты даже не знаешь, как сильно я тебя люблю, — снова прошептала Шарейн, в ее глазах — восхищение, руки обвивают его шею.

Губы их соединились. Даже в горячем огне их соприкосновения он удивлялся перемене, произшедшей с Шарейн, — любовь изменила ее с того момента, как он внес ее в жилище, взяв по праву своими сильными руками.

Воспоминания заставили его задрожать: Шарейн поверженная, неземные чудеса, вспыхнувшие над ее алтарем и своими огненными пальцами переплетшие его душу с ее в пламенном экстазе.

— Скажи мне, повелитель, как ты меня любишь, — томно шептала она.

И тут послышался крик Сигурда:

— Буди рабов! Весла в работу! Штурм приближается!

Незаметно в каюте потемнело. Кентон слышал свисток надсмотрщика, крики и топот ног. Он расцепил руки Шарейн, поцеловал ее, лучше, чем словами, ответив на вопрос, и вышел на палубу.

Небо быстро чернело. Вспыхнула призматическая молния, раздался раскат грома. Поднялся и заревел ветер.

Спустили парус. И корабль, ведомый твердой рукой Сигурда, полетел впереди бури.

Начался дождь. Корабль несся сквозь него, окруженный чернотою, прошитой мириадами многоцветных змей-молний, соединивших море с небом.

Сильный порыв ветра накренил корабль. Дверь каюты Шарейн распахнулась. Кентон пробрался к Джиджи, крича женщинам, чтобы они шли внутрь. Он смотрел, как они с трудом уходят.

— Мы с Зубраном присмотрим, — крикнул он в ухо Джиджи. — Помоги Сигурду у руля.

Но Джиджи не успел пройти и метра, как ветер неожиданно стих.

— Направо! — услышали они крик Сигурда. — Посмотрите направо!

Втroeем они подбежали к правому борту. Во тьме виднелся широкий, слабо сверкающий диск, как огонь маяка в тумане. Его диаметр быстро уменьшался, при этом диск становился ярче.

Диск вырвался из тумана, превратился в ослепительный луч, который пролетел над волнами и уперся в корабль. Кентон разглядел два ряда весел, которые несли навстречу им огромный корпус с чудовищной скоростью. Виднелся сверкающий таран, заостренный, как копье. Он выдавался из носа корабля, как рог гигантского носорога.

— Кланет! — закричал Джиджи и с криком побежал к черной каюте, Зубран за ним.

— Шарейн! — крикнул Кентон и побежал к ее двери.

Корабль резко повернулся и накренился так, что вода хлынула через правый борт. Кентон упал и покатился к фальшборту, ударился и несколько мгновений лежал оглушенный.

Маневры Сигурда не могли спасти корабль. Бирэма изменила курс и пошла параллельно, чтобы срезать весла правого борта. Викинг пытался предотвратить удар. Но на атакующем корабле было слишком много гребцов, его скорость намного превосходила скорость корабля Иштар, на котором было всего семь пар весел в один ряд. Вниз опустились весла бирэмы, она ударила по борту корабля Иштар, сломав его весла, как палочки.

Кентон с трудом встал; он видел, как спешит к нему Джиджи с булавой в руках, рядом со сверкающим ята-

ганом Зубран. А сразу за ними, оставив бесполезный руль, викинг Сигурд, со щитом на руке, с высоко поднятым большим мечом.

Они уже рядом с ним. Головокружение его прошло. Викинг сунул ему щит. Кентон извлек собственный меч.

— К Шарейн! — выдохнул он. Они побежали.

Прежде чем они успели добежать до ее каюты, защищить ее, два десятка солдат, одетых в металлические кольчуги, вооруженные короткими мечами, высипали из биремы и преградили им путь к каюте. А за ними виднелись еще десятки.

Взметнулась булава Джиджи, обрушившись на солдат. Голубое лезвие меча Набу, ятаган Зубрана, меч Сигурда поднимались и опускались, ударяли и рубили. Через мгновение они были покрыты кровью.

Но они не могли приблизиться ни на шаг. На месте каждого убитого солдата тут же появлялся новый. А из биремы продолжали сыпаться воины.

Просвистела стрела, задрожала в щите Сигурда. Еще одна ударила Зубрана в плечо.

Послышался рев Кланета:

— Никаких стрел! Черноволосую собаку и желтоволосую взять живыми! Остальных убивайте, если нужно, мечами.

Теперь солдаты биремы окружили их со всех сторон. Спина к спине на небольшом пространстве сражались четверо. На палубу падали солдаты в кольчугах. Гора трупов вокруг все росла, а они продолжали сражаться. На волосатой груди Джиджи появилась рана, оттуда лилась кровь. Сигурд получил десяток порезов. А Зубран, если не считать раны от стрелы, оставался невредим. Он сражался молча, а Сигурд ревел и пел при ударах, Джиджи смеялся, когда его гигантская палица сокрушала кости и сухожилия.

Но барьер из людей Кланета между ними и Шарейн оставался непреодолимым.

Что с Шарейн? Сердце Кентона упало. Он бросил быстрый взгляд на галерею. Она стояла там с тремя вооруженными девушками, с мечом в руке, отражая нападок солдат, которые по двое поднимались по узкому мостику, переброшенному с биремы.

Но напрасно он отвлекся. В незащищенный бок ударили меч, парализуя его. Кентон упал бы, если бы не рука викинга.

— Спокойно, кровный брат, — услышал он голос Сигурда. — Мой щит перед тобой. Передохни!

С корабля Кланета донесся торжествующий крик. С его палубы протянулись два ствола. К ним были привязаны веревки, а с концов свисала сеть — она опустилась точно на Шарейн и трех других женщин.

Они пытались выбраться из сети. Но сеть связывала, спутывала их. Они бились в ней, беспомощные, как бабочки.

Неожиданно сеть натянулась под действием веревок. Медленно стволы стали подниматься, перенося сеть на палубу атакующего корабля.

— Хо! Шарейн! — насмехался Кланет. — О! Сосуд Иштар! Добро пожаловать на мой корабль!

— Боже! — простонал Кентон.

Ярость и отчаяние вернули ему силы, и он бросился вперед. Под его напором воины отступили. Снова он теснил их. Что-то ударило его в висок. Он упал. Люди Кланета набросились на него, хватая за руки, за ноги, за горло.

Что-то разбросало их. Короткие ноги Джиджи появились рядом, его булава свистела, люди падали от ее ударов. Кентон поднял голову и смутно разглядел Сигурда справа от себя и Зубрана слева.

Он посмотрел вверх. Сеть с бьющимися женщинами опустилась на палубу бирены.

И снова послышался рев Кланета:

— Добро пожаловать, прекрасная Шарейн! Добро пожаловать!

Он с трудом встал, вырвался из рук викинга, шатаясь, пошел вперед — к ней.

— Схватите его! — послышался крик Черного жреца.

— Его вес в золоте тем, кто принесет его — живым!

Теперь вокруг него образовалось кольцо воинов. От троих товарищей его отделяли солдаты. Они падали под ударами булавы, меча и ятагана, но место их занимали другие. И расстояние между Кентоном и его товарищами постоянно увеличивалось.

Он перестал отбиваться. В конце концов ведь он этого хочет. Так будет лучше. Они возьмут его — и он будет с Шарейн.

— Поднимите его! — заревел Кланет. — Пусть эта шлюха Иштар увидит его!

Пленившие его воины высоко подняли его на руках. Он слышал плач Шарейн...

Головокружение охватило его. Как будто его бросили в водоворот, который засасывает его — далеко.

Он видел смотрящих на него Джиджи, Зубрана и Сигурда, лица их превратились в невероятные кровавые маски. И они прекратили сражаться. И другие лица, десятки, все смотрели на него с тем же выражением изумления, переходившего в ужас.

Теперь они все смотрели на него как в отверстие огромного туннеля, в который он падал.

Державшие его руки растаяли. Лица исчезли.

— Джиджи! — звал он. — Сигурд! Зубран! Помогите мне!

Он слышал рев ветра.

Потом трубный звук. Постепенно этот звук стал по-дозрительно знакомым — он слышал его в другой жизни, века и века назад. Что это? Звук становился все громче, требовательней...

Сигнал автомобиля!

Задрожав, он открыл глаза.

И оказался в своей комнате!

Перед ним стоял игрушечный драгоценный корабль.

И в дверь стучали, возбужденно, часто; слышались испуганные голоса.

Потом голос Джевинса, запинающийся, полный страха:

— Мистер Джон! Мистер Джон!

15. Вниз по звуковой линии

Кентон подавил дурноту; протянув дрожащую руку, включил электричество.

— Мистер Джон! Мистер Джон!

В голосе старого слуги звучал ужас, он колотил в дверь, дергал дверную ручку.

Кентон ухватился за край стола, заставил себя заговорить.

— Да... Джевинс, — он пытался говорить как можно естественнее. — В чем дело?

Он услышал облегченный вздох, бормотание других слуг, снова заговорил Джевинс.

— Я проходил мимо и услышал ваш крик. Ужасный крик. Вы больны?

Кентон, отчаянно борясь с подступающей слабостью, умудрился рассмеяться:

— Нет, я уснул. Видел кошмар. Не беспокойтесь! Идите спать.

— О... и все?

В голосе Джевинса звучало облегчение, но слышалось и сомнение. Он не уходил, в неуверенности топтался за дверью.

Перед глазами Кентона стоял туман, тонкая алая вуаль. Колени его неожиданно подогнулись, он едва не упал. Добрался до дивана и лег. Паническое желание позвать на помощь, попросить взломать дверь едва не заставило его говорить. Но тут же он понял, что не должен этого делать; он должен сражаться один — если хочет сохранить надежду вернуться на палубу корабля.

— Идите, Джевинс! — резко сказал он. — Разве я не говорил вам, что меня сегодня нельзя тревожить? Уходите!

Слишком поздно он сообразил, что никогда раньше не говорил так со стариком, который любил его, как сына. Он выдал себя, подтвердил сомнения Джевинса, что что-то в закрытой комнате неладно. Страх подстегнул его язык.

— Все в порядке, — он заставил себя рассмеяться.

— Конечно, со мной все в порядке.

Проклятый туман перед глазами! Что это? Он провел рукой по глазам, она была вся в крови. Он тупо смотрел на нее.

— Хорошо, мистер Джон, — в голосе слуги больше не было сомнения, только любовь. — Но я слышал, как вы кричите...

Боже! Неужели он никогда не уйдет! Взгляд Кентона перешел на предплечье, на плечо. Все в крови. Кровь капала с пальцев.

— Всего лишь кошмар, — спокойно прервал он слугу.
— А теперь я закончу работу и лягу, так что можете идти.

— Спокойной ночи, мистер Джон.

— Спокойной ночи, — ответил он.

Качаясь, сидел он на диване, пока не затихли шаги Джевинса и остальных. Потом попытался встать. Слабость его была слишком велика. Он соскользнул на колени, пополз по полу к низкому шкафчику, ощупью открыл дверь и достал бутылку коньяку. Поднес к губам и отпил. Крепкий напиток придал ему сил. Он встал.

У него сильно болел бок. Он зажал его рукой и почувствовал, как сквозь пальцы сочится кровь.

Он вспомнил — сюда его поразил меч одного из людей Кланета.

И тут в его мозгу всплыла картина — стрела, дрожащая в щите викинга, булава Джиджи, глядящие воины, сеть, захватившая Шарейн и ее женщин, удивленные лица...

И теперь — это!

Он снова поднял бутылку. На полпути ко рту остановился, каждая мышца напряжена, каждый нерв натянут. Против него стоял человек, весь в крови с головы до ног. Он увидел сильное гневное лицо, сверкающие глаза со смертоносной угрозой, длинные спутанные черные волосы спускались до окрашенных в алое плеч. На лбу у основания волос резаная рана, из которой капает кровь. Человек этот обнажен по пояс, и справа на боку у него широкий разрез, до самого ребра.

Кровавый, грозный, ужасный в алоей жидкости жизни, живой призрак с какого-то пиратского корабля смотрел на него.

Стоп! Что-то в этом призраке знакомое — глаза! Взгляд Кентона привлекло свечение золотого кольца на правой руке над локтем. Браслет. Он узнал этот браслет...

Свадебный подарок Шарейн!

Кто этот человек? Кентон не мог думать ясно, мозг его охватывала немота, красный туман стоял перед глазами, слабость снова наползала на него.

Неожиданно его охватил приступ гнева. Он схватил бутылку и хотел швырнуть ее прямо в дикое яростное лицо.

Левая рука человека взметнулась, сжимая такую же бутылку.

Это он сам, Джон Кентон, в длинном зеркале на стене. Залитая кровью, страшно израненная, гневная фигура — это он сам!

Часы пробили десять.

И как будто эти медленные удары освободили его, в Кентоне произошло изменение. Мозг его прояснился, воля и целеустремленность вернулись. Он еще отпил из бутылки, и, не глядя больше в зеркало, не глядя на игрушечный корабль, пошел к двери.

Взяв в руку ключ, он остановился и задумался. Нет, этого делать нельзя. Он не может рисковать, выходя из комнаты. Джевинс может все еще быть поблизости; кто-нибудь другой из слуг может увидеть его. Если он сам не узнал себя, как же будут реагировать другие?

Он не сможет пойти куда-нибудь, чтобы очистить раны, смыть кровь. Придется действовать здесь.

Кентон вернулся в кабинет, по дороге сдернув со стола скатерть. Ногой он задел что-то на полу. Меч Набу лежал тут, больше не голубой, а, как и он сам, красный от лезвия до рукояти. Кентон пока оставил его на полу. Смочил коньяком скатерть и попробовал промыть раны. Из другого шкафчика достал свою аптечку. Тут были корпия, бинты и йод. Закусив губу от боли, он залил йодом большую рану у себя на боку, смазал рану на лбу. Сделал компресс из корпии и привязал ко лбу и к груди. Кровь остановилась. От действия йода боль уменьшилась. Тогда он снова подошел к зеркалу и осмотрел себя.

Часы пробили половину одиннадцатого.

Половина одиннадцатого! Сколько было, когда он взял в руки золотую цепочку и призвал корабль — цепь подняла его и перенесла в загадочный мир?

Тогда было девять!

Всего полтора часа назад! Но за это время в том другом мире без времени он побывал и рабом, и победителем, сражался в великих битвах, завоевал и корабль, и женщину, которая насмехалась над ним, стал тем, кем он теперь был.

И все это меньше чем за два часа!

Он направился к кораблю, подобрав по дороге меч. Вытер кровь с рукояти, но не тронул лезвие. Еще отпил из бутылки, прежде чем осмелился опустить взгляд.

Вначале он взглянул на каюту Шарейн. Среди маленьких цветущих деревьев виднелись пустоты. Дверь каюты, разбитая, лежала на палубе. Подоконник разбит. На крыше он заметил сидящих голубей. Головы их были опущены, как в трауре.

Вместо семи весел торчали только четыре. И в трюме осталось только восемь гребцов.

В правом борту корабля были щели и глубокие вмятины — следы столкновения с бирегом в том странном мире, где остался корабль и откуда его унесло.

У рулевого весла стояла кукла — игрушка, направлявшая игрушечный корабль. Высокий человек с длинными светлыми волосами. И ног его еще две игрушки — одна с сияющей безволосой головой и обезьяньими руками, другая рыжебородая, с агатовыми глазами и сверкающим ятаганом на коленях.

Страстное стремление потрясло Кентона, он ощутил сердечную боль, такую тоску, какую может испытать человек, заброшенный на далекую звезду в просторах космоса.

— Джиджи! — застонал он. — Сигурд! Зубран! Верните меня к себе!

Он наклонился к ним, касался их нежными пальцами, дышал на них, как будто хотел передать им тепло жизни. Дольше всех он задержался на Джиджи — инстинктивно чувствовал, что ниневит больше других способен помочь ему. Сигурд силен, перс умен, но в коротконогом гиганте жили древние боги земли, когда она была еще молода и полна неведомыми силами, давно забытыми людьми.

— Джиджи! — прошептал он, приблизив к нему лицо. Снова и снова повторял он: — Джиджи! Услыши меня! Джиджи!

Показалось ему или кукла шевельнулась?

И тут, нарушив его сосредоточенность, послышался крик. Мальчишки-газетчики кричали о каких-то глупых новостях этого глупого мира; который он давно отбросил от себя. Крик нарушил, разорвал тонкую нить, которая начала образовываться между ним и игрушкой. Он с проклятием выпрямился. В глазах его помутилось, он упал. Сказалась усталость, вернулась предательская слá-

бость. Он дотащился до шкафа, отбил горлышко второй бутылки и влил ее содержимое себе в горло.

Подстегнутая кровь зашумела в ушах, силы возвращались к нему. Он выключил свет. Через тяжелый занавес с улицы пробивался луч света и падал на игрушечные фигурки. Снова Кентон собрал все силы воли для призыва.

— Джиджи! Это я! Зову тебя! Джиджи! Ответь мне! Джиджи!

Игрушка шевельнулась, голова ее поднялась, тело дрогнуло.

Далеко, далеко, холодный, как морозный узор на стекле, призрачный и нереальный, приходящий из неизмеримого удаления, услышал он голос Джиджи:

— Волк! Я слышу тебя! Волк! Где ты?

Мозг его ухватился за этот голос, как за нить, держащую его над огромной пропастью.

— Волк, вернись к нам, — голос звучал сильнее.

— Джиджи! Джиджи! Помоги мне вернуться!

Два голоса — далекий, тонкий, холодный и его собственный встретились, сплелись, связались. Они протянулись над пропастью, которая лежала между ним и тем неведомым измерением, в котором плыл корабль.

Маленькая фигура больше не сидела на корточках. Она расправилась. Голос Джиджи звучал все громче:

— Волк! Иди к нам! Мы слышим тебя! Иди к нам!

И, как заклинание:

— Шарейн! Шарейн! Шарейн!

При имени любимой он почувствовал, как удваиваются его силы.

— Джиджи! Джиджи! Продолжай звать!

Он больше не видел свою комнату. Он видел корабль — далеко, далеко внизу. Сам он превратился в плывущий высоко комочек жизни, стремящийся вниз и зовущий, зовущий Джиджи на помощь.

Нить звуков, соединившая их, напряглась и задрожала, как паутинка. Но выдержала и продолжала держать его.

Корабль увеличивался. Он был туманным, облачным, но все рос и рос, и Кентон все опускался на него по звуковой нити. Теперь послышались еще два голоса, поддерживающие первый: пение Сигурда, призывы Зубрана, шум ветра в корабельных снастях, молитва волн, перебирающих четки пены.

Корабль становился все реальнее. Через него просвещивала комната. Казалось, она борется с кораблем, пытается отогнать его. Но корабль побеждал ее, призывал его голосами товарищей, голосами ветра и моря.

— Волк! Мы чувствуем — ты близко! Иди к нам... Шарейн! Шарейн! Шарейн!

Призрачные очертания ожили, охватили его.

К нему протянулись руки Джиджи, схватили его, выхватили из пространства.

И тут он услышал хаотический шум, другой мир, подстигаемый могучими ветрами, закружился вокруг него.

Он стоял на палубе корабля.

Джиджи прижал его к своей волосатой груди. На плечах его лежали руки Сигурда. Зубран держал Кентона за руки, выкрикивая радостные и непонятные персидские проклятия.

— Волк! — взревел Джиджи, слезы лились по его морщинистому лицу. — Куда ты ушел? Во имя всех богов, где ты был?

— Неважно! — всхлипывал Кентон. — Неважно, где я был, Джиджи. Я вернулся. Слава Богу, я вернулся!

16. В поисках острова колдунов

Им везло. Серебряный туман тесно окутал корабль, так что он плыл в круге, едва ли вдвое превышавшем его длину. Туман скрывал корабль. Кентон спал мало и загонял гребцов до изнеможения.

— Приближается сильная буря, — предупредил Сигурд.

— Молись Одину, чтобы она задержалась до нашего прихода в Эмактилу, — ответил Кентон.

— Будь у нас лошадь, я принес бы ее в жертву Всеобщему Отцу, — сказал Сигурд. — Тогда он придержал бы бурю.

— Говори тише, чтобы нас не услышали морские кони, — сказал Кентон.

По рассказам викинга он знал: пленный капитан признался, что жрица в жилище Бела.

— Она в безопасности, даже от Кланета, пока у нее нет другого возлюбленного, кроме бога, — объяснил Сигурда.

— Другого возлюбленного, кроме бога! — взревел Кентон, опуская руку на рукоять меча и свирепо глядя на Сигурда. — У нее не будет другого возлюбленного, кроме меня, Сигурда, ни бога, ни человека! Что ты хотел сказать?

— Убери руку с меча, Волк, — ответил Сигурд. — Я не собираюсь оскорблять тебя. Только — боги есть боги! И ведь капитан говорил, что твоя женщина ходит как в сне, память у нее отобрали. Если это так, кровный брат, то она и тебя не помнит.

Кентон сморщился.

— Нергал однажды пытался разлучить любивших друг друга мужчину и женщину, — ответил он, — как мы с Шарейн. Не смог. Не думаю, что жрец Нергала преуспеет там, где потерпел поражение его хозяин.

— Не очень умное рассуждение, Волк, — это Зубран неслышно подошел к ним. — Боги сильны. Поэтому им не нужны хитрость и коварство. Они наносят удар, и все кончено. Я согласен, что это не требует большого ума, но зато результативно. Человек, у которого нет силы богов, должен полагаться на хитрость и коварство. Поэтому человеку часто удается то, что не удается богам. Из своей слабости он черпает силу. Богов нельзя в этом винить — разве в том, что сделали человека слабее себя. Поэтому Кланета следует опасаться больше, чем Нергала, его хозяина.

— Он не может изгнать меня из сердца Шарейн! — воскликнул Кентон.

Викинг склонился к компасу.

— Может, прав ты, — пробормотал он. — А может, Зубран. Все, что я знаю: пока твоя женщина верна Белу, ни один человек не может повредить ей.

Уклончивый в этом пункте, в остальных викинг отвечал прямо и подробно. Он многое видел, будучи рабом жрецов Нергала. Он знал город, хорошо знал Храм Семи Зон. Но лучше всего было то, что он знал, как попасть в Эмактилу другой дорогой, не через гавань.

Это было очень важно: ясно, что в гавани их могли сразу же узнать.

— Смотрите, друзья, — Сигурд концом меча начертил грубую карту на досках палубы. — Вот город. Он в конце фьорда. По обе стороны фьорда вздымаются горы и двумя длинными полосами уходят далеко к морю. Но вот здесь, — он указал место, где береговая линия приближается к вилке, откуда отходит левый горный отрог, — здесь залив с узким входом со стороны моря. Жрецы Нергала используют это место для тайных жертвоприношений. Между заливом и городом дорога, идущая через холмы. Дорога приводит к большому храму. Я прошел по ней и стоял на берегах залива. Я вместе с другими рабами нес жрецов в носилках и предметы для жертвоприношения. Потребуется два сна, чтобы корабль добрался от Эмактилы до этого места, но только половина этого времени напрямик, и сильный человек смог бы проделать этот путь от восхода до заката солнца в зимний день. К тому же тут есть куда спрятать корабль. Мимо редко проходят корабли, и поблизости никто не живет — поэтому жрецы Нергала и выбрали это место.

К тому же я хорошо знаю Храм Семи Зон, он долго был моим домом, — продолжал Сигурд. — В высоту он достигает тридцати мачт.

Кентон быстро прикинул. Получается около шестисот футов. Да, высоко.

— Сердцевину храма, — говорил Сигурд, — составляют святилища богов и богини Иштар, одно над другим. Вокруг этой сердцевины помещения жрецов и жриц и меньшие святилища. Главных святилищ семь, самое верхнее из них принадлежит Белу. Внизу обширный двор с алтарями и другими священными предметами, куда люди приходят молиться. Все входы сильно укреплены и охраняются. Даже мы вчетвером не сможем войти здесь.

Но вокруг храма, который имеет такую форму, — он нацарапал усеченный конус, — проходит большая каменная лестница вот так, — он провел спиральную линию от основания конуса к вершине. — На одинаковом расстоянии друг от друга на лестнице стоят часовые. У основания лестницы казармы гарнизона. Ясно?

— Ясно, что потребуется армия, чтобы захватить храм, — проворчал Джиджи.

— Вовсе нет, — ответил викинг. — Вспомните, как мы захватили галеру, хотя их было гораздо больше. Мы

подплывем на корабле к этому тайному месту. Если жрецы там, сделаем, что сможем, — перебьем их или убейм. Но если Норны прикажут жрецам не быть там, мы спрячем корабль и оставим гребцов на попечении чернокожего. Потом мы вчетвером, в одежде моряков и в длинных плащах, захваченных на галере, пойдем скрытной дорогой к городу.

По поводу лестницы у меня есть план. Вдоль нее стена — до груди человека. Если сможем незаметно пробраться у основания лестницы, поползем в тени этой стены, по дороге убивая часовых. Доберемся до жилища Бела, войдем и заберем Шарейн.

Но в хорошую погоду этого не сделать, — закончил он. — Должна быть темнота или буря, чтобы нас не увидели с улицы. Поэтому я молю Одина, чтобы он задержал бурю, пока мы не доберемся до города и не начнем подъем по лестнице. Потому что в бурю мы сможем все это проделать, и притом быстро.

— Но я не вижу в этом плане возможности убить Кланета, — ворчал Зубран. — Ползем, прячемся, снова ползем с Шарейн. И все. Клянусь Ормуздом, у меня слишком нежные колени, чтобы ползть. К тому же мой ятаган хочет оцарапать шкуру Черного жреца.

— Пока Кланет жив, для нас нет безопасности, — прохрипел Джиджи на свой старый мотив.

— Я пока не думал о Кланете, — сказал викинг. — На первом месте женщина Кентона. После этого займемся Черным жрецом.

— Мне стыдно, — сказал Зубран. — Я должен бы помнить. Но, по правде говоря, я чувствовал бы себя лучше, если бы по дороге к ней у нас была возможность убить Кланета. Я согласен с Джиджи — пока он жив, нет безопасности ни для твоего кровного брата, ни для кого из нас. Впрочем, Шарейн, конечно, в первую очередь.

Викинг всматривался в компас. Снова посмотрел внимательно и показал остальным.

Голубые стрелки располагались параллельно, их острия указывали на одно место.

— Мы движемся прямо к Эмактиле, — сказал Сигурд. — Но вошли ли мы в фьорд? Во всяком случае мы близко к нему.

Он повернул рулевое весло. Корабль развернулся. Большая стрелка повернулась на четверть оборота. Малая указывала по-прежнему прямо.

— Это ничего не доказывает, — сказал викинг, — только то, что мы больше не направляемся прямо к городу. Но мы где-то рядом с входом. Следите за гребцами.

Все медленнее полз корабль, отыскивая путь в тумане. И вот перед ними показалось что-то темное. Оно росло медленно, медленно. Показался низкий берег, который вскоре резко поднимался и тонул в глубокой тени. Сигурд произнес благодарственную молитву.

— Мы по другую сторону гор, — сказал он. — Где-то вблизи от того места, о котором я вам говорил. Пусть надсмотрщик ведет корабль вдоль берега.

Он резко повернул весло, корабль развернулся и пошел вдоль берега. Скоро впереди показался высокий хребет. Они обогнули его и оказались у узкого залива, в который Сигурд и направил корабль.

— Здесь мы спрячемся, — сказал он. — Вон в той группе деревьев. Они растут прямо из воды. В этой рощице корабль не увидят ни с моря, ни с берега.

Они вплыли в рощу. Длинная густая листва скрыла корабль.

— Привяжите корабль к деревьям, — прошептал Сигурд. — Побыстрее. Тут могут оказаться жрецы. Посмотрим позже, когда двинемся в путь. Корабль оставим на женщин. С ними чернокожий. И пусть сидят тихо до нашего возвращения.

Он покал сильными плечами.

— У тебя будет больше шансов вернуться, если ты срежешь свои длинные волосы и бороду, Сигурд, — сказал перс и добавил: — И у нас тоже.

— Что! — гневно воскликнул Сигурд. — Срезать волосы! Даже когда я был рабом, их не тронули!

— Умный совет, — заметил Кентон. — И, Зубран, твоя пламенная борода и рыжие волосы — лучше бы сбрить их или по крайней мере перекрасить.

— Клянусь Ормуздом, нет! — воскликнул перс так же гневно, как Сигурд.

— Птицелов расставил сеть и попался в нее! — рассмеялся Сигурд. — Совет тем не менее хорош. Лучше потерять волосы с головы, чем голову с плеч!

Девушки принесли ножницы. Со смехом они подстригли гриву Сигурда, укоротили его длинную бороду, придав ей форму лопаты. Удивительно преобразился после этого Сигурд, сын Тригга.

— Вот уж кого Кланет не узнает, увидев, — сказал Джиджи.

Теперь в руках женщин оказался перс. Они погрузили в темную жидкость тряпки и обложили ими голову и бороду Зубрана. Красный цвет потемнел, сменился каштановым. Разница между старым и новым Зубраном оказалась не так велика, как между старым и новым Сигурдом. Но Кентон и Джиджи кивнули одобрительно — красный цвет, бросавшийся в глаза, как и грива северянина, исчез.

Оставались Кентон и Джиджи. С ними мало что можно было сделать. Нельзя изменить лягушачий рот Джиджи, мигающие бусинки глаз, лысую макушку, необыкновенно широкие плечи.

— Сними кольца с ушей, — попросил Кентон.

— А ты — браслет с руки, — ответил Джиджи.

— Подарок Шарейн! Никогда! — воскликнул Кентон гневно, как только что северянин и перс.

— Ушные кольца подарила мне женщина, которая любила меня не меньше, чем твоя. — Впервые за то время, что Кентон знал Джиджи, в голосе того прозвучал гнев.

Перс негромко рассмеялся. Это сняло напряжение. Кентон виновато улыбнулся барабанщику. Джиджи ответил улыбкой.

— Что ж, — заметил он, — похоже, мы все должны принести жертву, — и начал отстегивать кольца.

— Не надо, Джиджи! — Кентон почувствовал, что он не в состоянии расстаться с браслетом — символом любви Шарейн. — Оставь их. Кольца и браслет можно спрятать.

— Не знаю, — с сомнением ответил Джиджи. — Лучше бы снять. И что-то есть в идее жертвоприношения...

— В твоих словах мало смысла, — упрямо сказал Кентон.

— Ты думаешь? — размышлял Джиджи. — Многие видели у тебя на руке этот браслет, когда ты сражался с Кланетом и потерял Шарейн. И Кланет видел его. Что-то

нашептывает мне, что он более опасен, чем кольца в моих ушах.

— Мне никто ничего не шепчет, — упрямо ответил Кентон. Он пошел в бывшую каюту Кланета и начал переодеваться в одежду моряков, взятую на галере. Он надел кожаную рубашку, рукава которой застегивались на запястьях.

— Видишь, — сказал он Джиджи, — браслет не виден.

Затем брюки из того же материала, перевязанные у пояса. Высокие ботинки со шнурковкой. Поверх рубашки короткая кольчуга. На голове конический металлический шлем, с которого на плечи и спину свисала промасленная прочная кожа.

Остальные оделись так же. Только перс не расстался со своей старой кольчугой. Он сказал, что знает ее прочность, а остальные ему незнакомы. Старый друг, испытанный и всегда верный, сказал он, он не оставит его ради новых, чью верность еще не испытал. А Джиджи низко натянул шлем и спрятал уши и ушные кольца. Вокруг шеи он повязал шелковый шарф, укрыв им рот.

Набросив поверх всего плащи, они посмотрели друг на друга повеселевшими глазами. Викинг и перс изменились неузнаваемо. Можно не бояться, что их узнают. Кентон тоже сильно изменился благодаря новой одежде. Плащ скрыл короткие ноги Джиджи, а шарф вокруг лица и конический шлем тоже делали его с трудом узнаваемым.

— Хорошо! — прошептал викинг.

— Очень хорошо! — подхватил Кентон.

Они перепоясались и сунули за пояс свои мечи и те, короткие, что сковал Сигурд. Только Джиджи не взял ни девятифутовый меч, скованный Сигурдом, ни свою булаву. Булава слишком известна, меч — помеха в пути, и его, как и булаву, невозможно скрыть. Он взял два меча средней длины. Взял и длинную веревку и прицепил к ней крюк. Обвязался веревкой, а крюк подцепил к поясу.

— Веди нас, Сигурд, — сказал Кентон.

Один за другим они перелезли через борт, прошли по мелкой воде и постояли на берегу, пока Сигурд осматривался в поисках ориентиров. Туман стал еще плотнее. Золотые листья, соцветия алых и желтых цветов были

вытканы на фоне тумана, как на древнем китайском экране. В тумане показалась фигура Сигурда.

— Пошли. Я нашел дорогу.

Молча пошли они за ним сквозь туман под серебряной тенью деревьев.

17. В городе колдунов

Путь, действительно, оказался тайным. Как Сигурд находил дорогу в мерцающем тумане, какими приметами руководствовался, Кентон не мог сказать. Но викинг без колебаний шел вперед.

Междудвумя холмами, заросшими золотым папоротником, пролегала узкая дорога, она проходила через густой кустарник, где неподвижный воздух был томным от запаха бесчисленных незнакомых цветов, через рощи стройных деревьев, похожих на бамбук, только стволы у них были ярко-алые, через леса, похожие на парки, в которых сгущались тусклые-серебряные тени. Шагали они по мягкому мху неслышно. Давно позади остался шелест моря. Все вокруг было тихо.

На краю одной из таких похожих на парк рощ викинг остановился.

— Место жертвоприношений, — прошептал он. — Посмотрю, нет ли поблизости черных собак Нергала. Подождите меня здесь.

Он растворился в тумане. Они молча ждали. Чувствовалось — что-то злое спит под этими деревьями, и если они заговорят или пошевельнутся, оно может проснуться. Оттуда, как будто спящее зло дышало, доносился сладковатый кладбищенский запах, который был и в каюте Кланета.

Бесшумно, как и ушел, вернулся Сигурд.

— Черных одежд нет, — сказал он. — И все же что-то от их темного бога всегда живет в этой роще. Быстрее бы миновать это место! Идите быстро и не шумите.

Они пошли. Наконец Сигурд остановился и облегченно вздохнул.

— Прошли, — сказал он.

И повел их быстрее. Путь начал круто подниматься. Они шли длинным глубоким оврагом, в котором туман стоял так плотно, что они с трудом пробирались через булыжники, усеивавшие его дно.

Миновали два больших монолита и остановились. Внезапно тишина, окружавшая их до сих пор, была нарушена. Перед ними по-прежнему была лишь стена тумана, но оттуда и снизу доносилось бормотание, голоса большого города, скрип мачт, дребезжание цепей, всплески весел и время от времени крики, вырывавшиеся из смутного гула стремительно, как хищная птица.

— Гавань, — сказал Сигурд и указал вниз и направо. — Эмактила под нами, близко. А там, — он снова указал вниз и немного налево, — там Храм Семи Зон.

Кентон взглянул в том направлении. Туманная громада виднелась в серебряных облаках, очертания ее конусообразные, вершина плоская. Сердце его забилось быстрее.

Они продолжали спускаться. Бормотание города становилось все громче. Все яснее виднелся гигантский храм, все выше уходил он в небо. И по-прежнему туман скрывал от них город.

Они подошли к высокой каменной стене. Здесь Сигурд повернулся и повел их в рощу мощных, густо поросших листвой деревьев. Они скользили меж деревьев, следя за викингом, который теперь двигался очень осторожно.

Наконец он выглянулся из-за толстого ствола, поманил их. За деревьями виднелась широкая дорога с глубокими колеями.

— Дорога в город, — сказал он. — Теперь можем идти спокойно.

Они спустились с откоса и пошли по дороге, идя теперь рядом друг с другом. Скоро деревья уступили место полям, насколько позволял видеть туман, возделанным. На полях росли высокие растения с листьями, как у кукурузы, но шафранно-желтыми, а не зелеными, а вместо початков длинные метелки блестящих белых плодов; видны были ряды кустов, на которых росли зеленые, как изумруд, ягоды; странные фрукты; деревья обвивали лианы, с которых свисали похожие на тыкву плоды, но в форме звезды.

Они увидели дома, двухэтажные, похожие на кубики, с меньшими кубиками, пристроенными с боков, как детские игрушки. Дома были причудливо раскрашены — и по цвету, и по рисунку. Фасады в полоску, с чередованием вертикальных полос шириной в ярд красного и голубого цвета; другие фасады желтые, с алыми зигзагами, как упрощенное изображение молнии; широкие горизонтальные полосы алоого цвета чередовались с зелеными.

Дорога сузилась, стала улицей, вымощенной камнями. Раскрашенные дома стояли гуще. Мимо проходили мужчины и женщины, коричневые и черные, одинаково одетые в белые одеяния без рукавов, доходившие до колен. На правом запястье у всех виднелось бронзовое кольцо, с которого спадала небольшая цепь. Они несли груз — кувшины, корзины с фруктами и другими продуктами, плоские хлебы красновато-коричневого цвета, плоские фляги шириной в фут. Проходя, они с любопытством разглядывали четверку.

— Рабы, — сказал Сигурд.

Теперь раскрашенные дома стояли сплошной линией. На них виднелись галереи, а на галереях — цветущие деревья и растения, похожие на те, что росли над розовой каютах на корабле. С некоторых галерей наклонялись женщины и подзывали прохожих.

По этой улице они дошли до другой, большой и полной народу. И здесь Кентон остановился в изумлении.

Вдали виднелся огромный храм с террасами. Вдоль его сторон располагались многочисленные лавки. У дверей стояли хозяева, расхваливая свои товары. Свисали флаги, на которых клинописью были расписаны эти же товары.

Мимо него проходили ассирийцы, жители Ниневии и Вавилона с завитыми волосами и украшенными кольцами бородами; крючконосые яркоглазые финикийцы, египтяне с глазами как вишни, эфиопы с большими золотыми кольцами в ушах, улыбающиеся желтые люди с миндалевидными веками. Проходили солдаты в кольчугах, с колчанами на спине, полными стрел и с луками в руке, жрецы в черных, алых и синих одеждах. Перед ним на мгновение остановился краснокожий мускулистый воин, который нес на плече топор с двойным лезвием — оружие древнего Крита. На его плече лежала белая рука женщины в странно современной плиссированной юбке, с высокой белой

грудью, выдававшейся из тоже очень современной по покрою блузки. Миноец и его подруга — они, может быть, были свидетелями того, как к дверям Лабиринта подходила дань Афины Минотавру, а в Лабиринте ждал чудовищный человекобык.

А вот и римлянин в полном вооружении, сжимающий короткий бронзовый меч, который мог бы прорубать дорогу для Цезаря. За ним — гигантский галл со спутанными волосами и глазами голубыми и холодными, как у Сигурда.

Взад и вперед по середине улицы двигались носилки, которые несли на своих плечах рабы. Кентон проводил взглядом гречанку, длинноногую и стройную, с волосами цвета созревшей пшеницы. Потом карфагенянку с горячими глазами, такую красивую, что она могла быть невестой Баала. Та высунулась из носилок и улыбнулась ему.

— Я хочу есть и пить, — сказал Сигурд. — Чего мы тут стоим? Пошли.

И Кентон понял, что пышная процессия выходцев из прошлого для его товарищей, которые сами из прошлого, совсем не удивительное зрелище. Он кивнул в знак согласия. Они смешались с толпой и отыскали место, где люди ели и пили.

— Лучше войдем по двое, — сказал Джиджи. — Кланет ищет четверых, а мы четверо незнакомцев. Волк, иди сначала ты с Сигурдом. Мы с Зубраном следом — и не замечайте нас, когда мы войдем.

Хозяин поставил перед ними еду и кувшины с вином. Он оказался разговорчив, спросил, откуда они, благополучным ли было их путешествие.

— Сейчас хорошо быть не в море, — болтал он. — Приближается буря, и сильная. Молюсь Владыке морей, чтобы он удержал ее, пока не кончится служба Белу. Скоро закрою свое заведение и отправлюсь посмотреть на эту новую жрицу, о которой так много говорят.

Лицо Кентона было наклонено, закрыто свисавшей со шлема кожей. Но при этих словах он поднял голову и посмотрел прямо на хозяина.

Тот отступил, запнулся, смотрел на него широко раскрытыми глазами.

Его узнали? Рука Кентона потянулась к рукояти меча.

— Прошу прощения! — выдохнул хозяин. — Я вас не узнал... — Потом наклонился поближе, всмотрелся и рассмеялся. — Клянусь Белом! Я думал, ты... Боги!

И торопливо ушел. Кентон смотрел ему вслед. Может быть, его уход — хитрость? Он узнал в нем человека, которого ищет Кланет? Не может быть. Слишком реален был его испуг, слишком искренним облегчение. На кого же тогда похож Кентон, так похож, что вызывает испуг?

Они быстро поели, расплатились золотом, взятым с галеры, снова вышли на улицу. Почти тут же к ним присоединились Джиджи и перс.

По двое пошли они вдоль улицы, неторопливо, как люди, только что прибывшие из долгого путешествия. Но Кентон с удивлением и растущими опасениями все чаще замечал устремленные на него взгляды; люди тут же отворачивались и быстро уходили. Остальные тоже заметили это.

— Закрой плотнее лицо, — беспокойно сказал Джиджи. — Мне не нравится, как на тебя смотрят.

Кентон рассказал им о разговоре с хозяином.

— Плохо, — Джиджи покачал головой. — На кого ты можешь быть похож, что они так пугаются? Спрячь лучше лицо.

Кентон так и поступил и шел согнувшись. Тем не менее на него продолжали посматривать.

Улица кончилась у большого парка. По его газону ходили люди, сидели на каменных скамьях, на гигантских корнях деревьев, чьи стволы были толстые, как у секвойи, а вершины терялись в тумане. Пройдя немного по улице, Сигурд свернул в парк.

— Волк, — сказал он, — Джиджи прав. На тебя слишком много смотрят. Мне кажется, что тебе лучше не идти дальше. Сиди на этой скамье. Наклони голову, будто спишь или пьян. В парке немного народу и будет еще меньше, когда заполнится двор храма. Туман скроет тебя от прохожих на улице. Мы втроем пойдем в храм и изучим лестницу. Потом вернемся к тебе и посоветуемся.

Кентон понимал, что викинг прав. Беспокойство его тоже росло. Но как трудно оставаться позади, не видеть место, где держат в плена Шарейн, предоставить другим возможность найти дорогу к ней.

— Смелее, брат, — сказал Сигурд, когда они уходили.
— Один задержал для нас эту бурю. Он поможет нам и освободить твою женщины.

И вот долго-долго, как ему кажется, он сидит на скамье, закрыв лицо руками. Все сильнее и сильнее становится желание самому увидеть тюрьму Шарейн, изучить ее слабые места. В конце концов его товарищи заинтересованы не так, как он, взгляд их не обострен любовью. Он может достичь успеха там, где у них ничего не получится, его глаза увидят то, что пропустят их взгляды. Наконец нетерпение овладело им. Он встал со скамьи и вернулся на многолюдную улицу. Не доходя до нее нескольких шагов, он повернулся и пошел по парку вдоль улицы.

Вскоре он дошел до конца парка и остановился, полускрытый.

Прямо перед ним, не далее чем в пятидесяти ярдах, возвышался огромный Храм Семи Зон.

Гигантский конус закрывал все поле зрения. Вокруг него, как змея, извивалась большая лестница. На сто футов от основания храм сиял, как полированное серебро. Затем в конус врезалась круглая терраса. Над террасой еще на сто футов поверхность была покрыта каким-то металлом красно-золотого или оранжевого цвета. Еще терраса, и дальше абсолютно черный фасад, мертвенно-тусклый. Снова терраса. Туман скрывал стену над ней, но Кентону показалось, что он видит алую стену, а над ней синью.

Взгляд его следовал за извивами лестницы. Он вышел вперед, чтобы разглядеть ее получше. Широкие ступени вели от ее основания к обширной платформе, на которой стояло множество вооруженных людей. Он понял, что это гарнизон, который они должны победить или обмануть. Сердце его упало при виде этих многочисленных солдат.

Он посмотрел, что за ними. Лестница охранялась. В пяти тысячах футов парк подступал вплотную к стене храма. Там группа высоких деревьев, их ветви почти касаются лестницы.

Веревка Джиджи и крюк! Как мудро поступил ниневит, предвидя такую возможность. Кентон самый легкий из четверых, он взберется на дерево, переберется на лестницу, а если это невозможно, перебросит веревку с крюком и поднимется по веревке.

Потом опустит веревку для остальных. Можно сделять! А если будет буря, которую предсказывает Сигурд, охрана ничего не услышит.

Неожиданно он почувствовал, что за ним следят. Между ним и храмом людей не было, у основания лестницы стоял офицер и смотрел на него.

Кентон повернулся, быстро прошел по краю улицы и оказался вновь у своей скамьи. Сел, как и раньше, наклонился, закрыл лицо руками.

Кто-то сел рядом.

— В чем дело, моряк? — грубовато спросили его. — Если болен, почему не идешь домой?

Кентон ответил хрипло, продолжая закрывать лицо.

— Слишком много вина в Эмактиле. Оставь меня. Пройдет.

— Хо! — рассмеялся незнакомец и схватил Кентона за локоть. — Подними голову. Иди лучше домой, пока не началась гроза.

— Нет, нет, — хрипло ответил Кентон. — Я не боюсь бури. Вода мне поможет.

Руку с его локтя убрали. Некоторое время сидевший рядом молчал. Потом встал.

— Хорошо, моряк, — сердечно сказал он. — Остарайся здесь. Вытянись на скамье и поспи. Боги да будут с тобой!

— И с тобой, — пробормотал Кентон. Он слышал удаляющиеся шаги. Осторожно повернул голову, посмотрел в том направлении. Среди деревьев видно было несколько фигур. Одна из них — человек в длинном синем плаще, другая — офицер, одетый, как тот, который смотрел на Кентона от основания большой лестницы: моряк... горожанин... Кто они такие?

Человек, сидевший рядом с ним, схватил его за руку как раз там, где был надет браслет Шарейн! А этот офицер? Тот же самый? За ним следят?

Он выпрямился, натянул на браслет кожаный рукав. Но рука его вновь легла на браслет. Рукав был отрезан ножом.

Кентон вскочил, хотел бежать. Но прежде чем он успел сделать шаг, послышался топот. На голову ему набросили тяжелую ткань. Кто-то схватил его за горло. Еще один обвил его веревкой, прижавшей его руки к бокам.

— Снимите ткань с его лица, но держите руки на горле, — услышал он холодный мертвый голос.

Голову его открыли. Он смотрел прямо в бледные глаза Кланета.

И тут из двойного кольца солдат послышались изумленные возгласы. Вышедший вперед офицер смотрел на него в изумлении.

— Мать богов! — застонал он и склонился у ног Кентона. — Повелитель, я не знал, — он вскочил и поднес нож к веревке.

— Остановись! — заговорил Кланет. — Это раб! Посмотри внимательней!

Дрожа, офицер посмотрел в лицо Кентону, приподнял завесу шлема, выругался.

— Боги! — воскликнул он. — А я-то думал, что это...

— Ты думал неверно, — спокойно прервал его Кланет. Он пожирал глазами Кентона. Наклонился, вытащил меч Набу.

— Подожди! — офицер взял у него меч. — Этот человек — мой пленник, пока я не доставлю его королю. И до этого времени я сохраню его меч.

Смертельной опасностью загорелись глаза жреца.

— Он отправится в Дом Нергала, — взревел он. — Берегись, капитан, противоречить Кланету!

— Я слуга короля, — ответил офицер. — Я подчиняюсь его приказам. А ты, как и я, хорошо знаешь, что он приказал всех пленников приводить прежде всего к нему — что бы ни говорили жрецы. К тому же, — добавил он, — возникает вопрос о награде. Пусть это дело будет записано. Король справедлив.

Черный жрец стоял молча, прикрыв рукой рот. Офицер рассмеялся.

— Вперед! — приказал он. — К храму! Если этот человек убежит, вы все умрете.

Тройное кольцо солдат окружило Кентона. Рядом с ним шел офицер. По другую сторону — Черный жрец, не отрываясь взглядом от Кентона, облизывая свои безжалостные губы.

Так прошли они через парк, вышли на улицу и, наконец, прошли через высокую арку в храм.

18. Повелитель двух смертей

Король Эмактилы, Повелитель двух смертей, сидел, скрестив ноги, на высоком диване. Он очень походил на старого короля из детских песенок, включая веселость, румянец на лице и круглые, как яблочко, и такие же красные щеки. В его зодянистых голубых глазах светилось веселье. На нем была свободная алая одежда. Он шаловливо размахивал своей длинной белой бородой, испачканной брызгами красного, пурпурного и желтого вина.

Судный шатер короля Эмактилы достигал ста квадратных футов. Диван короля размещался на платформе в пять футов высотой, которая, как сцена, тянулась от одного края комнаты до другого. Пол, выложенный квадратными плитками, круто поднимался к платформе. Вогнутый край его резко обрывался пролетом широких низких ступеней, которые заканчивались в пяти футах от дивана короля.

Двенадцать лучников в перевязанных поясами куртках серебряного и алого цвета стояли на самой нижней ступени плечо к плечу, луки наготове, стрелы наложены на тетиву, в одно мгновение они поднимут лук и выстрелят. Двадцать четыре лучника стояли у их ног. Тридцать шесть смертоносных стрел смотрели на Кентона, Черного жреца и капитана.

По обе стороны ступеней вдоль задней изогнутой стены палаты вытянулся еще ряд лучников, серебряных и алых, плечо к плечу, стрелы наготове. Мигающие глаза короля видели их головы, которые окружали сцену, как рампа.

Вдоль остальных трех стен, плечо к плечу, стрелы на тетивах, глаза не отрываются от короля Эмактилы, идет, не прерываясь, серебряно-алый фриз из лучников. Они стоят молча; напряженные, как заведенные автоматы, готовые действовать, как только нажмут невидимую пружину.

В помещении нет окон. Светло-голубые занавеси покрывают все стены. Сотни ламп освещают комнату ровным желтым пламенем.

На расстоянии двух ростов человека слева от короля неподвижно, как и лучники, стоит затянутая вуалью фигура. Сквозь вуаль чуть видны изгибы прекрасного тела.

На том же расстоянии справа от короля другая скрытая фигура. Вуаль не в силах скрыть исходящий от нее ужас.

Одна фигура заставляет сердце биться ускоренно.
Другая — останавливает его биение.

На полу, у ног короля, сидит гигант-китаец с изогнутым алым мечом.

У дивана с обеих сторон стоят девушки, прекрасные, юные, обнаженные по пояс. Шесть с одной стороны, шесть — с другой. В руках у них кувшины, полные вином. У их ног вазы с вином, красным, пурпурным и желтым, эти вазы стоят в еще больших вазах со снегом.

Справа от Повелителя двух смертей склонилась девушка с золотой чашей в вытянутой руке. Слева — другая с золотым флаконом. Король берет то чашу, то флакон и пьет, потом возвращает. Девушки тут же наполняют их.

Через много переходов вели капитан и Черный жрец Кентона к этому месту. Теперь король выпил вина, поставил чашку и хлопнул в ладоши.

— Король Эмактилы судит! — звучно произнес китаец.
— Он судит! — прошептали лучники, стоящие у стен.

Кентон, Черный жрец и капитан вышли вперед и остановились перед упершимися им в грудь стрелами. Король наклонился, веселыми мигающими глазами разглядывая Кентона.

— Что это за шутка, Кланет, — воскликнул он высоким дрожащим голосом. — Или дома Бела и Нергала объявили войну друг другу?

— Войны нет, повелитель, — ответил Кланет. — Это раб, за которого я объявил награду и которого я хочу получить, так как я захватил...

— Так как я захватил, повелитель, — прервал капитан, опустившись на колено. — И я тем самым заслужил награду Кланета, о справедливый!

— Ты лжешь, Кланет, — захихикал король. — Если ты не воюешь, почему же ты связал...

— Посмотри внимательней, повелитель, — прервал его Кланет. — Я не лгу.

Водянистые глаза уставились на Кентона.

— Да! — рассмеялся король. — Ты прав. Он тот, кем мог бы быть тот, другой, если бы он хоть наполовину был мужчиной. Ну, ну... — он поднял флакон и, прежде чем выпить, заглянул в него. — Не полон! — хихикнул он. — Только наполовину.

Он перевел взгляд с флакона на девушку, которая стояла ближе всех к той, что склонилась слева от него. Его круглое радостное лицо устремилось к ней.

— Насекомое! — засмеялся король. — Ты забыла наполнить мой флакон!

Он поднял палец.

Слева донесся звон тетивы, пролетела стрела. Она ударила дрожащую девушку в правое плечо. Девушка покачнулась, закрыв глаза.

— Плохо! — весело крикнул король и снова поднял палец.

Справа прозвучала тетива, просвистела стрела. Она попала в сердце первому лучнику. Прежде чем его тело коснулось пола, тот же самый лук выстрелил вторично. Вторая стрела попала в сердце раненой девушке.

— Хорошо! — засмеялся король.

— Наш повелитель даровал смерть! — запел китаец.
— Слава ему!

— Слава ему! — подхватили лучники и девушки с чашами.

Но Кентон, охваченный приступом гнева при виде этого бессердечного убийства, прыгнул вперед. Немедленно тридцать шесть лучников натянули стрелы, оперения стрел коснулись их ушей. Черный жрец и капитан схватили Кентона и оттянули назад.

Китаец вытащил маленький молот и ударил по лезвию своего меча. Тот зазвенел, как колокол. На помосте появились два раба и унесли мертвую девушку. Другая заняла ее место. Рабы унесли мертвого лучника. Другой выскоцил из-за занавеси и занял его место.

— Отпустите его, — радостно гукнул король и выпил полный флакон.

— Повелитель, он мой раб, — Черный жрец не мог скрыть высокомерное нетерпение в своем голосе. — Его привели сюда, исполняя твой приказ. Ты видел его. Теперь я требую, чтобы его отвели ко мне на казнь.

— О-х-х! — король поставил чашку и рассмеялся.
 — О-х-х! Значит, ты требуешь его? И хочешь увести?
 О-х-х!

— Ноготь гниющей мухи! — взревел он. — Король я в Эмактиле или нет? Отвечай!

Отовсюду послышался звук натягиваемых луков. Каждая стрела из всего живого фриза была нацелена в грузное тело Черного жреца. Капитан присел рядом с Кентоном.

— Боги! — прошептал он. — Ад побери тебя и награду!
 И зачем я увидел тебя?

Черный жрец заговорил голосом, в котором смешались гнев и страх:

— Ты король Эмактилы!

И поклонился. Король взмахнул рукой. Луки опустились.

— Встаньте! — воскликнул король.

Все трое встали. Король Эмактилы указал пальцем на Кентона.

— Почему ты так рассердился? — захихикал он. — Я дал благодеяние смерти двоим. Человек, много раз будешь ты умолять смерть прийти, молить о моих быстрых лучниках, прежде чем Кланет покончит с тобой.

— Это убийство, — сказал Кентон, спокойно глядя в водянистые глаза.

— Моя чаша должна быть полна, — мягко ответил король. — Девушка знала о наказании. Она нарушила мой закон. Она убита. Я справедлив.

— Наш повелитель справедлив! — пропел китаец.

— Он справедлив! — повторили лучники и девушки.

— Лучник заставил ее страдать, а я хотел для нее безболезненной смерти. Поэтому он убит, — сказал король. — Я милостив.

— Наш повелитель милостив! — запел китаец.

— Он милостив! — подхватили лучники и девушки.

— Смерть! — морщинистое лицо короля лучилось в улыбке. — Человек, смерть — это лучший дар. Это единственное, в чем боги не могут нас обмануть. Она одна сильнее непостоянства богов. Она одна принадлежит только человеку. Превыше богов, независимо от богов, сильнее богов — так как даже боги должны будут уметь в свое время!

— Ах! — вздохнул король, и на мгновение вся его веселость исчезла. — Ах! В Халдее был поэт, когда я жил там — он знал смерть и знал, как писать о ней. Малдонах его звали. Здесь никто его не знает ...

И затем негромко:

— Лучше умереть, чем жить, — сказал он, — а еще лучше никогда не быть!

Кентон слушал, интерес к этой странной личности потускнел гнев. Он тоже знал Малдонаха из древнего Ура; он читал эту самую поэму, которую цитировал король, в глиняных таблицах, раскопанных Хайлпрехтом в песках Ниневии — в той старой, полузыбкой жизни. И невольно он произнес начало последнего мрачного отрывка:

— Жизнь есть игра, — сказал он, —

Конца ее мы не знаем и не хотим знать,

И мы зеваем, приходя к концу...

— Что! — воскликнул король. — Ты знаешь Малдонаха! Ты...

И он затрясся от хохота.

— Продолжай! — приказал он.

Кентон чувствовал, как дрожит рядом с ним от гнева Кланет. И Кентон рассмеялся, встретив подмигивающий взгляд короля; и пока Повелитель двух смертей приканчивал то чашу, то флакон, он читал стихи с их резвым ритмом, так не соответствующим стилю похоронного марша:

— Приятно играть с западней,

Обходить ловушку, играть с опасностью

И легко проигрывать выигранное;

— Есть открытая дверь, — сказал он,

Место, куда ты можешь идти —

Но то, что ты видел, и то, что ты сделал,

Что это все, когда гонка уже окончена

И ты стоишь у самой дальней двери?

— Как будто всего этого никогда не было, — сказал он, —

Все миновало, как пульс мертвеца!

Иди легко и ни о чем не печалься!

Тот, кому нечего бояться, ни о чем не горюет.

— Лучше умереть, чем жить, — сказал он, —

А еще лучше никогда не быть рожденным!

Король долго сидел молча. Наконец он шевельнулся, поднял флакон и подозвал одну из девушек.

— Он пьет со мной! — сказал он, указывая на Кентона.

Лучники расступились, пропустили девушку. Она остановилась перед Кентоном, поднесла к его губам флангон. Он выпил, поднял голову и поклонился.

— Кланет, — сказал король, — человек, знающий Малдонаха из Ура, не может быть рабом.

— Повелитель, — упрямо ответил Черный жрец. — Мой раб останется у меня.

— Неужели? — засмеялся король. — Язва в брюхе комара! Неужели?

Вокруг зазвенели натягиваемые луки.

— Повелитель, — выдохнул Кланет и опустил голову, — он остается у тебя.

Проходя мимо, Кентон слышал, как скрипят зубы Черного жреца, слышал, как тот втягивает воздух, будто после долгого бега. И Кентон, улыбаясь, прошел сквозь строй лучников и остановился возле короля.

— Человек, знающий Малдонаха, — улыбнулся король, — ты удивляешься, как это я, один, обладаю большей властью, чем жрецы всех богов и все их боги. Потому, что во всей Эмактиле только у меня нет ни богов, ни суеверий. Я единственный человек, который знает, что в мире существуют лишь три реальности. Вино — оно до некоторого предела позволяет человеку видеть яснее, чем боги. Власть — вместе с хитростью она делает человека выше богов. Смерть — которую боги не могут отменить и которой распоряжаюсь я.

— Вино! Власть! Смерть! — запел китаец.

— У этих жрецов множество богов, и каждый ревнует к остальным. Хо! Хо! — рассмеялся король. — У меня нет богов. Поэтому я справедлив ко всем. Справедливый судья должен не иметь предрассудков и не иметь веры.

— Наш повелитель не имеет предрассудков! — запел китаец.

— Он не имеет веры! — пели лучники.

— Я на одной чаше весов, — кивнул король. — На другой множество богов и жрецов. Есть только три вещи, в реальности которых я уверен. Вино, власть, смерть! Те, кто пытается перевесить меня, верят во многое другое. Поэтому я перевешиваю их. Если бы мне противостоял только один бог, только одна вера — я был бы внизу. Да, три к одному! Вот парадокс — и в нем правда.

— Повелитель Эмактилы говорит правду! — шептали лучники.

— Лучше три прямые стрелы в колчане, чем триста кривых. И если в Эмактиле появится человек с одной стрелой и эта стрела будет прямее моих трех — этот человек будет править на моем месте, — лукился радостью король.

— Лучники, слушайте своего короля! — пел китаец.

— Итак, — сказал король, — поскольку боги и жрецы ревнуют друг к другу, они сделали меня, который не думает ни о богах, ни о жрецах, королем Эмактилы, чтобы сохранить мир между ними и не дать им уничтожить друг друга. И так как у меня десять лучников против одного их лучника и двадцать мечников против одного их мечника, я делаю это очень хорошо. Хо! Хо! — рассмеялся король. — Такова власть.

— У нашего повелителя есть власть! — воскликнул китаец.

— А имея власть, я могу пить, сколько хочу, — хихикал король.

— Наш повелитель пьян, — шептали лучники вдоль всей палаты.

— Пьяный или трезвый, я король двух смертей, — хихикал правитель Эмактилы.

— Двух смертей, — шептали лучники, кивая друг другу.

— Перед тобой, человек, знающий Малдонаха, я сниму с них покрывала, — сказал король.

— Лучники по сторонам и сзади, наклоните головы! — закричал китаец. Головы лучников со всех трех сторон живого фриза немедленно упали на грудь.

Вуаль спала с фигуры слева от короля.

Глядя на Кентона глубокими глазами, в которых была нежность матери, стыдливость девушки, страсть любовницы, стояла женщина. Ее обнаженное тело было безупречно. В единый хор в нем сливались мать, девушка и любовница. Она дышала всеми веснами, когда-либо посещавшими землю. Она была дверью в очарованный мир, символом всего, что может дать земля — всей красоты и всей радости. Она была всей сладостью жизни, ее обещаниями, ее экстазами, ее соблазнами и ее разумом. Глядя на нее, Кентон понял, что за жизнь нужно держаться всеми силами. Она дорога и полна удивительными дарами. Ее нельзя упускать!

И что смерть ужасна!

Он не испытывал желания к этой женщине. Но она пробудила в нем желание жить и раздула это пламя в целый пожар.

В правой руке она держала странный изогнутый инструмент с длинными кривыми лезвиями и острыми клыками.

— Ей я отдаю только тех, кто мне очень не нравится, — хихикал король. — Она убивает их медленно. Глядя на нее, они цепляются за жизнь, яростно, отчаянно цепляются за нее. Каждый момент жизни, который она отнимает у них этими клыками и когтями, длится целую вечность. И целую вечность они борются со смертью. Медленно отнимает она у них жизнь, и они уходят из жизни с воплями, цепляясь за нее, отворачивая упрямые лица от смерти. А теперь — взгляни!

Спала вуаль с фигуры справа.

Здесь скорчился черный карлик, бесформенный, искривленный, отвратительный. Он смотрел на Кентона тусклыми глазами, в которых были все печали, вся усталость, все разочарования жизни; вся жизнь с ее бесполезной, утомительной, пустой работой. Глядя на него, Кентон забыл о первой фигуре — он понял, что жизнь ужасна, что ее не стоит беречь.

И что единственное в ней хорошо — это смерть!

В правой руке карлик держал острую шпагу, тонкую, с игольным острием. Кентон боролся с охватившим его желанием броситься на это острие, умереть на нем.

— Ему я отдаю тех, кем очень доволен, — засмеялся король. — Быстра их смерть, как сладкая чаша у губ.

— Ты, — король указал на капитана, пленившего Кентона, — я тобой недоволен, ты схватил человека, который знает Малдонаха, хоть он и был рабом Кланета. Иди к левой смерти!

С побледневшим лицом капитан поднялся по ступеням, прошел мимо лучников, шел не останавливаясь, пока не оказался рядом с женщиной. Китаец ударил в свой меч. Появились два раба со склоненными головами, неся металлическую решетку. Они сняли с капитана вооружение, привязали его обнаженным к решетке. Женщина склонилась к нему, вся — нежность, вся — любовь, вся — жизнь с ее обещаниями. Она прижала свой инструмент к его груди — с такой любовью!

Капитан закричал громко, отчаянно. Послышались мольбы и проклятия, стоны обреченного.

Женщина продолжала склоняться к нему, улыбаясь, нежно, глаза ее не отрывались от него.

— Хватит! — усмехнулся король. Она убрала орудие пытки с груди солдата, взяла свою вуаль и накинула на себя. Рабы развязали капитана, одели его дрожащее тело. Со всхлипываниями он, шатаясь, побрел назад, встал на колени справа от Черного жреца.

— Я недоволен, — весело говорил король. — Но ты выполнял свой долг. Поэтому живи еще немного, поскольку ты этого хочешь. Я справедлив.

— Наш повелитель справедлив, — подхватили все в палате.

— Ты, — он указал на лучника, поразившего девушку и своего товарища, — тобой я очень доволен. Ты получишь награду. Иди к моей правой смерти!

Медленно лучник выступил вперед. Все быстрее двигался он, глядя в тусклые глаза карлика. Все быстрее и быстрее — он взлетел по ступеням, разбрасывая стоявших там лучников, и бросился на острую шпагу.

— Я щедр, — сказал король.

— Наш повелитель щедр, — распевал китаец.

— Щедр, — шептали лучники.

— Я хочу пить, — засмеялся король. Он выпил чашку и флякон. Голова его опустилась, он покачнулся совсем пьяно.

— Приказываю! — он открыл сначала один глаз, потом другой. — Слушай меня, Кланет! Я хочу спать. Я буду спать. Когда я проснусь, приведи ко мне человека, который знает Малдонаха, снова. Никто не смеет повредить ему. Таков мой приказ. Его должны охранять лучники. Уведите его. Охраняйте. Таков мой приказ!

Он потянулся за чашей. Она выпала из ослабевшей руки.

— Клянусь моими смертями, — заплакал он. — Какойстыд! В кувшин входит так много, а в человека так мало!

И он упал на диван.

Повелитель двух смертей захрапел.

— Наш повелитель спит! — негромко запел китаец.

— Он спит! — шептали лучники и девушки.

Китаец встал, склонился к королю. Поднял его, как ребенка. Две смерти шли вслед. Двенадцать лучников с

нижней ступени повернулись и замкнули кольцо вокруг короля. Двадцать четыре лучника окружили их. Остальные лучники отделились от стен и по шесть человек пошли сзади.

Двойное кольцо прошло через занавеси в глубине комнаты. За ними маршировали лучники.

Из их строя отделились шесть человек и остановились возле Кентона.

Девушки взяли чашки и кувшины и исчезли за занавесом.

Один из шести лучников показал вниз. Кентон спустился по ступеням.

Черный жрец с одной стороны, бледный капитан с другой, трое лучников перед ним, трое сзади, он вышел из судной палаты короля.

19. За стеной

Кентона отвели в маленькую комнату, в высоких стенах которой были прорезаны узкие окошки. Дверь из прочной бронзы. Вдоль стен низкие деревянные скамьи. В центре еще одна скамья. Лучники посадили его на нее, связали ноги кожаными ремнями, бросили на скамью плащи и усадили на них. Сами сели по трем сторонам комнаты, не отрывая взгляда от Черного жреца и капитана.

Капитан тронул жреца за плечо.

— Где моя награда? — спросил он. — Когда я ее получу?

— Когда раб будет в моих руках, не раньше, — ответил Кланет свирепо. — Если бы ты был умнее, ты бы уже получил ее.

— Много хорошего она принесла бы мне со стрелой в сердце или, — он вздрогнул, — с объятиями левой смерти короля.

Черный жрец злобно взглянул на Кентона, склонился к нему.

— Не надейся на милость короля, — сказал он. — Это говорило его опьянение. Протрезвев, он все забудет. Даст мне тебя без всяких вопросов. Не надейся!

— Неужели? — Кентон спокойно смотрел в злобные глаза. — Я уже дважды побил тебя, черная свинья!

— Третьего раза не будет! — выплюнул Кланет. — А когда король проснется, в моих руках будешь не только ты, но и храмовая шлюха, которую ты любишь. Хо! — загремел он, увидев, как исказилось лицо Кентона. — Это тебя задевает, не так ли? Да, вы у меня будете оба. И вместе умрете — медленно, ах, как медленно, глядя на муки друг друга. Рядом, бок о бок, медленно, медленно, мои пытки уничтожат остатки ваших тел. Нет, остатки ваших душ! Никогда раньше мужчина и женщина не умирали так, как умрете вы!

— Ты не можешь повредить Шарейн, — ответил Кентон. — Стервятник, чья пасть изрыгает только ложь! Она жрица Бела и может не опасаться тебя!

— Хо! Ты это знаешь? — смеялся Кланет; потом склонился к его уху и прошептал так, чтобы слышал только он: — Послушай, у тебя будет о чем поразмыслить, пока я отсутствую. Только пока жрица верна богу, она вне моей досягаемости. А теперь слушай, слушай: прежде чем король проснется, у Шарейн будет другой любовник! Да! Твоя любовь будет лежать в руках земного любовника! И это будешь — не ты!

Кентон напрягся, пытаясь разорвать ремни.

— Прекрасная Шарейн! — насмешливо прошептал Кланет. — Священный сосуд радости! И я разобью его — пока король спит.

Он обернулся к офицеру, захватившему Кентона.

— Пошли.

— Нет, нет, — торопливо ответил тот. — Я предполагаю это общество. К тому же если я потеряю этого человека, я навсегда потеряю и награду, которую ты пообещал.

— Дай мне его меч, — приказал Кланет, протянув руку к мечу Набу, который находился у офицера.

— Меч остается с этим человеком, — ответил капитан и спрятал его за собой; он посмотрел на лучников.

— Правильно, — кивнули друг другу лучники. — Жрец, мы не можем отдать тебе меч.

Кентон рявкнул, руки его взметнулись. Шесть луков напряглись, шесть стрел нацелились ему в сердце. Ни слова не говоря, он вышел из комнаты. Один из лучников встал и закрыл дверь на засов. Наступило молчание. Офи-

цер о чем-то задумался; время от времени он вздрагивал, как от холода, и Кентон понял, что он думает о смерти с улыбающимися, нежными глазами, которая поднесла к его груди орудие пытки. Шестеро лучников не мигая смотрели на него.

И Кентон закрыл глаза, стараясь отогнать ужас, который почувствовал от последних слов Кланета, борясь с отчаянием.

Какой заговор против нее подготовил жрец, какую ловушку расставил? Он был так уверен в том, что Шарейн окажется в его руках. И где Джиджи, Зубран и Сигурд? Знают ли, что он схвачен? Он почувствовал ужасное одиночество.

Долго ли были закрыты его глаза, спал ли он, он не мог сказать. Но вдруг услышал как бы с бесконечного удаления спокойный, бесстрастный голос.

— Проснись! — приказывал голос.

Он открыл глаза, поднял голову. Рядом с ним стоял жрец, длинный синий плащ покрывал его с ног до головы. Лицо жреца не было видно.

Руки и ноги Кентона были свободны. Он сел. Веревки и ремни лежали на полу. На каменных скамьях, прислонившись друг к другу, спали лучники. Офицер тоже спал.

Жрец указал на его меч, меч Набу, лежавший на коленях спящего офицера. Кентон взял его. Жрец указал на засов, закрывавший дверь. Кентон отодвинул его и распахнул дверь. Синий жрец скользнул за дверь, Кентон последовал за ним.

Синий жрец прошел по коридору около ста шагов и затем нажал на то, что Кентону казалось обычной стеной. Сдвинулась панель. Они стояли в другом коридоре, длинном, тускло освещенном. Коридор изгибался большой дугой. Кентону пришло в голову, что он идет вдоль внешней стены храма.

Их путь преградила массивная бронзовая дверь. Синий жрец, казалось, слегка коснулся ее. Однако она открылась и закрылась за ними.

Кентон стоял в келье площадью в несколько десятков квадратных футов. В одном конце ее была массивная дверь, через которую они вошли. В другом еще одна такая же дверь. Слева большая каменная плита, гладкая, бледная.

Синий жрец заговорил — если только он действительно говорил: голос, как и тогда, когда Кентон проснулся, доносился как бы с бесконечно большого удаления.

— Мозг женщины, которую ты любишь, спит, — пропал этот голос. — Она ходит во сне, движется среди сновидений, которые насыщает ей другой мозг. Зло захватывает ее. Нельзя допустить, чтобы зло победило. Но это зависит от тебя, от твоей мудрости, твоей силы, твоей храбрости. Когда твоя мудрость подскажет тебе, что настало время, открой дальнюю дверь. Твой путь пролегает через нее. И помни: ее мозг спит. Ты должен разбудить его, прежде чем зло овладеет ею.

Что-то звякнуло на полу. У ног Кентона лежал клинообразный ключ. Подняв его, он увидел, что синий жрец стоит у дальней двери.

Теперь он казался облаком дыма, принесенного ветром. Затем это облако рассеялось и исчезло!

Кентон услышал гул множества голосов, приглушенный, смутный. Он прислушался. Голоса доносились не из коридора. Казалось, они проходят сквозь плиту бледного камня. Он прижал к ней ухо. Звуки теперь слышались отчетливее, но слова он по-прежнему не мог разобрать. «Должно быть, камень здесь очень тонок», — подумал он, — если через него можно слышать». Справа он увидел небольшой рычажок. Нажал на него.

Туманный светлый диск в три фута шириной появился в камне. Он ослепительно сверкнул; казалось, в камне просверлили дыру. На месте диска теперь было круглое окно. В нем виднелись силуэты женщины и двух мужчин. Голоса их доносились теперь так ясно, будто они стояли рядом. Слышался также гул толпы. Кентон отпрянул, боясь, что его увидят. Поставил рычаг в прежнее положение. Диск померк. Голоса почти стихли. Он снова смотрел на гладкий бледный камень.

Медленно он снова опустил рычаг, снова смотрел, как в сплошном камне появляется отверстие, увидел головы. Свободная рука его прижималась к стене рядом с диском; теперь он просунул ее прямо в диск. И коснулся холодного камня. То, что глазу казалось отверстием, оставалось наощущать гладким камнем.

Он понял: это какое-то изобретение колдунов, жрецов. Приспособление, позволяющее им подсматривать, подслушивать, стоя в келье. Какие-то знания особенностей света,

еще неизвестные науке мира Кентона, какие-то вибрации, делающие камень прозрачным изнутри, но не снаружи. Камень пропускал не только свет, но и звук.

Держа руку на рычаге, Кентон смотрел на людей, стоявших рядом и не подозревавших о его присутствии.

20. Перед алтарем Бела

Туман поднялся. Грозовые тучи прижимались к вершине Храма Семи Зон. Перед Кентоном был обширный двор храма, вымощенный большими восьмиугольными плитами белого и черного мрамора. Двор окружали широким полу-кругом стройные колонны, похожие на волшебный лес. Их стволы блестели красным и черным, заостренные вершины были увенчаны резными остроконечными листьями, сверкающими, как огромные папоротники росой, бесчисленными драгоценными камнями. На черных и алах стволах виднелись мистические символы, выложенные золотом, лазуритом, изумрудом и серебром. Ряды этих колонн тянулись вверх к мрачному, угрожающему небу.

В ста футах от него находился золотой алтарь, охранимый керубами — выкованными из темного металла изображениями львов с человеческими лицами и орлиными крыльями. Керубы стояли по углам алтаря, их жестокие бородатые лица напряжены, как живые. На алтаре находился треножник, с него поднимался неподвижный заостренный язык пламени.

Обширным полумесяцем в десяти ярдах от колонн стоял двойной ряд лучников и копьеносцев. Они сдерживали толпу; мужчины, женщины, дети толпились меж колонн, роились за строем солдат, как листья, прижатые ветром к стене. Десятки и сотни людей, вырванных из своего времени и помещенных в этот безвременной мир.

— Говорят, эта новая жрица очень красива, — заговорил один из мужчин перед Кентоном. У него было худое бледное лицо, фригийская шапка на гладких волосах. Женщина дерзкой цветущей миловидности, черноволосая, черноглазая. Мужчина справа от нее — ассириец, бородатый, с волчьим профилем.

— Она была принцессой, я слышала, — сказала женщина. — Принцессой в Вавилоне.

— Принцесса в Вавилоне! — повторил ассириец, его волчье лицо смягчилось, в голосе прозвучала тоска: — О, вернуться в Вавилон!

— Жрец Бела любит ее — так говорят, — нарушила молчание женщина.

— Жрицу? — прошептал фригиец. Женщина кивнула.

— Но это запрещено, — прошептал он. — Это — смерть!

— женщина рассмеялась.

— Тише! — предупредил осторожный ассириец.

— А Нарада, танцовщица бога, любит жреца Бела! — продолжала, не обращая на его слова внимания, женщина. — И, как всегда, добычу получит Нергал!

— Тише! — снова прошептал ассириец.

Послышался барабанный бой, сладкая музыка флейт. Кентон поиском искал источник этих звуков. И увидел с десяток храмовых девушек. Пять сидели с маленькими барабанами, положив на них розовые пальцы; две держали у губ флейты; три склонились к арфам. В их круге лежало что-то, напоминавшее груду серебристой паутины, перевитой черными нитями, среди которых запутались золотые бабочки. Груда зашевелилась, поднялась.

Появилась женщина в черных шелках, такая привлекательная, что на мгновение Кентон забыл Шарейн. Она была смуглой, с бархатной чернотой полуночи. Глаза ее — бассейны полуночной тьмы, в которых не светили звезды, волосы — порывы урагана, пойманные в золотые сети. Золото мрачное, угрюмое, и что-то угрожающее было в этой сладкой красоте.

— Вот это женщина! — обратилась смелая красавица к ассирийцу. — Она получит все, что хочет, клянусь своей постелью!

Кто-то рядом произнес, задумчиво, сонно, преклоняясь:

— Да! Но новая жрица — вот это женщина! Она Иштар!

Кентон вытянул шею, рассматривая говорившего. Он увидел юношу, едва ли старше девятнадцати лет, стройного, одетого в шафран. Глаза и лицо у него были как у мечтающего ребенка.

— Он безумец, — прошептала женщина ассирийцу.
— С того момента, как появилась новая жрица, он отсюда не уходит.

— Приближается буря. Небо как медная чаша, — прошептал фригиец. — Воздух пугает.

Ассириец ответил:

— Говорят, Бел приходит в свой дом во время бури. Может быть, жрица не будет сегодня одна.

Женщина лукаво рассмеялась. Кентон почувствовал желание сжать ее горло руками. Послышался гром.

— Может, это он приближается, — мечтательно сказала женщина.

Послышались звуки арфы, барабанный бой. Одна из девушек запела:

*«Рождена была Нала для наслаждения,
Никогда не танцевали такие белые ноги;
Сердца, на которые она наступала,
Умирая, считали ее богиней;
Днем и ночью был распущен ее пояс —
Рождена была Нала для наслаждения».*

Гневно сверкнули глаза Нарады.

— Замолчи! — услышал Кентон ее шепот.

Девушки рассмеялись; две с флейтами негромко заиграли; так же негромко забили барабаны. Но девушка, которая пела, молча сидела у своей арфы с опущенными глазами.

Фригиец спросил:

— Эта жрица действительно так прекрасна?

Ассириец ответил:

— Не знаю. Ни один человек не видел ее без вуали. Юноша прошептал:

— Я дрожу, когда она идет. Я дрожу, как маленькое озеро, когда на него наступает ветер. Только глаза мои живут, и что-то перехватывает мне горло.

— Тише! — заговорила женщина с карими глазами, добрым лицом и с ребенком на руках. — Не так громко, лучники могут выстрелить.

— Она не женщина! Она Иштар! Иштар! — воскликнул юноша.

Ближайшие солдаты повернулись. Сквозь их строй прошел седой офицер с коротким мечом в руках. Все отступили, только юноша стоял неподвижно. Офицер

смотрел направо, налево. Прежде чем он смог остановить свой взгляд на юноше, какой-то человек в шапке моряка и в кольчуге схватил юношу за пояс и спрятал за собой. Кентон успел заметить агатовые глаза, черную бороду...

Это был Зубран!

Зубран! Но он уйдет! Услышит ли он Кентона? Его тело не видно снаружи, но, может, голос пройдет сквозь камень?

Офицер осмотрел молчаливую группу. Перс с серьезным видом отсалютовал ему.

— Молчание! — проворчал наконец офицер и вернулся на свое место.

Перс улыбнулся, оттолкнул от себя юношу, посмотрел на смуглую женщину глазами, такими же смелыми, как ее. Оттолкнул фригийца, положил руку на руку женщины.

— Я слушал, — сказал он. — Кто эта жрица? Я недавно в этой земле и не знаю местных обычаев. Но клянусь Ормуздом! — он положил руку на плечо женщины. — Стоило проделать путешествие, чтобы встретить тебя! Кто эта жрица, которую считают такой прекрасной?

— Она хранительница жилища Бела, — женщина прижалась к нему.

— А что она там делает? — спросил Зубран. — Ну, если бы это была ты, я бы не спрашивал. И зачем жрица приходит сюда?

— Жрица находится в жилище Бела на вершине храма, — заговорил ассириец. — Она выходит сюда преклониться перед его алтарем. Когда служба заканчивается, она возвращается.

— Для такой красавицы, какой вы ее считаете, мир у нее маленький, — заметил Зубран. — Почему, если она так прекрасна, она удовлетворяется таким тесным мирком?

— Она принадлежит богу, — ответил ассириец. — Она хранительница его жилища. Когда бог появится, он может быть голоден. Всегда в доме должна быть пища для него и женщина, которая будет прислуживать. Или он захочет любви...

— И для этого тоже нужна женщина, — прервала шлюха со смелыми глазами и улыбнулась Зубрану.

— В моей стране тоже есть похожий обычай, — перс привлек ее к себе. — Но жрицы никогда долго не ждут. Об этом заботятся жрецы. Хо! Хо!

Боже! Неужели Зубран никогда не подойдет близко к стене? Так близко, чтобы Кентон мог окликнуть его. А если он подойдет? Услышат ли другие?

— Когда-нибудь эти ждущие жрицы, — голос Зубрана звучал мягко, — развлекали... бога?

Юноша сказал:

— Голуби говорят о ней. Голуби Иштар. Говорят, она прекраснее Иштар!

— Дурак! — прошептал ассириец. — Дурак, замолчи! Или навлечешь на нас несчастье! Ни одна женщина не может быть прекраснее Иштар.

— Нет, женщина может быть прекраснее Иштар, — вздохнул юноша. — Значит, она — Иштар!

Фригиец сказал:

— Он спятил.

Но перс протянул руку, привлек к себе юношу.

— Когда-нибудь эти жрицы принимали бога? — спросил он.

— Подожди, — прошептала женщина. — Я спрошу Народаха, лучника. Он иногда бывает в моем доме. Он знает. Он видел много жриц. — Она, крепко держа перса за пояс, наклонилась вперед: — Народах! Иди сюда!

Один из лучников обернулся, прошептал что-то соседу, выскользнул из строя. Строй за ним сомкнулся.

— Народах, — спросила женщина, — скажи нам, какая-нибудь из жриц принимала... Бела?

Лучник беспокойно огляделся.

— Не знаю, — ответил он наконец. — Рассказывают многое. Но правда ли это? Когда я пришел сюда впервые, в доме Бела жила жрица. Она была подобна полной луне в нашем старом мире. Многие мужчины желали ее.

— Эй, лучник, — вмешался перс. — А бога она принимала?

Народах ответил:

— Не знаю. Говорят, да; говорят, ее сжег его огонь. Жена колесничего верховного жреца Ниниба рассказывала мне, что лицо у нее было очень старое, когда вынесли ее тело. « Похожа на дерево, увядшее раньше, чем принесло плоды », говорила она.

— На месте жрицы, и такой прекрасной, я не стала бы ждать бога, — женщина жалась к Зубрану. — Я взяла бы мужчину. Да, я взяла бы много мужчин!

— За ней была другая жрица, — продолжал лучник.
— Она говорила, что к ней приходит бог. Но она была безумна, ее забрали жрецы Нергала.

— А мне дайте мужчин, — шептала женщина.

А Народах сказал задумчиво:

— Была жрица, которая выбросилась из жилища. Была такая, которая исчезла. И была...

Перс прервал его:

— Похоже, жрицы, которые ждут бога, несчастны.

А женщина с глубокой убежденностью добавила:

— Дайте мне мужчин!

Гром прогремел ближе. Грозовое небо еще больше потемнело.

— Идет большая буря, — прошептал перс.

Девушка, которую оборвала Нарада, коснулась струн своей арфы; она строптиво, злопамятно запела:

Каждое сердце, ищущее убежища,

Стремилось к Нале —

Рождена была Нала для наслаждения...

Она прервала песню. Издалека послышалось пение, топот ног. Лучники и копьеносцы в приветствии подняли луки и копья. Вся толпа опустилась на колени. Перс прижался к стене. И теперь в круглом окне видна была только его голова.

— Зубран! — негромко позвал Кентон.

Перс обернулся удивленно к стене, прижался к ней, набросив плащ на лицо.

— Волк! — прошептал он. — Где ты? Что с тобой?

— Я за стеной, — ответил Кентон. — Говори тихо.

— Ты ранен? В цепях? — шептал перс.

— Я в безопасности, — ответил Кентон. — Но где Джиджи, Сигурд?

— Ищут тебя, — ответил перс. — Наши сердца разбились, когда...

— Слушай, — сказал Кентон, — Вблизи лестницы, у гарнизона, группа деревьев...

— Знаем, — ответил Зубран. — Оттуда мы поднялись в храм. Но ты...

— Я буду в жилище Бела, — сказал Кентон. — Как только начнется буря, идите туда. Если меня не будет, берите Шарейн и уходите на корабль. Я приду следом.

— Без тебя мы не уйдем, — прошептал перс.

— Я слышу голос, говорящий сквозь камень, — это ассириец. Зубран исчез из поля зрения Кентона.

Пение стало громче. Топот ног — ближе. Затем из какого-то тайного входа в храм появилась группа лучников и копьеносцев. За ними шли бритые жрецы в желтых одеждах, размахивая золотыми курильницами и распевая. Солдаты образовали полукруг перед алтарем. Жрецы замолчали. Они упали на землю и прижались к ней.

Во дворе появился человек, ростом с Кентона. Он был в сияющей золотой одежде, складки одежды он держал в поднятой левой руке, полностью скрывая лицо.

— Жрец Бела! — прошептала склонившаяся женщина.

Среди храмовых девушек началось движение. Нарада привстала. В ее глазах было страстное ожидание, горькое и горячее желание. Жрец Бела прошел мимо, не замечая ее. Ее стройные пальцы рванули серебряные пряди покрывала, оно вздымалось вместе с ее грудью; рыдания сотрясали ее.

Жрец Бела подошел к золотому алтарю. Он опустил руку, державшую складки одежды. И пальцы Кентона чуть не рванули рычаг.

Он смотрел, как в зеркало, на свое собственное лицо!

21. Танец Нарады

Затаив дыхание, смотрел Кентон на своего странного двойника. Та же выдающаяся челюсть, то же твердое смуглое лицо, те же ясные голубые глаза.

Он пытался понять замысел Черного жреца. Это — будущий любовник Шарейн? Что-то промелькнуло в мозгу, но слишком неясно.

Через каменную стену он услышал проклятие перса. Потом:

— Волк, ты здесь? Ты на самом деле здесь, Волк?

— Да, — прошептал он в ответ. — Я здесь, Зубран. Это не я. Какое-то колдовство.

Он снова посмотрел на жреца Бела, начал замечать некоторые различия в лицах. Губы не так тверды, углы рта опущены, какой-то след нерешительности в подбородке. И глаза напряжены, в них полубезумное, полудикое стремление. Молча, напряженно жрец Бела смотрел перед собой.

Заостренное алое пламя на алтаре дрогнуло, качнулось.

— Боги да хранят нас! — услышал он возглас женщины со смелыми глазами.

— Тише! В чем дело? — спросил ассириец.

Женщина прошептала:

— Ты видел? Керубы посмотрели на жреца. Они шевельнулись!

Женщина с ребенком сказала:

— Я тоже видела. Мне страшно!

Ассириец:

— Просто свет от алтаря. Огонь заколебался.

Теперь негромко фригиец:

— А может, и керубы. Они ведь посланцы Бела. Вы ведь сами говорили, что жрец любит женщину Бела.

— Тишина! — послышался голос офицера из-за двойного кольца солдат. Жрецы затянули негромкое пение. В глазах жреца сверкнул огонь, тело его напряглось, будто натянутое невидимой нитью. Через пустое обширное пространство шла женщина — одна. Она с ног до головы была закутана в пурпур. Голова закрыта золотой вуалью.

Кентон узнал ее!

Сердце его готово было выпрыгнуть ей навстречу, кровь быстрее потекла в жилах. Он задрожал от такого желания, что сердце его могло вырваться из тела.

— Шарейн! — крикнул он, забыв обо всем. — Шарейн!

Она обогнула ряды солдат, вставших на колени при ее приближении. Подошла к алтарю и молча, неподвижно остановилась около жреца Бела.

Послышались громкие раскаты металлического грома. Когда они стихли, жрец повернулся к алтарю, высоко поднял руки. Остальные жрецы запели монотонно, на одной ноте. Семь раз вздымались руки жреца, семь раз

кланялся он огню алтаря. Потом выпрямился. Лучники и копьеносцы с шумом, звоном копий опустились на колени.

Под ту же однообразную ноту жрец Бела начал свое обращение к богу:

— О милостивейший среди богов!

О быкошней среди богов!

Бел-Мардук, царь неба и земли!

Небо и земля принадлежат тебе!

Ты вдыхаешь во все жизнь.

Твой дом ждет тебя!

Мы молимся и ждем.

Кентон услышал голос, дрожащий:

— Я молюсь и жду!

Голос Шарейн! Голос Шарейн, натянувший в нем каждый нерв, словно мириады пальцев — струны арфы.

Снова жрец Бела:

— О родитель! О саморожденный!

О прекраснейший, дающий жизнь ребенку!

О милостивый, возвращающий жизнь мертвым!

Король Эзиды! Повелитель Эмактилы!

Твой дом — место отдыха царя небес!

Твой дом — место отдыха повелителя слов!

Мы молимся и ждем тебя!

И снова Шарейн дрожащим голосом :

— Я молюсь и жду тебя!

Жрец пел:

— Владыка молчаливого оружия!

Взгляни милостиво на твой дом, о повелитель отдыха!

Пусть в мире пребудет Эзид в твоем доме!

Пусть отдохнет Эмактила в твоем доме!

Мы молимся и ждем тебя!

И снова Шарейн :

— Я молюсь и жду тебя!

Кентон увидел, как жрец протянул к алтарю руки с зовущим выражением. Потом повернулся и посмотрел на Шарейн. Голос его зазвенел громко, радостно:

— Полно радости твое превосходство!

Ты открыватель замка утра!

Ты открыватель замка вечера!

Твое право — открывать запоры неба!

Я молюсь и жду тебя!

При первых же словах пение жрецов смолкло. Кентон заметил, что они неуверенно поглядывают друг на друга, увидел, как зашевелились коленопреклоненные солдаты, как молящиеся подняли головы, услышал шепот, удивленный, беспокойный.

Рядом с ним стоящий на коленях ассириец произнес:

— Этого нет в ритуале!

Перс спросил:

— Чего нет в ритуале?

Ответила женщина:

— Последних слов жреца. Это не молитва Белу. Это молитва госпоже нашей Иштар.

Юноша прошептал:

— Да! Да, он тоже узнал ее. Она Иштар!

Женщина с ребенком всхлипнула:

— Вы видели, как керубы вытянули когти? Я боюсь! Я боюсь, а это плохо для молока. Огонь на алтаре похож на пролитую кровь!

Беспокойно сказал ассириец:

— Мне это не нравится! Этого нет в ритуале Бела. И буря быстро приближается.

Неожиданно встала Нарада. Ее девушки склонились к барабанам и арфам, поднесли флейты к губам. Послышилась мягкая любовная тема, тонкая, звенящая, как биение крыльев бесчисленных голубей, объятия бесчисленных мягких рук, дрожь бесчисленных сердец. Под эту музыку Нарада качнулась, как зеленый тростник при первом порыве весеннего ветра. Все, как один, выдохнули и ждали.

Но Кентон заметил, что взгляд жреца не отрывался от Шарейн, которая стояла под вуалью, как во сне.

Все громче звучала музыка, все быстрее, пронизанная любовным желанием, нагруженная страстью, горячая, как самум. И Нарада начала танцевать под эту музыку, превращая свои невысказанные страсти в движения тела.

В полуночных глазах, доныне столь печальных, вспыхнули и заплясали многочисленные маленькие веселые звездочки. Алый рот призывал, обещал неслыханные восторги, рой бабочек, вышитых на ее одеянии, вспархивал и ласкал ее прекрасное жемчужное тело, как будто она была чудесным цветком. Золотые бабочки покрывали ее, целовали сквозь покровы, сквозь полупрозрачное покрывало виднелись только очертания безупречного тела. Танец и

музыка становились все быстрее, безумнее, в нем Кентону виделись соединяющиеся звезды, встречающиеся солнца, луны, взбухшие перед родами. Он чувствовал всю страсть, все желания всех женщин под луной, под солнцем, под звездами.

Музыка стала тише, замедлилась. Танцовщица застыла. В толпе послышался рокот. Зубран хрипло сказал:

— Кто эта танцовщица? Она как огонь! Как огонь, который танцует перед Ормуздом на алтаре десяти тысяч жертвоприношений!

Женщина ревниво ответила:

— Это был танец ухаживания Бела за Иштар. Она его танцевала много раз. И ничего нового не показала.

Фригиец злобно:

— Он спросил тебя, кто она такая?

Женщина презрительно:

— Боги! Говорю вам, танец не новый. Многие женщины танцевали его.

Ассириец:

— Это Нарада. Она принадлежит Белу.

Перс гневно:

— Неужели все прекрасные женщины в этой земле принадлежат Белу? Клянусь девятью адами, царь Кир дал бы за нее десять талантов золота!

— Тише! — прошептал ассириец.

Остальные подхватили:

— Тише!

Нарада снова начала танцевать. Музыка зазвучала громче. Но теперь она была томной, сладкой, источающей желание.

Кровь зазвенела в ушах Кентона.

— Она танцует «Иштар уступает Белу», — это насмешливо ассириец.

Перс выпрямился.

— Ax! — воскликнул он. — Кир дал бы за нее пятьдесят талантов! Она как пламя! — воскликнул Зубран хриплым, сдавленным голосом. — И если она принадлежит Белу, почему она так смотрит на жреца?

Никто не слышал его из-за шума толпы; солдаты и молящиеся не отрывали взглядов от танцовщицы.

Не слышал и Кентон.

Но вот колдовство полуночной женщины рассеялось; сердясь на себя, Кентон ударил о камень, потому что спокойствие Шарейн нарушилось. Ее белая рука просунулась сквозь складки покрывала. Она обернулась, быстро направилась к тому тайному выходу, через который вошла.

Танцовщица остановилась, музыка стихла, снова беспокойно зашевелились молящиеся, громче стал ропот.

— Этого нет в ритуале! — ассириец вскочил на ноги.
— Танец еще не кончен.

Над головой послышались раскаты грома.

— Ей не терпится встретиться с богом, — цинично сказала женщина.

— Она Иштар! Она луна, скрывающая свое лицо за облаками, — юноша сделал шаг к жрице.

Женщина со смелыми глазами схватила его за руку, сказала солдатам:

— Он безумен! Он живет в моем доме. Не трогайте его. Я уведу его.

Но юноша вырвался, оттолкнул ее. Прорвался сквозь строй и побежал по площади навстречу жрице, бросился к ее ногам. Спрятал лицо в ее покрывале. Она остановилась, глядя на него сквозь вуаль. Немедленно рядом оказался жрец Бела. Он ногой ударил юношу по лицу, тот откатился.

— Алькар! Друкар! Возьмите его! — закричал жрец.

Два офицера подбежали, обнажая мечи. Зашептались жрецы, все молящиеся застыли.

Юноша вырвался, вскочил на ноги, встал лицом к жрице.

— Иштар! — воскликнул он. — Покажи мне твое лицо! И позволь умереть!

Она стояла молча, будто не видела и не слышала его. Солдаты схватили его, потащили за руки. И тут сила хлынула в стройное юношеское тело. Он, казалось, разрастается, становится выше ростом. Он отбросил солдат, ударил жреца Бела по лицу, схватил вуаль жрицы.

— Я не умру, не увидев твое лицо, о Иштар! — воскликнул он — и сорвал вуаль...

Кентон увидел лицо Шарейн.

Но не Шарейн с корабля — сосуд, полный огня жизни.

У этой Шарейн широко раскрытые, но невидящие глаза; в глазах ее сон; мозг ее блуждает в лабиринте иллюзий.

Жрец Бела закричал:

— Убейте его!

Два меча пронзили грудь юноши.

Он упал, сжимая вуаль. Шарейн без всякого выражения смотрела на него.

— Иштар! — выдохнул он. — Я видел тебя, Иштар!

Глаза его помутились. Шарейн вырвала вуаль из стынищих пальцев, набросила ее обрывки на лицо. Пошла к храму — и исчезла.

Толпа зашумела. Лучники и копьеносцы начали теснить толпу к колоннам, толпа рассеивалась. Вслед за жрецами ушли солдаты. Ушли арфистки, флейтистки и барабанщицы Нарады.

На широком дворе, окруженнном стройными колоннами, остались только танцовщица и жрец Бела. Грозовое небо все более темнело. Постепенно движение туч ускорилось. Пламя на алтаре Бела загорелось ярче — гневно, как поднятый алый меч. Вокруг керубов сгустились тени. Металлический гром звучал все продолжительней, все ближе.

Кентон хотел открыть бронзовую дверь сразу, как только ушла Шарейн. Что-то подсказывало ему, что еще не время, что он должен еще немного подождать. И тут танцовщица и жрец подошли к тому странному окну, у которого он стоял.

Рядом с ним они остановились.

22. Танцовщица и жрец

Бел должен быть доволен службой, — услышал Кентон слова танцовщицы.

— О чём ты? — хмуро спросил жрец.

Нарада приблизилась к нему, протянула руки.

— Шаламу, — прошептала она, — разве я танцевала для бога? Ты знаешь, я танцевала — для тебя. А кому

поклоняешься ты, Шаламу? Богу? Нет — жрице. А кому, ты думаешь, поклоняется жрица?

— Она поклоняется Белу! Нашему повелителю Белу, который — все! — горько ответил жрец.

Танцовщица насмешливо сказала:

— Она поклоняется самой себе, Шаламу.

Он повторил упрямо, устало:

— Она поклоняется Белу.

Ближе придинулась Нарада, лаская его ждущими, жаждущими руками.

— Разве женщина поклоняется богу, Шаламу? — спросила она. — Нет! Я женщина, я знаю. Эта жрица не будет женщиной бога — и мужчины тоже. Она слишком высоко себя держит, слишком она драгоценна для мужчины. Она любит себя. Она преклоняется перед собой. Она преклоняется перед собой как перед женщиной бога. Женщины делают из своих мужчин богов и поклоняются им. Но никакая женщина не любит бога, если сама не создала его, Шаламу!

Жрец угрюмо сказал:

— Я поклоняюсь ей.

— Как она — самой себе, — подхватила танцовщица.

— Шаламу, разве хочет она принести радость Белу? Нашему повелителю Белу, обладавшему Иштар? Можем ли мы дать радость богам — богам, имеющим все? Лотос раскрывается навстречу солнцу — но ведь не для того, чтобы принести радость солнцу. Нет! Чтобы самому радоваться! Так и жрица. Я женщина — и я знаю.

Руки ее лежали на его плечах, он взял их в свои.

— Почему ты говоришь мне это?

— Шаламу! — прошептала она. — Посмотри мне в глаза. Посмотри на мой рот, на мою грудь. Как и жрица, я принадлежу богу. Но отдаю себя тебе, любимый!

Он сонно ответил:

— Да, ты прекрасна.

Руки ее обнимали его, губы прижимались к его губам.

— Люблю ли я бога? — шептала она. — Разве я танцевала, чтобы была радость в его глазах? Для тебя танцевала я, любимый. Для тебя смею я вызывать гнев Бела. — Она мягко привлекла его голову к себе на грудь.

— Разве я не хороша? Разве не красивей этой жрицы, которая принадлежит Белу и никогда не отдастся тебе?

Разве не приятен мой запах? Ни один бог не владеет мной, возлюбленный.

Опять он сонно ответил:

— Да, ты очень хороша.

— Я люблю тебя, Шаламу!

Он оттолкнул ее.

— Ее глаза как бассейны мира в долине забытья! Когда она подходит ко мне, голуби Иштар выются над моей головой. Она идет по моему сердцу!

Нарада отшатнулась, алые губы побледнели, брови грозно сошлись в одну линию.

— Жрица?

— Жрица, — ответил он. — Ее волосы как облако, закрывающее солнце в сумерках. Ветерок от ее платья обжигает меня, как ветер из полуденной пустыни обжигает пальмы. И холодит, как ночной ветер пустыни ходит пальмы.

Она сказала:

— Этот юноша был храбрее тебя, Шаламу.

Кентон видел, как краска появилась на лице жреца.

— О чём ты? — выпалил он.

— Почему ты убил юношу? — холодно спросила она. Он горячо ответил:

— Он совершил святотатство. Он...

Она презрительно остановила его:

— Он храбрее тебя. Он осмелился сорвать с нее вуаль.

А ты трус. Вот почему ты его убил!

Руки его схватили ее за горло.

— Ты лжешь! Ты лжешь! Я посмею!

Она снова рассмеялась:

— Ты даже не посмел убить его сам.

И она спокойно отвела его руки.

— Трус! — сказала она. — Он посмел снять вуаль с той, которую любил. Он пренебрег гневом Бела и Иштар.

Жрец судорожно воскликнул:

— А разве я не посмею? Разве я боюсь смерти? Разве я боюсь Бела?

Глаза ее смеялись над ним.

— Эй! Как сильно ты любишь! — дразнила она. — Жрица ждет бога — одна в его одиноком доме. Но, может, он не придет. Может, занят с другой женщиной... О, бесстрашный! Храбрый любовник! Займи его место!

Он отшатнулся от нее.

— Занять... его... место! — прошептал он.

— Ты знаешь, где хранятся доспехи бога. Иди к ней как бог! — сказала она.

Он стоял дрожа. Кентон видел, как решимость заняла место нерешительности. Жрец шагнул к алтарю — пламя уменьшилось, задрожало, погасло. В сгустившемся сумраке керубы, казалось, расправили крылья.

Блеснула молния.

В ее блеске Кентон видел, как жрец быстро пошел туда, откуда вышла и куда ушла Шарейн; видел Нараду, лежащую в груде своих покрывал, усеянную золотыми бабочками; услышал негромкий отчаянный плач.

Рука Кентона медленно отпустила рычаг. Сейчас время использовать ключ, оставленный синим жрецом, пройти там, куда указывал жрец. Но тут рука его застыла на рычаге.

Тень, чернее собравшегося сумрака, прошла мимо окна, остановилась над танцовщицей; огромное громоздкое туловище — знакомое.

Кланет!

— Хорошо! — прогремел Черный жрец и коснулся ее ногой. — Теперь ни он, ни Шарейн больше не будут беспокоить тебя. И ты заслужила обещанную награду.

Нарада повернула к нему жалкое побледневшее лицо, протянула к нему дрожащие руки.

— Если бы он любил меня, — плакала она, — никогда бы не ушел. Если бы он хоть немного любил меня, я не дала бы ему уйти. Но он рассердил меня, он устыдил меня, он отказался от любви, которую я предлагала ему. Не для тебя, черная змея, не ради нашего уговора я послала его к ней — и на смерть!

Черный жрец рассмеялся.

— Как бы то ни было, ты послала его, — сказал он.

— А Кланет платит обещанное.

Он бросил горсть сверкающих драгоценностей в ее протянутые ладони. Она закричала, разжала пальцы, как будто драгоценности жгли ее; они упали и покатились по камням.

— Если бы он любил меня! Если бы он хоть немного любил меня! — всхлипывала Нарада и снова скорчилась под своими бабочками.

Теперь Кентону стал ясен замысел Черного жреца. Кентон опустил рычаг, быстро пошел к дальней бронзо-

вой двери, сунул в нее клинообразный ключ; скользнул в открывавшуюся дверь и побежал по коридору, который за ней открылся. В нем пылали два пламени: белое — пламя любви к его женщина, черное — пламя ненависти к Кланету. Он знал, что там, где теперь будет жрец Бела, там будет и Шарейн. Конец, если только Кентон не опередит Черного жреца, неизбежен.

На бегу Кентон испускал проклятия. Если Шарейн, погруженная в свой колдовской сон, увидит в жреце Бела бога, она примет земного любовника. Ее невинность не спасет ее. Кланет позаботится об этом.

Нарада раскаялась — но слишком поздно.

А если Шарейн проснется — Боже! В полутьме она примет жреца Бела за него самого, Кентона!

И в любом случае присутствия жреца в жилище бога будет достаточно, чтобы осудить их обоих. Да, об этом позаботится Кланет.

Кентон пересек поперечный коридор, побежал вниз по длинному спуску мимо ряда ухмыляющихся химер; остановился перед широким порталом, который закрывал занавес, неподвижный и жесткий, казалось, выкованный из серебра. Что-то предупредило его, что нужно быть осторожнее. Он тихонько раздвинул занавес, заглянул за него...

И увидел собственную комнату.

Перед ним была его старая комната из его старого мира.

Он увидел драгоценный корабль, сверкающий, мерцающий, но видел его как бы сквозь туман, сквозь облако ярких частиц. Длинное зеркало сзади отражало такое же сверкающее облако. Бесконечно маленькие, в бесчисленном количестве, сверкающие атомы отделяли его от его комнаты — в Нью-Йорке.

Он — в этом странном мире.

Туманной была его комната, дрожащим облаком она отступала в бесконечность.

И вот, пока он смотрел, сжигаемый отчаянием, он почувствовал, как занавес в его руках становится все более жестким, металлическим, потом снова как бы растворяется, и так несколько раз попеременно.

А очертания корабля в его комнате стали яснее, кристаллизовались, они звали его к себе, тянули назад.

23. Желания богов — и человека

Кентон напрягся, прочнее ухватился за занавес. Всей силой воли он пытался помешать ему растаять. Теперь занавес был преградой между его старым миром и миром его великого приключения.

Какая-то сила тащила его вперед всякий раз, как занавес начинал таять и яснее становились туманные очертания комнаты. Он ясно различал каждую деталь в этой комнате, видел длинное зеркало, шкаф, диван, все еще влажные пятна крови на полу.

И всякий раз занавес снова становился прочным — и сверкающим.

Теперь комната повернулась, старый китайский ковер оказался под ним — близко и в то же время бесконечно далеко. Он уже слышал кричащие голоса пространства.

И в это же мгновение понял, что назад его тянет сверкающая игрушка.

Что-то тянулось к нему с черной палубы корабля. Что-то злобное и насмешливое. Звало его, притягивало к себе.

Все темнее становилась черная палуба — сильнее ее притяжение...

— Иштар! — взмолился он, глядя на розовую каюту.
— Иштар!

Вспыхнула ли розовая каюта, наполнившись светом?

Очертания комнаты поблекли; снова он ощущал в руках тяжелый занавес; снова стоялочно на ногах у входа в храм Лунного бога.

И еще раз, и два, и три комната тянула его к себе, но с каждым разом все слабее, все призрачней. И каждому рывку Кентон противопоставлял свою волю, закрывал глаза и изо всех сил отбрасывал вид комнаты.

Он побеждал. Комната исчезла, исчезла окончательно, он не мог ошибиться. Чары разрушены, непрочная линия разорвана.

Весь в напряжении, он держался за занавес, колени его дрожали. Медленно пришел он в себя, решительно распахнул занавес.

Он смотрел в обширный зал, наполненный туманным серебряным светом. Туман стоял неподвижно, но ощутимо — как будто был сплетен из осязаемых нитей. Этот светящийся, переплетенный нитями туман делал зал огромным. Кентону показалось, хотя он не был уверен, что в серебряной паутине что-то движется — появляются и исчезают смутные формы, но они не становятся полностью видимыми. Вдали он уловил другое движение; неумолимо, равномерно двигалась чья-то фигура. Она медленно приблизилась, стала хорошо видна — человек; в золотом шлеме через плечо; короткий золотой плащ, вышитый алым; в руке золотой меч; голова наклонена, как будто человек пробивается сквозь сильное течение.

Жрец Бела, одетый в доспехи своего бога!

Не дыша, Кентон смотрел на него. Глаза, как у него, но полны ужасом и благоговением — но и целеустремленностью и решительностью; неизбежностью. Рот сжат, губы побелели, тело дрожит, дрожит — глубоко внутри — душа жреца. Реальные или призрачные, Кентон знал, ужасы этого места вполне реальны для этого его странного двойника.

Жрец Бела прошел мимо, и Кентон, подождав, пока тот наполовину скроется в тумане, выскоцилзнул из-за занавеса и пошел за ним.

Теперь Кентон услышал голос — спокойный, бесстрастный, как тот, что призвал его встать с каменной скамьи; голос этот не был ни внутри зала, ни вне его. Как будто он рождался где-то в бесконечно далеком пространстве.

Голос Набу, бога мудрости!

Слушая, Кентон ощущал себя не одним человеком, а сразу тремя: один Кентон, целеустремленный, шел следом за жрецом и будет идти за ним и в ад, если там Шарейн; Другой Кентон, связанный неразрывной нитью с мозгом жреца, чувствовал, видел и слышал, страдал и страшился, как и он; и Кентон, который вслушивался в слова Набу так же холодно и бесстрастно, как они произносились, следил так же холодно и отстраненно, как рисовалось в словах бога.

— Дом Сина! — звенел голос. — Главы богов! Наннар! Родителя богов и людей! Повелителя Луны! Повелителя бриллиантового полумесяца! Обладающего великими рогами! Наннар! Совершенного в формах! Открывателя судеб! Самосоздателя! Чей дом в первой зоне и чей цвет — серебро!

Он проходит через дом Сина!

Он проходит мимо алтаря из халцедона и сардоника, усаженного большими лунными камнями и горным хрусталем, алтаря, на котором горит белое пламя, из которого Син Создатель сотворил Иштар! Он видит, как извиваются ему навстречу бледно-серебряные змеи Наннара, как сквозь серебряный туман, который скрывает рога бога, на него ползут белые скорпионы.

Он слышит топот миллиардов ног, ног тех, кто еще будет рожден под Луной. Он слышит плач миллиардов женщин, плач всех женщин, которые будут рождены и будут рожать. Он слышит гул несозданного.

И проходит.

Ибо ни Создатель богов, ни страх перед ним не могут остановить желания человека!

Голос прозвенел — и стих. И Кентон все это видел — видел серебряных змей, извивающихся в тумане и набрасывающихся на жреца, видел кидающихся на него крылатых скорпионов; видел в тумане гигантскую фигуру, на голове которой светился изогнутый полумесяц. Своими ушами слышал он топот армий нерожденных, плач нерожденных женщин, гром несозданного. Видел и слышал, как — он знал это — видел и слышал жрец Бела.

И шел следом.

Высоко над ним вспыхнул золотой шлем. Кентон остановился у основания широкой извивающейся лестницы, чьи широкие ступени завивались вверх, при этом цвет их постепенно переходил от серебряного к горящему оранжевому. Он подождал, пока жрец, не торопясь, не оглядываясь, поднимется, прошел начало лестницы, последовал за жрецом.

Он увидел храм, заполненный шафрановым светом, который, как и тот, через который он уже прошел, был переплетен лунными лучами. В ста шагах от него шел жрец, и Кентон, идя следом за ним, услышал спокойный голос:

— Дом Шамаша! Сына Луны! Бога дня! Живущего в сияющем доме! Уничтожителя тьмы! Короля справедливости! Судьи человечества! Того, на чьей голове рогатая корона! В чьих руках жизнь и смерть! Кто своими руками очищает человека, как сверкающую медную табличку! Чей дом во второй зоне и чей цвет оранжевый!

Он проходит через дом Шамаша!

Вот алтари из опала, усаженные бриллиантами, и алтари из золота, выложенного янтарем и желтым солнечным камнем. На алтарях Шамаша горит сандаловое дерево, кардамон и вербена. Он проходит мимо алтарей из опала и золота; он минует птиц Шамаша, чьи головы — сверкающие огненные колеса и которые охраняют колесо, вращающееся в доме Шамаша, — гончарное колесо, на котором вылепляются души людей.

Он слышит шум миллиардов голосов — голосов тех, которые уже осуждены, и тех, кому еще предстоит суд.

И он проходит.

Потому что ни Король справедливости, ни страх перед ним не может встать между человеком и его желанием!

Снова Кентон видел и слышал все это и следом за жрецом пришел ко второй лестнице, цвет ступеней которой менялся от оранжевого к абсолютно черному. И все так же идя следом, он оказался наконец в большом мрачном зале, имя ужасного хозяина которого он знал раньше, чем спокойный голос донесся до него из тайного далекого пространства:

— Дом Нергала! Могучего в Великом жилище! Короля смерти! Разбрасывателя эпидемий! Того, кто правит над погибшими! Мрачного Безрогого! Чей дом в третьей зоне и чей цвет черный!

Он проходит через дом Нергала!

Он проходит мимо алтаря Нергала из черного янтаря и красного железняка! Он проходит мимо алтаря, на котором горит цибетин и бергамот! Он минует львов, охраняющих этот алтарь! Черных львов, чьи глаза как рубины, а когти кроваво-красные, и красных львов, чьи когти черны и глаза черны; он минует ястребов Нергала, чьи глаза как карбункулы и у которых бесплотные женские головы.

Он слышит шепот жителей этого великого жилища и ощущает пепел их страстей.

И он проходит!

Потому что ни Повелитель мертвых, ни ужас перед ним не могут отвернуть человека от его желания!

Теперь ступени лестницы, по которой Кентон поднимался от дома Нергала, из черных стали алыми, и ярко-алым и свирепым был свет, заполнявший зал, в котором он стоял, глядя на уходившего жреца.

— Дом Ниниба! — продолжал голос. — Повелителя копий! Повелителя битв! Хозяина щитов! Владыки сердец воинов! Правителя битв! Уничтожающего противников! Разрушителя замков! Молотобойца! Чей цвет алый, чей дом в четвертой зоне!

Из щитов и копий сделаны алтари Ниниба, а огонь на алтарях питается кровью мужчин и слезами женщин, на алтаре Ниниба горят ворота павших городов и сердца побежденных королей! Он минует алтарь Ниниба! Он видит нацеленные на него алые клыки кабанов Ниниба, чьи головы оплетены правыми руками воинов, видит слонов Ниниба, чьи ноги увешаны черепами королей, видит алые языки змей Ниниба, которыми они лижут города!

Он слышит звон копий, удары мечей, падение стен, крики завоеванных.

И проходит!

Сколько существует человек, алтари Ниниба кормятся плодами человеческих желаний!

Кентон поставил ногу на четвертую лестницу, поднялся по ступеням, цвет которых их алого становился спокойно-синим, цветом безмятежного неба; стоял в зале, заполненной спокойным лазоревым светом. Голос теперь казался ближе.

— Дом Набу! Повелителя мудрости! Носителя посоха! Могучего на водах! Владыки земель, открывающего подземные потоки! Провозгласителя! Того, кто открывает уши понимания! Чей цвет синий и чей дом в пятой зоне!

Алтари Набу из голубого сапфира и изумруда, и с них сияют ясные аметисты. Пламя, горящее на алтарях, голубое, и в его свете только правда отбрасывает тень. Огонь Набу — холодный огонь, и запаха у него нет. Он проходит алтари из сапфира, изумруда с их холодным пламенем. Он проходит рыб Набу, у которых женские груди, но молчаливые рты. Он проходит всевидящие глаза Набу,

которые глядят из-за алтарей, и не трогает посох Набу, в котором содержится мудрость.

Да, он проходит!

Когда же мудрость останавливалась человека перед его желанием?

Вверх от синего дома Набу поднимался жрец, а за ним по лестнице, цвет которой из сапфирового становился розовым и белым, поднимался Кентон. Тонкие ароматы почувствовал он, услышал любовные звуки, льющие, зовущие, бесконечно привлекательные, опасно сладкие. Медленно, медленно шел Кентон за жрецом, слушая голос и почти не замечая его, почти забыв о своем поиске, борясь с желанием не слышать ничего, кроме этой зовущей, вяжущей любовной музыки, поддаться духу этой зачарованной комнаты, не идти дальше, забыть — Шарейн!

— Дом Иштар! — слышался голос. — Матери богов и людей! Великой богини! Повелительницы утра и вечера! Полногрудой! Производительницы! Той, что склоняется к просителям! Великого оружия богов! Той, что рождает и убивает любовь! Чей цвет розовый! А дом Иштар в шестой зоне!

Он проходит дом Иштар. Из белого мрамора и розового коралла ее алтари, и белый мрамор испещрен голубым, как женское сердце. На ее алтарях горят мирра и ладан, розовое масло и серая амбра. И алтари Иштар усажены белыми и розовыми жемчужинами, усажены гиацинтами, бирюзой и бериллами.

Он проходит мимо алтарей Иштар, и, как розовые ладони страстных женщин, крадутся к нему венки ароматов. Белые голуби Иштар бьют крылами перед его глазами. Он слышит звук соединившихся губ, биение сердец, вздохи женщин, поступь белых ног.

И все же он проходит.

Ибо никогда любовь не останавливалась желаний человека!

Неохотно поднималась лестница из комнаты любовного колдовства, и розовый цвет сменился пламенным, сверкающим золотом. Поднявшись, Кентон оказался еще в одном обширном покое, светлом, как будто это сердце солнца. Быстрее и быстрее шел вперед жрец Бела, как будто все ужасы, пройденные им, столпились сзади, гнались за ним.

— Дом Бела! — гремел голос. — Мардука! Правителя четырех королевств, повелителя земель! Рожденного днем! Бычьесяго! Со слоновыми клыками! Могучего! Покорителя Тиамат! Повелителя Иджиджи! Короля неба и земли! Создателя совершенств! Возлюбленного Иштар!

Бела-Мардука, чей дом в седьмой зоне и чей цвет золотой!

Быстро проходит он через дом Бела!

Алтари Бела из золота и светятся, как солнце! На них горит золотой огонь летних молний и аромат фимиама висит над ними, как грозовые тучи. Керубы с львиными туловищами и орлиными головами и керубы с бычьими телами и человеческими головами охраняют золотые алтари Бела, и у всех керубов могучие крылья! И алтари Бела стоят на мускулистых слонах, которые стоят на шеях быков и на лапах львов.

Он минует их.

24. В жилище Бела

Началась буря. Кентон, поднимаясь, слышал гром, похожий на удары щитов, звон бесчисленных цимбал, бой миллионов бронзовых колоколов. По мере того как он поднимался, гром становился все слышнее. С ним смешивался гул ветра, стаккато водопадов дождя.

Лестница, как виноградная лоза, поднималась по крутое стене контрфорса на башню. Она была неширокой — только три человека могли пройти по ней в ряд, не больше. Она головокружительно вздымалась вверх. Пять резко изгибавшихся пролетов по сорок ступеней в каждом, четыре меньших пролета по пятнадцать ступеней прошел он, прежде чем добрался до вершины. Внешний край лестницы ограждала только толстая веревка витого золота, поддерживаемая через каждые пять футов столбиками.

Так высока была эта лестница, что когда Кентон поднялся на вершину и посмотрел вниз, дом Бела скрылся в золотистом тумане, как будто Кентон смотрел с высо-

кого горного хребта на долину, которую покрывали облака, тронутые восходящим солнцем.

На вершине лестницы находилась плита длиной в десять и шириной в шесть футов. На нее выходила дверь — узкий арочный портал, едва позволяющий двум человекам пройти бок о бок. Дверь вела в темные внутренние помещения. Комната, в которую она открывалась, находилась на вершине гигантского контрфорса.

Один человек мог защищать здесь лестницу от сотни.

Дверь была завешена золотым занавесом, таким же тяжелым и металлическим, как тот, что скрывал вход в серебряный дом лунного бога. Невольно Кентон отшатнулся от занавеса — вспомнив, что он увидел за тем, первым. Подавив страх, он отвел угол занавеса.

Он увидел квадратную комнату примерно в тридцать футов, полную пляшущих огоньков — отблесков молний. Это его цель — место развлечений Бела, где ждет его любовь, опутанная сном.

Он увидел жреца, прижавшегося к дальней стене и восхищенно глядящего на женщину в белой вуали, которая стояла, широко расставив руки у окна в правом углу комнаты. Тысячами огней молнии освещали картины любовных приключений Бела, вышитые на настенных шпалерах.

В комнате находились золотые стол и два стула, массивная, деревянная, с украшениями из слоновой кости кровать. Возле кровати стояла широкая толстая жаровня и курительница в форме больших песочных часов. Из жаровни вздымалось высокое желтое пламя. На столе стояли небольшие пирожные шафранного цвета на тарелках желтого янтаря и золотые флаконы с вином. Вдоль стен маленькие лампы и под каждой — кувшин с благовонным маслом для наполнения ламп.

Кентон неподвижно ждал. Опасность собиралась винзу, как грозовая туча, которую Кентон расшевелил в колдовском котле. Он ждал, понимая, что прежде чем разбудить Шарейн, он должен постигнуть ее сон, проникнуть в фантазии, которыми она живет. Так сказал ему синий жрец.

Он услышал голос:

— Кто видел биение его крыльев? Кто слышал топот его ног, подобный грому тысяч колесниц, устремляющих-

ся на битву? Какая женщина смотрела в яркость его глаз?

Ослепительно вспыхнула молния, загремел гром — казалось, в самой комнате. Когда зрение его прояснилось, Кентон увидел, что Шарейн, зажав глаза руками, отвернулась от окна.

А перед ней возвышалась фигура, казавшаяся на фоне вспыхивающего неба гигантской, вся в золоте, — богоподобная фигура.

Сам Бел-Мардук прыгнул сюда со своих коней бури, и одежда его еще полна была молниями.

Так на мгновение подумал Кентон, потом понял, что это жрец в украденной одежде своего бога.

Белая фигура — Шарейн — медленно отвела ладони от глаз, так же медленно опустила их, глядя на стоящую перед ней фигуру. Начала опускаться на колени, потом гордо поднялась; искала полускрытое лицо широко распахнутыми зелеными глазами сомнамбулы.

— Бел! — прошептала она и повторила: — Повелитель Бел!

Жрец заговорил:

— О прекрасная, кого ты ждешь?

Она ответила:

— Кого, как не тебя, повелитель молний!

— А почему ты меня ждешь? — спросил жрец, не приближаясь к ней.

Кентон, приготовившийся прыгнуть, остановился при этом вопросе. Что задумал жрец Бела? Чего он ждет?

Шарейн в недоумении, стыдливо ответила:

— Это твой дом, Бел. Разве не должна тебя здесь ждать женщина? Я... я дочь короля. И я давно тебя жду.

Жрец сказал:

— Ты прекрасна, — глаза его не отрывались от нее.

— Да, многие мужчины сочли бы тебя прекрасной. Но я — бог!

— Я прекраснейшая из принцесс Вавилона. Но разве не самая красивая должна ждать тебя в твоем доме? Я красивей всех... — ответила Шарейн с сонной страстью.

Снова заговорил жрец:

— Принцесса, а как было с теми мужчинами, которые считали тебя прекрасной? Скажи, разве твоя красота не убивала их как быстрый сладкий яд?

— Разве думала я о мужчинах? — дрожащим голосом спросила она.

Он строго ответил:

— Но многие мужчины должны были думать о тебе, королевская дочь. И яд, хоть он быстрый и сладкий, все равно приносит боль. Я бог! Я это знаю!

Наступило молчание. Неожиданно он спросил:

— Как ты ждала меня?

Она ответила:

— Я держала лампы полными масла, приготовила для тебя пирожные и поставила вино. Девушки нарядили меня.

Жрец сказал:

— Многие женщины делали то же — ради мужчин, королевская дочь, а я — бог!

Она прошептала:

— Я прекрасней всех. Принцы и короли желали меня. Посмотри, о великий!

Быстрые молнии ласкали серебряное чудо ее тела, едва прикрытое золотыми прядями волос, распущеных и падавших свободно.

Жрец отпрянул от окна. Кентон, чуть не сходя с ума от ревности, оттого, что кто-то другой видит эту белоснежную красоту, готов был наброситься на жреца. Но опять остановился, понимая, что удерживает жреца, и даже испытывая к нему жалость.

Душа жреца обнаженной предстала перед его внутренним взором, как будто Кентон стал жрецом, а жрец — Кентоном.

— Нет! — воскликнул жрец Бела и сорвал золотой шлем своего бога с головы, отбросил меч, рванул застежку и сбросил плащ...

— Нет! Ни одного поцелуя для Бела! Ни одного удара сердца для Бела! Не буду сводником Бела! Нет! Мужчину ты должна целовать — меня! И мужское сердце должно биться рядом с твоим — мое! Я... Я... Не бог получит тебя!

Он схватил ее, прижался губами.

Кентон был рядом.

Он сунул руку под подбородок жреца и сгибал назад голову, пока не хрустнула шея. Глаза жреца глядели на него, руки его оставили Шарейн и вцепились в лицо Кентона, он пытался вырваться. Потом перестал бороться,

ужас появился на его лице. Жрец увидел в противнике самого себя.

Собственное лицо глядело на него, обещая смерть.

Бог, которого он обманул, предал, ударил. Кентон читал его мысли, как будто тот произносил их вслух. Он переместил хватку, чуть приподнял жреца и швырнул его тело высоко над полом о стену. Жрец ударился, упал и забился в конвульсиях.

Шарейн присела, крепко держа вуаль застывшими руками, на краю кровати. Она жалобно смотрела на него, ее широко раскрытые глаза, ошеломленные, не отрывались от него; он чувствовал, что она приходит в себя от паутины сна.

Он почувствовал прилив огромной любви и жалости; в нем не было страсти; в этот момент она была для него ребенком, испуганным, удивленным, жалким.

— Шарейн, — прошептал он и взял ее за руки. — Шарейн, любимая! Любимая, проснись!

Он целовал ее холодные губы, испуганные глаза.

— Кентон! — прошептала она. — Кентон! — и потом так тихо, что он едва расслышал: — Да, я помню, ты был моим повелителем... века, века тому назад!

— Проснись, Шарейн! — воскликнул Кентон, и снова губы его прижались к ее губам. Но теперь губы ее потеплели и ответили ему.

— Кентон! — прошептала она. — Мой дорогой повелитель!

Она откинулась, схватила его руки маленькими холодными пальцами, которые сжимали, как стальные; в глазах ее он видел уходящий сон, как грозовые облака расходятся перед солнцем; сон делал ее глаза то светлее, то темнее, но постепенно они становились все осмысленней.

— Любимый! — воскликнула Шарейн, полностью проснувшись, и, свободная от сна, обхватила его руками за шею, прижалась губами: — Любимый! Кентон!

— Шарейн! Шарейн! — шептал он, ее волосы укрыли его, как покрывало, а она прижимала его лицо к своим щекам, к шее, к груди.

— Где ты был, Кентон? — всхлипнула она. — Что со мной сделали? И где корабль — куда меня забрали? Но... какая разница, раз ты снова со мной?

— Шарейн! Шарейн! Любимая! — повторял он снова и снова, прижимаясь к ней губами.

Сильные руки схватили его за горло, прервали дыхание. Задыхаясь, он увидел безумные глаза жреца Бела. Он считал его убитым, но тот был жив.

Кентон обхватил жреца правой ногой, изо всех сил навалился на него, тот упал, увлекая за собой Кентона. Руки его ослабли чуть-чуть, но достаточно, чтобы Кентон сам схватил его за горло. Как змея, жрец выскользнул, откатился, встал. Кентон, не менее быстрый, поднялся. Прежде чем он смог извлечь меч, жрец опять был рядом, одной рукой он прижимал правую руку Кентона, другой отводил левую, одновременно вцепившись ему в горло.

Сквозь барабанный бой крови в ушах Кентон услышал далеко внизу бой другого барабана, будящего, призывающего, уговаривающего, как будто в гневе и тревоге билось само сердце Зиккурата!

* * *

Этот звук слышал и Джиджи; далеко внизу он только что своими обезьяньими руками забросил веревку с крюком на ограждение внешней лестницы; с лихорадочной скоростью взобрался он по веревке, и так же быстро последовали за ним Зубран и Сигурд.

— Тревога! — прошептал Сигурд, увлекая их под укрытие стены, чтобы они могли его услышать. — Молитесь Тору, чтобы эти часовые не услышали. Теперь быстро!

Цепляясь за стену, трое ползли вверх вокруг серебряной террасы Сина, бога Луны. Молнии почти прекратились, но дождь лился потоком, ревел ветер. Вода покрывала лестницу почти по колено. Тьма большой бури окружала их.

Дыша ветром и дождем, преодолевая встречный поток, они поднимались — трое!

* * *

По высокому жилищу Бела катались Кентон и жрец, стискивая друг друга и пытаясь вырваться. Вокруг них металась Шарейн, держа в руках меч, украденный у жреца, тяжело дыша, пытаясь нанести удар; но так тесно были сплетены дерущиеся, что она не находила такой возможности; перед ней была то спина жреца, то — тут же — спина Кентона.

— Шаламу! Шаламу! — у золотого занавеса стояла танцовщица Бела, которую сквозь ужасы таинственных храмов привели любовь, раскаяние, отчаяние. С бледным лицом, дрожа, цеплялась она за занавес.

— Шаламу! — кричала танцовщица. — Они идут за тобой! Их ведет жрец Нергала!

Спина жреца была обращена к ней, а Кентон глядел на нее. Голова жреца склонялась вперед, он пытался зубами вцепиться в шею противника, разорвать артерии; он был глух, слеп ко всему, кроме стремления убивать.

И Нарада, увидев лицо Кентона в неверном свете жаровни, приняла его за лицо человека, которого она любила.

Прежде чем Шарейн смогла пошевелиться, Нарада пролетела по комнате.

И вонзила кинжал по самую рукоять в спину жреца Бела!

* * *

Укрываясь в алькове в стене Зиккурата, часовые се-ребряной зоны вдруг увидели руки, протянутые к ним из бури. Двое упали с шеями, переломанными когтями Джиджи, двое — под быстрыми ударами меча Сигурда, еще двое — под ятаганом перса. В нише лежало шесть трупов.

— Быстрее! Быстрее! — Сигурд побежал вверх. Они обогнули оранжевую зону Шамаша, бога солнца.

Три смерти протянулись из пустоты, часовые оранже-вой зоны мертвыми лежали под ногами троих.

Они ощутили глубокую черноту слева — черная стена зоны Нергала, бога смерти...

— Быстрее! Быстрее!

* * *

Жрец Бела выкатился из рук Кентона, упал на колени, откинулся, умирающими глазами глядя на танцовщицу.

— Нарада! — выдохнул он сквозь кровавую пену. — Нарада... ты... — пена стала кровавым потоком.

Жрец Бела умер.

Один взгляд бросила танцовщица на Кентона и поня-ла...

— Шаламу! — завопила она и с воплем бросилась на Кентона, готовая ударить кинжалом. Прежде чем он смог

поднять меч, прежде чем поднял руки, даже прежде чем он смог отступить, она была рядом. Вниз опустилось лезвие, целясь прямо ему в сердце. Он почувствовал укол...

Кинжал скользнул, разрезав кожу в районе ребер. В то же мгновение прыгнула Шарейн, схватила танцовщицу за руку, вырвала у нее кинжал и глубоко вонзила его в грудь Нарады.

Как молодое дерево под ударом топора, танцовщица на мгновение остановилась, дрожа, и упала на тело жреца, застонала и последними усилиями жизни обняла, прижалась к его губам.

Мертвыми губами к губам мертвеца!

Они смотрели друг на друга — Шарейн с окровавленным кинжалом в руке, Кентон с красными ранами на груди, написанными этим кинжалом. Потом посмотрели на жреца и танцовщицу; в глазах Кентона была жалость; не было жалости в глазах Шарейн.

— Она могла тебя убить! — прошептала она. И снова:

— Она могла тебя убить!

Ослепительная вспышка заполнила комнату, сразу вслед за ней раскатился гром. Снова засверкали молнии. Кентон побежал к двери, распахнул занавес, прислушался. Под ним в сверкающем тумане лежал тихий дом Бела. Он ничего не слышал, но какие звуки можно услышать в этом громе? Он ничего не видел, не слышал, и все же...

Он чувствовал, что опасность близка, крадется к ним, может быть, даже сейчас ползет по тем зигзагам лестницы, которые скрыты от взгляда. Пытки и смерть для Шарейн и для него... ползет, крадется, все ближе и ближе.

Он побежал к окну. Джиджи, Сигурд, Зубран! Где они? Смогли ли подняться по наружной лестнице? Или сейчас поднимаются, прорубая себе дорогу через ряды часовых? Насколько они близко?

Смогут ли они с ними встретиться, Шарейн и он?

Окно было глубоким. К нему через каменную кладку шел подоконник шириной в ярд. Окно закрывала широкая сплошная прозрачная пластина. Кентон подтянулся, увидел, что эта пластина представляет собой сплошной толстый прозрачный хрусталь, удерживаемый на месте металлическим обрамлением; закрывалось окно при помощи рычагов, углубленных в камень стены. Один за

другим он поднял рычаги. Окно распахнулось, его почти втолкнуло обратно силой ветра и дождя. Он, борясь с ними, посмотрел вниз вдоль наружной стены...

Ступени большой наружной лестницы проходили в сорока футах внизу!

Между окном и ступенями пролегала почти отвесная стена, покрытая потоками ливня; по ней было так же невозможно спуститься, как и подняться.

Он посмотрел в обе стороны и наверх.

Жилище Бела представляло собой большой куб, посаженный на вершину конического храма. Окно, через которое он смотрел, находилось рядом с гранью этого куба. Не более ярда от его правой руки до грани. На двадцать футов налево тянулась черная стена, верхняя плоскость куба также в двадцати футах.

Он почувствовал рядом Шарейн, понял, что она что-то пытается сказать ему. Но не расслышал ни слова в реве бури.

* * *

На фоне вспыхивавших молний часовые Нергала увидели три силуэта судьбы, обрушившиеся на них из тьмы. Ударили мечи. Один закричал и попытался бежать. Ревущий ветер на клочки разорвал его крик, длинные руки схватили его, длинные когти сломали шею; он, кружась на ветру, полетел вдоль наружной стены.

А теперь и часовые красной зоны мертвы в своей нише.

Вот трое прошли синюю зону Набу, бога мудрости; часовых здесь не было; не было их и перед белым домом Иштар, не было и снаружи золотого дома Бела.

И тут извивающаяся лестница внезапно кончилась.

Здесь трое устроили совет, разглядывая гладкую каменную стену, поднимающуюся над ними без единого углубления. Они услышали вопль, который не смогла заглушить даже буря, — отчаянный вопль танцовщицы Бела, бросившейся на Кентона.

— Крик донесся оттуда! — Сигурд указал на край стены, за которой, скрытое от них, окно жилища Бела смотрело на молнии. Тут они увидели, что большая лестница заканчивается у самого края стены. Но устоять и заглянуть за этот край невозможно.

— Попробуем воспользоваться твоими длинными руками, Джиджи, — выдохнул Сигурд. — Стань как можно ближе к концу лестницы. Вот так! Ухвати меня за ноги и просунь наружу. У меня сильная спина, и я смогу заглянуть за угол.

И Сигурд, как листок, прижатый к стене ветром, посмотрел прямо в лицо Кентона; до него было не более фута.

— Подожди! — крикнул Сигурд и толчком ноги дал знак Джиджи тянуть его назад.

— Там Волк! — сказал он. — В окне, так близко, что сможет втащить меня. Подними меня снова, Джиджи. Когда я дерну ногой, отпускай! Потом пусть Зубран пройдет той же дорогой. А ты оставайся здесь, Джиджи, — без тебя мы не сможем вернуться. Стой на месте с вытянутыми руками и жди, когда мы их коснемся. Тогда тащи. Теперь быстрее!

Снова он повис, руки его поймал Кентон. Джиджи выпустил его. Мгновение он висел в пустоте, затем его втянули в окно.

— Сейчас Зубран! — крикнул он Кентону и побежал к двери, у которой с мечом в руке стояла Шарейн.

Теперь перс, вися в могучих руках Джиджи, перегнулся за угол, ухватился за руки Кентона и стал рядом с ним.

* * *

Раздуваемая порывами ветра через открытое окно, жаровня вспыхнула, как факел; тяжелый золотой занавес вздымался, маленькие огоньки вдоль стен погасли. Перс откинулся назад, нашел рычаги, закрыл окно. Быстро пожал руку Кентона, с любопытством взглянул на тела жреца и танцовщицы.

— Где Джиджи? — спросил Кентон. — Что с ним? Вас не преследуют?

— Нет, — мрачно ответил перс. — А если и преследуют, то руки у них сделаны из тени, так что удержать меч не смогут, Волк. Джиджи в безопасности. Он ждет, чтобы подхватить нас, когда мы вылезем из окна. Все, кроме одного, — добавил он негромко.

Кентон, думая о Джиджи и о пути на свободу, не слышал последней странной фразы. Он подошел к двери, по одну сторону которой стояла бдительная Шарейн, по другую — напряженный Сигурд. Привлек к себе Шарейн

в яростной ласке; выпустил ее и выглянул за занавес. Далеко внизу увидел он тусклый блеск, отражение света в кольчугах, щитах и мечах. На четверти высоты угловатой лестницы, ведущей от дома Бела, поднимались солдаты, медленно, осторожно, молча; они ползли, надеясь застать врасплох, как они думали, жреца Бела, дремлющего в объятиях Шарейн.

Есть еще время, минуты, чтобы пустить в ход свой быстрый разум. Он надел на голову золотой шлем Бела, взял щит, набросил плащ.

— Сигурд! — прошептал он. — Зубран! Те, что поднимаются, считают, что здесь только Шарейн... и этот человек, лежащий там. Иначе они бы дали сигнал тревоги, по наружной лестнице тоже поднимались бы солдаты, и с нами было бы кончено. Поэтому когда те внизу приблизятся, мы с Шарейн покажемся с мечами. Они не будут нас убивать, им нужно нас пленить. Они отступят. Тогда быстро берите Шарейн и передайте ее Джиджи. Мы последуем за ней...

— Первая часть плана хороша, Волк, — спокойно прервал перс. — Но не последняя. Нет, кто-то один должен остаться здесь, пока остальные не покинут благополучно храм. Иначе как только они войдут сюда, черный жрец поймет, что произошло. И вокруг храма будет кольцо, через которое не прорвется и целый отряд. Нет, кто-то должен остаться, сдерживать их, на время.

— Я останусь! — сказал Кентон.

— Любимый! — прошептала Шарейн. — Ты уходишь со мной, или я не ухожу.

— Шарейн, — начал Кентон.

— Мой дорогой повелитель, — невозмутимо сказала она. — Неужели ты думаешь, что я позволю снова разлучить нас? Никогда! В жизни и в смерти — никогда!

— Нет, Волк, я останусь, — сказал перс. — Шарейн не пойдет без тебя. Это исключает тебя, потому что она должна уйти. Джиджи не может остаться, так как не может и добраться сюда в одиночку. С этим ты согласен? Хорошо! Сигурд должен идти, чтобы показывать дорогу назад. Никто, кроме него, ее не знает. Кто остается? Зубран! Боги сказали! Их доводы неоспоримы.

— Но как ты уйдешь? Как найдешь нас? — простонал Кентон. — Как без помощи Джиджи сможешь выбраться из окна?

— Не смогу, — ответил Зубран. — Но я смогу сделать веревку из постельных покрывал и занавесей. И по ней спущусь к тем ступеням внизу. Один сможет ускользнуть там, где не смогут пятеро. Я помню дорогу через город до рощи. Подождите меня там.

— Они близко, Кентон! — негромко позвала Шарейн.

Кентон подбежал к двери. В десяти шагах внизу ползли солдаты, два десятка их неслышно парами поднимались по лестнице, держа наготове щиты, с мечами в руках; за ними небольшая группа жрецов в желтых и черных одеждах, и среди них — Кланет.

Справа от Шарейн к стене прижался Сигурд, невидимый, но готовый защитить Шарейн. Перс встал слева от Кентона и тоже прижался к стене, чтобы снизу его не было видно.

— Прикрой жаровню, — сказал Кентон. — Лучше совсем погаси ее. Чтобы за нами не было света.

Перс потянулся к жаровне, но не набросил на нее покров, который погасил бы огонь. Напротив, он потряс ее, прикрыл пламя углами и поставил в угол, где угли были едва видны.

Ноги передних солдат были уже почти на верхней ступеньке, руки их протянулись, чтобы отдернуть занавес.

— Пора! — выдохнул Кентон.

Он сорвал занавес с двери. Они стояли: она в белой одежде жрицы, он в золотых доспехах бога, напротив солдат. И те, ошеломленные неожиданным появлением, смотрели на двоих.

Прежде чем они смогли прийти в себя, сверкнуло лезвие Шарейн, меч Кентона ударил с быстротой молнии. Вниз полетели двое передних. Прежде чем солдат упал, Кентон выхватил у него из рук щит, протянул его Шарейн, ударил по солдатам, стоявшим сзади.

— За Иштар! — услышал он крик Шарейн, увидел, как глубоко вонзился ее клинок.

— Женщина! Жрец! Взять их! — послышался рев Кланета.

Кентон наклонился, поднял упавшего солдата и швырнул его в остальных. Тело ударило их, размахивая руками, как живое. И они с проклятиями покатились вниз; летели вниз по лестнице солдаты и жрецы. Некоторые ударялись о непрочное ограждение, прорывали его, па-

дали камнем сквозь туман, чтобы разбиться на полу дома Бела далеко внизу.

Кентон отпрыгнул, схватил Шарейн, передал ее Сигурду.

— К окну, — приказал он. — Передавай ее Джиджи!

Сам он бросился вперед, открыл окно. Гроза ушла, где-то далеко сверкали молнии; тьма сменилась сумерками, но дождь продолжал идти, подгоняемый ветром. В получьме он увидел протянутые из-за угла жилища руки Джиджи. Отступил. Его место, держа Шарейн, занял викинг. Но мгновение она повисла в воздухе, затем Джиджи поймал ее; она исчезла из виду.

Снизу послышались крики; солдаты пришли в себя, устремились вверх. Кентон видел, как Сигурд и перс подняли тяжелую кровать, сорвали с нее покрывала, наклонили. Подтащили к двери, просунули наружу и пустили по лестнице. Послышались вопли, крики боли, стоны. Кровать ударила по солдатам, пролетела меньший пролет, уперлась в веревочное ограждение, образовав баррикаду.

— Иди, Сигурд! — крикнул Кентон. — Я остаюсь с Зубраном. Ждите нас в лесу.

Перс взглянул на него, во взгляде его была любовь, смягчившая холодные агатовые глаза. Потом он кивнул Сигурду.

Как будто они условились об этом заранее, руки викинга обвились вокруг Кентона. И хотя он стал очень силен, Кентон не мог разорвать эти руки. А Зубран снял с его головы золотой шлем Бела и надел его на себя; сорвал золотой щит, сбросил свой плащ с кольчуги и на его место надел мантию бога, потом окутал его лицо, совсем скрыв бороду.

И Кентона, как бьющегося ребенка, отнесли к окну и просунули наружу. Джиджи поймал его и поставил рядом с плачущей Шарейн.

Викинг повернулся и обнял перса.

— Некогда, северянин! Не до чувств! — выпалил Зубран, вырываясь. — Ты знаешь, Сигурд, для меня спасения нет! Веревка? Слова, чтобы успокоить Волка. Я люблю его. Веревка? Они спустятся вслед за мной, как змеи. А я не дрожащий заяц, чтобы вести свору к добыче. Не я! Иди, Сигурд, и когда выйдете из города, расскажи им. И как можно быстрее идите на корабль.

Викинг сказал торжественно:

— Девушки с щитами близко! Один принимает героя, откуда бы он ни был родом. Скоро ты будешь пировать с Всеобщим отцом Одином, перс!

— Пусть приготовят блюда, которые я еще не пробовал! — пошутил перс. — В окно, северянин!

Зубран держал его за ноги, а Сигурд высунулся и был пойман Джиджи.

И вот вчетвером — впереди Сигурд, Шарейн, прикрытая широким плащом Джиджи, Кентон с проклятиями — они начали спускаться.

25. Смерть Зубрана

Перс не закрыл за ними окно. Он позволил ветру врываться внутрь и принял расхаживать по жилищу Бела.

— Клянусь всеми дэвами! — произнес Зубран. — Никогда не испытывал я такого чувства свободы, как сейчас! Я один, последний человек в мире! Никто не может помочь мне, никто не даст совета, никто не утомит меня! Наконец-то жизнь проста: все, что мне осталось — убивать или быть убитым. Клянусь Ормуздом, мой дух встал на цыпочки...

Он выглянул за дверь.

— Никогда мужчинам не приходилось так трудно с кроватью! — усмехнулся он, глядя, как солдаты внизу пытаются преодолеть препятствие.

Повернувшись, он собрал посреди комнаты шелковые покрывала с кровати. Сорвал со стен шпалеры и бросил их в груду. Одну за другой брал лампы и выливал из них масло на погребальный костер; потом вылил масло из кувшинов.

— Мой старый мир, — рассуждал перс, работая, — он утомил меня. И этот тоже мне наскучил, клянусь пламенем жертвоприношения! И я уверен, что новый мир Волка утомит меня больше всех. Я со всеми тремя покончил.

Он поднял тело жреца Бела, поднес к окну.

— Ты больше удивишь Кланета снаружи, а не внутри,
— рассмеялся он и выбросил тело из окна.

Потом остановился над танцовщицей.

— Как прекрасна! — прошептал он, касаясь ее губ, груди. — Интересно, как ты умерла... и почему. Должно быть, это было забавно... Некогда было расспрашивать Волка. Что ж, будешь спать со мной, танцовщица. И, может быть, когда мы проснемся, — если проснемся, — ты мне расскажешь.

И он положил Нараду на груду промасленных тканей. Взял дымящуюся жаровню и поставил рядом с ней...

Снизу послышался рев, топот ног по лестнице. Вверх стремились солдаты, получившие многочисленное подкрепление. На мгновение Зубран показался в двери в золотом плаще Бела, обернутом вокруг шеи и скрывающем лицо.

— Жрец! Жрец! — закричали они.

Всех перекрыл рев Кланета:

— Жрец! Убейте его!

Перс с улыбкой отступил за стену. Поднял щит, который уронила Шарейн.

Через узкую дверь прыгнул солдат, за ним второй.

Дважды свистнул ятаган, быстрый, как быстрайшая из змей. Двое упали под ноги шедших за ними, мешая им, стесня их движения.

Вверх и вниз, ударяя, разрезая, укальвая, плясал клинок Зубрана, пока рука его не окрасилась в красный цвет до самого плеча. Перед ним росла баррикада из трупов.

Только по двое могли враги вступать на порог жилища Бела — и по двое они падали, преграждая доступ остальным, и все время росла стена из трупов. Наконец, ему уже не видны были их мечи, он только слышал крики; взобравшись на тела, он увидел, что солдаты пытаются расчистить баррикаду, убрать мешавших им пройти мертвцевов.

Перс напряг уставшие мышцы руки, рассмеялся, услышав голос Кланета:

— Там только один человек. Убейте его и принесите мне женщину. Десять ее весов в золоте тому, кто принесет ее мне!

Они собрались, устремились вверх, как набегающая волна, вскарабкались на стену из мертвцевов. Красный ятаган Зубрана превратился в сверкающий ручей...

Он почувствовал сильную боль в боку, над пахом. Упавший мечник приподнялся и ударил его снизу своим мечом.

Перс понял, что рана его смертельна.

Он разрубил улыбающееся лицо, снова прыгнул на мертвых, расчистил пространство бурей ударов. Нажал плечами на баррикаду из мертвецов. Они повалились по лестнице вниз, падали на поднимающихся солдат, путали им ноги. Прижимали их к стене, посыпали вниз, сквозь туман, заставляя хватать руками воздух.

Двадцать верхних ступеней расчистились.

Свистнула стрела.

Она пробила плащ и попала Зубрану в шею, в том месте, где сходятся шлем и латный воротник. Он глотнул соленую кровь, хлынувшую из горла.

Перс, шатаясь, побрел к груде тканей, на которой лежала Нарада, ногой задел за жаровню, опрокинул ее на промасленные ткани.

Взметнулось пламя. Порыв ветра из открытого окна подхватил его и раздул в ревущий ураган.

Зубран лег рядом с телом танцовщицы, повернувшись, взял ее руки в свои.

— Чистая смерть, — прошептал он. — Наконец-то... как все... Возвращаюсь... к богам моих отцов. Чистая смерть! Прими меня, о бессмертный огонь!

Пламя поднялось над ним, покрыло его, как навесом.

Верхняя часть пламенного языка расширилась.

Она стала огненной чашей, полной огненного вина!

И в эту чашу перс погрузил свои губы, он пил огненное вино, он вдыхал его аромат.

Голова его упала, мертвое лицо улыбалось. Голова его лежала на груди Нарады.

Пламя скрыло их.

26. Как они вернулись на корабль

Четверо, за чью свободу умер перс, были уже далеко. Благополучно миновали они террасы; мертвые часовые лежали так, как упали. Но, уходя, четверо услышали, как

Зиккурат загудел изнутри, словно потревоженный колоссальный улей, услышали бой большого барабана и заторопились под укрытие каменной стены, на которой висел крюк Джиджи. Один за другим соскользнули они по веревке вниз, под защиту деревьев. Буря бушевала, но деревья защищали их. На улицах никого не было. Жители Эмактилы прятались в своих раскрашенных домах от бури.

Когда губы перса окунулись в пламенную чашу, они были уже далеко на пути к кораблю.

Когда наконец солдаты набрались мужества, чтобы снова подняться по ступеням, они, а вслед за ними и Черный жрец, вошли в жилище Бела. Четверо были уже за пределами города и пробирались через глубокую грязь: впереди викинг, сзади Кентон, все время оглядывавшийся в ожидании Зубрана.

А в комнате, где пепел Зубрана смешался с пеплом танцовщицы, Черный жрец стоял изумленный, чувствуя, как что-то похожее на страх коснулось его злобного сердца, но тут взгляд его уловил блеск бабочек с вуали Нарады, которая соскользнула с нее, когда перс укладывал ее на погребальный костер. Жрец увидел и кровавый след, который вел к открытому окну. Выглянув из окна, Кланет увидел в грозовом сумраке разбитое тело жреца Бела — мертвое белое лицо смотрело на него снизу, с расстояния в сорок футов.

Жрец! Чьи же кости сгорели в огне? Кто был человек, сражавшийся в золотом шлеме и со щитом, с лицом, скрытым мантией бога? Он так быстро орудовал мечом, его так скрывали поднимавшиеся солдаты и частично стена, что Кланет снизу видел его лишь мельком; он считал, что это жрец Бела.

Назад побежал Черный жрец, свирепо распинал пепел костра и то, что лежало в нем.

Что-то звякнуло — сломанный ятаган. Он узнал это оружие — ятаган Зубрана, перса.

Еще что-то сверкнуло у его ног — пряжка, жемчуга которой не потускнели в огненной ванне. Он узнал эту пряжку — она была на поясе у Нарады, танцовщицы.

Значит, эти почерневшие останки — Зубран и танцовщица! Шарейн освобождена!

Черный жрец стоял неподвижно, лицо его стало так ужасно, что солдаты отшатнулись от него, прижались к стенам.

С воем бросился Кланет из жилища Бела. Вниз по угловатой лестнице, вниз через тайные храмы, все вниз и вниз, пока не добрался до камеры, в которой оставил Кентона с шестью лучниками. Он распахнул дверь, увидел крепко спящих лучников и офицера. Кентона не было.

Изыгая проклятия, выбрался он из камеры, приказывая обыскать город, найти и схватить храмовую шлюху и раба, предлагая за их поимку все, чем владеет, все, все! Если только ему приведут эту пару живыми.

Живыми!

* * *

Теперь четверо свернули с дороги и находились в лесу в том месте, откуда начиналась тайная тропа к морю и где хитроумный перс просил их подождать его. И Сигурд рассказал им о самопожертвовании Зурбана и почему это самопожертвование было необходимо. И Шарейн плакала, а горло Кентона сжималось от горя, а черные бусинки глаз Джиджи смягчились и слезы побежали по морщинам его лица.

— Что сделано — сделано, — сказал Сигурд. — Теперь он пирует с Одним и героями.

Он решительно раздвинул их и пошел дальше.

Они шли все вперед и вперед. Дождь промочил их, ветер продул. Когда буря стихала, они шли быстрее; когда темнело так, что викинг не видел дороги, они останавливались. Все вперед и вперед — к кораблю.

Шарейн споткнулась и упала, встать она не смогла. Тroe, столпившись вокруг нее, увидели, что ее сандалии изорваны, а стройные ноги босы и кровоточат, и что давно уже каждый шаг должен причинять ей страшную боль. Кентон взял ее на руки и понес, а когда он устал, ее понес Джиджи, а Джиджи был неутомим.

Наконец они пришли к спрятанному кораблю. Они окликнули девушек, те оказались на страже. Они передали девушкам Шарейн, и те унесли свою хозяйку в каюту и занялись ею.

Теперь поднялся спор, стоит ли ожидать, пока стихнет буря. Наконец они решили, что ждать не стоит; лучше выйти в бурное море, чем оставаться вблизи Эмактилы и страшного дома Нергала. Цепи сняли с деревьев, вывели корабль из убежища и развернули в сторону выхода из бухты.

Подняли якорь, опустили весла. Медленно корабль набирал скорость. Повернув за скалы, Сигурд, стоявший у рулевого весла, вдохнул ревущие волны и, как бегун, направил корабль в открытый океан.

Кентон, до предела уставший, упал на месте. Джиджи поднял его и отнес в черную каюту.

Долго сидел рядом с ним Джиджи, бодрствуя, хотя тоже устал, смотрел по сторонам своими зоркими глазами; прислушивался, караулил. Джиджи казалось, что черная каюта не такая, какой они ее оставили. Казалось Джиджи, что он слышит шепот, даже призрак шепота, приходящий и уходящий.

Кентон застонал, что-то пробормотал в глубоком сне, тяжело задышал, будто чьи-то руки сдавили ему горло. Джиджи, прижав руку к груди Кентона, успокоил его.

Но вот и бдительные глаза Джиджи помутились, веки закрылись, голова опустилась.

В пустой нише, где на плите из кровавого железняка раньше стоял идол Нергала, сгостила какая-то смутная тень.

Тень потемнела. В ней начало проглядывать лицо, это лицо, полное ненависти, угрозы, смотрело на спящую пару...

Кентон снова застонал, он боролся с кошмаром. Барabanщик протянул длинные руки, вскочил на ноги, осмотрелся...

Быстро, как и появилось, прежде чем Джиджи полностью открыл еще сонные глаза, призрачное лицо исчезло, ниша опустела.

27. Видение Кентона

Когда Кентон проснулся, рядом с ним лежал не Джиджи, а раздетый Сигурд. И громко хрюпал. Он, должно быть, проспал долго, потому что мокрая одежда, которую снял с него ниневит, просохла. Кентон оделся, сунул ноги в сандалии, набросил на плечи короткий плащ и тихо отворил дверь. Тьма и черные сумерки уступили место бледному рассвету, который окрасил море в тускло-серый цвет.

Дождь прекратился, но корабль весь дрожал от сильного ветра.

Корабль летел по ветру, как чайка, на гребне гигантской волны; скользил назад, когда волна проходила по воде, как по шиферу, и снова поднимался на гребне следующей волны.

Кентон пробрался к месту рулевого, пена жгла его лицо, как дождь со снегом. В одно рулевое весло вцепился Джиджи, за другим были два раба из трюма. Ни-невит улыбнулся Кентону, указал на компас. Кентон взглянул и увидел, что стрелка, которая всегда направлена к Эмактиле, указывает точно на корму.

— Логово далеко за нами! — крикнул Джиджи.

— Иди вниз! — крикнул Кентон в заостренное ухо и хотел взяться за весло. Но Джиджи только рассмеялся, покачал головой и указал на каюту Шарейн.

— Вот твой курс! — проревел он. — Вставай на него!

Борясь с ветром, Кентон добрался до розовой каюты, открыл дверь. Шарейн спала щекой на стройной руке, пряди волос укрывали ее, как золотая сеть. Две девушки сидели рядом.

Как будто он ее позвал, она открыла сонные глаза, которые становились все более томными.

— Мой дорогой повелитель! — прошептала Шарейн.

Она села, знаком велела девушкам уйти. А когда они ушли, протянула к нему свои белые руки. Его руки обвились вокруг нее. Как птица, она утнездилась в них, подняла навстречу ему губы.

— Мой дорогой повелитель! — прошептала Шарейн.

Он больше не слышал рева ветра, не слышал ничего, кроме шепота и вздохов Шарейн; забыл все на свете, кроме нежных рук Шарейн.

★ ★ *

Долго плыли они, подгоняемые бурей. Дважды Кентон сменял Джиджи у рулевого весла, дважды его заменял викинг, пока ветер не стих и они не заскользили опять по улыбающемуся, блестящему бирюзовому морю.

Для плавущих на корабле началась жизнь преследуемых — преследуемых не только людьми, но и призраками.

Эмактила должна была остьаться далеко позади, и тем не менее все четверо ощущали, что их преследуют. Не страх, не ужас — знание того, что корабль преследуют,

что, если они не перехитрят флот, который отыскивает их повсюду в этом странном море, не найдут безопасную тайную гавань, конец у них будет один. И ни один из них в глубине души не верил, что такая гавань отыщется.

И все же они были счастливы. Жизнь расцветала рядом с Кентоном и Шарейн. Они любили друг друга. А Сигурд пел старые саги и новые, которые сочинял о персе Зубране, пока они с Джиджи прибивали большие щиты к бортам на носу. Они укрепили щиты вдоль фальшборта и прорезали в них бойницы, сквозь которые можно было стрелять. На корме они тоже прибили два щита, чтобы защищать кормчего.

И Сигурд пел о грядущей битве, о крылатых воительницах, которые парят над кораблем, готовые унести душу Сигурда, сына Тригга, на его место в Валгалле, где его ждет Зубран. Он пел о местах, которые там ждут Кентона и Джиджи, но не тогда, когда его могла слышать Шарейн, потому что в Валгалле нет места для женщин.

Преследуемые — призраками!

В черной каюте тени сгущались и рассеивались, становились сильнее и уходили, снова возвращались. Что-то от Темного повелителя вернулось, снова требовало свою палубу. Ни Джиджи, ни викинг больше не спали в черной каюте, они спали на открытой палубе или в каюте девушек.

А рабы шептались о тенях, которые пролетают над черной палубой, собираются у перил и смотрят на них сверху вниз!

Однажды Сигурд задремал над рулевым веслом, а проснувшись, обнаружил, что курс корабля изменился — большая стрелка указывала на нос, на Эмактилу, корабль на веслах шел к острову колдунов!

После этого они правили кораблем по двое — Кентон и Шарейн, Джиджи и викинг.

И не в силах Шарейн было отогнать эти тени.

Они пристали к одному острову и пополнили запасы пищи и воды. На острове была хорошая скрытая гавань, за ней их манил большой лес. Здесь они провели некоторое время, говорили о том, чтобы вытащить корабль на берег, спрятать его, затем найти в лесу место и построить крепость, там встретить нападение, если оно будет.

Корабль Иштар притягивал их к себе.

Они не находили себе места на берегу, каждый втайне опасался, что остальные трое решат остаться. И весели-

лись, как дети, когда корабль вышел из гавани и погрузил нос свой в увенчанные пеной волны, а чистый морской ветер крепчал, и остров постепенно терялся вдали.

— Тюрьма, — рассмеялся Кентон.

— Это не жизнь! — согласился Джиджи. — Прятаться в норе, пока собаки не отыщут и не выкопают оттуда. Теперь нам по крайней мере видно, чего ожидать.

Они встретили длинный корабль, унирему, как и их, но с двадцатью веслами. Это был торговый корабль, к тому же тяжело груженный; он попытался уйти от них. Но викинг закричал, что они не должны дать ему уйти в Эмактилу и там рассказать о них. Они преследовали корабль, таранили его и потопили вместе с вопящими заковаными рабами — Кентон, Сигурд и Джиджи с тяжелым сердцем, Шарейн — бледная и плачущая.

Встретили другой, легкий, не больше их, но на этот раз военный корабль, охотник. Сделали вид, что бегут, корабль начал их преследовать. Когда преследователь был совсем близко, викинг резко развернул корабль Иштар и срезал весла преследователя. На этом корабле сражались храбро, но, сдерживаемые приказом Черного жреца не убивать, а взять живыми, не могли противостоять большой булаве Джиджи, мечу викинга, быстрому клинку Кентона. Они сдались перед ними и перед бурей стрел, которую обрушили на них Шарейн и ее девушки. Но и на корабле Иштар были потери: одна девушка умерла, стрела попала ей в сердце, а Джиджи и Сигурд были ранены.

На этом корабле они нашли запас металла для наковальни викинга. И что еще лучше, связки бечевки, масло, чтобы смачивать их, кремень, позволяющий зажигать пламя, прочные древки и странной формы мощные самострелы, которые должны были стрелять пылающими стрелами. Все это и металл они взяли. Потом потопили корабль с живыми и мертвymi.

Все дальше плыл корабль, Сигурд ковал длинные щиты, Джиджи и Кентон установили возле розовой и черной кают самострелы, приготовили бечевку, масло и огниво.

Шло время; мощные потоки жизни, исходившие от Кентона и Шарейн, не слабели, наоборот, становились сильнее.

Лежа рядом со спящей любимой, Кентон проснулся — или подумал, что проснулся; открыв глаза, он увидел

не каюту, а два лица, глядящие на него из какого-то неизвестного пространства; огромные лица, смутные и туманные. Их призрачные глаза устремились на него.

Кто-то заговорил, и Кентон узнал — этот голос вел его по тайным переходам храма! Голос Набу!

— Снова Нергал сосредоточил свой гнев на корабле, о Иштар! — произнес этот голос. — Борьба между ним и твоей ипостасью снова будет беспокоить богов и людей в мириадах миров. Великая мать, только ты можешь кончить ее.

— Я дала слово, — другой голос был как ветер, шевелящий струны тысячи арф, — я дала слово; и та моя ипостась, которую люди в старину называли Гневная Иштар, разве у нее нет прав? Нергал не победил ее. Но и она не победила Нергала. Соглашение не было достигнуто. Как же может отдыхать моя ипостась, если слово, которое я произнесла в гневе, не нашло ответа. И пока будет бороться она, будет и Нергал, он тоже связан словом.

— Но ведь огонь, зажженный тобой в сердцах Зарпанит и Алусара, огонь, ставший сутью их душ, не погас, — прошептал спокойный голос. — Разве эти огни не ускользнули и от твоей Гневной сестры, и от Темного Нергала? И почему, Иштар? Разве не потому, что ты этого хотела? Разве не ты скрыла их? Что же тогда говорить о твоем слове?

— Ты мудр, Набу! — послышался голос Иштар. — Пусть этот человек, чьи глаза мы открыли, увидит, что произвели моя жрица и ее любовник, когда привели в объятия друг друга Мать Жизни и Повелителя Смерти! Пусть этот человек рассудит, справедлив ли мой гнев!

— Пусть этот человек рассудит! — повторил голос Набу.

Огромные лица поблекли. Кентон смотрел в глубочайшие глубины, в бесконечные бесконечности пространства. Мириады солнц роились здесь, а вокруг них вращались мириады и мириады миров. Через это бесконечное пространство двигались две силы, смешавшиеся, но и раздельные. Одна — свет и плодовитость, она давала рождение, жизнь и радости жизни; другая — тьма и уничтожение, она отнимала у первой ее порождения, утихомиривала их, погружала в темноту. Внутри первой силы было невыразимое сияние, и Кентон знал, что это

ее душа. В темной силе была еще более темная тень, и он знал, что это ее мрачная душа.

Перед ним появились фигуры мужчины и женщины; что-то прошептalo ему, что имя женщины Зарпанит, а мужчины — Алусар, это жрица Иштар и жрец Нергала. Он увидел в их сердцах удивительно чистое белое пламя. Он видел, как два пламени заколебались, склонились друг к другу. И в то же время сияющие нити света потянулись от первой силы, связывая жрицу с ее душой; и из мрачного сердца тьмы протянулись темные нити и обвились вокруг жреца. И на мгновение в соединившемся пламени светлые и темные нити соединились, слились, стали одним и тем же.

В то же мгновение все пространство задрожало, солнца закачались, миры начали раскачиваться, бьющий прибой жизни замер.

— Ты созерцаешь грех! — прозвенел голос арфовых струн.

— Раскрой глаза шире! — донесся спокойный холодный голос.

И вот Кентон видит большое помещение, в котором пребывают ужасные силы, в сиянии и славе, — все, кроме одной, погруженной во тьму. И перед ними стоят жрец и жрица, а рядом со жрицей — Шарейн!

Снова видит он белое пламя в сердцах этих двоих — спокойное, ясное, равнодушное к богам или к гневной богине. Склоняются друг к другу, неугасимые, неизменные, равнодушные к гневу богов или к их наказанию.

Картина начала расплыватьсь, исчезла. Теперь в этом же помещении находились жрец и жрица, Кланет, Шарейн и вокруг них — тела многих мужчин и женщин. Был также высокий алтарь, полускрытый облаком мерцающего лазурного тумана. В тумане, на алтаре, невидимые руки строили чудесный корабль.

И по мере того как рос этот корабль, где-то далеко от него, как бы в тени другого измерения, рос другой корабль; корабль, который, казалось, возник сам собой на бирюзовом море в мире серебристых облаков! Шаг за шагом этот корабль-призрак повторял создание игрушечного корабля на алтаре.

Кентон знал, что реален именно призрак: игрушка на алтаре — ее символ.

Знал также, что символ и реальность — одно и то же, они связаны древней мудростью, созданы древними силами так, что судьба и благополучие одного есть судьба и благополучие другого.

Едины в двух формах. Кукольной и реальной. И каждая — одно и то же.

Невидимые руки в лазурном тумане закончили строительство корабля. Они одно за другим коснулись тел жрицы Иштар и жреца Нергала, тел Шарейн и Кланета и всех тех, кто лежал вокруг. И все эти тела исчезли. Невидимые руки подняли и поставили на игрушечный корабль маленьких кукол.

А на палубе корабля в лазурном море появились тела — одно за другим появлялись тела тех, которые в виде игрушек вставали на алтаре.

И вот на полу зала совещаний богов не осталось ни одной фигуры.

Корабль был создан и населен.

Луч от сияния, окружавшего Иштар, коснулся носа корабля. Щупальце тьмы протянулось из черноты, в которой восседал Повелитель смерти, и коснулось кормы корабля.

Картина расплылась и исчезла.

Появилась другая комната, маленькая, почти келья. В ней стоял одинокий алтарь. Над алтарем висела лампа, окруженная лазурным ореолом. Алтарь из лазурита и бирюзы, усаженный синими сапфирами. Кентон понял, что это тайный алтарь Набу, бога мудрости.

На алтаре стоял корабль. Кентон смотрел на него и понимал, что эта драгоценная игрушка неразрывными нитями связана с другим кораблем, плывущим в другом пространстве, в другом измерении, плывущим по неведомым морям в неведомом мире...

С кораблем, на котором плыл он сам!

И что происходит с игрушкой, то же происходит и с кораблем Иштар; и каково кораблю Иштар, таково и игрушке; то, что угрожает одному, угрожает и другому; они разделяют судьбу друг друга.

И эта картина исчезла. Теперь он видел город, огороженный стеной; над городом возвышался большой ступенчатый храм — Зиккурат. Город осаждало войско, обороняющиеся стояли на стенах. Он знал, что этот город — древний Урук и что перед ним храм, в котором по-

строили чудесный корабль. И тут осаждающие прорвались сквозь стены, подавили защитников. Он мельком увидел кровавую бойню — картина исчезла.

Снова увидел он келью Набу. В ней находились два жреца. Корабль стоял на полу на решетке из серебристого металла. Над алтарем висело небольшое сияющее голубоватое облако. Кентон понял, что жрецы повинуются голосу, исходящему из облака, они спасают корабль и тех, кто плывет на нем, от нападающих. Они залили корабль строительным раствором, походившим на размельченную слоновую кость, смешанную с жемчугом. Раствор скрыл игрушку. Теперь вместо корабля стоял каменный блок. Облако исчезло. Появились другие жрецы, они вытащили блок, пронесли его по коридорам во двор храма. И тут оставили его.

Во двор ворвались победители, грабя и убивая. Но никто из них не обратил внимания на грубый каменный блок.

Теперь Кентон видел другой город, великий и прекрасный. Он знал, что это Вавилон в самом расцвете его могущества. Новый Зиккурат стоял на месте прежнего. Картина поблекла, Кентон увидел внутренность другого святилища Набу. Каменный блок находился здесь.

Перед ним мелькали картины битв и побед, пышных процессий и поражений, мгновенные картины уничтожения, восстановления и нового уничтожения города; каждый раз, уничтоженный, он восстанавливался в новом великолепии...

Потом пал, покинутый богами.

Потом разрушился, покинутый людьми, пустыня наползла на него, покрыла его.

И город был забыт.

Последовал водоворот видений — зыбких, с трудом различимых, быстро сменявших друг друга. Картина стала устойчивой. Он увидел людей, раскапывающих пески на месте могилы Вавилона. Он узнал среди этих людей Форсайта! Видел, как откопали блок, как его унесли высокие арабы, видел, как его уложили на примитивную повозку, которую потащили терпеливые маленькие пони в грубой упряжи, смотрел, как его грузят в корабль и как этот корабль плывет по морю, которое он знал, как блок заносят в его собственный дом...

Он увидел самого себя, освобождающего корабль.
 И снова смотрел в призрачные глаза.
 — Суди! — вздохнули струны арф.
 — Еще нет! — прошептал спокойный голос.

Кентон снова смотрел в бесконечное пространство, где впервые увидел сияющие и темные силы. Но теперь в этом пространстве он видел бесчисленное количество огоньков, подобных тем, что горели в груди жрицы Иштар и жреца Повелителя смерти; видел, как сама бесконечность светится и пламенеет в них. Они горели глубоко внутри тени, и при их свете из тьмы вырывались мириады и мириады других огней, которые скрывала тьма. И он увидел, что без этих огней само свечение было бы тоже тьмой!

Он увидел корабль, как будто плывущий в том же самом пространстве. Глубокая тень отделилась от души тьмы и нависла над кораблем. Немедленно ему навстречу из души света вырвалось сияние. Они встретились и вступили в схватку. Корабль был фокусом схватки, от которого расходились круги ненависти и гнева. Как круги на воде, расходились они, и тьма пила силу в этих волнах и становилась все темнее. И в этой битве свечение тускнело, и бесчисленные огоньки мигали, раскачивались, тревожились.

— Суди! — прошептал холодный голос Набу.

И Кентон в своем сне, если это был сон, заколебался. Не простое дело рассудить эти силы, судить Иштар, богиню, которая в этом чуждом мире обладает могучей властью. К тому же, разве он не молил Иштар, разве она не ответила на его мольбу? Да, но он молил и Набу, а Набу — бог правды...

И мысли обрели форму слов его родного языка, в его привычных оборотах:

— Если бы я был богом, — просто начал он, — и создавал бы живые существа, мужчин и женщин, я не сделал бы их несовершенными, чтобы они не могли в своем несовершенстве нарушить мои законы. Нет, если бы я был всемогущим и всеведущим, какими и должны быть, по моему мнению, боги. Если, конечно, мне не нужны игрушки, с которыми я мог бы играть. И если бы я обнаружил, что создал их несовершенными и что поэтому они нарушили мои законы, я подумал бы, что я отвечаю за их грехи, потому что, будучи всемогущим и

всеведущим, я мог бы сделать их совершенными, но не сделал. А если бы я создал их как игрушки, тем более не стал бы я навлекать на них несчастья и разочарования, горе и боль — и не наказывал бы их, о Иштар! — Нет, если бы они были игрушками, способными все это чувствовать. Потому что они не более, чем игрушки, созданные мной и действующие по моей воле.

— Конечно, — продолжал Кентон простодушно и без всякой иронии, — я не бог, тем более не богиня, и до того, как появиться в этом мире, никогда с ними не встречался. Но, говоря как человек, даже если бы я стал наказывать нарушивших мой закон, я не тронул бы тех, кто ничего общего не имеет с той первоначальной причиной, которая вызвала мой гнев. Но именно это, как мне кажется, происходит на этом корабле.

— Нет, — искренне сказал Кентон, почти забыв о нависших над ним огромных лицах, — я не вижу справедливости в мучениях этого жреца и этой жрицы, и не вижу справедливости в тех бедах, которые причиняет борьба за этот корабль, и я бы остановил эту борьбу, если бы смог. Во-первых, я побоялся бы, что тьма станет слишком сильной и погасит эти огоньки. Во-вторых, если я когда-либо и произнес гневные слова, вызвавшие все эти беды, я не позволил бы им быть сильнее меня. Не позволил бы как человек. И тем более не позволил бы, будь я богом или богиней.

Наступило молчание, затем...

— Человек рассудил! — прошептал спокойный голос.

— Он рассудил! — струнный голос арф теперь был почти таким же холодным. — Я беру назад свое слово. Пусть борьба кончится!

Два лица исчезли. Кентон поднял голову и увидел вокруг знакомые стены розовой каюты. Все это было сном? Не все... слишком ясными были картины, слишком последовательными, слишком убедительными.

Рядом пошевелилась Шарейн, повернулась к нему лицом.

— Что тебе снилось, Джонни? — спросила она. — Ты что-то бормотал — странные слова, которые я не могла понять.

Он наклонился и поцеловал ее.

— Боюсь, сердце мое, что я оскорбил твою богиню, — сказал он.

— О, Джонни, нет! Как? — в глазах Шарейн появился ужас.

— Сказав ей правду, — ответил Кентон и рассказал Шарейн о своем видении.

— Я забыл, что она женщина, — закончил он.

— Но, любимый, она сама женственность! — воскликнула Шарейн.

— Тем хуже! — печально ответил Кентон.

Он встал, набросил плащ и пошел поговорить с Джиджи.

Но Шарейн долго после его ухода сидела, размышая, с беспокойными глазами. Наконец она подошла к пустому алтарю, бросилась перед ним на пол и стала молиться.

28. Как кончилась борьба

Что на корабле началось, на корабле и должно кончиться! — сказал Джиджи, кивая мудрой лысой головой, когда Кентон рассказал ему о своем видении. — Думаю, недолго нам осталось ждать, прежде чем мы увидим этот конец.

— А потом? — спросил Кентон.

— Кто знает? — пожал широкими плечами Джиджи.

— Но пока Кланет жив, для нас покоя нет, Волк. Да, я думаю, что знаю, что означает эта сгущающаяся тень на черной палубе. Из этой тени за нами следует Кланет. По ней он следует за нами. Кожа у меня чувствительная, и она говорит мне, что Черный жрец близко. Когда он появится — что ж, мы победим его или он победит нас, вот и все. И думаю, не стоит тебе рассчитывать на какую-нибудь помошь от Иштар. Помни, в твоем видении она обещала только, что кончится борьба между ее гневной ипостасью и Темным повелителем. Ни тебе, ни Шарейн она не давала никаких обещаний — и никому из нас.

— Это было бы хорошо, — весело ответил Кентон.

— Пока у меня есть возможность честно, лицом к лицу стоять перед этим порождением адских помоев Кланетом, я доволен.

— Но мне кажется, ты понял, что она не очень довольна твоими словами, — лукаво улыбнулся Джиджи.

— Но это не причина для преследований Шарейн, — ответил Кентон, возвращаясь к прежним мыслям.

— А как иначе она может наказать тебя? — зловеще спросил Джиджи, потом посеръезнел, вся его проказливость исчезла. — Нет, Волк, — сказал он и положил руку ему на плечо, — у нас мало шансов. И все же... если твое видение истинно и эти огоньки, которые ты видел, реальны, это многое значит... Только когда эти огоньки, которые есть ты и Шарейн, встретятся в бесконечном пространстве и станут одним пламенем и к ним подлетит другое пламя, которое некогда было Джиджи из Ниневии, позволите ли вы ему быть с вами? — задумчиво продолжал Джиджи.

— Джиджи, — в глазах Кентона показались слезы, — что бы с нами ни случилось и где бы мы ни оказались, ты будешь с нами, пока сам этого хочешь.

— Хорошо! — прошептал Джиджи.

Сигурд крикнул у рулевого весла, он указывал на нос корабля. Они побежали к двери Шарейн, через ее каюту и каюту девушки на маленькую палубу под заостренным носом. На горизонте показалась линия башен и минаретов, шпилей и колоколен, небоскребов и мечетей — огромный город. С того места, где они находились, эти очертания казались слишком правильными, слишком ровными, чтобы не быть искусственными.

Город ли это? Убежище, которое они ищут? Место, где они могут остановиться, не опасаясь Кланета и его своры, пока не смогут встретить эту свору и ее хозяина на равных?

Но если это город, какие гиганты воздвигли его?

Глубже погрузились весла, корабль пошел быстрее, ближе подошел к барьера...

Это не город!

Из глубины бирюзового моря торчали тысячи скал. Синих и желтых, алых и малахитово-зеленых; скал, окрашенных охрой, и скал, вымоченных в красных красках осенних закатов. Многоцветная Венеция забытого каменного народа, вырубленная каменными титанами. В одном месте стройный минарет на двести футов возносился в воздух, при этом в толщину он едва достигал десяти; в другом пирамида размером с Хеопсову, с аккуратно отде-

ланными сторонами, — тысячами, насколько хватал глаз, возвышались многоцветные конусы и пики, вершины и минареты, обелиски, колокольни и башни.

Прямо из глубины вздымались они, а между ними море вливалось во множество каналов, узких и широких; в одних оно текло спокойно, в других — с завихрениями, водоворотами и стремительным течением; а в некоторых местах море лежало гладкими озерами.

Викинг снова крикнул, тревожно, призывающе и сопроводил свой крик ударами меча о щит.

Чуть дальше мили сзади показалась длинная линия судов, двадцать или больше, с одним и с двумя рядами весел, — военных кораблей, которые неслись на веслах, опускавшихся и поднимавшихся со скоростью удара меча. Впереди неслась стройная черная бирюма, прыгая по волнам, как волк.

Свора Кланета во главе с Черным жрецом!

Свора, незаметно для Сигурда вылетевшая из тумана: его глаза, как и глаза остальных, были устремлены на колоссальную фантазию из камня, которая казалась концом этого странного мира.

— В скалы! — закричал Кентон. — Быстрее!

— Ловушка! — закричал Сигурд.

— Не только для нас, но и для них, — ответил Кентон.

— По крайней мере в скалах они не смогут окружить нас своими кораблями.

— Единственный шанс! — согласился Джиджи.

Рабы согнули спины; корабль летел по широкому проливу меж двух монолитных раскрашенных минаретов. За ними слышались крики — лай голодных псов при виде добычи.

Теперь они плыли среди скал, гребцам приходилось работать медленно и требовалось все искусство викинга, потому что их поворачивало течением, разворачивало то носом, то кормой, а рядом возвышались угрожающие скалы. Поворачиваясь, уклоняясь, они продвигались все вперед и вперед, пока открытого моря сзади совсем не стало видно. Но теперь и Кланет со своей сворой углубился в лабиринт. Они слышали скрип весел, команды кормчих, их искали, высаживали.

Неожиданно, будто отрезанный, исчез свет, наступила тьма. Тьма закрыла канал, по которому они плыли, за-

крыла скалы. От преследующих кораблей донеслись сигналы рога, резкие приказы, выкрикиваемые голосами, полными страха, возгласы.

Во тьме начало разгораться пурпурное сияние.

— Нергал! — прошептала Шарейн. — Это идет Нергал!

Вся черная палуба затянулась чернильно-черным облаком, из этого облака вынырнул Сигурд и побежал к остальным.

Теперь со всех сторон горизонта к ним устремились черные столбы. Основания их находились в угрюмом море, а вершины терялись в туманной пелене над головами. И с ними приближался кладбищенский запах, дыхание смерти.

— Нергал во всей своей мощи! — задрожала Шарейн.

— Но Иштар... Иштар обещала, что борьба закончится!

— простонал Кентон.

— Она не сказала, как она кончится, — причитала Шарейн. — И, о любимый, Иштар больше не приходит ко мне... вся моя сила ушла!

— Иштар! Иштар! — воскликнула она, Кентон обхватил ее руками. — Мать, мою жизнь отдаю за жизнь этого человека! Мою душу за его! Мать Иштар!..

Передние ряды кружящихся столбов теперь были совсем близко; пространство между ними и кораблем быстро сужалось. Как эхо возгласов Шарейн сверкнула молния, жемчужно-белая и жемчужно-розовая, она осветила их всех — Шарейн, троих мужчин, девушек-воинов, жавшихся с бледными лицами к ногам Шарейн.

Высоко над их головами, на высоте трех человеческих ростов, повис большой огненный шар, лучезарный, ясный, яркий, гораздо ярче полной луны. Из его краев полились лучи, окружили всю переднюю часть корабля, накрыли его пологом света; теперь они стояли в сияющем конусе, вершиной которого был шар.

А вокруг этого конуса кружили черные столбы, пытались прорваться, найти вход — и не находили.

Вначале далеко, потом все ближе послышались резкие крики, они становились все громче, как будто кричали адские орды, только что выпущенные из преисподней. Пурпурная тьма посветлела, стала огненно-фиолетовой. И ее пронзили бесчисленные алые огоньки.

Эти мириады огней обрушились на корабль, как маленькие огненные змейки, ударялись они о шар и о стороны сверкающего конуса, летели, как огненные стрелы, били, как копья с огненными наконечниками.

Послышался шум, шорох тысяч крыльев. Вокруг спокойного шара и конуса света вились тысячи голубей Иштар. И как только огненные змеи устремлялись вперед, навстречу им летели голуби. Как маленькие живые щиты из сверкающего серебра встречали они удары огненных копий своей грудью.

Откуда появлялись эти голуби? Стая за стаей летели они из лунного шара, их пепел уносил ветер, но на место каждого сгоревшего появлялись десятки новых, и воздух трепетал от ударов их крыльев.

Крик взметнулся на целую октаву. Чернильное облако поднялось над палубой — гигантское, башнеподобное, оно повисло в небе. Бесчисленные огненные острия полетели навстречу друг другу, соединились. Они превратились в алый огненный ятаган, который обрушился на сияющий шар и на корабль.

И тут же удар ятагана встретил щит из голубей. Это и в самом деле был щит, достойный рук Иштар.

И всякий раз, как ятаган наносил удар, щит отражал его. Огонь бился о серебряный щит, его живое серебро помутнело, но не было пробито. И тут же к этим ранам слетались новые тысячи голубей и залечивали их.

Ятаган потускнел. Больше его огни не казались такими яркими.

Лунный шар пульсировал, его сияние расширялось, ослепительно, ошеломляюще. Оно отгоняло тьму.

Быстро, как и появился, шар исчез.

Вместе с ним исчезли и голуби.

Кентон видел, как гигантский ятаган остановился в нерешительности, как будто страшную руку, державшую его, остановило какое-то сомнение, затем снова ударила вниз.

И на середине падения встретился с другим мечом — из ослепительно яркого света, мечом, выкованным из всех тех огней, что он видел в своем видении и которые были жизнью того сияния, что оплодотворяло бесконечные рои миров.

Алый ятаган раскололся!

И тут послышался голос — голос Иштар:

— Я победила тебя, Нергал!

И огрызающийся ответ Нергала:

— Хитростью, Иштар! Не с тобою, а с твоей гневной ипостасью мы вели борьбу.

И снова Иштар:

— Никакой хитрости, Нергал! Я никогда не говорила, что не буду бороться с тобой. Но я все же иду на уступки: хоть ты и потерял этот корабль, я не беру его! Корабль свободен!

И неохотно, по-прежнему огрызаясь, Нергал:

— Борьба окончена! Корабль свободен!

На одно мгновение Кентону показалось, что он видит огромное туманное лицо, которое смотрит сверху на корабль, в котором нежность всех матерей, всех любящих женщин под солнцем. Туманные глаза взглянули на Шарейн мягко, но загадочно на него...

Лицо исчезло!

И как будто прикрыли чем-то лампу, упала тьма; и как будто подняли завесу, тьма исчезла, ее место занял свет.

Корабль находился в широком канале, вокруг — фантасмагория каменных строений. Множество толстых обелисков, тускло-зеленых и ярко-зеленых, высоко поднимали свои вершины. В трех полетах стрелы сзади вздымался пирамидальный монолит, его заостренная вершина находилась в сотнях футов в воздухе.

И из-за него выползала черная бирюма Кланета!

29. Последняя битва

Вид корабля, который, как тощая борзая, стремится за ними, подействовал, как вино, на Кентона и на всех остальных.

Они все еще были под впечатлением только что кончившейся схватки — они лишь мошки, беспомощно танцующие в огне жизненного духа или беспомощно неподвижные в черноте отрицания жизни. Кентон все еще ощущал кладбищенский запах, прикосновение червей к глазам.

Но это — этот корабль Черного жреца — это ему знакомо!

Острие меча и острье стрелы — смерть, возможно; смерть, пульсирующая, как военный барабан, горячая смерть, не менее горячая жизнь — это постижимо, это он знает.

Он слышал золотой негодующий призыв Шарейн, рев Джиджи, крики Сигурда. И он тоже кричал — бросал вызов Черному жрецу, насмехался над ним.

Стройный корабль молча сближался с ними.

— Сигурд, к рулю! — способность рассуждать вернулась к Кентону. — Направляйся в узкий канал. Такой, в котором мы могли бы грести, а им пришлось бы поднять верхний ряд весел. Тогда наша скорость сравняется.

Северянин побежал к рулевому веслу. В трюме прозвучал свисток надсмотрщика, корабль прыгнул вперед.

Он обогнул обелиски. Бирема находилась теперь лишь в двух полетах стрелы, а они оказались в широком голубом озере, обрамленном сотнями куполов всех оттенков красного цвета. Бирюзовые протоки текли между математически точными сторонами кубов сотнями каналов, едва позволявших кораблю прятиснуться и не задеть веслами берегов.

— Туда! — закричал Кентон. — В любой канал!

Корабль повернул и направился к ближайшему каналу. Сзади просвистела туча стрел с биремы — не долетели на пять длин корабля!

Огромные скалы с мечеобразными вершинами стояли по обе стороны канала, в который они вошли. На целую милю впереди простирался канал. Пройдя треть этого расстояния, они услышали плеск весел биремы, увидели, как она на одном ряде весел сворачивает за ними. По приказу Кентона весла заработали быстрее; бирема, более тяжелая, чем их корабль, стала отставать.

В это время Кентон и Шарейн провели быстрый совет с Джиджи и Сигурдом на корме корабля.

— Вороны слетаются! — речитативом произнес Сигурд. В глазах его загорались огоньки воинственного безумия. — Воительницы скачут из Валгаллы! Я слышу топот их коней!

— Они могут вернуться с пустыми руками! — воскликнул Кентон. — Нет, Сигурд, у нас есть еще шанс. Никто, кроме Кланета, не учゅял нас. Дадим ему бой.

— Нас только семеро, а их на бирeme много раз по семеро, Волк, — сказал с сомнением Джиджи, но его маленькие глазки сверкнули.

— Я больше не убегаю от черной свиньи! — горячо воскликнул Кентон. — Я устал от уклонения и укрывания. Давайте сыграем игру сейчас! А что ты думаешь, Шарейн?

— Я думаю так же, как и ты, — спокойно ответила она. — Как ты хочешь, так и будет, любимый!

— А ты, северянин? — спросил Джиджи. — Нужно решать — и быстро!

— Я с Волком, — ответил Сигурд. — Лучшей возможности не будет. В старые времена, когда я был хозяином драккара, у нас была хитрость, которую мы использовали, когда нас преследовали. Видели ли вы собаку, к которой оборачивается кошка? Хо! Хо! — захохотал Сигурд. — Быстро бежит кошка, пока ее не загонят в угол. И здесь она прячется, пока пес не пробежит мимо. И тут выпрыгивает кошка, глубоко вонзает когти, выцарапывает глаза, рвет бока. Хо! Хо! — рассмеялся он. — Мы бежим быстро, как кошка, пока не находим место, где можно затаиться. И вот, когда преследователь проплывает мимо, мы высакиваем из засады; как собака, громко кричит он, когда мы рвем его на части!

— Хо! Мы найдем такой угол, где мы могли бы подождать, пока адская собака не проползет мимо. И тогда выпрыгнем. Дайте мне двух девушек, чтобы они защищали меня, пока я правлю кормовым веслом. А вы трое с остальными девушками стойте у самострелов, а когда я срежу их весла, выпускайте на них огненные стрелы.

— А тем временем, — спросил, сморщив лицо, Джиджи, — как насчет их стрел?

— Придется полагаться на удачу, — сказал Кентон. — Джиджи, я с Сигурдом, если только ты не предложишь лучший план.

— Нет, — ответил Джиджи, — Нет, у меня нет плана, Волк, — он приподнял свое большое тело, потряс длинными руками.

— Клянусь святыми садами и Исхаком, их хранителем, — взревел Джиджи, — я тоже устал от бегства! Я убежал от принцессы из-за своей лысой головы — и что мне это дало? Клянусь Наззуром, поедателем сердец, клянусь Зубраном, — тут голос его смягчился, — который отдал

за нас жизнь, больше я не бегу! Занимай свое место, Волк, и ты, Сигурд! Будем драться!

Он, переваливаясь, пошел от них, потом обернулся:

— Конец канала близко, — сказал он. — Шарейн, между сердцами твоим и твоих девушек и концами их стрел только мягкие груди и тонкая ткань. Наденьте кольчуги, как наши, наденьте шлемы и ботинки с наголениками. Я иду надеть еще одну кольчугу и взять свою булаву.

Он спустился по ступеням; Кентон кивнул и вслед за Джиджи велел Шарейн и ее девушкам снять свои одежды и надеть кольчуги, потом оделся сам.

— А после того, как ты срежешь их весла — если, конечно, это удастся? — спросил он, задержавшись возле Сигурда.

— Повернем и протараним их, — ответил Сигурд. — Так мы поступали в старые дни. Наш корабль легче их галеры и может повернуть гораздо быстрее. Когда мы их протараним, вы на носу должны постараться помешать им перебраться к нам на борт. После того, как галера Кланета лишится весел и будет протаранена, мы сможем рвать ее, как кошка.

Конец канала был близок, сзади, на расстоянии в полмили, двигалась бирюма.

Из розовой каюты вышли Шарейн и три ее девушки — четыре стройных воина в кольчугах. Волосы их были скрыты под шлемами, кожаные ботинки и наголениники защищали ноги. Они подготовили стрелы на носу и на корме; вместе с Джиджи подготовили к стрельбе самострелы, кремень, масло, бечеву.

Корабль выплыл из канала, задержался на гребущих против движения веслах, пока Кентон и викинг осматривались. Слева и справа двумя большими арками тянулись высокие стены из сплошной красной скалы. Гладкие, неприступные, продолжаясь, они могли бы сомкнуться и образовать круг диаметром в милю или больше. Но смыкаются ли они, Кентону не было видно.

Сни вздымались из воды вертикально, а в центре круга, если они действительно образовывали круг, возвышалась огромная скала; ее острыя, как игла, вершина втрое превышала высоту скал, закрывая перспективу. Основанием ее был единый восьмиугольный блок в форме звезды. Из центра звезды расходились лучи, длинные и узкие,

как титанические крылья, с краями высотой в пятьдесят футов и острыми, как ножи.

— Идем налево, — сказал Сигурд. — Пусть черный пес знает, куда мы движемся.

Кентон вспрыгнул на крышу каюты, замахал оскорбительно руками, услышал ответные крики.

— Хорошо! — сказал Сигурд. — Теперь пусть придут. Здесь, Волк, мы устроим засаду. Смотри, — корабль проплыval мимо первого луча звезды, — между концами лучей и стеной едва хватит места, чтобы разойтись кораблю с галерой. Камень высок и скроет нас. Да, это место подходит! Но не здесь, не за первым лучом, мы спрячемся. Кланет будет ожидать этого, его галера подплывет медленно и осторожно. И не за вторым — потому что он опять пойдет медленно, хотя и не так медленно, как раньше. Но, не найдя нас там, он поверит, что наша единственная мысль — убежать. Поэтому он пройдет третий луч как можно быстрее. И тут мы прыгнем на него!

— Хорошо! — ответил Кентон и спрыгнул с крыши каюты, став рядом с Шарейн и Джиджи.

Джиджи выразил одобрение и пошел еще раз проверить самострелы. Но Шарейн обвила руками шею Кентона, прижала его лицо к себе и печальными глазами смотрела на него, не могла настмотреться.

— Это конец, любимый? — прошептала она.

— Для нас не будет конца, о мое сердце, — ответил он.

Так они стояли молча, а мимо проплыval второй луч звезды. И вот они поравнялись с концом третьего, и Сигурд приказал сушить весла. И когда корабль проплыл около ста ярдов, резко развернул его. Он подозвал к себе надсмотрщика.

— Мы ударим по левому борту бирэмы, — сказал он.

— Но я не хочу, чтобы корабль налетел на скалу. Когда я крикну, втяни левые весла. А когда мы срежем их весла и пройдем, пусть рабы опять гребут изо всех сил. Когда протараним бирэму, изо всех сил гребите в обратном направлении, чтобы освободиться. Понятно?

Глаза чернокожего сверкнули, он обнажил белые зубы и побежал назад в яму.

Теперь из-за края камня послышался плеск весел, скрип такелажа. Две девушки подбежали к Сигурду и

присели со стрелами наготове у прорезей высоких щитов. Напряжение охватило корабль.

— Один поцелуй, — прошептала Шарейн. Глаза ее затуманились. Губы их слились.

Ближе слышались звуки, ближе, ближе, быстрее...

Негромкий свист викинга, и гребцы согнули спины под ударами бича. Десяток гребков, и корабль, как дельфин, выпрыгнул из-за луча звезды.

Пролетел острие луча, наклонился, когда викинг резко положил кормовое весло вправо.

Впереди, на расстоянии в десять длин корабля, была бирюма, летевшая вперед на четырех многосложных весельных лапах, как гигантский паук. Когда корабль вылетел из засады, шум поднялся на полной людей палубе бирюмы, крики, звон оружия, дикая смесь команд — и во всем этом шуме изумление.

Весла бирюмы остановились на середине гребка, они лежали неподвижно, едва касаясь воды.

— Быстрей! — взревел Сигурд, под свист бича он развернул корабль параллельно курсу бирюмы.

— Суши весла! — заревел он снова.

Нос корабля Иштар ударили весла бирюмы. Он прошел через них, как лезвие через щетину. Расколотые, поломанные, длинные стволы падали, задерживая корабль Иштар не больше, чем если бы были из соломы. Но на бирюме те, что держали эти весла, падали со сломанными спинами и шеями от упавших на них тяжелых ударов.

И с палубы проходящего корабля прямо в ряды солдат, оцепеневших от этого неожиданного нападения, падали огненные стрелы. Свистя, как змеи, разгораясь в полете, огненные шары жгли солдат, они падали на палубу и в открытую яму и все, что могло гореть, загоралось.

Снова на галере послышались крики — на этот раз крики ужаса.

Корабль Иштар освободился, заработали его весла. Он упрямо устремился вперед, в свободное пространство между концом луча и стеной. Здесь викинг опять быстро развернулся. И корабль полетел на бирюму.

А бирюма беспомощно болталась, как паук, у которого отрезали ноги, и ползла, как тот же паук, к оструму, как нож, краю луча звезды. С ее палубы и из трюма поднимались небольшие столбы дыма.

Сигурд понял, в какой опасности бирема, увидел, что ее вот-вот пронзит острый каменный конец, понял, что он может загнать ее на этот конец и тем самым разрезать ее каменным ножом, уничтожить.

— Охраняйте нос! — закричал он.

И, сделав широкий разворот, направил корабль не на корму галеры, как предполагал раньше, а прямо на середину. Таран корабля ударил и глубоко вошел в бирему, нос тоже. От удара Кентон и остальные упали, вцепившись в палубу.

От удара бирема вздрогнула, наклонилась, море хлынуло через дальний борт. Весла правого борта пытались оттолкнуть ее от камня. Но галера продолжала сближаться с камнем.

Она ударила об острый конец скалы.

Камень прорезал борт, послышался треск.

— Хо! — заревел викинг. — Тонете, крысы!

На корабль обрушился дождь стрел. Они свистели вокруг Кентона, пытавшегося встать. Втыкались в палубу, падали в трюм. Прежде чем гребцы могли начать грести обратно, высвободить корабль, они падали, свисали со своих весел, пронзенные стрелами.

На нос корабля упал десяток крючьев, намертво прикрепив его к тонущей биреме. По веревкам заскользили мечники.

— Назад! Ко мне! — закричал Сигурд.

Бирема задрожала, ее нос опустился, скользнул по скале на десять или больше футов, на палубу хлынула вода. В море плыло множество голов солдат, их уносило в сторону, они плыли к кораблю. На палубе биремы готовились перейти на борт корабля.

— Назад! — закричал Кентон.

Он схватил Шарейн за руку, они побежали, наклонив головы; с места рулевого в поток солдат, приближающихся к розовой каюте, полетели стрелы Сигурда и девушек.

Бирема опустилась еще ниже, нос ее уже был под водой, но ее держал таран корабля. И этот таран резко опустился вместе с биремой. Палуба корабля наклонилась, Кентон упал, увлекая за собой Шарейн. Он мельком видел людей, прыгавших с биремы в море, плывущих к кораблю.

Он поднялся на ноги, когда солдаты наступали на нос. Мимо него пробежал Джиджи, размахивая своей булавой. Кентон побежал рядом с ним, около него — Шарейн.

— Назад! Назад к Сигурду! — выкрикнул ниневит; его булава колотила солдат, как цеп в жатву.

— Поздно! — воскликнула Шарейн.

Поздно!

По цепям взбирались солдаты, поднимались из моря, срывали щиты.

С бирены донесся вой, страшный, звериный. При этом звуке даже солдаты замерли, булава Джиджи застыла в воздухе.

На палубу корабля Иштар прыгнул Черный жрец!

Бледные глаза полны адским пламенем, рот — квадратное отверстие, из которого кричит черная ненависть, он прорвался сквозь мечников, увернулся от булавы Джиджи и бросился на Кентона.

Но Кентон был готов.

Сверкнуло синее лезвие и встретило удар меча Черного жреца. Но меч Кланета оказался быстрее; отдернув его, жрец нанес удар в старую рану на боку.

Кентон пошатнулся, оружие едва не выпало из его рук.

С торжествующим криком Кланет нанес смертельный удар.

Но прежде чем он смог опуститься, между Кентоном и Кланетом оказалась Шарейн, она отразила удар жреца своим мечом.

Взметнулась левая рука Черного жреца с зажатым в ней кинжалом. Он глубоко погрузил кинжал в грудь Шарейн.

Весь мир красным пламенем вспыхнул перед глазами Кентона, и это пламя не оставило ничего, кроме лица Кланета. Прежде чем жрец смог шевельнуться, быстрее молнии ударили Кентон.

Его меч разрубил лицо Кланета, оставил на месте щеки и челюсти красное пятно, и прорубил наполовину плечо.

Меч Черного жреца звякнул о палубу.

Меч Кентона взлетел вновь — и ударил по шее.

Голова Кланета соскочила с плеч, покатилась к борту и упала в море. Еще мгновение громоздкое тело стояло, из шеи потоком била кровь. Затем тело повалилось.

· Но Кентон больше не обращал внимания ни на него, ни на людей с биремы. Он склонился к Шарейн, поднял ее.

— Любимая! — звал он и целовал бледные губы, закрытые глаза. — Вернись ко мне!

Глаза ее открылись, стройные руки попытались приласкать его.

— Любимый! — прошептала Шарейн. — Я... не могу... я буду... ждать... — Голова ее упала на грудь.

* * *

Кентон, держа в руках мертвую возлюбленную, осмотрелся. Вокруг него стояли те, что уцелели из экипажа биремы, они молчали, не двигаясь.

— Сигурд! — крикнул он, не обращая на них внимания. Там, где сражался викинг, лежала лишь груда тел.

— Джиджи! — прошептал Кентон.

Джиджи не было! Там, где он вращал своей булавой, толстый слой трупов.

— Шарейн! Джиджи! Сигурд! — Кентон всхлипнул. — Умерли! Все умерли!

Корабль накренился, дрогнул. Кентон сделал шаг вперед, держа в руках тело Шарейн.

Прозвенел лук, стрела попала ему в бок.

Не важно... пусть его убьют... Шарейн умерла... и Джиджи...

Но почему он больше не чувствует тело Шарейн в своих руках?

И куда исчезли солдаты?

Где корабль?

Вокруг него ничего нет, только тьма — тьма и ревущая буря, которая несет его откуда-то в далекое пространство.

Сквозь эту тьму, ища Шарейн, пытаясь нащупать ее руками, летел Кентон.

Качаясь, плача от горя и слабости, он открыл глаза...

Он был в своей старой комнате!

30. Корабль уходит

Кентон стоял в оцепенении, комнату он почти не видел, Кего скрывали мелькающие картины недавней битвы. Часы ударили трижды.

Три часа! Конечно... в этом мире есть время... не то что в мире корабля...

Корабль!

Он, шатаясь, добрался до сияющей загадки, которая дала ему все, чего он желал в жизни — и в конце концов все отняла.

Шарейн!

Вот она лежит... на белой палубе... рядом со спуском в трюм... блестящая игрушка, драгоценная кукла с рукоятью крошечного кинжала в груди...

Шарейн, в которой для него была вся радость, вся сладость, все, что может дать жизнь.

Безголовая кукла рядом с ней...

Кланет!

Он посмотрел на черную палубу — но где же все мертвые? У рулевого весла лежали три куколки, одна из них светловолосая, в избитых доспехах... Сигурд и две девушки, сражавшиеся рядом с ним. Но где же солдаты, которых они убили?

А за безголовым телом Черного жреца лежал... Джиджи! Джиджи со своей булавой в руках, с подогнутыми короткими ногами. Убитые им — тоже исчезли!

Джиджи! Рука Кентона, оставив Шарейн, погладила его.

Он почувствовал жгучую боль в боку. Упал на колени. Рукой нашупал оперенный конец. Стрела! И вдруг он понял, что жизнь его подходит к концу.

Под его другой рукой корабль задрожал. Он смотрел на него, изумленный. В этот краткий момент нос корабля исчез, растворился — и с ним розовая каюта.

Корабль содрогнулся. Вслед за розовой каютой исчезла черная палуба, вместе с ней — Джиджи.

— Шарейн! — закричал он и крепко сжал куклу. — Любимая!

Корабль разрушался, исчезал, за Шарейн остался только дюйм палубы.

— Шарейн! — завопил Кентон, и слуги в доме проснулись от этого душераздирающего вопля и заторопились к двери.

Из последних сил он сжал пальцы, вырвал игрушку... она высвободилась... она в его руках... он поднес ее к губам...

Теперь ничего не осталось от корабля, только продолговатое основание из лазуритовых волн.

Он знал, что это означает. В глубины странного моря того необычного мира погружалась бирема, а вместе с нею и корабль Иштар. Как живет символ, так живет и корабль — и как живет корабль, так живет и символ.

В дверь застучали, послышались крики. Он не обратил на них внимания.

— Шарейн! — услышали слуги крик, но теперь в этом крике звучала радость.

Кентон упал, поднеся игрушечную женщину к губам, сжимая ее қостенеющими пальцами.

Исчезло и основание из волн. На том месте, где находился корабль, что-то зашевелилось и приобрело форму... большой призрачной птицы с серебряными крыльями и грудью, с алыми лапами и клювом. Она взлетела. Повисла над Кентоном.

Голубь Иштар.

Повисла — и исчезла.

Дверь упала; слуги через порог вглядывались в темную комнату.

— Мистер Джон! — дрожащим голосом позвал старый Джевинс. Ответа не было.

— Тут кто-то есть — на полу. Зажгите свет! — прошептал один из них.

Загорелось электричество и осветило тело, лежавшее лицом вниз на окровавленном ковре, тело в избитой и порванной кольчуге алого цвета, в боку торчит стрела, на одной сильной руке широкий золотой браслет. Они отступили от тела, глядя друг на друга испуганными удивленными глазами.

Один из них, смелее остальных, осторожно приблизился, перевернул тело.

Мертвое лицо Кентона улыбалось им, на нем были мир и великое счастье.

— Мистер Джон! — заплакал старый Джевинс и, наклонившись, положил его голову себе на колени.

— Что это у него в руке? — прошептал слуга. Сжатая рука Кентона была поднесена к губам. С трудом они разжали неподвижные пальцы.

Но рука Кентона была... пуста.

**СЕМЬ
ШАГОВ
К САТАНЕ**

Перевод с английского Д. Арсеньева

Глава первая

Часы пробили восемь, когда я вышел из дверей клуба Первооткрывателей и остановился, глядя вниз вдоль Пятой авеню. Остановившись, я вновь со всей силой испытал то неприятное ощущение слежки, которое удивляло и тревожило меня последние две недели. Станный покалывающий холод где-то под кожей с той стороны, откуда следят; какое-то необычное чувство звенящего напряжения. Особая чувствительность, присущая людям, которые большую часть жизни провели в пустыне или джунглях. Возврат к какому-то примитивному шестому чувству: все дикари обладали им, пока не познакомились с напитками белых людей. Беда в том, что я не мог локализовать это ощущение. Оно накатывалось на меня со всех сторон. Я осмотрел улицу. Три такси стояли у обочины рядом с клубом. Они не заняты, а их водители оживленно разговаривают друг с другом. Не видно никаких зевак. Два стремительных автомобильных потока двигались вверх и в них по авеню. Я изучил окна противоположного здания. Ни следа наблюдателей.

И все же за мной внимательно следили. Я это знал. Сознание это приходило ко мне за последние две недели в разных местах. Время от времени я чувствовал присутствие невидимых наблюдателей в музее, куда я пришел взглянуть на юаньские нефриты: именно я дал возможность старому богачу Рокбилту поместить их здесь, что заметно усилило его репутацию филантропа; чувство это приходило ко мне в театре и во время верховой прогулки по парку; в брокерской конторе, где я следил за тем, как деньги, принесенные мне нефритами, превращаются в ничто в игре, о которой я — приходится это признать — знал меньше чем ничего. Я чувствовал слежку на улицах, но этого следовало ожидать. Но я чувствовал ее и в клубе, а вот этого ожидать было нельзя, и это больше всего меня беспокоило.

Да, я находился под непрерывным наблюдением. Но почему?

Сегодня вечером я решил это узнать. От прикосновения к плечу я подпрыгнул и сунул руку под пальто, где у меня висел пистолет. И тут же понял, как сильно загадка подействовала мне на нервы. Повернувшись, я чуть глуповато улыбнулся огромному Ларсу Торвальдсену, который всего несколько дней назад вернулся в Нью-Йорк после двухлетнего пребывания в Антарктиде.

— Нервничаешь, Джим? — спросил он. — В чем дело? Заложил за галстук?

— Ничего подобного, Ларс, — ответил я. — Думаю, просто слишком много города. Постоянный шум и движение. И слишком много людей, — добавил я с искренностью, о которой он и не подозревал.

— Боже! — воскликнул он. — А по мне так это хорошо! Я этим объедаюсь — после двух лет одиночества. Но, наверно, через месяц — два буду испытывать то же самое. Я слышал, ты скоро снова в путь. Куда на этот раз? Обратно в Китай?

Я покачал головой. Не хотелось говорить Ларсу, что направление, в котором я двинусь, целиком определяется тем, что мне подвернется за время, пока я потрачу шестьдесят пять долларов в бумажнике и семь двадцатипятицентовых и два десятицентовых в кармане.

— У тебя что, неприятности, Джим? — он более внимательно посмотрел на меня. — Если есть, я рад помочь.

Я опять покачал головой. Все знали, что старый Рокбилл был необыкновенно щедр из-за этих дьявольских нефритов. У меня свся гордость, и хотя меня потрясло мгновенное исчезновение золотого запаса, который я рассчитывал превратить в барьер перед любыми заботами на всю оставшуюся жизнь, чтобы быть независимым от любых случайностей, я все же не собирался рассказывать Ларсу о своей глупости. К тому же дела вовсе не так безнадежны, и я не бездомный бродяга в Нью-Йорке. Что-нибудь подвернется.

— Подожди меня, — сказал он, когда кто-то окликнул его из клуба.

Но я не стал ждать. Еще меньше, чем о своей неудачной игре, хотелось мне рассказывать ему о моих наблюдателях. Я пошел по улице. Кто же следит за мной? И зачем? Кто-нибудь из Китая, идет за мной с той самой древней гробницей, где я добыл сокровища? Ки-Ванг, конечно,

разбойник, хотя и получил хорошее образование в Корнуэлле, не стал бы посыпать за мной шпионов. Нашу — скажем так — сделку, хоть и необычную, он считал завершившейся, несмотря на свой проигрыш. Каким бы бесчестным он ни был в картах, это не тот человек, который нарушает свое слово. В этом я уверен. К тому же он не стал бы так долго медлить перед ударом. Нет, это не люди Ки-Ванга.

Был также этот липовый арест в Париже, который должен был устраниТЬ меня на несколько часов; об этом свидетельствовало состояние комнаты и багажа, когда я вернулся. Вернулся, несомненно, намного раньше, чем предполагали воры, так как быстро раскрыл подлог; свое внезапное появление я, несмотря на болезненный ножевой порез, вспоминал с удовольствием: у одного из моих незванных гостей была сломана шея, а у другого голова мало о чем сможет думать в ближайшие несколько месяцев. Была и вторая попытка: автомобиль, в котором я ехал на пароход, задержали между Парижем и Гавром. Попытка могла бы быть успешной, если бы броши с нефритами не были упакованы в багаж знакомого, который добирался к тому же пароходу на обычном поезде; кстати, он считал, что везет старинную посуду; будто бы я не доверяю ее возможным толчкам быстрого автомобильного путешествия, на которое загадочное происшествие в день отплытия обрекло меня.

Принадлежат ли наблюдатели к той же банде? Они должны знать, что теперь нефриты не у меня, они в безопасности в музее. Я больше не представляю интереса для этих разочарованных господ, если, конечно, они не хотят отомстить. Но это никак не объясняет постоянное, вкрадчивое, терпеливое наблюдение. И почему они не ударили раньше? У них была для этого масса возможностей. Что ж, кем бы ни были наблюдатели, я решил дать им возможность добраться до меня. Я заплатил по всем счетам. Шестьдесят шесть долларов и девяносто пять центов в кармане составляли все мое земное богатство, но никаких долгов у меня не было. В какой бы неизвестный порт я ни направлялся с обломанным рангоутом и опустошенными палубами, за мной не оставалось невыполненных обещаний.

Да, я решил выманить врага, если это враг, из укрытия. Я даже выбрал место, где это должно произойти. Во всем

Нью-Йорке самое одинокое место в восемь часов октябряского вечера, впрочем, как и любого другого, то, которое днем наиболее людно. Нижняя часть Бродвея, лишившаяся дневных орд, его каньоноподобные стены молчаливы, а пересекающие меньшие каньоны более пусты и тихи, чем их дикие собратья. Именно туда я собрался идти.

Когда я уже сворачивал на Пятую авеню от клуба Первооткрывателей, мимо прошел человек, чья походка и осанка, фигура и одежда показались мне странно знакомыми.

Я остановился, глядя, как он неторопливо поднимается по ступеням клуба.

Затем, странно обеспокоенный, пошел дальше. Что-то необыкновенно, даже пугающее знакомое было в этом человеке. Но что?.. Направляясь к Бродвею, я продолжал ощущать присутствие наблюдателей.

И только дойдя до городской ратуши, я понял, что мне показалось таким знакомым в том человеке. И это понимание было как гром среди ясного неба.

Походка и осанка, фигура и одежда — от легкого коричневого пальто и мягкой серой шляпы до крепкой малаккской трости — этого человека были — мои!

Глава вторая

Я остановился. Естественней всего предположить, конечно, что сходство случайно; случайность крайне редкая, но все же случайность. В Нью-Йорке не менее пятидесяти человек, которых можно принять за меня — если не приглядываться. Но шансы на то, чтобы похожий на меня человек в данный момент был точно так же одет, почти равны нулю. Однако это возможно. Что еще можно предположить? Зачем кому-то сознательно копировать меня?

Но, с другой стороны, зачем кому-то наблюдать за мной? Я остановился в нерешительности: не сесть ли в такси и не вернуться ли в клуб? Разум шептал мне, что видел я незнакомца лишь мгновение, что, возможно, меня

обманула игра света и тени, что сходство — лишь иллюзия. Выругав свои натянутые нервы, я пошел дальше. Миновав Кортленд-стрит, я стал встречать все меньше и меньше пешеходов. Церковь Святой Троицы напоминала деревенскую часовню. Молчаливые утесы зданий многочисленных контор окружили меня, я почувствовал удушающее давление: здания как будто спали и во сне раскачивались; их бесчисленные окна походили на ослепившие глаза. Но если они и были слепы, то другие глаза, ни на мгновение не отрывавшиеся от меня, вовсе не были слепы. Их взгляд становился более пристальным, более напряженным. И вот уже никого вокруг. Ни полицейского, ни даже вахтера. Я знал, что вахтеры сидят внутри огромных каменных крепостей капитала. Я задерживался на углах, давая наблюдателям возможность выйти, невидимому стать видимым. И по-прежнему не видел никого. И по-прежнему чьи-то взгляды не отрывались от меня.

С чувством некоторого разочарования я дошел до конца Бродвея и взглянул на Баттери-парк. Он был безлюден. Я подошел к стене гавани и сел на скамью. Паром, устремившийся к Стейтен-Айленд, напоминал большого золотистого водяного жука. Полная луна проливала поток дрожащего серебряного огня на волны. Было очень тихо — так тихо, что я слышал отдаленный звон колоколов Святой Троицы — прозвонили девять часов. Я ничего не слышал, но неожиданно понял, что рядом со мной кто-то сидит. Приветливый голос попросил прикурить. В огне спички, поднесенной к сигарете, я увидел смуглое аскетическое лицо, гладко выбритое, рот и глаза добрые, причем глаза слегка водянистые, как от напряженной работы. Рука, держащая спичку, длинная, утонченная и хорошо ухоженная. Она производила впечатление необычной силы — рука хирурга или скульптора. Несомненно, профессионал, заключил я. Эту мысль подтверждали плащ-накидка и мягкая темная шляпа. Широкие плечи под плащом соответствовали впечатлению необычной физической силы.

— Прекрасная ночь, сэр, — он отшвырнул спичку. — Ночь приключений. А за нами город, в котором возможны любые приключения.

Я посмотрел на него внимательнее. Странное замечание, особенно если учесть, что я, несомненно, вышел сегодня в поисках приключений. Но что, в конце концов,

в этом странного? Может, во мне говорит преувеличенная подозрительность? Он не мог знать, что привело меня в это молчаливое место. Добрые глаза и лицо заставили немедленно отказаться от этой мысли. Какой-нибудь учёный, может быть, благодарный парку за его тишину.

— Вон тот паром, — он указал на гавань, очевидно, не подозревая, что я его изучаю. — Сокровище потенциальных приключений. В нем молчащие Александры, безвестные Цезари и Наполеоны, несостоявшиеся Язоны — и каждый почти готов отвоевать золотое руно, — да, и несвершившиеся Елены и Клеопатры, и не хватает мелочи, чтобы завершить их и отправить завоевывать мир.

— Какое счастье для мира, что они не состоялись, — рассмеялся я. — Сколько времени прошло бы до того, как все эти Цезари, Наполеоны и прочие вцепились бы друг другу в глотки и мир запыпал в огне?

— Нисколько, — серьезно ответил он. — Нисколько, если бы они находились под контролем воли и интеллекта большего, чем сумма их воль и интеллектов. Мозг, более мощный, чем все они в совокупности, разум, планирующий за них, воля, более сильная, чем их воли, способная заставить их выполнить эти планы точно так, как их составил грандиозный мозг.

— В результате, сэр, — возразил я, — появятся не суперpirаты, суперпреступники и суперкутизанки, о которых вы говорили, а суперрабы.

— Меньше рабы, чем любые другие в истории, — ответил он. — Персонажи, которые я назвал в качестве типичных, всегда находились под контролем прорицания — или Бога, если вы предпочитаете этот термин. Воля и интеллект, о которых я говорю, будут действовать эффективнее, они размещены в человеческом черепе благодаря ошибке слепой судьбы или Бога, который, разумеется, если он существует, должен наблюдать за множеством миров и у него нет возможности слишком внимательно следить за каждым индивидуумом, населяющим эти бесчисленные миры. Нет, мозг, о котором я говорю, будет использовать таланты своих слуг наиболее полно и не будет тратить их зря. Он будет достойно и справедливо награждать их, а когда накажет — наказание будет справедливым. Он не будет рассеивать тысячи семян по воле случая, так что лишь немногие найдут плодородную почву и прорастут. Он будет отбирать

немногих, подбирать им почву и следить, чтобы ничто не мешало им расти.

— Такой мозг был бы больше судьбы или, если вы предпочитаете этот термин, Бога, — сказал я. — Повторяю: это кажется мне сверхрабством. Как хорошо для мира, что такой мозг не существует!

— Да, — он задумчиво затянулся, — но, видите ли, он существует.

— Неужели? — я пытался сообразить, не шутит ли он. — И где же?

— Это вы скоро узнаете... мистер Киркхем, — холодно ответил он.

— Вы меня знаете?! — на какое-то мгновение я подумал, что ослышался.

— И очень хорошо, — ответил он. — И тот мозг, в чьем существовании вы сомневаетесь, знает о вас — все, что необходимо знать. Он призывает вас. Идемте, Киркхем, пора!

Вот оно что! Итак, я встретил того, кого искал. Они — кем бы они ни были — наконец выступили в открытую.

— Минутку, — я чувствовал, как при звуках этого высокомерного голоса, который только что казался мне таким вежливым, во мне просыпается гнев. — Кем или чем бы ни был пославший вас, ни он, ни вы не знаете меня так, как думаете. Позвольте сказать вам, что я не иду никуда, если не знаю, куда иду, и встречаюсь лишь с теми, с кем хочу. Скажите, куда вы хотите меня отвести, к кому и зачем. Тогда я решу, ответить ли мне на то, что вы назвали... гм... призывом.

Он спокойно слушал. И вдруг рука его взметнулась и перехватила мое запястье. Я встречался со многими сильными людьми, но такого не встречал. Трость выпала из моей парализованной руки.

— Вам уже сказано все, что необходимо, — холодно ответил он. — Вы идете со мной — немедленно!

Он освободил мою руку, и я, дрожа от гнева, вскочил на ноги.

— Будьте вы прокляты! — воскликнул я. — Я иду, куда хочу и когда хочу... — И наклонился, чтобы поднять трость. В то же мгновение он обхватил меня руками.

— Вы пойдете туда, куда хочет пославший меня, и тогда, когда он этого хочет, — прошептал мой собеседник.

Я чувствовал, как его руки обшаривают меня. И не мог освободиться, как будто был котенком. Он нашел маленький автоматический пистолет у меня под левой рукой и вытащил его из кобуры. Так же быстро, как схватил, он освободил меня и сделал шаг назад.

— Идем! — приказал он.

Я стоял, глядя на него и обдумывая ситуацию. Никто и никогда не имел возможности усомниться в моей храбрости, но, на мой взгляд, храбрость не имеет ничего общего с безрассудством. Храбрость означает холодное взвешивание всех особенностей чрезвычайного происшествия, определения того, сколько времени в вашем распоряжении, и затем действия в избранном направлении с использованием всех резервов мозга, нервов и мышц. У меня не было ни малейшего сомнения, что у загадочного посыльного поблизости скрывается множество помощников. Если я брошусь на него, что мне это даст? У меня только трость. А у него мой пистолет и, вероятно, собственное оружие. Как бы я ни был силен, он показал мне, что моя сила ничто в сравнении с его. Возможно, он даже рассчитывает на мое нападение, надеется на него.

Разумеется, я могу позвать на помощь или убежать. Оба эти выхода казались мне не только нелепыми, но и — учитывая возможных сообщников — бесполезными.

Недалеко находятся станция подземки и оживленная улица. Там, в ярком свете, я буду в сравнительной безопасности — если смогу туда добраться. Я пошел через парк к Уайтхолл-стрит. К моему удивлению, незнакомец не возразил, вообще ничего не сказал. Он спокойно шел рядом со мной. Вскоре мы вышли из Баттери, невдалеке виднелись огни станции Боулинг-Грин. Негодование и гнев мои рассеялись, их место заняла заинтересованность. Абсурдно предполагать, что кого-нибудь в Нью-Йорке можно заставить идти куда-то против его воли, когда рядом множество людей и полиция. Немыслимо быть похищенным вблизи станции метро, а если мы попадем в метро, то вообще невероятно. Почему же мой компаньон так спокойно идет рядом, с каждым шагом приближаясь к месту, где моя позиция становится неприступной?

Ведь несколько минут назад так легко было захватить меня. Или почему нельзя было подойти ко мне в клубе?

Существует множество возможностей выманить меня оттуда. Есть, по-видимому, только один ответ. Им нужна полная тайна. Схватка в парке могла привлечь внимание полиции. Попытка в клубе могла привести к появлению очевидцев происшествия. Насколько все эти рассуждения не соответствовали действительности, мне скоро предстояло узнать.

Когда мы подошли к входу на станцию Боллинг-Грин, я увидел стоящего полицейского. Без стыда признаюсь, его вид согрел мое сердце.

— Послушайте, — сказал я своему спутнику. — Вон полицейский. Суньте пистолет мне в карман. Оставьте меня и идите своей дорогой. Если вы это сделаете, я ничего не скажу. Если не сделаете, я попрошу полисмена задержать вас. К вам применят закон Салливена, а может, и еще кое-что. Уходите незаметно и, если хотите, свяжитесь со мной в клубе Первооткрывателей. Я все забуду, и мы поговорим. Но больше не пытайтесь действовать силой, не то я выйду из себя.

Он улыбнулся мне, как ребенку, лицо и глаза снова — сама доброта. Но не ушел. Наоборот, крепко взял меня за руку и повел прямо к полицейскому. И когда мы уже были на расстоянии слышимости, громко заговорил:

— Ну, достаточно, Генри. Вы побегали немного. Я уверен, вы не хотите доставлять этому занятому полисмену новые заботы. Давайте, Генри! Будьте благоразумны!

Полицейский сделал шаг вперед, оглядывая нас с ног до головы. Я не знал, смеяться мне или снова сердиться. Прежде чем я смог сказать слово, человек в накидке протянул полицейскому свою карточку. Тот прочел ее, с уважением коснулся своей фуражки и спросил:

— А в чем дело, доктор?

— Простите за беспокойство, — ответил мой удивительный компаньон. — Но я попрошу вас немного помочь мне. Наш юный друг — один из моих пациентов. Он летчик, военная травма. Повредил голову в крушении во Франции и теперь считает себя Джеймсом Киркхемом, исследователем. На самом деле его зовут Генри Уолтон.

Полицейский с сомнением взглянул на меня. Я улыбнулся, увереный в своей безопасности.

— Продолжайте, — сказал я. — Что еще я думаю?

— Вообще-то он не опасен, — незнакомец добродушно потрепал меня по плечу, — но время от времени умудряется ускользнуть от нас. Да, безвреден, но весьма изобретателен. Весь вечер убегал от нас. Я разослал своих людей на поиски. И сам нашел его в парке. В таких случаях он считает, что ему угрожает похищение. Будьте добры, выслушайте его и заверьте, что подобные вещи невозможны в Нью-Йорке. Или, если и возможны, похитители не посвящают в свои планы нью-йоркских полицейских, как я.

Я почти восхищался ловкостью его выдумки, юмористической, но терпеливой и вполне профессиональной манерой рассказа. Считая себя в безопасности, я мог позволить себе рассмеяться.

— Совершенно верно, — сказал я. — Но так уж случилось, что меня действительно зовут Джеймс Киркхем. Я никогда не слышал ни о каком Генри Уолтоне. И никогда до сегодняшнего вечера не встречал этого человека. У меня есть все основания считать, что он пытается заставить меня идти туда, куда я не собираюсь.

— Видите! — мой компаньон многозначительно кивнул полицейскому, который, не отвечая на мою улыбку, смотрел на меня с раздражющей жалостью.

— Не волнуйтесь, — сказал он мне. — Как говорит добрый доктор, похитители не обращаются к полицейским за помощью. Вас не могут похитить в Нью-Йорке, во всяком случае не так. Идите с доктором и больше не волнуйтесь.

Пора кончать эту абсурдную историю. Я сунул руку в карман, вытащил бумажник и достал оттуда свою карточку. Добавив к ней одно-два письма, я протянул их полисмену.

— Может быть, эти свидетельства заставят вас взглянуть по-другому, — сказал я.

Он взял их, внимательно прочел и с жалостью вернул мне.

— Конечно, парень, — тон его был успокаивающим.

— Никакой опасности нет, говорю вам. Остановить вам такси, доктор?

Я с изумлением посмотрел на него, потом на карточку и конверты, которые он вернул мне. И не веря себе, прочел на них одно и то же. На карточке было имя

«Генри Уолтон», и каждый конверт был адресован тому же джентльмену, «находящемуся под присмотром доктора Майкла Консардайна» по адресу, в котором я узнал район самых высокооплачиваемых нью-йоркских специалистов. Да и бумажник, который я держал в руке, был не тем, с каким я начал вечернюю прогулку не более часа назад.

Я расстегнул пальто и поискав этикетку портного, на которой должно быть мое имя. Никакой этикетки не было.

Неожиданно чувство безопасности меня покинуло. Я начал понимать, что в конце концов возможно заставить меня идти туда, куда я не хочу. Даже на станции нью-йоркской подземки.

— Послушайте, — сказал я, и в голосе моем больше не было смеха, — вы допускаете большую ошибку. Я встретил этого человека несколько минут назад в Баттери-парке. Он настаивал, чтобы я шел с ним, а куда, не говорил, и встретился с человеком, имя которого не назвал. Когда я отказался, он силой обыскал меня, отобрал оружие. Во время этой борьбы, как мне теперь ясно, он подменил мой бумажник другим, в котором карточка и письма с именем Генри Уолтона вместо моего. Я требую, чтобы вы обыскали его и нашли мой бумажник, далее требую — найдете вы или нет — отвести нас с ним в отделение.

Полицейский с сомнением смотрел на меня. Моя искренность и очевидное здравомыслие поразили его. Ни моя внешность, ни манеры не говорили о расстроенном рассудке. С другой стороны, ласковое лицо, добрый взгляд, бросающиеся в глаза воспитанность и профессионализм человека из Баттери совсем не походили в глазах полицейского на качества похитителя.

— Я совершенно не против допроса в отделении, даже не против обыска там, — сказал человек в плаще-накидке. — Но предупреждаю вас, что возбуждение пагубно скажется на состоянии моего пациента. Впрочем... вызывайте такси...

— Не такси, — сказал я твердо. — Мы поедем в полицейской машине, в сопровождении полицейских.

— Минутку, — лицо полицейского прояснилось. — Вон идет сержант. Он решит, что делать. — Подошел сержант.

— В чем дело, Муни? — спросил он, оглядывая нас.

Муни кратко обрисовал ситуацию. Сержант еще раз, более внимательно осмотрел нас. Я улыбнулся ему весело.

— Все, что я хочу, — сказал я, — чтобы нас отвели в отделение. В патрульной машине. Никакого такси, доктор... как вас там? О, да, доктор Консардайн. Патрульная машина, в ней несколько полицейских и доктор Консардайн рядом со мной — вот все, чего я хочу.

— Хорошо, сержант, — терпеливо сказал доктор Консардайн. — Я согласен идти. Но, как я уже предупредил полицейского Муни, это означает задержку и возбуждение, и вы должны будете нести ответственность за их воздействие на моего пациента; в конце концов его здоровье — моя главная забота. Я сказал, что он не опасен, но сегодня я отобрал у него — вот это.

И он протянул сержанту автоматический пистолет.

— Под его левой рукой вы найдете кобуру, — сказал Консардайн. — Откровенно говоря, я считаю, что его нужно как можно быстрее доставить ко мне в больницу.

Сержант подошел ко мне и, отведя пальто, пощупал под левой рукой. По его лицу, когда он нашупал кобуру, я понял, что этот раунд выиграл Консардайн.

— У меня есть разрешение на оружие, — резко сказал я.

— Где оно? — спросил он.

— В бумажнике, который этот человек отобрал вместе с пистолетом, — ответил я. — Если вы обыщете, найдете.

— О, бедный мальчик! Бедный мальчик! — пробормотал Консардайн.

И таким искренним было его огорчение, что я сам чуть не почувствовал жалость к себе. Он снова заговорил с сержантом.

— Возможно, мы решим вопрос без риска поездки в отделение. Как вам уже сказал Муни, расстройство сознания моего пациента заключается в том, что он считает себя неким Джеймсом Киркхемом, живущим в клубе Первооткрывателей. Может быть, подлинный мистер Киркхем в данный момент как раз там. Позвоните в клуб Первооткрывателей и попросите его. Если мистер Киркхем там, я думаю, это закончит дело. Если нет, поедем в отделение.

Сержант посмотрел на меня, а я, пораженный, на Консардайна.

— Если вы сможете поговорить с Джеймсом Киркхемом в клубе Первооткрывателей, — сказал я наконец, — то я Генри Уолтон.

Мы подошли к телефонной будке. Я дал сержанту номер клуба.

— Спросите Роберта, — добавил я. — Он сегодня портье.

За несколько минут до ухода я говорил с Робертом. Он и сейчас должен дежурить.

— Это Роберт? Портъе? — спросил сержант, когда сняли трубку. — Мистер Киркхем в клубе? Говорит сержант полиции Доуни.

Последовала пауза. Сержант взглянул на меня.

— Послали за Киркхемом, — пробормотал он... потом в трубку — ...Кто это? Вы мистер Киркхем? Минутку, пожалуйста... дайте мне снова портье. Роберт? Я говорил с Киркхемом? Исследователем Киркхемом? Вы уверены? Хорошо, хорошо! Не горячитесь. Я понимаю, что вы его знаете. Дайте мне его снова. Алло, мистер Киркхем? Нет, все в порядке. Просто... тут один чокнутый думает, что он — это вы...

Я выхватил трубку у него из руки, прижал к уху и услышал голос:

— Не в первый раз, бедняга...

Голос был мой собственный!

Глава третья

Трубку у меня отобрали, впрочем, достаточно мягко. Сержант снова слушал. Муни держал меня за руку, человек в плаще-накидке — за другую. Я слышал, как сержант говорит:

— Да, Уолтон, Генри Уолтон, так его зовут. Простите за беспокойство, мистер Киркхем. До свиданья.

Он повесил трубку и сочувственно посмотрел на меня.

— Какая жалость! — сказал он. — Вызвать скорую, доктор?

— Нет, спасибо, — ответил Консардайн. — Это особый случай. Мания похищения очень сильна. Он будет спокойнее в окружении людей. Мы поедем подземкой. Даже если его нормальная сущность бездействует, подсознание подскажет ему, что невозможно похищение в самой середине толпы в метро. Ну, Генри, — он похлопал меня по руке, — согласитесь с этим. Вы ведь начинаете осознавать реальность, не так ли?

Я вышел из оцепенения. Человек, прошедший мимо меня на Пятой авеню. Человек, который так странно напоминал меня! Как глупо, что я не подумал об этом раньше.

— Подождите! — отчаянно воскликнул я. — В клубе самозванец. Он очень похож на меня. Я его видел...

— Ну, ну, парень, — сержант положил руку мне на плечо. — Ты ведь дал слово. И сдержишь его, я уверен. Спокойно иди с доктором.

Впервые я почувствовал безнадежность. Сеть, захватившая меня, сплетена с адской изобретательностью. Очевидно, ни одна возможность не была упущена. Я ощущал беспощадное давление. Если кто-то так заинтересован в моем... устраниении, уничтожить меня будет легко. Если этот двойник может обмануть портье, знающего меня многие годы, если он без боязни разоблачения общается с моими друзьями в клубе — если он способен на все это, чего же он не сделает в моем обличье и моим именем? Кровь моя заледенела. Что это за заговор? Я должен быть устранен, чтобы двойник занял мое место в моем мире на время и совершил злодейство, которое навсегда очернит мое имя?

Ситуация больше не казалась забавной. Можно было ожидать самого дурного. Но следующий этап моего подневольного путешествия — подземка. Как сказал Консардайн, ни один человек в здравом рассудке не поверит, что здесь возможно похищение. Тут легче сбежать, найти в толпе человека, который выслушает меня, создать при необходимости такие условия, чтобы мой похититель не смог удержать меня, перехитрить его каким-нибудь образом.

Во всяком случае ничего не остается, как только идти с ним. Дальнейшие обращения к полицейским бессмысленны.

— Идемте... доктор, — спокойно сказал я.

Мы спустились в подземку, он продолжал держать меня за руку. Мы миновали вход на станцию. Поезд уже ждал. Я зашел в последний вагон, Консардайн — следом за мной. Вагон был пуст. Я пошел дальше. Во втором — один или два неприметных пассажира. Но зайдя в третий вагон, я увидел в его противоположном конце с поддюжинами морских пехотинцев во главе с лейтенантом. Пульс мой убыстрился. Вот возможность, которую я ищу. Я пошел прямо к ним.

Заходя в вагон, я краем глаза заметил пару, сидящую в углу у двери. Устремившись к морякам, я не обратил на нее внимания.

Но не сделал я и пяти шагов, как услышал вскрик:

— Гарри! О, доктор Консардайн! Вы нашли его!

Я невольно остановился и обернулся. Ко мне бежала девушка. Обняв меня руками за шею, она снова восхлинула:

— Гарри! Гарри, дорогой! Слава Богу, он нашел тебя!

Карие глаза — красивее я в жизни не видел — смотрели на меня. Глубокие, нежные, в них жалость, а на краях длинных ресниц повисли слезы. Даже охваченный оцепенением, я заметил тонкую кожу, не тронутую румянами, кудрявые шелковые коротко подстриженные волосы под изящной маленькой шляпкой — волосы теплого бронзового оттенка, слегка вздернутый нос, изысканный рот и миниатюрный заостренный подбородок. И именно такую девушку хотел бы я встретить в своей жизни, но при других, конечно, обстоятельствах; в нынешней же ситуации ее появление подействовало на меня... смущающее.

— Ну, ну, мисс Уолтон! — голос доктора Консардайна звучал успокаивающе. — С вашим братом теперь все в порядке!

— Довольно, Ева, не суетись. Доктор нашел его; я ведь тебе говорил, что так и будет. — Подал голос человек, сидевший с девушкой: примерно моего возраста, исключительно хорошо одет, лицо худое и загорелое, рот и глаза, возможно, говорят о разгульном образе жизни.

— Как вы себя чувствуете, Гарри? — спросил он меня и грубо добавил: — Ну и задали вы нам сегодня жару!

— Что за беда, Уолтер, — упрекнула его девушка, — если он в безопасности?

Я развел руки девушки и посмотрел на всех троих. Внешне абсолютно то, что они и должны представлять: известный специалист, дорогой и многоопытный, беспокоящийся о непокорном пациенте с помутившимся сознанием; привлекательная обеспокоенная сестра, поглощенная радостью от того, что ее свихнувшийся и сбежавший братец найден; верный друг, возможно, поклонник, слегка выведенный из равновесия, но все же неизменно верный и преданный, довольный тем, что беспокойства его милой кончились, и готовый ударить меня, если я снова поведу себя нехорошо. Так убедительны они были, что на мгновение я усомнился в собственной личности. На самом ли деле я Джим Киркхем? Может, я только читал о нем! Рассудок мой дрогнул от возможности, что я действительно Генри Уолтон, свихнувшийся в катастрофе во Франции.

Со значительным усилием я отверг эту идею. Пара, несомненно, ждала на станции моего появления. Но во имя всех дальновидных дьяволов, как они могли знать, что я появлюсь именно на этой станции и именно в это время?

И тут я вдруг вспомнил одну из странных фраз доктора Консардайна: «Разум, планирующий за них, воля, более сильная, чем их воля, способная заставить их выполнить эти планы точно так, как их составил грандиозный мозг».

Вокруг меня сомкнулась паутина, чьи многочисленные нити держала одна хозяйская рука, и эта рука тащила меня, тащила... непреодолимо... куда... и зачем?

Я повернулся к морякам. Они смотрели на нас с интересом. Лейтенант встал, вот он направился к нам.

— Могу быть вам чем-нибудь полезен, сэр? — спросил он доктора, но глаза его были устремлены на девушку и полны восхищения. И я понял, что не могу рассчитывать на помочь его или его людей. Тем не менее ответил лейтенанту я.

— Можете. Меня зовут Джеймс Киркхем. Я живу в клубе Первооткрывателей. Не думаю, что вы мне поверите, но эти люди похищают меня...

— О Гарри, Гарри! — пробормотала девушка и коснулась глаз нелепым маленьkim кусочком кружев.

— Все, о чем я прошу, — продолжал я, — позвоните в клуб Первооткрывателей, когда выйдете из поезда. Спросите Ларса Торвальдсена, расскажите ему о том, что видели, и передайте, что человек в клубе, называющий себя Джеймсом Киркхемом, самозванец. Сделаете?

— О, доктор Консардайн! — всхлипнула девушка. — О бедный, бедный брат!

— Не отойдете ли со мной на минутку, лейтенант? — спросил Консардайн. И сказал, обращаясь к человеку, который назвал девушку Евой: — Уолтер, присмотрите за Гарри...

Он взял лейтенанта за руку, и они прошли вперед по вагону.

— Садитесь, Гарри, старина, — предложил Уолтер.

— Пожалуйста, дорогой, — сказала девушка. Держа с обеих сторон за руки, они усадили меня в кресло. Я не сопротивлялся. Какое-то жестокое удивление, смешанное с восхищением, охватило меня. Я видел, как лейтенант и доктор о чем-то негромко разговаривают, а остальные моряки слушают их разговор. Я знал, что говорит Консардайн: лицо лейтенанта смягчилось, он и его люди поглядывали на меня с жалостью, а на девушку — с сочувствием. Лейтенант задал какой-то вопрос, Консардайн кивнул в знак согласия, и они направились к нам.

— Старина, — успокаивающе заговорил со мной лейтенант, — конечно, я выполню вашу просьбу. Мы выходим у Моста, и я тут же позвоню. Клуб Первооткрывателей, вы сказали?

Все было бы прекрасно, но я знал, что он думает, будто успокаивает сумасшедшего.

Я устало кивнул.

— Расскажите это своей бабушке. Конечно, вы этого не сделаете. Но если каким-то чудесным образом искорка интеллекта осветит ваш разум сегодня вечером или хотя бы завтра, пожалуйста, позвоните, как я просил.

— О Гарри! Пожалуйста, успокойся! — умоляла девушка. Она обратила свой взор, красноречиво благодарный, к лейтенанту. — Я уверена, лейтенант выполнит свое обещание.

— Конечно, выполню, — заверил он меня — и при этом полуподмигнул ей.

Я открыто рассмеялся, не смог сдержаться. Ни у одного моряка, офицера или рядового, сердце не устояло

бы перед таким взглядом — таким умоляющим, таким благодарным, таким задумчиво призательным.

— Ну, ладно, лейтенант, — сказал я. — Я вас нисколько не виню. Я сам бился об заклад, что невозможно похитить человека в Нью-Йорке на глазах у полицейских. Но я проиграл. Потом я готов был спорить, что нельзя похитить в вагоне метро. И опять проиграл. Тем не менее, если вы все-таки будете гадать, сумасшедший я или нет, воспользуйтесь возможностью и позвоните в клуб.

— О, брат! — выдохнула Ева и снова заплакала.

Я сел в кресло, ожидая другой возможности. Девушка держала меня за руку, время от времени взглядывая на лейтенанта. Консардайн сел справа от меня. Уолтер — рядом с Евой. У Бруклинского моста моряки вышли, неоднократно оглядываясь на нас. Я сардонически отсалютовал лейтенанту; девушка послала ему прекрасную благодарную улыбку. Если что-то еще нужно было, чтобы он забыл о моей просьбе, то именно это.

На мосту в вагон вошло много народа. Я с надеждой смотрел на рассаживавшихся в креслах пассажиров. Но по мере того, как я разглядывал их лица, надежда гасла. С печалью я понял, что старик Вандербилт ошибался, сказав: «Проклятая толпа». Нужно было сказать «Тупая толпа». Здесь была еврейская делегация в поддюжины человек на своем пути домой в Бронкс, запоздавшая стенографистка, которая тут же принялась красить губы, три кроликолицых юных хулигана, итальянка с четырьмя неугомонными детьми, почтенный старый джентльмен, подозрительно глядевший на возню детей, хорошо одетый негр, мужчина средних лет и приятной наружности с женщиной, которая могла бы быть школьной учительницей, две хихикающие девчонки, которые тут же принялись флиртовать с хулиганами, три возможных клерка и примерно с дюжину других неприметных слабоумных. Типичное население вагона нью-йоркской подземки.

Взгляд направо и налево привел меня к выводу, что о богатом интеллекте тут говорить не приходится. Бессмысленно обращаться к этим людям. Мои три охранника намного опережали тут всех в сером веществе и в изобретательности. Они любую мою попытку сделают неудавшейся раньше, чем я кончу. Но все же я должен попытаться, чтобы кто-нибудь позвонил в клуб. У кого-нибудь может быть развито любопытство, и он в конце

концов позвонит. Я устремил взгляд на почтенного старого джентльмена — он похож на человека, который не успокоится, пока не выяснит, в чем дело.

И только я собрался открыть рот и заговорить, девушка потрепала меня по руке и наклонилась к человеку в накидке.

— Доктор, — голос ее звучал четко и был слышен по всему вагону. — Доктор, Гарри намного лучше. Можно, я дам ему — вы знаете что?

— Прекрасная мысль, мисс Уолтон, — ответил тот. — Дайте ему ее.

Девушка сунула руку в свое длинное спортивного кроя пальто и вытащила небольшой сверток.

— Вот, Гарри, — она протянула сверток мне. — Вот твой дружок, ему было так одиноко без тебя.

Автоматически я взял сверток и развернул его.

В моих руках была грязная отвратительная старая тряпичная кукла. Я тупо смотрел на нее и начал понимать всю дьявольскую изощренность подготовленной мне ловушки. В самой смехотворности этой куклы был какой-то ужас. И после слов девушки весь вагон смотрел на меня. Я видел, как пожилой джентльмен, как бы не веря своим глазам, смотрел на меня поверх очков, видел, как Консардайн поймал его взгляд и многозначительно постучал себя по лбу — и все это видели. Грубый смех негра внезапно стих. Группа евреев застыла и смотрела на меня; стенографистка уронила свою косметичку; итальянские дети очарованно уставились на куклу. Пара средних лет смущенно отвела взгляд.

Я вдруг осознал, что стою, сжимая куклу в руках, как будто боюсь, что у меня ее отберут.

— Дьявол! — выругался я и собрался швырнуть куклу на пол.

И понял, что дальнейшее сопротивление, дальнейшая борьба бессмысленны.

Игра против меня срежиссирована с начала и до конца. Я вполне могу сдаваться. И пойду, как и сказал Консардайн, туда, куда хочет «грандиозный мозг», нравится мне это или нет. И тогда, когда ему нужно. То есть сейчас.

Что ж, они достаточно долго играли мною. Придется поднять руки, но, садясь обратно, я решил получить маленькое развлечение. Я сел и сунул куклу в верхний карман пальто, откуда нелепо торчала ее голова. Пожи-

лой джентльмен издавал сочувствующие звуки и понимающе кивал Консардайну. Один из кроликолицых юношей сказал «чокнутый», и девчонки нервно захихикали. Негр торопливо встал и отправился в соседний вагон. Один из итальянских мальчишек заныл, указывая на куклу: «Дай мне».

Я взял руку девушки в свои.

— Ева, дорогая, — сказал я так же громко и отчетливо, как и она, — ты знаешь, я убежал из-за этого Уолтера. Он мне не нравится.

Я обнял ее за талию.

— Уолтер, — склонился я над нею, — человек, который, подобно вам, только что вышел из тюрьмы, где отбывал заслуженное наказание, недостоин моей Евы. Хоть я и сумасшедший, вы знаете, что я прав.

Пожилой джентльмен прервал свое раздраждающее причмокивание и вздрогнул. Все остальные в вагоне, подобно ему, перенесли свое внимание на Уолтера. Я почувствовал удовлетворение, видя, как он медленно краснеет.

— Доктор Консардайн, — обратился я к нему, — как медик, вы наверняка знакомы с Ламброзо, я имею в виду признаки прирожденного преступника. Посмотрите на Уолтера. Глаза маленькие и слишком близко посаженные, рот расслаблен из-за дурных привычек, недоразвитые мочки ушей. Если меня нельзя выпускать на свободу, то его тем более, не правда ли, доктор?

Теперь все в вагоне рассматривали то, на что я указывал, и взвешивали мои слова. И все это было почти правдой. Лицо Уолтера приобрело кирпично-красный цвет. Консардайн невозмутимо смотрел на меня.

— Нет, — продолжал я, — он совсем тебя не достоин, Ева.

Я тесно прижал к себе девушку. Это мне начинало нравиться — она была чудо как хороша.

— Ева! — воскликнул я. — Мы так долго не виделись, а ты меня даже не поцеловала!

Я приподнял ее подбородок и — да — поцеловал ее. Поцеловал крепко и совсем не по-братски. Слышал, как негромко выругался Уолтер. Как это воспринял Консардайн, не могу судить. Да и мне было все равно — рот у Евы удивительно сладкий.

Я поцеловал ее снова и снова — под гогот хулиганов, хихиканье девиц и восклицания пришедшего в ужас похожего джентльмена.

Лицо девушки, покрасневшее при первом поцелуе, теперь побледнело. Она не сопротивлялась, но между поцелуями я слышал ее шепот:

— Вы заплатите за это! О, как вы заплатите!

Я рассмеялся и отпустил ее. Больше я не беспокоился. Пойду за доктором Консардайном, даже если он этого не захочет, — пока она идет с нами.

— Гарри, — его голос прервал мои мысли. — Идемте. Вот и наша станция.

Поезд подходил к станции Четырнадцатая улица. Консардайн встал. Взглядом дал сигнал девушке. Опустив глаза, она взяла меня за руку. Рука ее была ледяной. Продолжая смеяться, я тоже встал. Между девушкой и Консардайном — Уолтер шел за нами — я вышел на платформу и поднялся на улицу. Однажды я оглянулся, и сердце мое согрелось при виде выражения Уолтера.

Во всяком случае это было туже для них двоих — и в их собственной игре.

Шофер в ливрее стоял у подножия ступеней. Он бросил на меня быстрый любопытный взгляд и приветствовал Консардайна.

— Сюда, Киркхем! — коротко сказал тот.

Итак, я снова Киркхем. И что бы это значило? Мощная машина стояла у обочины. Консардайн показал на нее. По-прежнему крепко держа Еву за руку, я сел и увлек ее за собой. Уолтер сел впереди, Консардайн за ним. Шофер закрыл дверцу. В машине был еще один человек в ливрее. Автомобиль двинулся.

Консардайн коснулся рычажка, и окна затянулись занавесом. Нас окружила полутьма.

И как только он это сделал, Ева вырвала у меня руку, ударила меня по губам и, сжавшись в углу, молча заплакала.

I В фехтовании «тушс» — зафиксированный укол. Прим. ред.

Глава четвертая

Машина, дорогая европейская модель, быстро и ровно прошла Пятую авеню и повернула на север. Консардайн тронул другой рычажок, и непрозрачный занавес отделил нас от шофера. Тускло загорелась скрытая лампа. В ее свете я заметил, что девушка восстановила душевное равновесие. Она рассматривала носки своих изящных узких туфелек. Уолтер достал портсигар. Я последовал его примеру.

— Не возражаете, Ева? — заботливо спросил я.

Она не посмотрела на меня и не ответила. Уолтер с ледяным выражением уставился куда-то надо мной. Я закурил и сосредоточился на нашем курсе. Часы мои показывали без четверти десять. Сквозь тщательно закрытые окна ничего не было видно. По остановкам движения я знал, что мы все еще на авеню. Затем машина начала серию поворотов и возвратов, как будто двигалась по боковым улицам. Однажды мне показалось, что она сделала полный круг.

Я потерял всякое ощущение направления, что, несомненно, и было целью подобных перемещений.

В десять пятнадцать машина резко увеличила скорость, и я решил, что мы миновали район с напряженным движением. Скоро через вентиляторы донесся порыв свежего прохладного воздуха. Должно быть, мы в Вестчестере или на Лонг-Айленде. Точнее я сказать не мог. Ровно в одиннадцать двадцать машина остановилась. После короткой паузы мы двинулись дальше. Я слышал за нами звон тяжелых металлических ворот. Минут десять мы двигались очень быстро, потом опять остановились. Консардайн очнулся от раздумья и раскрыл занавеси. Шофер открыл дверцу. Ева вышла, за ней Уолтер.

— Ну, вот мы и на месте, мистер Киркхем, — вежливо сказал Консардайн. Он был похож на гостеприимного хозяина, приведшего домой трижды желанного гостя, а не человека, которого он похитил при помощи возмутительных хитростей и лжи.

Я выпрыгнул из машины. При свете луны, водянистой, как глаза алкоголика, и предвещавшей шторм, я увидел огромное здание, похожее на замок, перенесенный с береговLuары.

В крыльях и башенках здания ярко сверкали огни. Девушка и Уолтер входили в его двери. Я осмотрелся. Нигде, кроме здания, не видно было огней. У меня сложилось впечатление отдаленности и обширного, заросшего деревьями пространства, окружающего это место и гарантировавшего его изоляцию. Консардайн взял меня за руку, и мы миновали вход. По обе его стороны стояли два высоких лакея. Проходя мимо, я решил, что это арабы, оба необыкновенно мощные. Но оказавшись в большом зале, я остановился и невольно издал восхищенное восклицание. Как будто из лучших сокровищ средневековой Франции было отобрано все самое лучшее и собрано здесь. Длинные галереи, на трети расстояния до высокого сводчатого потолка, были утонченно готическими; гобелены и шпалеры, равными которым могут похвастать немногие музеи, свисали с них, а щиты и мечи были оружием покоренных королей.

Консардайн не дал мне времени рассматривать все это. Он взял меня за руку, и я увидел рядом с собой безукоризненного английского лакея.

— Томас позаботится о вас, — сказал Консардайн. — До скорого свидания, Киркхем.

— Сюда, сэр, — поклонился лакей и провел меня в небольшую нишу в углу зала.

Он нажал на украшенную резьбой стену. Она скользнула в сторону, и мы вошли в маленький лифт. Когда он остановился, сдвинулась другая панель, и я оказался в спальне, обставленной на свой манер, но с такой же удивительной роскошью, что и большой зал. За тяжелым занавесом находилась ванная. На кровати лежал вечерний костюм, рубашка, галстук и так далее.

Через несколько минут я был вымыт, гладко выбрит и одет в вечерний костюм. Он вполне подошел мне. Когда лакей открыл дверь шкафа, мое внимание привлекло висевшее в нем пальто. Я заглянул в шкаф.

В нем находилась точная копия всех вещей, имевшихся в моем гардеробе в клубе. Да, они все были здесь, а

когда я взглянул на ярлычки портных, то увидел на них свое имя.

Мне показалось, что лакей, украдкой смотревший на меня, ждет выражения удивления. Если так, я его разочаровал. Моя способность удивляться истощилась.

— Куда теперь? — спросил я.

Вместо ответа он сдвинул панель и ждал, пока я войду в лифт. Когда лифт остановился, я, конечно, ожидал, что мы будем в большом зале. Ничего подобного. За сдвинувшейся панелью оказалась небольшая прихожая, отделанная дубом, без мебели и с одной дверью темного дуба. Возле двери стоял еще один высокий араб, очевидно, ожидающий меня, потому что лакей поклонился, вошел обратно в лифт, и панель закрылась.

Араб приветствовал меня по-восточному. Открыв дверь, он повторил приветствие. Я шагнул через порог. Часы начали отбивать полночь.

— Добро пожаловать, Джеймс Киркхем! Вы пунктуальны до минуты, — сказал кто-то. Голос был удивительно звучным и музыкальным и по своим качествам напоминал орган. Говорящий сидел во главе длинного стола, накрытого на троих. Все это я рассмотрел до того, как взглянул ему в глаза; после я на некоторое время потерял способность видеть что бы то ни было. Глубочайшего сапфирно-голубоватого цвета, это были самые живые глаза, какие мне когда-либо приходилось видеть. Большие, слегка раскосые, они сверкали, как будто за ними скрывался сам источник жизни. Они напоминали жемчужины по яркости, а по твердости — алмазы. Ресниц не было, и глаза не мигали, как глаза птицы — или змеи. С немальным усилием я оторвал от них взор и посмотрел в лицо, на котором они располагались. Голова необыкновенно большая, с высоким и широким лбом, и абсолютно лысая. Поразительное полушарие, вместимостью вдвое больше среднего. Уши длинные, узкие и отчетливо заостренные на концах. Нос тяжелый, горбатый, подбородок круглый, но массивный. Губы полные, классически выточенные и неподвижные, как у древнегреческой статуи. Все огромное круглое лицо мрачно бледное, без единой морщинки или линии и абсолютно лишенное выражения. Единственное живое место на нем — глаза, и они были удивительно живыми — сверхъестественно, ужасающе живыми.

Тело, та часть, что я мог видеть, необыкновенно больше, мощная грудь указывала на огромную жизненную силу.

При первом же взгляде в нем чувствовалось нечто необычное, какое-то излучение нечеловеческой мощи.

— Садитесь, Джеймс Киркхем, — снова прозвучал раскатистый голос. Из тени за его спиной появился дворецкий и выдвинул для меня стул слева.

Я поклонился удивительному хозяину и молча сел.

— Вы, должно быть, голодны после долгой поездки, — сказал он. — Очень мило с вашей стороны, Джеймс Киркхем, что вы оказали мне честь и удовлетворили мой каприз.

Я взглянул на него, но не заметил и следа насмешки.

— Я в долгу у вас, сэр, — вежливо ответил я, — за исключительно занимательное путешествие. Что же касается удовлетворения вашего каприза, как вы это называете, как я мог поступить иначе, если ваши посланники были так... убедительны?

— А, да, — он кивнул. — Доктор Консардайн действительно умеет убеждать. Он скоро присоединится к нам. Но... пейте, ешьте.

Дворецкий налил шампанского. Я поднял стакан и помолчал, с удовольствием глядя на него. Это был кубок из горного хрусталя, удивительно изящный и, насколько я мог судить, исключительно древний — бесценное сокровище.

— Да, — заметил хозяин, как будто я говорил вслух. — Действительно редкость. Это бокалы Гарун аль-Рашида. Когда я пью из них, мне видится калиф в окружении любимых собутыльников и гурьи в его дворце в старом Багдаде. Вся роскошная панорама арабских ночей раскрывается передо мной. Их сохранил для меня, — продолжал он задумчиво, — покойный султан Абдул Гамид. Во всяком случае, они принадлежали ему, пока я не почувствовал желания обладать ими.

— Должно быть, сэр, у вас исключительная способность убеждать, если султан решил расстаться с ними, — пробормотал я.

— Как вы заметили, Джеймс Киркхем, мои посланцы весьма... убедительны, — вкрадчиво ответил он.

Я прихлебнул вина и не мог скрыть удовольствия.

— Да, — сказал мой необычный хозяин, — редкое вино. Оно предназначалось исключительно для испанского короля Альфонсо. Но мои посланцы были... убедительны. Когда я пью это вино, мое восхищение его великолепием омрачается только сочувствием Альфонсо в его лишениях.

Я с удовольствием выпил. Потом набросился на великолепную холодную дичь. Мой взгляд упал на золотую вазу, украшенную драгоценными камнями. Она была настолько изящна, что я привстал, чтобы получше рассмотреть ее.

— Работа Бенвенуто Челлини, — заметил мой хозяин.
— Один из его шедевров. Италия в течение столетий хранила его для меня.

— Но Италия добровольно никогда не согласилась бы расстаться с такой вещью! — воскликнул я.

— Нет, совершенно добровольно, совершенно, заверяю вас, — вежливо ответил он.

Я начал разглядывать неярко освещенную комнату и понял, что она, подобно большому залу, тоже сокровищница. Если хотя бы половина того, что я видел, подлинники, содержание одной этой комнаты стоит миллионы. Но этого не может быть — даже американский миллиардер не может собрать такие вещи.

— Это все подлинники, — он снова прочел мои мысли.
— Я коллекционер — в сущности самый крупный в мире. Я собираю не только картины, драгоценности, вина, другие плоды человеческого гения. Я коллекционер мужчин и женщин. Я коллекционирую то, что неточно называют душами. Вот почему, Джеймс Киркхем, вы здесь!

Дворецкий наполнил кубки и поставил рядом со мной еще одну бутылку в ведерке со льдом. На столе появились ликеры и сигары, и дворецкий, как по какому-то сигналу, отошел. Исчез, как с интересом заметил я, через другую панель, скрывавшую еще один замаскированный лифт. Я заметил, что дворецкий — китаец.

— Маньчжур, — обронил мой хозяин. — Княжеского рода. Но считает службу мне большой честью.

Я небрежно кивнул: дело обычное. Как будто дворецкие маньчжурские князья, вина, предназначенные для короля Альфонсо, кубки из арабских ночей калифа и вазы Челлини встречаются повседневно. Я понял, что игра, начавшаяся несколько часов назад в Баттери-парке,

достигла своей второй стадии, и намерен был участвовать в ней с наилучшими манерами.

— Вы мне нравитесь, Джеймс Киркхем, — голос был абсолютно лишен эмоций, губы почти не двигались. — Вы думаете: «Я пленник, мое место в мире занято двойником, даже мои ближайшие друзья не подозревают, что это не я; человек, говорящий со мной, чудовище, безжалостное и бессовестное, бесстрастный интеллект, который может уничтожить меня так же легко, как задувают пламя свечи». Во всем этом, Джеймс Киркхем, вы правы.

Он помолчал. Я решил, что лучше не смотреть в эти алмазно-яркие голубые глаза. Зажег сигарету и кивнул, устремив взгляд на горящий конец.

— Да, вы правы, — продолжал он. — Но вы не задаете вопросов и ни о чем не просите. Голос и руки у вас не дрожат, в глазах нет страха. Вместе с тем мозг ваш не дремлет, вы весь настороже и хотите ухватить хоть какое-нибудь преимущество. Подобно жителям джунглей, вы невидимыми антеннами своих нервов ощущаете опасность. Каждое чувство ваше насторожено, вы ищете щель в опутавшей вас сети. Вы ощущаете ужас. Но внешне в вас нет этого ни следа — только я мог это ощутить. Вы очень нравитесь мне, Джеймс Киркхем. У вас душа настоящего игрока!

Он снова помолчал, глядя на меня через край своего кубка. Я заставил себя встретить его взгляд и улыбнуться.

— Вам тридцать пять, — продолжал он. — Уже много лет я слежу за вами. Впервые вы привлекли мое внимание своей работой на французскую секретную службу на втором году войны.

Пальцы мои невольно стиснули кубок. Я считал, что никто, кроме меня самого и шефа, не знал об этой моей опасной работе.

— Так случилось, что вы не противоречили моим планам, — продолжал лишенный интонаций голос. — Поэтому вы... продолжали жить. Вторично я обратил на вас внимание, когда вы решили вернуть изумруды Спирадова, хранившиеся у коммунистов в Москве. Вы изобретательно подменили их копиями и сбежали с оригиналами. Мне они были не нужны, у меня есть гораздо лучшие. Поэтому я позволил вам вернуться к тем, кто вас нанял. Но смелость вашего плана и хладнокровная храбрость, с которой

вы его осуществили, весьма развлекли меня. Я люблю развлечения, Джеймс Киркхем.

То, что вы равнодушно восприняли совершенно неадекватную награду, свидетельствовало, что в первую очередь вас интересуют приключения. Вы, как я подумал, настоящий игрок.

Несмотря ни на что, я не смог сдержать изумления. Дело Спирадова осуществлялось в полной тайне. Я настоял на том, чтобы никто, кроме владельца, не знал о возвращении изумрудов. Они были перепроданы, как обычные драгоценности, их история не упоминалась... коммунисты до сих пор не обнаружили подмены и не обнаружат, как я считал, пока не захотят их продать. Но этот человек знал!

— Вот тогда я решил, что... приобрету... вас, — сказал он. — Но время для этого еще не созрело. Вы отправились в Китай по просьбе Рокбита на основании хрупкой легенды. И нашли гробницу, где в соответствии с легендой на превратившейся в прах груди старого принца Су Канзе лежали броши с нефритами. Вы взяли их, но были захвачены разбойником Ки-Вангом. Вы нашли брешь в вооружении хитроумного разбойника. Вы увидели единственную возможность сбежать вместе с драгоценностями. Он игрок, и вы это знали. И вот в его палатке вы с ним играли на броши, в случае проигрыша вы заплатили бы ему двумя годами рабства. Мысль о том, что вы станете его добровольным рабом, позабавила разбойника. К тому же, он понимал, какую ценность для него представляли бы ваш мозг и храбрость. Поэтому он согласился. Вы заметили, что он до начала игры искусно пометил карты. Я одобряю ловкость, с которой вы точно так же пометили другие. Ки Ванг перепутал карты. Счастье было на вашей стороне. Вы выиграли.

Ошеломленный, я привстал, глядя на него.

— Не хочу больше интриговать вас, — он знаком предложил мне снова сесть. — Ки Ванг иногда бывает мне полезен. Во многих местах есть множество людей, Джеймс Киркхем, которые выполняют мои просьбы. Если бы вы проиграли, Ки Ванг прислал бы мне броши и заботился бы о вас больше, чем о собственной голове. Потому что знал: я в любое время могу затребовать вас от него!

Я со вздохом сел, чувствуя, как захлопывается какая-то безжалостная западня.

— Затем, — его взгляд не отрывался от меня, — затем я снова подверг вас испытаниям. Дважды мои посыльные пытались отобрать у вас броши. Сознательно ни в одной из этих попыток я не планировал неизбежный успех. Иначе вы бы потеряли их. В каждом случае я оставлял выход, которым вы могли воспользоваться, если у вас хватит ума его увидеть. У вас ума хватило — и меня это опять весьма развлекло. И я был доволен.

Теперь, — он слегка наклонился вперед, — мы подходим к сегодняшнему вечеру. За нефриты вы получили значительную сумму. Но, похоже, игра, которую вы так хорошо знали, перестала вас интересовать. Вы обратили свой взор к другой — глупейшей игре, к фондовой бирже. В мои планы не входило позволить вам там выиграть. Я знал, какие бумаги вы покупаете. И произвел несколько манипуляций. Я не спеша, медленно отобрал у вас все — доллар за долларом. Вы полагаете, что метод, который я применил, больше подходит к крупному финансисту, а не к обладателю нескольких тысяч. Это не так. Если бы вместо тысяч у вас были миллионы, конец был бы тем же. Вы усвоили урок?

Я с усилием подавил вспышку гнева.

— Усвоил, — коротко ответил я.

— Обратите внимание! — прошептал он, и на мгновение его яркие глаза подернулись мрачностью.

— Итак, — продолжал он, — мы подошли к сегодняшнему вечеру. Я легко мог вас захватить и доставить сюда — избитым или одурманенным наркотиками, связанным, с заткнутым ртом. Это методы убийц, лишенных воображения дикарей из наших низов. После такой топорной работы вы не уважали бы стоящий за ней разум. Да и я бы не получил никакого удовольствия. Нет, постоянное наблюдение, которое наконец вынудило вас к открытым действиям, ваш двойник, сейчас наслаждающийся жизнью в клубе — кстати, великолепный актер, он несколько недель изучал вас — в сущности, все, что вы испытали, было заранее спланировано, чтобы продемонстрировать вам исключительный характер организации, которая вас призвала.

И снова отмечу, что мне понравилось ваше поведение. Вы могли бы сопротивляться Консардайну. Если бы вы

так поступили, то проявили бы отсутствие воображения и подлинной храбрости. Вы все равно были бы доставлены сюда, но я был бы разочарован. И меня весьма позабавило ваше отношение к Уолтеру и Еве — девушке, которую я предназначил для большого дела и которую я к нему сейчас готовлю. Вас удивило, как они оказались именно на этой станции подземки. Через пять минут после того как вы сели на скамью в Баттери, на всех окрестных станциях подземки свои места заняли другие пары. Уверяю вас, у вас не было ни одного шанса убежать. Любой ваш поступок был заранее предусмотрен, и были готовы меры, чтобы помешать ему. Вся полиция Нью-Йорка не могла помешать мне сегодня получить вас.

Потому что, Джеймс Киркхем, я позвал вас!

Я слушал эту удивительную смесь тонкой лести, угроз и колоссальной похвальбы с усиливающимся изумлением. Наконец я встал.

— Кто вы? — прямо спросил я. — И чего вы от меня хотите?

Сверхъестественно голубые глаза невыносимо сверкнули.

— Поскольку все на земле, к чему я обращаю свои приказания, их выполняет, — медленно ответил он, — вы можете называть меня... Сатаной!

И я предлагаю вам возможность править этим миром вместе со мной — за определенную плату, разумеется!

Глава пятая

Два последних предложения звенели в моем мозгу, как заряженные электричеством. При других обстоятельствах они показались бы абсурдными, но здесь они были далеки от абсурда. Эти лишенные ресниц, невероятно живые голубые глаза на неподвижном лице были... дьявольскими! Я уже давно чувствовал прикосновение дьявола ко всему, что происходило со мной этим вечером. В неподвижности огромного тела, в звучности этого органического голоса, лишенного выразительности и исходившего из почти неподвижных губ, — во всем этом была дьявольщи-

на, как будто тело его было всего лишь автоматом, в котором обитал адский дух, какое-то чуждое существо, проявлявшее себя лишь во взгляде и в голосе. То, что мой хозяин был абсолютной противоположностью высокого долговязого смуглого Мефистофеля из оперы, пьесы или романа, делало его еще более ужасающим. К тому же я по опыту хорошо знал, что полные люди способны на гораздо большее коварство, чем худые.

Нет, в этом человеке, который просил называть его Сатаной, не было ничего абсурдного. Я должен был в глубине души признаться, что он вызывал ужас. Мелодично прозвенел колокольчик. На стене вспыхнула лампа, скользнула в сторону панель, и в комнату вошел Консардайн. Я заметил, что панель другая, не та, через которую исчез маньчжур дворецкий. В то же самое время я сообразил, что в большом зале не было ни одной уходящей лестницы. И тут же понял, что в спальне, куда проводил меня лакей, не было ни окон, ни дверей. Мысль мелькнула в мозгу и ушла, я не придал ей значения. Обдумаю позже.

Я встал, возвращая Консардайну его поклон. Он без приветствий и церемоний сел справа от Сатаны.

— Я говорил Джеймсу Киркхему, каким занимательным нахожу его, — сказал мой хозяин.

— И я, — улыбнулся Консардайн. — Но боюсь, мои компании не разделяют этого мнения. Кобхем очень расстроился. С вашей стороны это было жестоко, Киркхем. Тщеславие — один из грехов Кобхема.

Итак, фамилия Уолтера — Кобхем. Интересно, а как фамилия Евы?

— Ваша уловка с куклой была... деморализующей, — сказал я. — Считаю, что был скорее сдержан в своих соображениях насчет Кобхема. Знаете, для них было так много возможностей. Да и достаточно поводов.

— Кукла — это отвлекающая идея, — заметил Сатана.

— И эффективная притом.

— Дьявольски эффективная, — я обратился к Консардайну. — Впрочем, этого следовало ожидать. Как раз перед тем как вы вошли, я обнаружил, что ужинаю с... с Сатаной.

— А, да, — холодно подтвердил Консардайн. — Вы, несомненно, ждете, что я вытащу ланцет и вскрою вам

вену, а Сатана положит перед вами документ, написанный серой, и потребует, чтобы вы его подписали собственной кровью.

— Никаких таких детских сказок я от вас не жду, — возразил я, стараясь продемонстрировать некоторое возмущение.

Сатана рассмеялся; лицо его при этом оставалось неподвижным, но глаза дрожали.

— Устаревшие методы, — сказал он. — Я отказался от них после своих встреч с покойным доктором Фаустом.

— Возможно, вы считаете, что я и есть покойный доктор Фауст, — вежливо обратился ко мне Консардайн.

— Нет, вовсе нет, и еще, — он лукаво взглянул на меня, — помните: Ева — не Маргарита.

— Скажем, не ваша Маргарита, — поправил Сатана.

Я чувствовал, как кровь ударила мне в лицо. И опять Сатана рассмеялся. Они играют со мной, эти двое. Но в игре все время присутствует зловещая нота, это несомненно. Я чувствовал себя, как мышь меж двух кошек. И подумал, что девушка тоже очень похожа на такую мышь.

— Да, — это звучный голос Сатаны, — да, я стал гораздо современнее. Я по-прежнему покупаю души, это верно. Или беру их. Но я не так неумолим в своих условиях, как в древности. На определенные периоды я могу сдать души в аренду. И за работу я плачу очень хорошо, Джеймс Киркхем.

— Не пора ли перестать обращаться со мной, как с ребенком? — холодно спросил я. — Я признаю все, что вы сказали обо мне. И верю всему, что вы говорили о себе. Я допускаю, что вы — Сатана. Хорошо. Но что из этого?

Наступила пауза. Консардайн зажег сигару, налил себе бренди и отодвинул в сторону подсвечник, стоявший перед ним; я думаю, он это сделал, чтобы лучше видеть мое лицо. Сатана впервые за все время оторвал свой взгляд от меня и посмотрел куда-то надо мной. Я вступал в третью стадию этой загадочной игры.

— Приходилось ли вам когда-нибудь слышать легенду о сияющих следах Будды-ребенка? — спросил меня Сатана. Я отрицательно покачал головой. — Именно она побудила меня отказаться от древних методов соблазнен-

ния душ, — серьезно продолжал он. — Поскольку она означает начало новой адской эпохи, эта легенда очень важна. Но для вас она важна и по другим причинам. Итак, слушайте. Когда должен был родиться великий Будда, Гаутама Всезнающий, — нараспев говорил Сатана, — он был как драгоценный камень, горящий огнем в чреве его матери. Он так был полон светом, что тело его матери превратилось в светильник, а он сам был в этом светильнике святым пламенем.

Впервые в голосе Сатаны появилось выражение, нечто вроде сарднической елейности.

— А когда пришло ему время родиться, он вышел из бока матери, который чудесным образом закрылся за ним. Семь шагов сделал ребенок Будда, прежде чем остановился перед поклонявшимися деви, гениями, риши и всей небесной иерархией, которая собралась вокруг. И остались семь сияющих следов, семь очертаний детских ступней, сверкавших, как звезды, на мягком газоне. И вот! Когда Будда начали поклоняться, эти семь следов зашевелились, двинулись и пошли в разные стороны, открывая дороги, по которым позже пойдет Святой Будда. Пошли перед ним семь маленьких Иоаннов Крестителей — ха! ха! ха! — Сатана рассмеялся своим неизменяющимся лицом и неподвижными губами.

— Один след пошел на запад, другой — на восток, — продолжал Сатана. — Один на север, другой на юг. Они открывали пути спасения на все четыре стороны света. Но как же остальные три? Увы! Мара, король иллюзий, с дурными предчувствиями следил за рождением Будды, потому что в свете слов Будды только правда имеет тень и тем самым может быть узнана, и все обманы, при помощи которых Мара держал в своих руках землю, становились бесполезными. Если победит Будда, Мара будет уничтожен. Королю иллюзий эта мысль не нравилась, поскольку больше всего он ценил развлечения, а для этого нужна власть. В этом, — продолжал Сатана, по-видимому, совершенно серьезно, — Мара был очень похож на меня. Но интеллект у него был гораздо слабее: Мара не понимал, что правда, с которой искусно манипулируют, создает лучшие иллюзии, чем ложь. Однако...

Прежде чем эти три увальня смогли уйти далеко, Мара овладел ими!

А затем при помощи лжи, хитрости и колдовства Мара совратил их. Он научил их греховности, воспитал на великолепных обманах — и послал дальше! Что же произошло дальше? Что ж, естественно, мужчины и женщины шли за этими тремя. И дороги, которые они выбирали, были несравненно приятней, восхитительней, гораздо мягче, ароматнее и прекрасней, чем каменистые, жесткие, суровые, холодные пути, избранные неподкупными четырьмя. Кто же обвинит людей в том, что они шли за тремя? К тому же внешне все семь отпечатков были одинаковы. Различие, разумеется, выяснялось в конце. Души, которые следовали за обманчивыми тремя следами, неизбежно возвращались в самое сердце обмана, во внутреннюю сущность иллюзий, и там блуждали вечно; те же, что шли за четырьмя, обретали свободу. И все больше и больше людей шли за порочными отпечатками, а Мара веселился. Пока не стало казаться, что уже не осталось никого, кто шел бы путем Просвещенного.

Но Будда рассердился. Он отдал приказ, и четыре святых отпечатка устремились к нему со всех сторон света. Они выследили заблуждавшихся троих и пленили их. Но тут возникло затруднение. Поскольку три заблуждавшихся были все же следами Будды, их невозможно было уничтожить. У них были свои неотъемлемые права. Но настолько глубоко их растили Мара, что очистить их от этого зла тоже было невозможно. И вот они в заключении до конца света. Где-то поблизости от грандиозного храма Боробудур на Яве есть меньший, скрытый храм. И в нем трон. Чтобы добраться до этого трона, нужно подняться по семи ступеням. На каждой ступени сияет один из детских отпечатков Будды. Один неотличим от другого — но как же они на самом деле различны! Четыре из них, святые, охраняют трех других, нечестивых. Храм тайный, и путь к нему полон смертельными опасностями. Но тот, кто останется живым и достигнет храма, может подняться к трону.

Но — поднимаясь, он должен поставить ногу на пять из семи сияющих отпечатков! Послушайте, что произойдет после этого. Если три из пяти отпечатков, на которые он наступил, нечестивые, когда он достигнет трона, все земные желания, все, что может предоставить Король иллюзий, в его распоряжении. Естественно, цена — порабощение, а, возможно, и уничтожение его души. Но

если из пяти отпечатков три — святые, тогда он свободен от всех земных желаний, неподвластен судьбе, Носитель Света, Сосуд Мудрости — его душа вечно с Пречистым.

Святой или грешник — вступивший на три нечестивых следа обладает всеми земными иллюзиями!

И грешник или святой — если он наступил на три святых отпечатка, он свободен от всех иллюзий, вечно благословенная душа в нирване!

— Бедняга! — пробормотал Консардайн.

— Такова легенда, — Сатана снова оторвал свой взгляд от меня. — Я никогда не пытался отыскать эти интересные следы. Они мне ни к чему. У меня нет желания превращать грешников в святых. Но легенда подала мне такую интересную мысль, какой я не помню... скажем за много столетий. Жизнь, Джеймс Киркхем, это долгая игра между двумя безжалостными игроками — рождением и смертью. Все мужчины и все женщины играют в нее, хотя большинство из них плохие игроки. У каждого мужчины и у каждой женщины хотя бы раз возникает желание, за которое они добровольно отдали бы душу — а часто и жизнь. Но жизнь — такая грубая игра, управляемая наудачу, если вообще управляемая, и с такими запутанными, противоречивыми и бэзвкусными правилами.

Что ж, я усовершенствую эту игру для немногих избранных, буду играть с ними на их величайшие желания, и для собственного развлечения использую в качестве модели эти семь отпечатков ноги Будды. А теперь, Джеймс Киркхем, слушайте внимательно, потому что дальнейшее касается вас непосредственно. Я соорудил два трона на возвышении, к которым ведут не семь, а двадцать одна ступень. На каждой третьей из них сверкает след — всего таких следов семь.

Один из тронов ниже другого. На нем сижу я. На другом лежат корона и скипетр. Теперь дальше. Три из этих отпечатков — несчастливые. Четыре — счастливые в высшей степени. Тот, кто играет со мной, поднимается к трону, на котором лежат корона и скипетр. Поднимаясь, он должен поставить ногу на четыре — не пять — из этих семи отпечатков. Если все четыре отпечатка, на которые он наступит, окажутся счастливыми, любые желания этого человека, пока он живет, исполняются. Я его слуга — и к его услугам вся мощная организация, которую я создал и

которая служит мне. Ему принадлежат мои миллиарды, и он может поступать с ними, как хочет. Ему принадлежит все, что он пожелает, — власть, женщины, титулы — все. Тех, кого он ненавидит, я наказываю... или уничтожаю. Ему принадлежат корона и скипетр на троне, который выше моего. В его власти вся земля! Он может — все!

Я взглянул на Консардайна. Тот нервно сгибал и разгибал сильными пальцами серебряный нож, глаза его сверкали.

— А если он наступит на другие?

— А — тут уж моя сторона в игре. Если он наступит на один из моих — он сослужит мне одну службу. Сделает то, о чем я его попрошу. Если наступит на два — будет служить мне год. Если же наступит на три моих, — я чувствовал, как огонь голубых глаз жжет меня, слышал сдавленный стон Консардайна, — если все три следа мои — тогда он мой, телом и душой. Я могу, если захочу, убить его в любую минуту, и убить так, как захочу. Могу позволить ему жить, если захочу, и столько, сколько захочу, а потом убить, и опять, как я захочу. Мой! Душой и телом! Мой!

Раскатистый голос гремел, становился непереносим. Передо мной действительно был Сатана, с этими сверхъестественными глазами, жгущими меня, как будто за ними пылал огонь ада, имя хозяина которого он принял.

— Следует помнить несколько правил, — голос неожиданно вновь стал спокойным. — Не обязательно наступать сразу на четыре ступени. Можно наступить на одну и остановиться. Или на две. На три. Следующий шаг делать не обязательно.

Если вы наступите на один след и он окажется моим, а вы дальше подниматься не будете, вы выполняете мою службу, я хорошо плачу вам за нее, и вы снова можете совершить подъем.

Точно так же, если вы наступили на два моих следа. После года службы — если останетесь в живых — можете снова попытать счастья. А за этот год вам очень хорошо заплатят.

Я задумался. Власть над всем миром! Исполнение любого желания. Лампа Алладина — только потри! Ни на мгновение я не усомнился в том, что он — кем бы он ни был — способен выполнить свои обещания.

— Объясню механизм, — продолжал Сатана. — Очевидно, относительное расположение следов не может оставаться постоянным в каждом случае. Их комбинацию легко было бы узнать. Эту комбинацию я предоставлю слушаю. Никто не должен ее знать, даже я. Так я получу наивысшее развлечение. Я сижу на своем троне. И каюсь рычага, который поворачивает колесо; оно в свою очередь поворачивает семь шаров, три из них помечены как мои, остальные четыре — как счастливые. Когда шары занимают свое место, они вступают в электрический контакт с семью следами. Как лягут шары, так разместятся и следы. Есть индикатор, я могу его видеть — и другие присутствующие, но не тот, кто поднимается по ступеням. Когда... соискатель... ставит ногу на отпечаток, индикатор показывает, на какой отпечаток он ступил — один из моих трех или один из его четырех.

И еще одно, последнее, правило. Поднимаясь, вы не имеете права оглядываться на индикатор. Следующий шаг вы предпринимаете в неведении, на плохой или хороший след наступили вы перед этим.

Если подадитесь слабости и оглянетесь, вы должны спуститься и начать подъем заново.

— Мне кажется, у вас преимущество в игре, — заметил я. — Допустим, кто-нибудь ступит на счастливый отпечаток и остановится — что это ему даст?

— Ничего, — ответил он, — только возможность сделать следующий шаг. Вы забываете, Джеймс Киркхем: то, что он может выиграть, неизмеримо больше того, что выигрываю я, если он проиграет. Выигрывая, он получает меня и все, на что я способен. Если же он проигрывает, я получаю всего лишь одного мужчину... или женщину. К тому же, я очень хорошо плачу проигравшим за службу. И защищаю их.

Я кивнул. На самом деле я был крайне возбужден. Все, что я испытал, было тщательно рассчитано, чтобы воспламенить мое воображение. Я трепетал при мысли о том, что смогу сделать, если выиграю — допустим, он действительно Сатана — его и всю стоящую за ним силу. Он невозмутимо следил за мной. Консардайн смотрел понимающие, в глазах его была тень жалости.

— Послушайте, — резко сказал я, — проясните мне еще кое-что. Допустим, я откажусь играть в эту вашу игру — что будет со мной?

— Завтра вас вернут в Баттери-парк, — ответил он.
 — Ваш двойник будет убран из клуба. Вы обнаружите, что никакого вреда вашей репутации он не причинил. Вы можете идти своим путем. Но...

— Я так и думал, что есть «но», — пробормотал я.

— Но я буду разочарован, — спокойно продолжал он.

— А я не люблю разочарований. Боюсь, ваши дела не будут процветать. Возможно даже, что я сочту вас таким постоянным упреком, таким живым напоминанием об ошибке в моих рассуждениях, что...

— Понимаю, — прервал я. — Живое напоминание однажды перестанет быть... живым.

Он ничего не сказал, но я прочел ответ в его глазах.

— А что помешает мне принять ваш вызов, — снова спросил я, — частично пройти через игру, достаточно, чтобы убраться отсюда, а потом?..

— Предать меня? — снова смех сквозь неподвижные губы. — Ваши усилия ничего не дадут. А что касается вас — тогда лучше бы для вас, Джеймс Киркхем, вообще не родиться на свет, это я, Сатана, говорю вам!

Голубые глаза сжигали; за креслом, казалось, выросла тень, поглотившая его. Он излучал нечто такое дьявольское, что у меня перехватило дыхание и сердце стало биться с перебоями.

— Я, Сатана, говорю вам! — повторил он.

Наступила небольшая пауза; я старался восстановить утраченное равновесие.

Снова прозвенел колокол.

— Пора, — сказал Консардайн.

Но я заметил, что он побледнел, и знал, что мое лицо тоже бледно.

— Так случилось, — органный голос был снова спокоен, — так случилось, что как раз сейчас у вас есть возможность увидеть, что происходит с теми, кто пытается перечить мне. Я попрошу вас принять некоторые меры предосторожности: они необходимы. Но вам они не принесут никакого вреда. Очень важно, чтобы вы ничего не говорили, были неподвижны, и чтобы ваше лицо не было видно, когда вы будете смотреть... на то, что вам предстоит увидеть.

Консардайн встал, я за ним. Человек, называвший себя Сатаной, тоже поднялся из кресла. Я догадывался, что он велик ростом, но не ожидал, что он окажется таким

гигантом. Я сам ростом шесть футов, но он выше меня по крайней мере на двенадцать дюймов.

Невольно я взглянул ему на ноги.

— А, — учтиво сказал он, — вы ищете мои копыта. Идемте, скоро увидите.

Он коснулся стены. Отодвинулась панель, открыв широкий коридор, недлинный, лишенный окон и дверей. Сатана пошел впереди, Консардайн за мной. Пройдя несколько ярдов, Сатана опять коснулся обшивки стены. Она беззвучно раздвинулась. Он прошел в отверстие. Я пошел за ним и остановился, тупо глядя на удивительную... комнату, зал... нет, храм — единственное слово, которое передает его размер и характер — повторяю, я стоял, тупо глядя на необыкновенный храм, подобного которому, может быть, не видели глаза человека.

Глава шестая

Храм был залит неярким янтарным светом из какого-то скрытого источника. Куполообразная крыша возвышалась в сотне футов надо мной. Только одна стена прямая; остальные изогнуты, как внутренности огромного пузыря. Прямая стена представляла собой огромную полусферу.

Стена была сделана из какого-то блестящего зеленого камня, как я решил, вероятно, малахита. И на ней была вырезана картина в древнеегипетском стиле. Картина изображала богинь судьбы: мойр Древней Греции, римских парок, норвежских норн. Тут была Клото с ручной прялкой, на которой она пряла нити человеческой судьбы, Лахезис, правившая эти нити, и Атропос с ножницами, которыми перерезала нити, когда этого хотело трио. А над богинями парило лицо Сатаны. Одной рукой Сатана держал Клото, другой направлял ножницы Атропос, в то же время он что-то нашептывал на ухо Лахезис. Линии всех четырех фигур были нанесены синим, ярко-зеленым и алым. Глаза Сатаны устремлялись не на нити, чьей судьбой он руководил. Нет, они смотрели прямо в храм. Кто бы ни был неизвестный гениальный создатель картины, он добился удивительного сходства. Благодаря какому-то приему

глаза сверкали на камне с той же жизненной алмазной яркостью, как и глаза человека, называвшего себя Сатаной. Изогнутые стены были темного дерева — тика или эбенового. На них сверкающие линии, подобные паутине. Я увидел, что это действительно изображение паутины ; паучьи сети тянулись по черному дереву и блестели, как серебряные нити под луной. Сотни и тысячи таких нитей пересекали стены. И сходились на потолке.

Пол храма поднимался к задней стенке рядами вырезанных из черного камня сидений, подобно древнеримскому амфитеатру. Но все это я заметил потом, когда оторвал взгляд от сооружения, доминировавшего в этом необычном месте. Пролет полукруглых ступеней вздымался вверх постепенно уменьшившимися арками от основания малахитовой стены. Ступеней было двадцать одна, самая нижняя, как я прикинул, в сто футов длиной, самая высокая — в тридцать футов. Высотой они все были около фута и в три фута шириной. Сделаны из черного, как смоль, камня. Эта необыкновенная лестница вела к невысокому помосту, на котором стояли два искусно вырезанных трона — один из черного дерева, а другой — на пьедестале, который делал его заметно выше первого, — очевидно, из тусклого желтого золота.

Черный трон пуст. На спинку золотого трона наброшена полоска пурпурного бархата; на сидении подушка того же материала. А на подушке — корона и скипетр. Корона сверкала разноцветными огнями больших бриллиантов, мягким синим пламенем огромных сапфиров, красным сиянием необыкновенных рубинов и зеленым блеском изумрудов. В рукояти скипетра — огромный бриллиант. А весь скипетр, подобно короне, усажен драгоценностями — жемчугами. По обеим сторонам лестницы стояли по семь человек в белых одеяниях, похожих на арабские бурнусы. Если они и были арабами, то из племени, которого я никогда не встречал; мне они показались скорее персами. Лица у них истощенные и странно бледные. Глаза казались лишенными зрачков. У каждого в правой руке плеть с петлей, похожая на лассо.

На каждой третьей эбеновой ступени сиял отпечаток, след ноги ребенка, очерченный живым огнем.

Их было семь, сверкающих неземной яркостью, как будто они живые и готовы сами подниматься по ступеням.

Вначале я увидел корону и скипетр, и вид их вызвал у меня такое желание, какого я никогда не испытывал раньше: горячая страсть к обладанию ими и всей той властью, которая приходит с ними; эта страсть охватила меня, как лихорадка.

Затем я взглянул на сверкающие следы детских ног, и они вызвали такое необъяснимое благоговение, такой ужас и такое отвращение, которые были не меньше желания обладать короной и скипетром.

И тут я услышал голос Сатаны.

— Садитесь, Джеймс Киркхем!

Тут же, у самой стены и рядом с первой ступенькой, оказалось кресло странной формы с ручками. Чем-то оно напоминало нижний трон. Я упал в него, радуясь так необходимой мне поддержке.

И сразу из ручек выскочили стальные полоски и прижали мне руки у локтей; другие полоски обхватили лодыжки, а на голову упала вуаль, закрыв все лицо. Нижний край ее, толстый и мягкий, крепко прижался к губам. В одно мгновение меня связали, заткнули рот и укрыли лицо. Я понял, что это и были те «предосторожности», о которых предупредил меня хозяин.

Полоски держали крепко, но не жали; подушка у губ не вызывала неприятных ощущений; вуаль сделана из материала, который хоть и скрывал мое лицо, но давал возможность видеть так же ясно, как будто ничего не покрывало мою голову.

Я увидел Сатану у основания лестницы. Его огромное тело с ног до головы покрывал черный плащ. Сатана медленно поднимался по ступеням. Когда он ступил на первую, одетые в белое мужчины с плетьями низко склонились перед ним. И не распятались, пока он не сел на черный трон.

Янтарный свет потускнел и совсем погас. После мгновенной тьмы троны и ступени залил яркий белый свет. Освещенное пространство резко обрывалось в трех ярдах от изгиба первой ступени. Сатана, четырнадцать охранников и я были ярко освещены. При этом свете семь следов загорелись еще ярче; они будто натянули невидимую нить, которая не давала им устремиться к хозяину. Немигающие глаза человека на черном троне и его двойника в камне сверкали.

Я услышал негромкий шум, доносившийся от сидений: там рассаживалось множество людей; слабо шуршали панели в черных стенах, открывая тайные входы все новым и новым невидимым зрителям.

Кто они, каковы они — я не мог увидеть. Полукруг света, падавшего на ступени и троны, образовал непроницаемый занавес, за которым — абсолютная тьма.

Прозвенел гонг. Наступила тишина. Все двери закрылись; занавес готов был подняться. Я увидел далеко вверху, на полпути между полом и потолком, шар, напоминавший полную луну. Он был ярко-белым, но тут, пока я смотрел, половина его потемнела. Правая сторона по-прежнему ярко светилась, а левая — черная — теперь была окружена узким кольцом свечения.

Неожиданно свет снова погас. Только мгновение храм находился в темноте. Опять загорелся свет.

Но теперь тот, кто называл себя Сатаной, был на помосте не один. Рядом с ним стояла фигура, которую сам дьявол мог вызвать из ада! Это был чернокожий, нагой, если не считать набедренной повязки, человек; с необыкновенно широкими плечами и длинными руками; на плечах и руках вздувались мускулы, а вены выпирали, как толстые веревки. Лицо с плоским носом, нижняя челюсть выдается, вся внешность напоминает обезьяну. Обезьяноподобными были и близко посаженные маленькие глаза, в которых горел дьявольский свет. Рот был похож на трещину, а на лице написано выражение хищной жестокости.

В руке он держал плеть с петлей, тонкую, длинную и витую, как будто сплетенную из женских волос. Из набедренной повязки торчал нож.

В темноте за мной послышался вздох, одновременно вылетевший из десятков пересохших ртов.

Снова прозвенел гонг. В круг света вступили два человека. Один Консардайн; второй — высокий, безупречно одетый и хорошо сложенный мужчина лет сорока. Он походил на культурного английского джентльмена высокого происхождения. И когда он встал перед черным троном, я услышал гул удивления и жалости скрытой аудитории. В его позе была галантная беспечность, однако я заметил, как дрогнуло его лицо при виде ужаса, стоящего рядом с Сатаной. Человек достал сигарету из портсигара и закурил; в действиях его видна была

выдававшая страх бравада; не мог он сдержать и слабую дрожь руки, державшей спичку. Тем не менее он затянулся и спокойно встретил взгляд Сатаны.

— Картрайт, — голос Сатаны нарушил молчание, — вы ослушались меня. Вы пытались перечить мне. Вы осмелились противопоставить свою волю моей. Ваше непослушание почти нарушило план, составленный мной. Вы пытались пожать плоды и сбежать от меня. Вы даже задумали предательство. Я не спрашиваю, делали ли вы все это. Я знаю, что это так. И не спрашиваю, почему вы это делали. Вы сделали. Этого довольно.

— Я не собираюсь защищаться, Сатана, — достаточно хладнокровно ответил человек, названный Картрайтом. — Могу, однако, заметить, что неудобство, причиненное вам, целиком ваша вина. Вы утверждаете, что ваша мысль совершенна. Однако вы подобрали плохое орудие. Если орудие, подобранные ремесленником, не выполняет задачу, кого нужно винить: орудие или ремесленника?

— Орудие винить нельзя, — ответил Сатана. — Но что делает ремесленник с таким орудием? Не использует больше. Он его уничтожает.

— Нет, — сказал Картрайт, — хороший ремесленник использует его для работы, которую оно может выполнить.

— Нет, если у него большой выбор хороших орудий, — ответил Сатана.

— Ваша власть, — сказал Картрайт. — Но я вам ответил. Я просто ошибка в ваших рассуждениях. Если же ваши рассуждения безупречны, как вы хвастаете, значит вы сознательно выбрали меня, чтобы я потерпел неудачу. В любом случае наказывайте себя, Сатана, не меня!

Долгие мгновения одетая в черное фигура смотрела на него. Картрайт смело встретил этот взгляд.

— Прошу только справедливости, — сказал он. — Я не прошу у вас милосердия, Сатана.

— Нет... пока, — ответил Сатана медленно, сверкающие глаза стали холодными и суровыми, и снова вздох донесся до меня из темноты храма.

Наступила еще одна бесконечная минута тишины.

— Картрайт, вы дали ответ, — прогремел органный голос без всякого выражения. — За этот ответ вы будете вознаграждены. Вы напомнили мне, что мудрый ремес-

ленник использует дурное орудие только для такой работы, которую оно может выполнить, не ломаясь. Я дам вам эту работу. Вот мое решение, Картрайт. Вы наступите на четыре следа. Теперь же. И на все четыре. Прежде всего вы получите шанс выиграть корону, скипетр и земную империю, которую они несут с собой. Если четыре следа, на которые вы наступите, все счастливые.

Если вы наступите на три счастливых следа и на один мой — я прощу вас. Это признание определенной справедливости вашего сравнения с ремесленником и неудачно подобранным орудием.

Я видел, как уменьшилась напряженность Картрайта, тень облегчения прошла по его лицу.

— Если вы наступите на два счастливых и два моих следа, я дам вам выбор: либо быстрая и милосердная смерть, либо присоединение к моим рабам кефта. Короче говоря, Картрайт, вы должны будете выбрать между уничтожением тела и медленным разрушением души. Это милосердие я проявляю к вам в признание истинности ваших слов: ремесленник подбирает для орудия дело, в котором оно принесет пользу.

Снова вздох, лицо Картрайта побледнело.

— Мы подходим к последней возможности — в своем путешествии вверх вы наступаете на троих моих привередливых маленьких слуг. В этом случае, — голос вызывал дрожь, — в этом случае, Картрайт, вы умрете. Вы умрете от рук Санчала, от его плети. Не одной смертью, Картрайт. Нет, тысячью смертей. Медленно и в мучениях петля Санчала будет подтягивать вас к порогу ворот смерти. Медленно и с мучениями он будет возвращать вас к жизни. Снова и снова... и снова... и снова... пока наконец ваша изорванная душа найдет силы не возвращаться и, скрипя, переползет через этот порог, и ворота закроются за ней... навсегда! Таково мое решение! Такова моя воля! Да будет по сему!

Черный ужас злобно улыбнулся, услышав свое имя, и страшным жестом потряс плетью из женских волос. Что касается Картрайта, то у него при ужасном приговоре лицо смертельно побледнело, сигарета выпала из пальцев. Вся бравада исчезла. А Консардайн, все время стоявший за ним, отступил в тень и оставил его одного. Сатана нажал на рычаг, стоявший, подобно тонкому стержню, между

двумя тронами. Посыпалось слабое жужжение. Семь отпечатков детских ног сверкнули, как будто заново подожженные.

— Ступени готовы, — провозгласил Сатана. — Картрайт — поднимайтесь!

Люди в белом зашевелились, они распустили свои плети и держали петли наготове, чтобы быстро их бросить. Черный ужас наклонил голову вперед, рот его покрылся слюной, когтями он гладил свою веревку.

Тишина в храме сгустилась — все будто перестали дышать. Картрайт ступил вперед, двигаясь медленно, внимательно вглядываясь в сверкающие отпечатки. Сатана откинулся в своем троне, руки его были скрыты под плащом, огромная голова смущающе походила на лишенную тела; она плыла над помостом, как каменная голова его двойника плыла над тремя норнами.

Картрайт миновал первый отпечаток и прошел еще две ступени. Без колебаний он поставил ногу на второй сияющий след.

И тут же горящий дубликат его появился на белой половине шара. Я понял, что Картрайт наступил на счастливый след.

Но шар горел сзади, Картрайту запрещено оглядываться, он не знает этого!

Он быстро взглянул на Сатану, отыскивая следы триумфа или досады. Но мраморное лицо оставалось бесстрастным, глаза не изменились. Ни звука не доносилось и со стороны черных сидений.

Картрайт быстро преодолел еще две ступени и опять без колебаний наступил на следующий отпечаток. И снова отпечаток вспыхнул на светлой стороне шара. Уже два шанса выиграны! Миновала угроза тысячи мучительных смертей. Теперь наихудшее, что его ждет, милосердная смерть или загадочное рабство, которое упомянул Сатана.

И снова он не знает этого! Снова Картрайт посмотрел на своего мучителя, надеясь, что выражение его лица, что хоть какой-то намек покажет, каков счет. Неподвижно, как и раньше, Сатана смотрел на него; ничего не выражало и лицо чудовища с плетью.

Картрайт медленно поднялся еще на две ступени. На долгие минуты задержался он у очередного дьявольского следа — мне они показались часами. И вот я увидел, как

перекосился его рот, как на лбу выступили капли пота. Ясно, как будто он говорил вслух, мог я прочесть его мысли. Принадлежали ли те два очертания, на которые он наступил, Сатане? И не предаст ли его третий шаг мучениям петли? Или только один несчастливый? Избежал ли он участия, уготованной ему Сатаной?

Он не мог этого знать!

Он миновал отпечаток и еще медленнее продолжал подъем. Долго стоял перед пятым следом. И вот его голова медленно стала поворачиваться!

Как будто сильная рука поворачивала ее. Измученный пыткой и ожиданием казни мозг заставлял ее поворачиваться... оглянуться... увидеть показания шара.

Стон испустили его посеревшие губы. Картрайт схватил себя за голову руками, держал ее, не давая повернуться, и прыгнул на пятый отпечаток.

И стоял, тяжело дыша, как человек после долгого бега. Рот его был раскрыт, дыхание вырывалось с всхлипыванием. Волосы стали влажными, лицо покрылось потом. Измученные глаза с вопросом устремились к лицу Сатаны...

На белом поле появился третий сверкающий символ.

Картрайт выиграл...

И не мог этого знать!

Мои собственные руки дрожали; тело покрылось потом, как будто я сам стоял на его месте. Слова рвались из меня — он может больше не бояться! Пытка кончилась! Сатана проиграл! Но рот мой был крепко закрыт.

И только теперь я осознал всю дьявольскую жестокость, всю адскую хитрость и изобретательность этого испытания. Картрайт стоял дрожа. Отчаянный взгляд его не отрывался от бесстрастного лица, которое теперь было близко над ним. Показалось ли мне или действительно в нем отразилась злобная радость? Если и так, то она исчезла, как рябь на застоявшейся воде пруда.

Видел ли ее Картрайт? Должно быть, потому что отчаяние на его лице усилилось, превратилось в выражение крайней муки.

Снова голова его начала поворачиваться, медленно, под каким-то ужасающим принуждением.

Он качнулся вперед, борясь с этим принуждением. Споткнулся на ступеньке. Я знал, что он отчаянными усилиями заставляет себя смотреть на очередной горящий след. Поднял дрожащую ногу...

И медленно, медленно голова его поворачивалась... назад, к контрольному шару.

Он опустил ногу. Снова поднял ее... и снова опустил. Всхлипнул. И я напрягался в своих оковах, проклиная все и всхлипывая вместе с ним...

Голова его полуобернулась, лицо было обращено прямо ко мне.

Он отпрянул от отпечатка. Тело его развернулось с быстротой лопнувшей пружины. Он взглянул на шар и увидел.

Три отпечатка на счастливой половине!

Громкий вздох донесся из темного амфитеатра.

— Орудие снова продемонстрировало свою негодность. — Это был голос Сатаны. — Подумать только! Спасение было уже в ваших руках, Картрайт. И вы, подобно Лотовой жене, обернулись, чтобы взглянуть. А теперь вы должны спуститься... и проделать все заново. Но подождите. Посмотрим, не утратили ли вы нечто гораздо большее, чем просто спасение. Этот отпечаток, наступить на который у вас не хватило мужества. Он каков? Мне любопытно это узнать.

И на белом полудиске шара вспыхнул еще один сияющий след!

Корона и скипетр! Земная империя! Не только свободен от Сатаны — но и его хозяин!

Все это мог выиграть Картрайт.

Но он обернулся — и проиграл.

Из тьмы доносились стоны, бормотание. Их заглушил ужасный смех, он катился от неподвижных губ Сатаны. — Проиграл! Проиграл! — насмехался он. — Возвращайтесь, Картрайт. И взбирайтесь снова. Но думаю, вторично такое счастье к вам не придет. Спускайтесь, предатель. И поднимайтесь снова! — Он нажал рычаг, невидимый механизм зажужжал, и семь отпечатков вспыхнули с новой силой.

Картрайт спустился по ступеням. Он шел, как кукла, которую дергают за ниточки. Он остановился у основания лестницы. Повернулся и снова, как марионетка, начал подниматься, ступая автоматически на каждый след, к которому подходил. Глаза его не отрывались от скипетра и короны. Рот был перекошен, как у убитого горем ребенка; поднимаясь, он плакал.

Раз — сверкающий отпечаток на черной стороне шара.

Два — другой там же.
 Три — след на белой стороне.
 Четыре — след на черной!

Приступ адского хохота сотряс Сатану. Мне на мгновение показалось, что его черный плащ растаял, стал воздушным и превратился во всеобъемлющую тень. Черная тень, казалось, нависла над ним.

Хохот его гремел, а Картрайт карабкался по ступеням, с искаженным лицом, с взглядом, не отрывавшимся от сверкающих побрякушек на золотом троне, с протянутыми к ним руками...

Послышался свистящий звук. Черный ужас наклонился вперед и кинул свое лассо. Оно упало на голову Картрайту и обхватило его плечи.

Рывок, и Картрайт упал.

И мучитель потянул его, не сопротивлявшегося, по ступеням.

Свет погас. Наступившая тьма казалась еще мрачнее от раскатистого, демонического хохота.

Хохот прекратился. Я услышал тонкий жалобный крик.

Свет загорелся снова.

Черный трон был пуст. Пуст был и помост. Ни Сатаны, ни палача — ни Картрайта!

Только скипетр и корона насмешливо горели на золотом троне между двумя линиями неподвижных людей, одетых в белое.

Глава седьмая

Кто-то тронул меня за руку, я вздрогнул и увидел Консардайна. На его лице была тень того же ужаса, который я ощущал на своем.

Зажимы, удерживавшие мои руки и ноги, разжались, вуаль с лица поднялась. Я встал из кресла. Снова в храме стало темно.

Затем медленно загорелся янтарный свет. Я посмотрел на заднюю часть храма. Ряды сидений в амфитеатре были

пусты, не осталось никого из той скрытой аудитории, чьи вздохи и бормотание доносились до меня.

Исчез золотой трон и то, что лежало на нем. Исчезли все люди в белом, кроме двоих. Эти двое охраняли черный трон.

Сверкали голубые глаза каменного Сатаны. Пылали семь сияющих отпечатков детской ноги.

«Они открыли ему дорогу в рай, но он ослаб, и они привели его прямо в ад». Консардайн смотрел на семь следов, и на лице его было то алчное выражение, которое я видел на лицах посетителей Монте-Карло, склонившихся над столом с rulettкой; лица, вылепленные жгучей страстью азарта, свойственной больше женщинам; лица, голодно глядящие на колесо перед тем, как оно начинает вращаться; эти люди видят не колесо, а то золото, которое они могут вырвать из полных горстей судьбы. Как и они, Консардайн видел не пылающие следы, а ту зачарованную страну исполненных желаний, куда они могут привести.

Паутина искушений, раскинутая Сатаной, владела им! Что ж, несмотря на все виденное мной, эта паутина захватила и меня. Я чувствовал нетерпение, напряженное желание испытать собственную удачу. Но сильнее стремления обрести сокровища, которые он обещал, было желание заставить этого насмешливого, холодного и безжалостного дьявола подчиняться мне, как он заставил меня подчиняться себе.

Консардайн оторвался от очаровывавшего его зрелища и повернулся ко мне.

— У вас был нелегкий вечер, Киркхем, — сказал он.
— Хотите идти прямо к себе или заглянете ко мне, мы немного выпьем?

Я колебался. Мне хотелось задать тысячи вопросов. И все же более настоятельной была необходимость остаться в одиночестве и переварить все, что я видел и слышал в этом странном месте. К тому же — на сколько из тысяч моих вопросов он ответит? Судя по предыдущему опыту, таких будет немного. Он сам принял решение.

— Вам лучше лечь, — сказал он. — Сатана хочет, чтобы вы обдумали его предложение. В конце концов мне не разрешено, — он торопливо поправился, — мне нечего добавить к тому, что сказал он. Он хочет получить

ответ завтра утром, вернее, — он взглянул на часы, — сегодня, поскольку уже почти два часа ночи.

— Когда я его увижу?

— О, не раньше полудня. Он, — Консардайн слегка вздрогнул, — он будет с утра занят. Можете спать до полудня, если хотите.

— Хорошо, — ответил я, — пойду к себе.

Без дальнейших комментариев он провел меня через амфитеатр к задней стене храма. Нажал, одна из неизбежных панелей скользнула в сторону, открыв еще один маленький лифт. Заходя в него, Консардайн оглянулся. Отпечатки тревожно мерцали. Двое одетых в белое стражников стояли по обе стороны черного трона, внимательно глядя на нас своими странными глазами. Консардайн снова вздрогнул, затем вздохнул и закрыл панель лифта. Мы вышли в длинный сводчатый коридор, выполненный плитами мрамора. Дверей в нем не было. Консардайн нажал на одну из плит, и открылся второй лифт. Он остановился, и я оказался в комнате, в которой переодевался в вечерний костюм. На кровати была приготовлена пижама, в кресле — купальный халат, под креслом — домашние туфли. На столе стояли графины с виски, ромом и бренди, сода, чаша со льдом, фрукты и пирожные, несколько коробок моих любимых сигарет — и мой пропавший бумажник!

Я открыл его. Мои визитные карточки, письма, деньги — все нетронуто. Без слов я налил себе и предложил Консардайну присоединиться ко мне.

— За счастливые шаги, — он поднял свой стакан. — Пусть вам повезет в их выборе!

— И вам тоже, — ответил я. Лицо его дернулось, измученное выражение появилось во взгляде, он странно взглянул на меня и чуть не поставил стакан.

— Тост вам, а не мне, — наконец сказал он и осушил свой стакан. Потом пошел к лифту. У панели остановился.

— Киркхем, — медленно заговорил он. — Спите спокойно, ничего не бойтесь. Но — держитесь подальше от стен. Если чего-то захотите, позвоните, — он показал кнопку на столе, — придет Томас. Повторяю — не пытайтесь открыть эти панели. На вашем месте я бы сразу лег спать и ни о чем не думал до пробуждения. Кстати, хотите снотворного? Я ведь и на самом деле доктор, — он улыбнулся.

— Спасибо, — ответил я. — Я усну и так.

— Спокойной ночи. — Панель за ним закрылась.

Я налил себе еще и начал раздеваться. Сонным я себя не чувствовал — совсем наоборот. Несмотря на предупреждение Консардайна, я осмотрел стены спальни и ванной, трогая их в разных местах. Стены казались прочными, сплошными, из крепкого дерева, выкрашенного под мрамор и прекрасно отполированного. Как я и думал, не было ни окон, ни дверей. Комната моя, в сущности, оказалась роскошной камерой.

Одну за другой я выключил все лампы, лег в постель и потушил последнюю, стоявшую на столике рядом. Не знаю, долго ли я лежал в темноте, размышая, прежде чем ощутил, что в комнате я не один. Я не слышал ни малейшего звука, но был абсолютно уверен, что в комнате есть еще кто-то. Я выскользнул из-под легкого покрывала и переместился в ноги кровати. Присел тут на одной ноге, готовый прыгнуть на тайного посетителя, когда он подойдет к кровати. Зажечь свет означало бы отдаваться ему в руки. Кто бы он ни был, он, очевидно, считает меня спящим, и нападение — если оно будет — произойдет в том месте, где естественно находиться спящему человеку. Но мое тело было совершенно в другом месте, и мне предстояло удивить визитера.

Вместо нападения я услышал шепот:

— Это я, капитан Киркхем, Гарри Баркер. Ради Бога, сэр, не шумите!

Мне показалось, что я узнаю этот голос. Потом я вспомнил. Баркер, маленький солдат-кокни, которого я нашел в изорванных осколками зарослях на Марне. Он потерял много крови. Я оказал ему первую помощь и отнес маленького солдата в полевой госпиталь. Так получилось, что я провел несколько дней в городе, где размещался базовый госпиталь, куда в конце концов поместили Баркера. У меня вошло в привычку регулярно заходить к нему потолковать, я приносил ему сигареты и другие мелочи. Его благодарность и преданность были собачьими и трогательными; он оказался сентиментальным малым. Но как, во имя Господа, он появился здесь?

— Вы меня помните, капитан? — в шепоте звучало беспокойство. — Подождите. Я вам покажу...

Загорелась маленькая лампочка, так затененная руками, чтобы на мгновение осветить только лицо говорящего.

Но и за это мгновение я узнал Баркера, тонкое узкое лицо, взъерошенные волосы песочного цвета, короткая верхняя губа.

— Баркер, будь я проклят! — я негромко произнес это, но не добавил, как приятно мне его видеть; если бы он был достаточно близко, я бы его обнял.

— Ш-ш-ш! — предупредил он. — Я думаю, что за мной никто не следит. Но в этом проклятом месте нельзя ни в чем быть уверенным. Возьмите меня за руку, сэр. Там стул, возле того места, где я вышел из стены. Сядьте на него и зажгите сигару. Если я что-нибудь услышу, ускользну назад — а все, что вы делаете, сидите и курите.

Рука его коснулась моей. Казалось, он видит в темноте: он безошибочно провел меня по комнате и усадил на стул.

— Закутивайте, сэр, — сказал он.

Я зажег спичку и закурил сигару. Пламя осветило комнату, но не Баркера. Я погасил спичку и через мгновение услышал возле своего уха шепот: — Прежде всего, сэр, не позволяйте ему дурачить вас этим вздором насчет того, что он дьявол. Конечно, он дьявол, проклятый, гнусный дьявол, но не настоящий. Он вас обманывает, сэр. Он человек, как вы и я. Нож в его черное сердце или пуля в кишки — и вы убедитесь.

— Как вы узнали, что я здесь? — спросил я шепотом.

— Видел вас в кресле, — ответил он. — Вот моя рука. Когда захотите сказать что-нибудь, нажмите, и я наклонюсь. Так безопаснее. Да, видел вас в кресле — там. Дело в том, сэр, что я как раз слежу за этим креслом. Да и за многим другим тоже. Поэтому он и оставил меня в живых, Сатана, я хочу сказать.

И он с горечью вернулся к первой теме.

— Он не подлинный дьявол, сэр, Никогда не забывайте об этом. Меня воспитали богобоязненным. Мои родители были пятидесятниками. Учили меня, что Сатана в ад. Вот когда эта проклятая свинья попадет в ад, настоящий дьявол покажет ему за то что он украл его имя! Боже, как мне хотелось бы это увидеть!

— Увидеть снаружи, — торопливо добавил он.

Я пожал ему руку и почувствовал, как его ухо чуть не коснулось моих губ.

— Как вы сюда попали, Гарри? — прошептал я. — И кто он — Сатана, кто он на самом деле?

— Я вам все расскажу, капитан, — ответил он. — Займет немного времени, но Бог знает, когда снова будет возможность. Поэтому я и пробрался к вам, как только смог. Этот кровожадный зверь издевается над бедным Картрайтом. Смотрит, как тот умирает! Остальные спят или напиваются до полусмерти. Но все же, как я сказал, нужна осторожность. Позвольте мне рассказать, а потом я отвечу на вопросы.

— Давайте, — согласился я.

— До войны я был электриком, — донесся из темноты шепот. — Лучше меня не было. Настоящий мастер. Он это знает. Поэтому и оставил меня в живых, я говорил вам. Сатана — ах-х-х! После войны дела пошли худо. Найти работу трудно, жизнь дорогая. Да и я по-другому стал смотреть на вещи. Видел множество лицемеров, которые в войну палец о палец не ударили, а жили роскошно и гребли себе все. Какое право они имеют на это, когда те, кто воевал, и их семьи голодают и мерзнут?

Руки у меня всегда были ловкие. И на ноги я легок. Карабкаюсь. Как кошка. Как проклятая многоножка. И тихо! Привидение в галошах — парад по сравнению со мной. Я не хвастаю, сэр. Просто рассказываю.

И вот я сказал себе: «Гарри, это все неправильно. Гарри, пора тебе применить свои таланты. Пора приняться за настоящую работу, Гарри». С самого начала в новом деле я был хорош. Поднимался все выше и выше. От вилл к жилым домам, от жилых домов к особнякам. И никогда не попадался. Меня прозвали — Гарри Король Кошек. Я поднимался по водосточной трубе, как циркач на шест, а по стене дома, как по водосточной трубе. И в новом деле был мастером.

Потом встретил Мегги. Такая, как Мегги, сэр, бывает только раз. Такие быстрые пальцы! После нее Гудини и Герман — как замедленная съемка. И настоящая леди. Когда хотела. Много отличных парней увивались возле Мегги. Всем отказ. Вся была в работе. «Черт возьми! — говорила она, как герцогиня. — На кой дьявол мне муж?». «Черт возьми! — она говорила. — От мужа столько же толку, как от головной боли!». Около нее не разбежишься, около Мегги.

Капитан, мы с ума сходили друг по другу. Быстро поженились. Сняли хорошенъкий домик в Мейд Вэйл. Был ли я счастлив? А она? Боже!

«Послушай, Мегги, — сказал я, когда кончился медовый месяц. — Тебе теперь незачем работать. Я хороший кормилец. Такой же надежный, как добросовестный рабочий. Наслаждайся жизнью и сделай наш дом уютным».

И Мегги ответила: «Хорошо, Гарри!» Помню, я тогда носил зажим для галстука, который она мне подарила на свадьбу. С большим рубином. И часы она мне подарила, и модное кольцо с жемчугами. Я их увидел у джентльменов в отеле, где мы остановились на ночь, и восхищался ими. А когда мы пошли в нашу комнату, она мне их все подарила. Вот как Мегги работала!

Я с трудом сдержал смешок. Эта рассказанная шепотом в темноте романтическая история добросовестного и умелого солдата и электрика, превратившегося в не менее добросовестного и умелого вора, была наилучшим завершением необыкновенной ночи. Она смела с моего мозга покров ужаса и вернула к норме.

— Через день-два я взял отгул, и мы пошли в театр. «Как тебе нравится эта булавка, Гарри?» — прошептала Мегги и взглядом показала сверкающую вещь в галстуке одного джентльмена. «Прекрасная вещь», — беспечно ответил я. «Вот она», — сказала Мегги, когда мы вышли из театра. «Послушай, Мегги, — сказал я тогда, — я ведь тебе говорил, что не хочу, чтобы ты работала. Разве я не обеспечиваю тебя, как обещал? Я сам могу добыть любую булавку, если хочу. Я хочу, Мегги, чтобы у нас был уютный, удобный, счастливый дом, в котором, когда я возвращаюсь с ночной работы, меня встречала бы жена. Я не позволю тебе работать, Мегги!»

«Хорошо, Гарри», — ответила она.

Но, капитан, было совсем не хорошо. Дошло до того, что когда мы выходили вместе, я не осмеливался глядеть на зажимы для галстука, часы и все прочее. Не мог даже похвалить вещь в магазине. Стоило мне это сделать, и, когда мы возвращались домой или на следующий день, эта вещь была уже у меня. А Мегги была так горда, так радовалась, что у меня не хватало духу... Да, это была любовь, но... дьявольщина! Она ждала меня, когда я возвращался домой. Но если я раньше времени просыпался, ее не было. А когда я просыпался после ее возвращения, первое, что я видел, — разложенные на столе кружева, или меховое пальто, или одно-два кольца.

Она опять работала! «Мегги, — сказал я, — это нехорошо. Ты не щадишь мою гордость. А что будет, когда появятся дети? Папа работает всю ночь и спит днем, а пока он спит, мама работает и спит, когда папы нет дома. Черт возьми, Мегги, они будут все равно что сироты!»

Ничего не действовало, капитан. Она любила работу больше меня, а может, просто не могла нас разделить.

В конце концов я бросил ее. Сердце мое разбито, сэр. Я любил ее и наш дом. Но этого я выдержать не мог.

Так я оказался в Америке. Я, Гарри Король Кошек, в изгнании, потому что моя жена не захотела перестать работать. Здесь дела тоже пошли хорошо. Но я не был счастлив. Однажды, будучи за городом, я наткнулся на большую стену. Хорошая стена, привлекательная. Некоторое время спустя я увидел ворота, и за ними дом охраны. Ворота не решетчатые, сплошные, металлические. «Боже всемогущий! — сказал я себе. — Тут, должно быть, живет герцог Нью-Йоркский». Я осмотрелся. Стена не меньше пяти миль. Я спрятался поблизости, а ночью вскарабкался на нее. Ничего не увидел, кроме деревьев и далеких огней — какое-то большое здание. Прежде всего, я заметил провода. На самом верху стены. Я их не тронул. Решил, что они под напряжением. Заглянул вниз и рискнул зажечь фонарь. Внизу, как раз в том месте, где окажется человек, перелезший через стену, еще два ряда проводов. И до земли двенадцать футов.

Любой другой на моем месте был бы обескуражен. Но меня не зря прозвали Королем Кошек. Я прыгнул. Приземлился мягко, как кошка. Как ласка, проскользнул меж деревьев. Пришел к большому дому. Видел множество странного народа внутри и вокруг. Потом большинство огней погасло. Взобрался к месту, которое наметил, и оказался в большой комнате. Ну и добра было в этой комнате! Голова закружилась. Взял несколько отличных вещиц и тут заметил что-то странное. В комнате не было ни одной двери. «Как, во имя дьявола, сюда попадают?» — спросил я себя. И тогда я посмотрел на окно, через которое залез.

Боже всемогущий, капитан, я чуть не выскочил из рубашки! Окон не было! Они исчезли. Сплошная стена! И тут загорелся яркий свет, и из стены вышла дюжина людей с веревками и огромный человек за ними. Я съежился, когда он взглянул на меня. Испугался до смерти!

Если раньше я чуть не выпал из рубашки, то теперь готов был выпасть из штанов!

Ну, это был этот проклятый тип — Сатана, понятно? Он просто стоял и жег меня взглядом. Потом начал задавать вопросы. Капитан, я все ему рассказал. Как будто он Бог. Он меня наизнанку вывернул. Рассказал ему о том, что я электрик, о своей новой работе, о Мегги. Как вам сейчас, только подробнее. Он из меня всю жизнь вытянул, начиная с колыбели.

Он смеялся. Этот ужасный смех. Вы его слышали. О, как он смеялся. А в следующий момент я стоял у стола и рассказывал все заново Консардайну. С тех пор я здесь, капитан Киркхем. Он приговорил меня к смерти, сэр, и рано или поздно он до меня доберется. Если до него не доберутся раньше. Но я ему полезен. И пока я полезен, он мне ничего не сделает. И еще он говорит, что я его развлекаю. Хорошенькое развлечение! Ставит меня перед Консардайном и остальными и заставляет рассказывать о моей работе, о мечтах, о самых тайных чувствах. Все о Мегги. Все о ней, сэр.

Боже, как я его ненавижу! Насмешливый кровожадный голубоглазый сукин сын! Но он получил меня. Он меня получил! И вас тоже.

Голос маленького человечка поднялся до опасной высоты. В нем явственно прозвучали истеричные нотки. Я чувствовал, под каким напряжением он живет. Но помимо того, что его незатейливый рассказ и протяжное произношение давали мне необходимую разрядку, я понимал, что ему нужно дать выговориться. Я, вероятно, первый человек, который отнесся к нему с сочувствием после его заключения в этом месте. Конечно, я тут его единственный друг, и ему кажется, что меня послало само небо. Меня глубоко тронуло, что он прибежал ко мне, как только меня узнал. Несомненно, он при этом подвергался большому риску.

— Тише, Гарри! Тише! — прошептал я, похлопав его по руке. — Вы теперь не один. Вдвоем мы как-нибудь вас отсюда вытащим.

— Нет! — я представил себе, как он с отчаянием трясет головой. — Вы его не знаете, сэр. Уйти отсюда не удастся. Он не даст времени. Нет. Живым я отсюда не уйду.

— Как вы узнали, где я? Как вы меня нашли? — спросил я.

— Прошел сквозь стены, — ответил он. — Во всем этом месте нет ни одной честной лестницы или двери. Ничего, кроме проходов в стенах, отодвигающихся панелей и лифтов повсюду, набито их, как семян в тыкве. Сатана, только он знает всю комбинацию. Консардайн, его правая рука, тоже много знает. Но я знаю больше Консардайна. Должен знать. Я здесь уже два года. Никогда не выходил из дома. Он меня предупредил. Если выйду, он меня прикончит. Ползал, ползал, ползал повсюду, как крыса, при любой возможности ходил по проходам. Здесь много проводов, за ними нужно смотреть. Не знаю все — но многое знаю. Все время шел за вами и Консардайном.

— Но кто такой Сатана? — спросил я. — Я хочу сказать, откуда он? Ведь не из ада же?

— Кажется, он отчасти русский, отчасти китаец. Китайское в нем есть, это точно. Не знаю, откуда он явился. Не смел расспрашивать. Слышал, что он купил это место десять лет назад. Люди, которые разобрали старый дом на части и проделали все эти проходы, были китайцы.

— Но ведь вы один не можете смотреть за таким огромным домом, Гарри, — сообразил я. — И Сатана вряд ли доверит вам все свои ходы.

— Он позволяет мне использовать его рабов кефта.

— Я уже дважды за вечер слышу это слово. Кто они?

— Они? — В его голосе звучали отвращение и ужас.

— От них у меня мурашки бегут по коже. Он поит их кефтом. Опиум, кокаин, гашиш — все это материнское молоко по сравнению с кефтом. Дает каждому его особый рай — пока не проснешься. Убийство — самое меньшее, на что они пойдут, чтобы получить еще дозу. Парни вочных рубашках, что стоят по краям лестницы, из их числа. Слышали о Горном Старце, который рассыпал своих убийц? Мне о нем приятель на войне рассказывал. Сатана делает то же самое. Выпьешь раз, и уже без этого не обойтись. Он заставляет их верить, что когда их убьют за него, он отправит их в такое место, где у них будет вечное счастье, которое здесь кефт дает им лишь на время. Они все ради Сатаны сделают! Все!

Наконец я задал вопрос, который давно хотел задать.

— Вы знаете девушку по имени Ева. Большие карие глаза и...

— Ева Демерест, — ответил он. — Бедняжка. Он и ее получил. Боже, что за стыд! Он ее утащит в ад, а она ангел, она... Тише! Курите!

Он выдернул свою руку. Я услышал слабый звук от противоположной стены. Затянулся сигарой и со вздохом вытянулся в кресле. Снова звук, вернее призрак звука.

— Кто здесь? — резко спросил я.

У стены вспыхнул свет, рядом с панелью стоял Томас, лакей.

— Вы меня звали, сэр? — Взгляд его обыскивал комнату, потом остановился на мне; в нем было подозрение.

— Нет, — равнодушно ответил я.

— Я уверен, что был звонок, сэр. Я уже засыпал... — он заколебался.

— Значит, это вам приснилось, — сказал я ему.

— Расстелю вам постель, сэр, раз уж я здесь.

— Давайте. Докурю и лягу.

Расправляя постель, он вытащил из кармана платок. Монета упала на пол у его ног. Он наклонился, чтобы поднять ее; она выкатилась из его пальцев и закатилась под кровать. Он встал на колени и пошарил рукой под кроватью. Очень аккуратно все было проделано. Я как раз думал, просто ли он заглянет под кровать или изобретет какую-нибудь уловку.

— Хотите выпить, Томас? — сердечно спросил я его, когда он встал, по-прежнему оглядывая комнату.

— Спасибо, сэр. — Он налил себе изрядную порцию.

— Если не возражаете, разбавлю водой.

— Действуйте. — Он прошел в ванную и зажег там свет. Я продолжал невозмутимо курить. Он вышел, очевидно, убедившись, что никого нет. Выпил свою порцию и пошел к панели.

— Надеюсь, вы хорошо выспитесь, сэр.

— Конечно, — жизнерадостно ответил я. — Выключите свет, выходя.

Он исчез, но я был уверен, что он стоит за стеной и прислушивается. Немного спустя я громко зевнул, встал, подошел к кровати и лег, не стараясь при этом не шуметь. Некоторое время я лежал без сна, обдумывая ситуацию в свете того, что сообщил мне Баркер. Замок без лестниц и «честных дверей»... Лабиринт тайных проходов и скольз-

зящих стен. И маленький вор, ползающий, проползающий сквозь стены, лишенный возможности выйти, терпеливо узnaющий один за другим все секреты. Если мне и нужен был союзник, то именно такой, действительно редкий союзник.

А Сатана! Дающий рай, распределяя в розницу среди своих рабов мощный наркотик. Другим сулящий рай при помоши семи отпечатков. Какова его цель? Что он от этого получает?

Ну, что ж, вероятно, завтра, вновь увидевшись с ним, я узнаю больше.

А Ева? Проклятый шпион Томас прервал нас тогда, когда я мог что-нибудь узнать о ней.

Ладно, поиграем с Сатаной — с некоторыми ограничениями.

Я уснул.

Глава восьмая

Когда я проснулся, Томас выбирал в шкафу костюм. Я слышал, как в ванной шумит вода. Долго ли он находился в комнате, я не мог сказать. Несомненно, он тщательно обыскал ее. Я лениво гадал, что могло вызвать его подозрения. Взглянул на часы: они стояли.

— Добрый день, Томас, — окликнул я. — Который час?

Он взглянул из шкафа, как вспутнутый кролик.

— Час дня. Я не стал бы вас беспокоить, сэр, но хозяин хочет позавтракать с вами в два.

— Хорошо. — Я направился в ванну.

Пока я плескался, полуоформленный план, который зародился, когда я засыпал, вдруг кристаллизовался в сознании. Я попытаю счастья на отпечатках немедленно. Но — пройду не всю дистанцию. Не в этот раз. Наступлю только на два следа, не больше. Мне многое нужно узнать, прежде чем рисковать полной отдачей душой и телом Сатане.

Я надеялся, что лишь один из двух отпечатков будет его. В худшем же случае мне предстоял год службы. Что ж, и против этого я не возражал.

В действительности, я хотел противопоставить Сатане не удачу, а ум. Я не хотел сбегать от него. Мне хотелось стать частью его окружения, адское оно или нет. Баркер давал мне уникальное преимущество. Благодаря ему я вполне мог скинуть раскосого голубоглазого дьявола с его черного трона, разрушить его власть и — что ж, не будем бояться слов — пограбить его.

Или, выражаясь более прилично, возместить тысячекратно то, что он у меня отнял.

У меня было двадцать тысяч долларов. Чтобы расквитаться, я должен отобрать у Сатаны двадцать миллионов...

Вот это будет игра! Я рассмеялся.

— Вы веселый человек, сэр, — сказал Томас.

— Птицы, Томас, — ответил я, — поют везде. Везде, Томас. Даже здесь.

— Да, сэр, — сказал он, с сомнением глядя на меня.

Я был готов без четверти два. Лакей провел меня в зал, а оттуда еще в один лифт, который на этот раз поднялся гораздо выше. Я оказался в маленькой прихожей, ее единственная дверь охранялась двумя высокими рабами. Пройдя через нее, я был ослеплен потоком солнечного света. Этот свет, казалось, сконцентрировался на девушке, которая полувстала из-за стола при моем появлении. Это была Ева, но совсем другая, не та, какая так искусно помогала похитить меня накануне вечером. Тогда я счел ее весьма привлекательной, теперь же я понял, насколько несоответствующим было это определение. Девушка была прекрасна. Ее ясные карие глаза серьезно смотрели на меня со странным вниманием. Маленькая гордая головка, головка принцессы, в ее волосах солнечный свет выкрасил красным золотую диадему; рот еще слаше, чем я... испытал; я глядел на ее губы, которые так безжалостно целовал, и щеки девушки покраснели.

— Ева, это мистер Киркхем, — Консардайн, произнесший это, явно забавлялся. — Мне кажется, мисс Демерест и вы уже встречались.

— Думаю, — медленно ответил я, — что вижу мисс Демерест впервые. Надеюсь, она... тоже будет так считать.

Я не мог извиниться иначе. Примет ли она протянутую оливковую ветвь? Глаза ее расширились, как от укоризны и удивления.

— Подумать только, — печально сказала Ева, — мужчина так быстро может забыть, что целовал меня. Вряд ли это комплимент, а, как вы считаете, доктор Консардайн?

— Мне это кажется невозможным, — правдиво ответил Консардайн.

— Нет, — вздохнула Ева, — нет, мистер Киркхем. Не могу с вами согласиться, что это наша первая встреча. Знаете, у вас такой убедительный способ заставлять себя запомнить. А женщина не забывает так быстро, как ее целовали.

Я вспыхнул. Ева уже представила достаточно доказательств того, что она превосходная маленькая актриса. Но что означает этот эпизод? Я не верил, что она так оскорблена моими действиями в подземке: она для этого слишком умна. Но она мне не верила, я ей не нравился, тут я ничем не мог помочь.

— Мои слова, — сказал я, — вызваны исключительно вежливостью. На самом деле, мисс Демерест, я считаю эти поцелуи щедрым вознаграждением за все неудобства, связанные с моим интригующим путешествием сюда.

— Ну, что ж, — холодно сказала она, — в таком случае, сделка заключена, и мы в расчете. И не утруждайте себя быть со мной вежливым, мистер Киркхем. Будьте сами собой. Так вы гораздо интереснее.

Я проглотил гневный ответ и поклонился.

— Совершенно верно, — так же холодно, как она, ответил я. — Во всяком случае, кажется, мне нет причин быть вежливым с вами.

— Вовсе нет, — равнодушно сказала она. — И, откровенно говоря, чем меньше я буду сталкиваться даже с вашей естественной сущностью, тем лучше для нас обоих.

У меня мелькнула мысль, что фраза какая-то странная. И в этих карих глазах была какая-то загадка. Что она хотела сказать? Хотела передать что-то, чтобы не заподозрил Консардайн? Я услышал смешок, повернулся и оказался лицом к лицу с... Сатаной.

Не знаю, долго ли он слушал. Взгляд его был устремлен на девушку. Я увидел, как вспыхнули его алмазные

глаза, как какое-то дуновение пробежало по лицу, как будто скрытый в нем дьявол облизал губы.

— Скоритесь? Нехорошо! — елейно сказал он.

— Скоримся? Вовсе нет, — холодно возразила Ева. — Так случилось, что мне не нравится мистер Киркхем. К сожалению, это так. Мне кажется, лучше сразу сказать ему об этом, чтобы мы в будущем избегали друг друга, конечно, если вы не считете, что нам нужно быть вместе, Сатана.

Обескураживающе, мягко выражаясь. Я не пытался скрыть свою досаду. Сатана взглянул на меня и снова издал смешок. Мне показалось, что он доволен.

— Ну, что ж, — мягко сказал он, — даже у меня нет власти над пристрастиями. Я могу лишь использовать их. Между тем — я голоден.

Он сел во главе стола, Ева справа от него, я слева, а Консардайн за мной. Прислуживали нам маньчжур дво-рецкий и еще один китаец. Очевидно, мы находились в башне. Окна располагались высоко, и я через них видел только голубое небо. На стенах висели картины Фрагонара и Буше; несомненно, они были получены благодаря «убедительности» посланцев Сатаны. Остальное в комнате соответствовало картинам; комната была обставлена с той же поразительной эклектикой и своеобразным пониманием прекрасного, которые я заметил и в большом зале, и в том помещении, где впервые увидел этого голубоглазого дьявола.

Ева, отказав мне в уважении, была со мной холодна, но вежлива, в разговоре с Сатаной и Консардайном она сверкала остроумием и умом. Все трое, казалось, забыли трагедию в храме и наказание Картрейта. Сатана был в хорошем настроении, но доброта его была дьявольским — только так я могу охарактеризовать это — напоминанием о диком звере. Игровом, так как он не голоден, жестоком, но несколько смягчившим пытку, которой он подвергает свою жертву. В воображении возникла яркая картина: Сатана, как тигр, рвет тело человека, которого он несколько часов назад отправил к воротам ада. Однако при солнечном свете он не казался больше таким ужасным. И если он и был, как выразился Баркер, «падок на развлечения», то он и сам отлично развлекал.

Разговор коснулся Чингиз-хана, и с полчаса Сатана рассказывал нам о правителе Золотой Орды и его черном

дворце в затерянном городе Хара-Хото в Гоби; его рассказы заставили меня забыть о настоящем, я как бы видел и слышал мир, исчезнувший десять столетий назад; рассказы трагические и комические, раблезианские и нежные — и все так ярко, будто он сам был свидетелем того, что описывал. Слушая, я думал, что иначе и быть не должно. Дьявол или нет, но этот человек очаровывал.

В конце он знаком приказал слугам удалиться и, когда они вышли, неожиданно спросил у меня:

— Ну, Джеймс Киркхем, да или нет?

Я изобразил колебание. Склонил голову на руку и украдкой бросил взгляд на Еву. Она стройными пальцами прикрывала рот, сдерживая зевок — но лицо ее побледнело, только что оно таким не было. Я чувствовал, как осозаемо давит на меня воля Сатаны.

— Да — или нет? — повторил он.

— Да, если, Сатана, вы ответите на один вопрос.

— Спрашивать никому не запрещено, — ответил он.

— Я хотел бы знать, какой вы... наниматель, прежде чем решусь на игру, в которой могу проиграть жизнь. Человек — это его цели плюс способы, которыми он достигает их. Что касается ваших методов, то у меня была достаточная возможность составить о них представление. Но каковы ваши цели? В старину, Сатана, этот вопрос не был необходим. Каждый, кто имел дело с вами, знал, что ваша цель — души для ваших печей. Но, как я понял, ад модернизовался вместе с его хозяином. Печи вышли из моды, и топлива для них не требуется. Но, как и прежде, вы приводите ваших возможных последователей на вершину горы и предлагаете им земные царства. Итак, вопрос. Что вы имеете от этого теперь?

— Вот одна из причин моего отвращения к мистеру Киркхему, — сказала Ева. — Он не признает ничего, что не было бы сбалансировано в бухгалтерских книгах. У него душа лавочника.

Я не обратил внимания на этот выпад. Но Сатана опять рассмеялся сквозь неподвижные губы.

— Достойный вопрос, Ева, — сказал он ей. — Не забывайте, что даже я веду расчеты — и предъявляю их, когда приходит время.

Последние слова он произнес медленно, задумчиво, глядя на нее... И опять я заметил тень дьявольского зла-

радства в его лице. Она тоже заметила это и прикусила задрожавшую губу.

— Тогда ответьте, — резко сказал я, чтобы отвлечь от нее внимание Сатаны.

Он посмотрел на меня, как бы подбирая слова.

— Назовем это, — сказал он наконец, — забавой. Я существую, чтобы забавляться. Только ради этого я остаюсь в мире, в котором, когда все сделано и сказано, забава в той или иной форме — единственная цель, единственная, делающая жизнь выносимой. Таким образом, как вы понимаете, моя цель проста.

Но что же забавляет меня? Три обстоятельства. Я великий драматург, величайший из когда-либо живших, потому что пьесы мои реальны. Я готовлю сцены для моих пьес, для моих фарсов и комедий, драм и трагедий, для моих эпопей. Я руковожу актерами. Я единственная аудитория, я вижу каждое действие, каждую линию в моих пьесах с начала и до конца. Иногда то, что начинается как фарс, превращается в высокую трагедию, трагедии становятся фарсами, одноактные отступления развиваются в эпопеи, правительства уходят, великие падают со своих пьедесталов, низкие возвышаются. Некоторые живут ради шахмат. Я играю в шахматы живыми фигурами и одновременно несколько десятков партий во всех концах мира. Все это забавляет меня.

Далее, если я действительно князь тьмы, что, как я вижу, Джеймс Киркхем, вы не вполне признаете, мое искусство делает меня напарником другого сверхдраматурга, моего древнего небесного соперника, известного, в соответствии с наиболее распространенной местной религией, как Иегова. Нет, оно ставит меня выше: я переписываю его сценарий. Это также забавляет меня.

Под учтивой сардонической насмешкой я чувствовал правду. Для этого холодного чудовищного интеллекта мужчины и женщины — лишь марионетки, которых он передвигает по мировой сцене. Страдание, горе, боль телесная и духовная — всего лишь забавные реакции на создаваемые им ситуации. Подобно темной силе, чье имя он принял, ауши для Сатаны — его игрушки. Их гримасы развлекают его. В этом его вознаграждение за деятельность.

— Это одно из трех, — продолжал он. — Второе? Я ценитель красоты. В сущности, красота — единственное,

что может вызвать во мне... то, что может быть названо эмоцией. Время от времени случается, что человек, его мозг, глаза, сердце, руки, создает предметы, которые несут на себе печать совершенства, монополию на которое традиция приписывает тому самому небесному сопернику — я его уже упоминал.

Это может быть картина, статуя, резное дерево, хрусталь, ваза, ткань — одна из десяти тысяч вещей. Но в ней заключено существо красоты, которую человечество называет божественной и которую слепо, ощущую всегда ищет — потому что она забавна. Лучшие из таких вещей я время от времени беру себе. Но — мне они интересны, только если я приобретаю их по-своему. Тут возникает третий момент — азарт, игра.

Например. По зрелом размышлении я решил, что Мона Лиза Да Винчи из Лувра обладает качествами, которые мне желательны. Купить ее, разумеется, нельзя; да у меня и нет желания покупать. Однако она здесь. В этом доме. Я позволил Франции получить прекрасную копию, в которой мои эксперты в совершенстве воспроизвели даже микроскопические трещины в краске. Только теперь это начинают подозревать. Но уверенными никогда не будут — и это забавляет меня больше, чем если бы они знали точно. Джеймс Киркхем, люди по всей земле рискуют жизнями в поисках сокровищ. Уверяю вас, что никогда, никогда за время существования человечества не было сокровищницы, подобной этому моему дому. Десять богатейших людей мира не могли бы купить ее. Она стоит больше, чем весь золотой запас Англии. Ее стоимость в долларах и фунтах — для меня ничто. Но обладать этой сущностью красоты, жить с нею — это... много! И знать, что плоды лучших вдохновений, ниспосланных с древности моим небесным соперником, теперь мои — забавно! Ха! Ха! — заревел он.

— Третье и последнее, — прервал он свой смех, — игра. Я коллекционер душ и прекрасного. Но я еще и игрок, и такой же превосходный, как коллекционер. Именно риск обостряет наслаждение, которое приносят мне мои пьесы. Он вносит последнюю «изюминку» в мои... приобретения. Я щедрый противник. Ставки в игре, которые могут получить мои соперники, неисчислимо выше, чем то, что могу приобрести я. Но играть со мной они — должны!

Несколько мгновений он смотрел на меня, выставив вперед голову.

— Что касается остального, — добавил он, — то, как вы уже сообразили, меня не интересуют традиционные печи. Что произойдет с человеком, когда он покинет этот мир, меня больше не занимает. Я сменил свое древнее владение на это, где я так хорошо забавляюсь. Но, Джеймс Киркхем, — голубые глаза сверкнули, — тот, кто противоречит мне, обнаруживает, что я не утратил ничего из того древнего искусства, что создано адом. Теперь вы готовы отвечать?

— Вполне, сэр, — поклонился я. — Я буду играть с вами. И, проиграю я или выиграю, вам не в чем будет меня упрекнуть. Но, с вашего разрешения, еще один вопрос. Вы сказали, что тот, кто наступит на четыре счастливых следа, может исполнить любое свое желание. Прекрасно, смогу ли я получить, — я указал на Еву, — ее?

Я слышал, как перехватило дыхание у Евы, видел, как во взгляде Сатаны появилась угрожающая холодность. Заговорил Консардайн:

— Послушайте, Киркхем, будьте разумны. Ева с вами была честна. Она очень ясно дала понять, что вы нежелательный кандидат в супруги.

В его голосе звучало беспокойство, желание смягчить. Кого — меня или Сатану? Это меня крайне интересовало. Может быть, Консардайн...

— Выйти замуж — за вас? Ни за что на свете! Даже ради спасения жизни, даже чтобы избавиться от пытки!

Голос Евы был полон гнева. Она вскочила на ноги, глаза ее гневно горели, щеки раскраснелись. Я спокойно встретил взгляд Сатаны.

— Разве я упоминал... брак? — вежливо спросил я.

Как я и думал, он принял самую дурную интерпретацию моих слов. Угроза и подозрение исчезли так же быстро, как появились. Да, он-то принял худшую интерпретацию, но Ева...

— Сатана, — она топнула и отбросила от себя стул с такой силой, что он полетел набок, — Сатана, у меня тоже есть вопрос. Если я поднимусь по ступеням, вы позволите мне поступить с этим человеком, как я захочу?

Сатана переводил взгляд с нее на меня. Очевидно, ситуация его развлекала. Голубые глаза сверкнули; когда он заговорил, в голосе звучали успокаивающие нотки.

— Вам обоим я должен сказать — нет. Нет — вам, Ева, потому что Джеймс Киркхем принял мой вызов. В этом случае я уже не могу отказаться. Если он проиграет мне одну службу или целый год, я обязан защищать его. Я обязан предоставить ему другие возможности, если он захочет. Но, Ева, если он откажется играть... что ж, тогда спросите меня еще раз.

Он помолчал и посмотрел на меня. Я не сомневался в значении его взгляда.

— Нет и вам, Джеймс Киркхем, — сказал он, — потому что все, что я говорил Еве о вашем положении, может быть применено к ней. У нее тоже есть свое право на игру. Но, — голос его утратил доброжелательность и стал угрожающим, — есть еще одна причина. Я выбрал для Евы высочайшее назначение. Если она его выполнит... она будет вне досягаемости любого человека. Не выполнит...

Он не закончил; только взглянул на нее немигающими, горящими глазами. Я видел, как кровь отхлынула от ее щек, глаза опустились. Послышался резкий треск и звон стекла. Консардайн держал в руке тяжелый кубок толстого хрусталия; сжав руку, он смял его, будто кубок был из тонкой бумаги. Он сунул руку в карман, но я успел заметить на ней кровь. Глаза Сатаны непроницаемо устремились к нему.

— Сила, подобная вашей, Консардайн, — заметил он, — часто опасна... для ее обладателя.

— Даю слово, Сатана, — ответил Консардайн, — я размечтался, и мне показалось, что в руках у меня шея.

— Я бы сказал, что это предупреждение... — спокойно сказал Сатана, — оставить эту шею в покое.

— У меня нет выбора, — рассмеялся Консардайн, — поскольку это шея моего старого врага, которого уже десять лет нет в живых.

Сатана еще одно-два мгновения изучал его, но без дальнейших комментариев. Затем повернулся ко мне.

— Вы приняли решение, — сказал он — Когда вы хотите подняться на ступени?

— В любое время, — ответил я. — Чем скорее, тем лучше. Прямо сейчас, если это возможно. Я чувствую, что мне везет.

— Консардайн, подготовьте храм, — распорядился Сатана. — Ева, попросите тех, кто есть в доме, собраться через полчаса.

Он смотрел им вслед. Девушка вышла через стену, ни разу не оглянувшись, Консардайн — через дверь, ведущую в прихожую. Несколько долгих минут Сатана сидел молча, разглядывая меня. Я спокойно курил, ожидая, пока он заговорит.

— Джеймс Киркхем, — сказал он наконец, — я говорил вам, что вы мне нравитесь. Все, что я с тех пор в вас увидел, нравится мне еще больше. Но должен предупредить вас. Не допускайте, чтобы досада или чувство неприязни, которое вы испытываете к Еве Демерест, стали бы причиной хоть малейшего вреда для нее. Вы не такой человек, которому следует угрожать, но... обратите внимание на это предупреждение.

— Я о ней и не думаю, Сатана, — ответил я. — Но признаюсь, меня интересует, какое высокое предназначение ей уготовано.

— Высочайшая судьба, — снова в его голосе звучала неотвратимость. — Высшая честь, которая может выпасть на долю женщины. Я расскажу вам, Джеймс Киркхем, чтобы вы поняли всю серьезность моего предупреждения. Раньше или позже я вынужден буду посетить свой другой мир. Когда это время придет, этот мир я передам своему сыну и наследнику, и матерью его будет — Ева!

Глава девятая

Считаю одним из своих величайших достижений то, что воспринял это адское провозглашение с абсолютным внешним спокойствием. Конечно, я был подготовлен. Несмотря на кипевшие во мне гнев и ненависть, я умудрился поднять бокал, рука моя при этом не дрожала, а в голосе звучали лишь естественное удивление и интерес.

— Действительно, высокая честь, сэр, — сказал я. — Вы простите меня, если я выскажу некоторое недоумение вашим выбором. Я думаю, для вас какая-нибудь императрица, по крайней мере особа королевской крови...

— Нет, нет, — прервал он меня, но я видел, что лесть он проглотил, — вы не знаете эту девушку. Пристрастность вас ослепила. Ева так же совершенна, как те ше-

девры, что окружают меня. Ее красота сочетается с интеллектом. У нее есть смелость и индивидуальность. А если какие-то другие качества, которые желательны в моем сыне, в ней отсутствуют, я сумею их дать. Он будет — мой сын. Его воспитание будет в моих руках. Он будет таков, каким я его сделаю.

— Сын Сатаны! — сказал я.

— Собственный сын Сатаны! — в его глазах сверкнуло пламя. — Мой истинный сын, Джеймс Киркхем!

— Вы понимаете, — продолжал он, — что здесь нет ничего вроде так называемой... любви. Какая-то эмоция... да, но только такая, какие вызывают во мне подлинно прекрасные вещи. В сущности это исключительно вопрос селективного отбора: у меня эта мысль давно , но в предыдущих отобранных образцах мне... не везло.

— Вы хотите сказать...

— Рождались девочки, — хмуро сказал он. — Я был разочарован. Поэтому они прекратили существовать.

Теперь под непроницаемой тяжелой маской лица я разглядел китайца. Отчетливая раскосость глаз увеличилась, скулы стали еще больше выдаваться. Я задумчиво кивнул.

— Но если вы снова... — я хотел добавить «будете разочарованы».

Он прервал меня такой вспышкой демонической ярости, какую я видел в эпизоде с Картрейтом.

— Не говорите этого! Даже думать об этом не смейте! Ее первый ребенок будет сыном! Сыном, я говорю! Не знаю, что бы я мог ответить или сделать. Смертельная угроза, прозвучавшая в его голосе, и высокомерие, с каким он говорил, вновь разожгли мой тлевший гнев. Спас меня Консардайн. Я слышал, как открылась дверь, и угрожающий взгляд на мгновение оторвался от меня. У меня появилась возможность прийти в себя.

— Все готово, Сатана, — объявил Консардайн. Я нетерпеливо встал, и эта нетерпеливость не была поддельной. Я сознавал поднимающееся во мне возбуждение, безрассудный подъем.

— Ваше время настало, Джеймс Киркхем, — голос Сатаны был опять лишен выражения, лицо стало мраморным, глаза сверкали. — Еще несколько минут — и я могу быть вашим слугой, а мир — вашей игрушкой. Кто знает! Кто знает!

Он отошел к дальней стене и отодвинул одну из панелей.

— Доктор Консардайн, — сказал он, — вы проводите неофита в храм.

Он взглянул на меня, почти ласково — скрытый дьявол облизал губы.

— Хозяин мира! — повторил он. — А Сатана — ваш верный раб! Кто знает!

Он исчез. Консардайн глубоко вздохнул. Заговорил он намеренно сухо.

— Хотите выпить перед попыткой, Киркхем?

Я покачал головой, возбуждение мое все усиливалось.

— Правила вы знаете, — резко заговорил Консардайн.

— Вы выбираете четыре из семи отпечатков. В любой момент вы можете остановиться и ждать последствий. Один след Сатаны — и вы обязаны выполнить одну... службу; два — вы принадлежите ему в течение года; три — вы его навсегда. В этом случае у вас больше шансов нет, Киркхем. Наступите на четыре счастливых — и вы сидите над миром, как он вам обещал. Оглянетесь назад во время подъема, и вам придется начинать все сначала. Все понятно?

— Идемте, — хрипло ответил я, в горле у меня внезапно пересохло.

Он провел меня через стену в один из выложенных мрамором коридоров. Из него мы попали в лифт. Он пошел вниз. Скользнула в сторону панель. Вслед за Консардайном я вступил в увитый паутиной храм. Я находился у основания лестницы, в полукруге яркого света, который скрывал амфитеатр. Оттуда доносился неясный шорох и бормотание. Как ни глупо, но мне хотелось, чтобы Ева выбрала место получше.

Я понял, что дрожу. Выругавшись про себя, я овладел своим телом, надеясь, что дрожь никто не заметил. Взглянув на черный трон, я встретился с насмешливым взглядом Сатаны и тут же успокоился, самообладание полностью вернулось ко мне. Он опять сидел в черном плаще, как и накануне. За ним сверкали изумрудные глаза его двойника. Вместо четырнадцати бледнолицых людей в белом и с петлями в руках теперь на полпути к вершине лестницы стояли только двое. И не было еще кое-кого. Отсутствовал чернолицый дьявол-палаch!

Что это значит? Может, так Сатана говорит мне, что даже если я наступлю на три его отпечатка, я не буду убит? Или что мне по крайней мере не нужно бояться смерти, пока я не завершил назначеннное мне задание?

Или это просто ловушка? Скорее всего. Я не мог представить себе Сатану настолько заботливым, чтобы убеждать меня в отсрочке приговора. Наверно, уменьшив охрану и убрав своего палача, он хотел внушить мне именно такую мысль. Заставить пройти все четыре ступени, веря, что если я проиграю, приговор будет отсрочен и я каким-нибудь образом сумею вырваться.

Но даже если его нынешняя цель благоприятна для меня, разве не может вдруг прийти ему в голову, что забавно было бы призвать адского слугу с петлей из женских волос и отдать меня ему — подобно Картрайту? Как и Картрайт, я изучал лицо Сатаны. Оно было непроницаемо, мне нечем было руководствоваться. И тут, гораздо ярче, чем тогда, когда я смотрел на беднягу, которого тащили на пытку, понял я адскую изобретательность этой игры. Ибо теперь я должен был играть в нее. Я отвел взгляд от Сатаны. И посмотрел на пылающие отпечатки, а вслед за тем на золотой трон. На нем горели корона и скипетр. Их драгоценные огни манили и звали меня. Снова я почувствовал прилив возбуждения, напряжен был каждый нерв.

Если бы я смог их выиграть! И все то, что они дают!

Сатана нажал рычаг между двумя тронами. Я услышал жужжание контрольного механизма и увидел, как семь отпечатков детской ноги засверкали еще ярче.

— Ступени готовы, — провозгласил Сатана и сунул руки под плащ. — Они ждут своего покорителя, избранного счастливца! Вы ли он? Поднимитесь — и узнаете.

Я подошел к ступеням, поднялся и без колебаний поставил ногу на первый след. Я знал, что за мной его символ загорелся на шаре...

На стороне Сатаны или на моей? Я снова стал подниматься, медленнее на этот раз, и остановился у следующего отпечатка. Но остановился не для того, чтобы взвесить вероятность хорошего и плохого результата. На самом деле меня охватила лихорадка азарта, и я почти забыл свое решение в первый раз ограничиться только двумя следами.

Здравый смысл подсказывал замедлить движение и постараться успокоиться. Здравый смысл, борясь с возбуждением, заставил меня пропустить след и медленно подняться к очередному.

Я наступил на него. На шаре загорелся еще один символ...

Мой... или Сатаны? Лихорадка полностью овладела мной. Глаза сверкали, как у Сатаны. Сердце билось, как барабан, пальцы похолодели, голова была охвачена сухим электрическим жаром. Маленькие огненные отпечатки танцевали и дрожали в своем нетерпении вести меня дальше.

— Возьми меня! — звал один.

— Нет, меня! — призывал другой.

Звали к себе драгоценная корона и скипетр. Я увидел на троне призрак — самого себя, торжествующего, увенчанного короной, со скипетром в руке, за моей спиной Сатана, а весь мир у моих ног! Может быть, правда, что у мыслей есть оболочка, что сильные эмоции и желания оставляют за собой нечто материальное, оно остается, живет где-то, откуда его можно вызвать, разбудить,пустить рыскать по свету, и когда появляется кто-нибудь, одержимый таким и же желаниями, они почти материализуются, занимают предназначеннное им место. Во всяком случае как будто призраки желаний всех, кто поднимался по этим ступеням до меня, устремились ко мне, призывая к осуществлению, заставляя идти вперед. Но их желания были и моими. Меня не нужно было подстегивать. Я хотел идти дальше. В конце концов те два отпечатка, на которые я наступил, могли быть и счастливыми. В худшем случае, если учитывать наиболее вероятное, счет наш равный. Но если так, то нет особого риска в том, чтобы наступить еще на один след.

Что на шаре?

Ах, если бы я мог знать! Если бы мог знать!

И вдруг меня охватил холод. Как будто призрак отчаяния всех тех, кто поднимался передо мной и проиграл, отогнал голодные призраки желаний.

Блеск короны и скипетра потускнел и стал зловещим.

На мгновение мне показалось, что передо мной сверкают не отпечатки детских ног, а — все семь — следы копыт! Я взял себя в руки и взглянул на Сатану. Он сидел,

наклонив вперед голову, глядя на меня, и с сильным шоком я понял, что он всей силой своей воли заставляет меня подниматься выше. И сразу после этого восприятия пришло и другое. Как будто чья-то рука коснулась моего плеча, подталкивая вперед, и тут же, как будто чьи-то губы прошептали это мне прямо в уши, послышалась противоположная команда, приказ:

— Остановись! Остановись немедленно!

Голос... Евы! Целую минуту стоял я, сотрясаемый этими противоположными импульсами. И вдруг мозг мой прояснился, лихорадка прекратилась, очарование сияющих следов и страсть к короне и скипетру прошли. Я снова повернул лицо, мокрое от пота, к Сатане.

— Достаточно... на этот... раз! — выдохнул я.

Он молча смотрел на меня. Мне показалось, что за холодным блеском его взгляда чувствовался гнев от неосуществленной цели и какое-то злобное удивление. Он заговорил.

— Право игрока. Вы можете остановиться, когда хотите. Оглянитесь.

Я повернулся и взглянул на шар.

Оба отпечатка, на которые я наступил, принадлежали — Сатане!

Глава десятая

Я слуга Сатаны на год, обязанный выполнить любой его приказ. Остальную часть дня я провел в своей комнате, размышляя и надеясь услышать кошачью поступь Баркера. Ясно, что моя свобода по-прежнему ограничена. Я еще не могу действовать со всей свободой. Осторожный зондаж во время возвращения в сопровождении Консардайна, намек на то, что теперь, поскольку я вступил в число слуг князя тьмы, мне нужно получше познакомиться с его крепостью, встретили вежливый, но твердый отказ. В качестве врача он прописал тишину моей комнаты как успокоительное после того напряжения, которое я испытал.

Конечно, я надеялся случайно встретиться с Евой. Но рассудок подсказывал, что сейчас гораздо важнее увидеть-

ся с маленьким вором-кокни. Ожидая, я пытался проанализировать лихорадку, которая так подгоняла меня. Я считал себя более хладнокровным и уравновешенным. На самом деле я был одновременно пристыжен и обеспокоен. Если признать, что интенсивность страсти, которую я ощутил, навязана мне Сатаной, что это его воля гнала меня вверх по ступеням — что ж, такое объяснение могло хоть немного смягчить мою уязвленную гордость.

Но в таком случае хоть моя воля и сильна, как я считал раньше, она гораздо слабее воли Сатаны. Я не приписывал себе заслугу остановки перед следующим шагом, который мог сделать меня навсегда принадлежащим ему. Меня остановил предупреждающий шепот, принадлежал ли он Еве или моему собственному подсознанию.

И меня удивляло отношение Сатаны. Почему он так стремился заставить меня идти дальше? Просто природный инстинкт игрока? Стремление выиграть? Или вид двух символов на его стороне шара вызвал в нем кровожадность? Если бы один или два отпечатка были на моей стороне, как бы он действовал?

Или он с самого начала хотел, чтобы я шел до конца... и проиграл?

Но если так — то почему? Я не мог ответить на эти вопросы. Не появился и Баркер. Наконец с помощью Томаса я переоделся и был сопровожден через стены и лифты в еще одну огромную комнату, размеры и украшения которой вполне могли принадлежать пиршественному залу Медичи в период расцвета этой величественной семьи. Больше двух десятков мужчин и женщин во главе с Сатаной сидели за большим овальным столом, безупречный вечерний костюм Сатаны придавал ему подчеркнуто сардоническую ноту. Очевидно, я опоздал, но, столь же очевидно, формальностям здесь не придавали значения.

— Наш новобранец — Джеймс Киркхем.

И без всяких дальнейших представлений Сатана знаком показал мое место. Остальные улыбнулись, кивнули и продолжали разговаривать. Садясь, я с тайным удовольствием заметил, что моя соседка справа — известная актриса, чье имя не сходит с бродвейской рекламы. Быстрый взгляд вдоль стола обнаружил игрока в поло с

завидной американской родословной и международной известностью и блестящего адвоката, пользовавшегося отличной репутацией у руководителей Демократической партии. Остальные были мне неизвестны, но на всех была печать интеллигентности.

Если собравшиеся были адекватным срезом двора Сатаны, его организация действительно необычна, как он и хвастал. Евы здесь не было. Был Кобхем. Уолтер сидел справа от актрисы. Во время обеда я заставлял себя быть любезным с ним. Ради собственных интересов я не хотел приобретать врагов.

Вначале он был скован, потом растяял. Пил он много, но, как с интересом заметил я, не столько, сколько ему хотелось бы. Совершенно очевидно, что Уолтер любил выпить. Вначале я решил, что именно ограничение, которое наложил на себя Кобхем, вызывает в нем враждебность к другим присутствующим и особенно осторожность в выражении мнений. Но потом понял, что именно выпитое вызывало в Кобхеме страсть к правде, презрение к эвфемизмам и окличностям. Он хотел неприкрашенных фактов, и никаких уклонений. Как он выразился, «никаких махинаций с формулами». В сущности это был тип пьяницы *in-vino-veritas*¹ со страстью фундаменталиста. Он был забавен, и актриса наслаждалась нашей беседой. Рано или поздно, решил я, напою Уолтера до такого состояния, что он не вынесет даже тени укрытия его ясноглазой богини истины.

Я с удивлением узнал, что он химик и много времени проводит в лаборатории в замке. Это объясняло его замечание насчет формул. Он весьма ясно дал понять, какой он выдающийся химик. Позже я понял, что он не преувеличивал. Поэтому я сейчас и задержался на описании Кобхема.

Обед был удивительным, с ноткой изысканности и утонченной отчаянной веселости, под которыми все время ощущалась сталь. Единственным намеком на наше странное положение был момент, когда почтенный адвокат, взглянув на меня, предложил тост «за вновь проклятого» и когда Сатана послал за шкатулкой и показал несколько

---

1 *In vino veritas* (лат.) — истина в вине. Прим. ред.

великолепных драгоценных камней, подобных которым я не видел.

Он рассказал их истории. Этот изумруд, вправленный в бирюзу, служил печатью, которой Клеопатра запечатывала письма, адресованные Антонию; это бриллиантовое ожерелье — то самое, которым кардинал де Роган хотел купить расположение Марии Антуанетты и тем самым привел в движение суд, который стал одной из повивальных бабок революции и в конце концов стоил несчастной королеве головы; эта диадема сияла среди кудрей Нелл Гвинн, посаженная там Чарльзом, ее королевским любовником; это кольцо с огромными рубином мадам Монтеспан дала отравителю Ле Вуатюру за любовный напиток, которым надеялась подогреть остывающее сердце короля-Солнца. Наконец он подарил маленькой француженке, сидевшей справа от него, браслет с сапфирами, принадлежавший, как он сказал, Лукреции Борджиа. Я подумал, чем же она его заслужила и не было ли ироничным указанием на это упоминание о его прежней хозяйке. Если и так, это не отразилось на ее радости.

И невероятно увеличило мое уважение к власти Сатаны то, что в этом собрании не было мелодраматической секретности, никакой маскировки, никаких избитых номеров вместо имен. Его люди встречались лицом к лицу. Очевидно, сама мысль о предательстве была невозможна, а их вера в защиту Сатаны абсолютна. Я не сомневался, что все они или большинство из них были свидетелями моего подъема по ступеням, и что они видели трагедию Картрайта. Но в их поведении ничего не говорило об этом.

Они пожелали Сатане доброй ночи. Я встал и ушел бы вместе со всеми, но Сатана остановил меня взглядом и кивком головы.

— Останьтесь со мной, Джеймс Киркхем, — приказал он.
И скоро мы были одни, стол убран, слуги ушли.

— Итак, — лишенные ресниц глаза глядели на меня через край большого кубка, — итак — вы проиграли!

— Не так много, как мог бы, Сатана, — улыбнулся я, — если бы я поднялся еще немного, мое падение могло бы быть таким же, как ваше — в древности — в самый ад.

— Это путешествие, — вежливо заметил он, — было весьма интересно. Но год пройдет быстро, и вы сможете снова попытаться.

— Попытаться упасть, вы хотите сказать? — рассмеялся я.

— Вы играете с Сатаной, — напомнил он мне, потом покачал головой. — Нет, вы ошибаетесь. Мои планы требуют вашего присутствия на земле. Тем не менее я хвалю ваше благоразумие при подъеме. И признаюсь — вы удивили меня.

— В таком случае я начал службу с замечательного достижения, — я встал и поклонился.

— Пусть для нас обоих ваш год будет выгоден, — сказал он. — А теперь, Джеймс Киркхем, — я требую вашей первой службы!

Я сел, ожидая дальнейшего; пульс мой слегка ускорился.

— Юнаньские нефриты, — сказал он. — Правда, что я организовал дело таким образом, чтобы они остались у вас, если вы окажетесь достаточно умны. Правда и то, что меня позабавило бы обладание этими брошами. Я вынужден был выбирать между двумя интересами. Очевидно, что в любом случае я должен был испытать полуразочарование.

— Другими словами, сэр, — серьезно сказал я, — вы заметили, что даже вам не удастся два раза съесть один и тот же пирог.

— Совершенно верно, — ответил он. — Еще один недостаток этого так неловко созданного мира. Теперь нефриты в музее; что ж, пусть остаются там. Но музей должен заплатить за мое полуразочарование. Я решил приобрести нечто принадлежащее музею и давно интересующее меня. Вы... убедите... музей отдать это мне, Джеймс Киркхем.

— А что это? — спросил я. — И каков будет метод моего... убеждения?

— Задача нетрудная, — ответил Сатана. — В сущности, это испытание, которому подвергали всех воинов в старицу, прежде чем посвятить в рыцари. Я следую этому обычаю.

— Подчиняюсь правилам, сэр, — сказал я ему.

— Много столетий назад, — продолжал он, — фараон призвал величайшего златокузнеца, Бенвенуто Челлини своего времени, и велел ему изготовить ожерелье для своей дочери. Никто не знает, было ли это по случаю ее дня рождения или свадьбы. Златокузнец изготовил оже-

релье из лучшего золота, сердолика, лазурита и зеленого полевого шпата, называемого аквамарином. На одной стороне с золотым картушем с иероглифическим именем фараона мастер изобразил сокола, увенчанного солнечным диском, — это Гор, сын Озириса, в некотором смысле бог любви и страж счастья. На другой — крылатая змея, урей, несущая на себе крест с ручками, сгих *ansata*, символ жизни. Внизу он изобразил сидящего на корточках бога со множеством годов в руках, а на его локте сидит головастик — символ вечности. Так хотел фараон при помощи амулетов и символов дать вечную любовь и жизнь своей дочери.

Увы! Что такое любовь, человеческая надежда и вера?! Принцесса умерла, умер и фараон, а со временем умерли Гор, и Озирис, и все боги древнего Египта. Но красота, которую забытый Челмини вложил в это ожерелье, не умерла. Она не могла умереть. Она бессмертна. Ожерелье много столетий лежало с мумией принцессы в ее скрытом каменном гробе. Оно пережило своих богов. Оно переживет и богов сегодняшних, и богов тысяч завтра. Незатуманенная, его красота сияет нам, как и три тысячи лет назад, когда истлевшая грудь, на которой его нашли, была полна жизни и любви и, может быть, была легкой тенью той самой красоты, которая в ожерелье бессмертна.

— Ожерелье Сенусерта Второго! — воскликнул я. — Я знаю эту замечательную вещь, Сатана!

— Я должен получить это ожерелье, Джеймс Киркхем!

Я смотрел на него в замешательстве. Если это он считает легкой службой, какова же тогда, по его мнению, трудная?

— Мне кажется, Сатана, — рискнул я, — что вы вряд ли могли подобрать другой предмет, который было бы так же трудно приобрести каким угодно... убеждением. Ожерелье охраняют днем и ночью. Оно лежит в закрытой витрине в центре сравнительно небольшой комнаты, причем — преднамеренно — в самом заметном месте этой комнаты, под постоянным наблюдением...

— Я должен его получить, — прервал он меня. — Вы должны взять его для меня. Отвечу на ваш второй вопрос. Как? Подчиняясь до минуты, до секунды, без отклонений инструкциям, которые я дам вам. Возьмите карандаш,

запишите время каждого эпизода, запомните их без малейших изменений.

Он подождал, пока я выполню первую часть его приказа.

— Вы уедете отсюда, — заговорил он, — завтра в 10.30 утра. Путешествие ваше будет так рассчитано, что вы сможете выйти из машины и войти в музей ровно в час. На вас будет костюм, который даст вам лакей. Он также подберет вам пальто, шляпу и другие предметы одежды. Как полагается по правилам, вы должны сдать пальто в гардероб. Оттуда вы должны сразу направиться к юаньским нефритам, такова для всех причина вашего посещения. Можете разговаривать с кем хотите, и даже чем больше, тем лучше. Но вы должны суметь точно в 1.45 в одиночку войти в северный коридор египетского крыла. Там вы будете тут рассматривать коллекции до 2.05, а затем, точно в эту минуту, войдете в комнату с ожерельем. Оба входа в комнату охраняются. Знают ли вас в лицо охранники?

— Не уверен, — ответил я. — Возможно. Во всяком случае они обо мне слышали.

— Вы найдете возможность представиться одному из охранников в северном коридоре, — продолжал он, — если он не знает вас в лицо. То же самое вы сделаете и с одним из охранников в комнате с ожерельем. Затем вы отойдете в один из углов комнаты, неважно, в какой именно, и будете рассматривать витрину, которая окажется перед вами. Ваша цель — находиться как можно дальше от обоих охранников, которые могут счесть своим долгом держаться вблизи к такому, — он поднял свой кубок, — почетному посетителю. Наконец, Джеймс Киркхем, ровно в 2.15 вы подойдете к витрине, вскроете ее инструментом, который вам предоставят, положите ожерелье в хитроумный карман, который найдете внутри пальто, бесшумно закроете витрину и выйдете.

Я недоверчиво смотрел на него.

— Вы сказали — выйду?

— Выйдете, — повторил он.

— Вероятно, неся на себе, — с насмешкой предположил я, — обоих охранников.

— Вы не обратите никакого внимания на охранников.

— Да? Но они обязательно обратят на меня внимание, Сатана.

— Больше никогда не прерывайте меня, — строго приказал он. — Вы поступите точно, как я вам говорю. Не обратите никакого внимания на охранников. Не обратите никакого внимания на то, что происходит вокруг вас. Помните, Джеймс Киркхем, это жизненно необходимо. Вы должны сделать только одно: ровно в 2.15 открыть витрину и выйти из комнаты с ожерельем Сенусерта. Вы ничего не будете видеть, слышать или делать, кроме этого. Вам потребуется две минуты, чтобы достичь гардероба. Оттуда вы пойдете прямо к выходу. Выйдя, вы свернете направо, наклонитесь и завяжете шнурок ботинка. Затем спуститесь по ступеням, по-прежнему не обращая внимания на то, что может происходить вокруг. У обочины будет стоять синий лимузин, шофер будет протирать правую фару. Вы сядете в машину и отадите тому человеку, которого увидите внутри, ожерелье. В это время будет 2.20. Не позже. С этим человеком вы будете ехать в течение часа. В 3.20 машина остановится за обелиском у музея. Вы выйдете из нее, пройдете на авеню и в такси вернетесь в клуб Первооткрывателей.

— Вы сказали, в клуб Первооткрывателей? — я в замешательстве подумал, что он оговорился.

— Повторяю — в клуб Первооткрывателей, — повторил он. — Вы направитесь там прямо к портье и скажете дежурному, что у вас есть работа, которая требует абсолютной сосредоточенности. Вы скажете, что вас не должны беспокоить ни телефонные звонки, ни посетители. Вы скажете также, что, вероятно, газетные репортеры попытаются увидеться с вами. Он должен ответить им, что вы обещали принять их в восемь. Вы внушите дежурному, что ваша работа очень важна, и вас не должны беспокоить ни в коем случае. Далее вы попросите его в семь часов прислать к вам в комнату все послеполуденные и вечерние выпуски газет.

Он помолчал.

— Вам все ясно?

— Все, кроме того, что я должен сказать репортерам, — ответил я.

— А это вы узнаете, прочитав газеты, — загадочно ответил он.

И прихлебнул из своего кубка, оценивающе глядя на меня.

— Повторите инструкции, — приказал Сатана.

Я хладнокровно повиновался.

— Хорошо, — кивнул он. — Вы, конечно, понимаете, что не это скромное приключение составляет причину моего желания приобрести вас. Настоящее приключение — другое. А это просто испытание. Вы должны его выдержать. Ради собственного благополучия, Джеймс Киркхем, вы должны выдержать!

Его алмазно-жесткие глаза сверкнули по-змеиному. Каким бы безумным ни было действие, которое он описал, Сатана был абсолютно серьезен, без всякого сомнения. Я не отвечал. Мне нечего было сказать.

— А теперь, — он коснулся звонка, — больше никаких возбуждений сегодня. Я забочусь о хорошем самочувствии своих подданных, даже тех... что проходят испытательный срок. Идите к себе и спите спокойно.

Открылась панель, из лифта вышел Томас и стоял, ожидая меня.

— Спокойной ночи, Сатана, — сказал я.

— Спокойной ночи, — ответил он, — и пусть ваша завтрашняя ночь будет лучше сегодняшней.

Было уже почти одиннадцать. Ужин продолжался дольше, чем я думал. В спальне все было готово, я отпустил Томаса. Через полчаса, после двух порций бренди с соудой, я выключил свет и лег в кровать, надеясь на появление Баркера. Лежа с широко открытыми глазами в темноте, я повторял полученные инструкции.

Ясно, что я стал частью более или менее сложной головоломки. Я сам должен в точно определенный момент совпасть с рядом других деталей, и все встанет на место. Или, еще лучше, я живая шахматная фигура в одной из тех игр, которые так забавляют Сатану. Я должен делать свои ходы в назначеннное мне время. Но что будут делать другие фигуры? И если одна из них сделает ход слишком быстро или слишком поздно? Где я буду тогда в этой неизвестной игре?

Я вспомнил яркоглазого лысого дьявола из малахита за двумя тронами — двойник Сатаны направлял руки богинь судьбы. Странно, но это воспоминание успокоило меня. Этическая сторона дела меня мало заботила. В конце концов все музейные сокровища — результат гра-

бежей: грабежей могил, курганов, затерянных городов, а остальное было украдено, причем часто неоднократно. Кроме того, мне ничего не оставалось делать, как повиноваться Сатане. Если бы я этого не сделал, что ж, это означало бы мой конец. В этом я не сомневался. А Сатана все равно получил бы то, что ему захотелось получить. Что же касается того, чтобы выдать его?.. Я даже не знал места своего вежливого заключения.

Нет, если я хочу обыграть Сатану, я должен играть с ним. Другого пути нет.

И что такое любое ожерелье рядом с Евой!

Я постарался запомнить инструкции, повторяя их снова и снова. После этого захотел спать. И Баркер меня не разбудил.

Глава одиннадцатая

Ня следующее утро еще до появления верного Томаса Я уже встал и принял ванну. Без вопросов взял костюм, который он предложил мне. Я и не знал, что у меня есть такой костюм. На внутренней стороне пиджака, слева, находился широкий карман. Карман глубокий, и по верхнему его краю посажен ряд маленьких крючков с тупыми краями. Я тщательно осмотрел их. Выступающие края ожерелья Сенусерта были примерно шести дюймов длины. Верхняя нить ожерелья могла быть подвешена на эти крючки, и все украшение свободно свисало бы с них, никак не выдавая своего присутствия. Как и указал Сатана, карман был сделан изобретательно и именно для этого случая. Томас дал мне также превосходно сидящее серое пальто, совершенно мне незнакомое, но я с интересом заметил, что на портновском ярлычке на внутреннем кармане было мое имя, а также мою собственную мягкую шляпу и малаккскую трость.

И наконец он дал мне маленький инструмент странной формы, сделанный из тусклого серого стали, и ручные часы.

— У меня есть часы, Томас, — сказал я, изучая странный маленький инструмент.

— Да, — ответил он, — но на этих время хозяина, сэр.

— А, понимаю. — Я с восхищением заметил, что Сатана предусмотрел даже неточности часов своих фигур; очевидно, все часы синхронизованы. Это мне понравилось. — А вот это? Как оно работает?

— Я вам покажу, сэр.

Он подошел к стене и открыл шкаф. Достал оттуда секцию прочной витрины, закрытой сверху стеклом.

— Попробуйте открыть, сэр, — сказал он.

Я попробовал поднять крышку. Она не поддалась, несмотря на все усилия. Томас взял у меня стальной инструмент. Он был сделан в форме стамески, с краями, острыми, как у бритвы, длиной примерно в четыре дюйма, с плоской ручкой полутора дюймов шириной. В ручку был вделан винт. Томас сунул острый край между крышкой и стенкой и быстро повернул винт. Инструмент, казалось, растаял в почти невидимой щели. Последовал глухой щелчок, и лакей поднял крышку. Он с улыбкой протянул мне инструмент. Я увидел, что его острый край раскрылся, как челюсти, и сквозь него торчит, как язык, еще одно острие. Челюсти были раскрыты, а язык выдвинут вперед невероятно мощным рычагом. Все вместе сломало замок, как будто он был сделан из хрупкого дерева.

— Очень легко управлять, сэр, — сказал Томас.

— Очень, — сухо ответил я. И опять почувствовал восхищение Сatanой.

Я позавтракал в своей комнате и, сопровождаемый Томасом, сел в ожидавшую машину ровно в 10.30. Занавеси были опущены и закреплены. Я подумал об использовании маленького инструмента. Но рассудок заставил воздержаться.

Ровно в час я вошел в музей, остро сознавая наличие кармана, приготовленного для ожерелья, и маленького инструмента. Я сдал пальто и шляпу, кивнув служителю, который узнал меня. Оттуда я направился прямо к нефритам и провел с полчаса, разглядывая аналогичные украшения в обществе помощника главного хранителя, который оказался здесь. Потом я отделался от него и ровно в 1.45, с точностью до секунды, прошел в северный коридор египетского крыла. Я не представлялся охранникам в коридоре. Они меня знали. В два часа я был рядом с входом в комнату с ожерельем. В 2.05 по часам Сatanы я вошел в нее.

Если мое сердце и билось быстрее обычного, я этого никак не показал. Небрежно осмотрел комнату. У противоположного входа стоял охранник; второй — на пути между мной и витриной в центре, которая была моей целью. Оба внимательно рассматривали меня. Ни одного из них я не знал. Я подошел ко второму охраннику, дал ему свою карточку и задал несколько вопросов о коллекции скарабеев, которая, как я знал, скоро будет выставлена. Настороженность оставила его, когда он прошел мое имя, а отвечал он так, как отвечал бы администрации музея. Я отошел в юго-восточный угол комнаты и для видимости погрузился в изучение лежавших там амулетов. Краем глаза я видел, как охранники пошептались, с уважением поглядывая на меня, затем разошлись и вернулись на свои места.

Часы Сатаны показывали 2.10. Еще пять минут. В комнате находилось свыше десяти посетителей. Три пары респектабельных иностранцев средних лет. Девушка, возможно, художница. Седовласый человек, похожий на ученого, мужчина, на котором ясно было написано, что он немецкий профессор, два прекрасно одетых англичанина, со знанием дела обсуждавших эволюцию иероглифа тет негромкими, но хорошо воспитанными и звучными голосами, неопрятно выглядевшая женщина, которая, казалось, вообще не понимает, где находится, и еще два-три человека. Англичане и девушка стояли возле витрины с ожерельем. Остальные — по всей комнате.

На часах Сатаны 2.14.

Из северного коридора донесся топот, закричала женщина. Я услышал крик:

— Остановите его! Остановите его!

Мимо дверей мелькнула фигура. Бегущая женщина. За ней, очень близко, мужчина. В его руке блеснула сталь.

На часах 2.15. Я направился к витрине с ожерельем, сжимая в правой руке отмычку.

Шум в коридоре становился громче. Снова закричала женщина. Люди в комнате устремились к выходу. Мимо меня пробежал охранник от дальнего входа.

Я остановился перед витриной. Сунул край маленькой стамески в щель между крышкой и стенкой. Повернул винт. Послышался щелчок. Замок был сломан.

Крик завершился ужасающим захлебывающимся воплем. Снова топот ног у двери. Я услышал проклятие и звук падения тяжелого тела.

Я достал из витрины ожерелье. Опустил его в карман, подвесив верхний край на маленькие крючки. Я направился к выходу из комнаты, через который вошел. Один из охранников лежал на пороге. Над ним склонился немец. Рядом присела девушка, которую я принял за художницу, руками она закрывала глаза и истерически рыдала. Из оружейной палаты через коридор донесся еще один отчаянный крик, на этот раз мужской. Между двумя черными саркофагами я прошел к выходу из египетского крыла, вышел в большой зал, увешанный гобеленами, и прошел через турникет. Охранник стоял ко мне спиной, он прислушивался к звукам, которые из-за расстояния и расположения помещений здесь были едва различимы.

Служитель, подавший мне пальто, совершенно очевидно ничего не слышал.

Выйдя, я свернул направо, как и велел Сатана, наклонился, возясь со шнурком. Кто-то прошел мимо меня в музей.

Выпрямившись, я продолжал спускаться по лестнице. У ее основания и чуть в стороне дрались двое. Вокруг них собралась группа зевак, я увидел бегущего полицейского. Все окружающие были поглощены зрелищем драки.

Я прошел мимо. В дюжине ярдов слева стоял синий лимузин; шофер, не обращая внимания на дерущихся, куском замши полировал правую фару.

Направившись к машине, я увидел, что шофер прервал свое занятие, открыл дверцу и ждет, внимательно глядя на меня.

Часы Сатаны показывали 2.19.

Я сел в машину. Занавеси спущены, внутри темно. Дверь за мной закрылась, и стало еще темнее.

Машина тронулась. Кто-то шевельнулся рядом со мной. Кто-то дрожащим, нетерпеливым голосом спросил:

— С вами все в порядке, мистер Киркхем?

Голос Евы!

Глава двенадцатая

Я зажег спичку. Ева быстро отвернулась, но я успел заметить слезы на ее глазах и бледность лица.

— Все в порядке, благодарю вас, — ответил я. — Все, насколько мне известно, прошло в точном соответствии с планом Сатаны. Во всяком случае я все выполнил. Ожерелье у меня в кармане.

— Я... я бес... беспокоилась не из-за него, — негромко, дрожащим голосом сказала Ева. Она, несомненно, очень нервничала. Ни на мгновение я не подумал, что озабоченность ее вызвана мною. То, что она поняла зловещее значение слов Сатаны накануне вечером, было несомненно. Возможно, ее мучили предчувствия. Теперь она знала точно.

Тем не менее, по той или иной причине, она беспокоилась обо мне. Я придвинулся ближе.

— Сатана дал мне ясно понять, что состояние моего здоровья и получение ожерелья очень тесно связаны друг с другом, — сказал я ей. — Я, естественно, буквально выполняю его инструкции. Следующий мой шаг — отдать ожерелье вам.

Я снял ожерелье с крючков в кармане.

— Как включить свет? — спросил я. — Хочу, чтобы вы убедились: я даю вам именно то, что нужно нашему хозяину.

— Н... не зажигайте, — прошептала Ева. — Дайте мне эту проклятую вещь!

Я рассмеялся. Как мне ни жаль было ее сдержаться я не мог. Она тронула меня руками. Я взял их в свои, она не отбрала. И через некоторое время прижалась ко мне, как испуганный ребенок. Да, она была очень похожа на испуганного ребенка, когда сидела в темноте, молча плача и сжимая мои руки. Про себя я на семи языках проклял Сатану, во мне горела холодная, неумолимая ненависть.

Наконец она нервно рассмеялась и отодвинулась от меня.

— Спасибо, мистер Киркхем, — спокойно сказала она.
— Вы всегда очень внимательны.

— Мисс Демерест, — резко ответил я, — хватит обмениваться уколами. Вы испуганы. Вы знаете почему — и я тоже.

— Чего мне бояться? — спросила она.

— Участи, назначенной вам Сатаной. Вы знаете, что это за участь. Если у вас есть какие-то сомнения, то позвольте вам заметить, что во мне он не оставил никаких после вашего ухода из комнаты прошлым вечером.

Наступило молчание, затем во тьме ее голос, испуганный и полный отчаяния.

— Он хочет... взять меня! Он... возьмет меня! Что бы я ни делала! Я убью себя... но я не могу! Не могу! О Боже, что мне делать? О Боже, кто мне поможет?

— Я буду очень стараться помочь, если только вы мне позволите.

Она не ответила сразу, сидела молча, пытаясь овладеть собой. Неожиданно зажгла свет, глядя на меня полными слез глазами, и сказала твердо, как будто пришла к определенному решению:

— Скажите, мистер Киркхем, почему вы остановились после второго следа? Вы ведь хотели продолжать подъем. Сатана заставлял вас. Почему вы остановились?

— Потому что услышал ваш голос. Вы сказали, чтобы я не шел дальше.

Она резко, со всхлипом, вдохнула.

— Это правда, мистер Киркхем?

— Клянусь Господом. Как будто вы стояли рядом, коснулись моего плеча и велели остановиться. Не подниматься выше. Эти дьявольские корона и скипетр звали меня к себе тысячей голосов. Но когда я услышал вас — или подумал, что слышу, — их голоса я больше не слышал.

— Ох! — в глазах Евы было восхищение, щеки ее потеряли бледность, восклицание звучало песней.

— Вы позвали меня? — прошептал я.

— Я смотрела, как вы поднимаетесь, из-за света, с... остальными, — сказала она. — И когда второй след вспыхнул на стороне Сатаны, я со всей силой воли послала вам предупреждение. Снова и снова молила я, пока вы стояли в нерешительности: «О милостивый Боже, кто

бы ты ни был, дай ему услышать меня! Позволь ему слышать меня, добрый Господь», — и вы услышали.

Она замолчала, глядя на меня широко раскрытыми глазами, щеки ее быстро краснели.

— Вы узнали мой голос! — прошептала Ева. — Но вы не услышали бы, или, даже услышав, не обратили бы внимания, если бы не... если бы не...

— Что если бы не? — торопил я.

— Если бы нечто, помимо нас, не готово было помочь нам, — задыхаясь, сказала Ева.

Теперь она покраснела до корней волос; и я был вполне уверен, что она назвала не ту причину, о которой думала. У меня была более материалистическая теория происшедшего. Что-то во мне, а не вне меня, обострило чувствительность моего мозга. Я никогда не сталкивался с убедительными доказательствами того, что нематериальная энергия способна смягчить толчки на неровной дороге нашего земного путешествия. Я всегда предпочитал помочь доброго Пророкования в виде, например, маленького вора-кокни с его прекрасным знанием секретов стен Сатаны. Однако подобное возможно; и если Еве спокойнее в это верить, пусть верит. Поэтому я серьезно кивнул и заверил ее, что это похоже на правду.

— Нет ли среди людей Сатаны такого, кому вы могли бы довериться, кого можно было бы убедить действовать против него? — спросил я.

— Нет, — ответила Ева. — Консардайну я нравлюсь. Думаю, он пошел бы далеко, защищая меня. Но он связан с Сатаной. Все они с ним связаны. Не только страхом — вы видели, что случилось с Картрайтом, — но и другими причинами. Сатана хорошо платит, мистер Киркхем. И не только деньгами... У него ужасная власть... нечестивая власть. О, людям нужны не только деньги! И не только деньги он дает им! Вы даже представить себе не можете...

— Наркотики? — предположил я без особого воображения.

— Вы говорите глупости — нарочно, — сказала она.

— Вы хорошо знаете, что способен дать Люцифер. А он может... и дает... и даже те, кто проиграл ему, надеются получить еще один шанс... или получить что-нибудь в результате его каприза.

— Случалось что-нибудь подобное?

— Да, случалось. Но не думайте, что он это делал из милосердия.

— Вы хотите сказать, что это просто игра; он манит их свободой, которая кажется такой близкой?

— Да, — ответила она. — Чтобы от отчаянья они не становились менее полезными для него.

— Мисс Демерест, — резко спросил я, — почему вы считаете, что я не такой, как другие?

— Вы пришли к нему не по своей воле, — сказала она. — И вы не раб его семи сверкающих следов.

— Я был очень близок к этому вчера вечером, — с сожалением сказал я.

— Они не смогли... захватить вас, — прошептала она.
— Как других. И не смогут. Не должны, мистер Киркхем.
— Я не собираюсь давать им такую возможность, — мрачно заметил я.

В ответ она дала мне вторую руку.

Я взглянул на часы и чуть не подпрыгнул.

— Нам осталось меньше десяти минут. А мы даже не составили какой-нибудь план. Нужно встретиться снова — и побыстрее. И надо продолжать обманывать Сатану.

— Это будет очень трудно, — она кивнула. — Но об этом я позабочусь. Вы, конечно, понимаете теперь, что именно по этой причине я так оскорбительно вела себя с вами?

— Даже до признания Сатаны я предположил что-то в этом роде, — улыбнулся я. — И вы, конечно, понимаете, что мое не менее оскорбительное предложение Сатане отдать вас мне было вызвано тем же?

— Больше того, — негромко сказала она. — Я знаю, что вы думали на самом деле.

Я снова бросил взгляд на часы. Только шесть минут — должно хватить.

— Послушайте, — вдруг сказал я, — ответьте мне правдиво. Когда вам впервые пришло в голову, что именно я могу помочь вам вырваться из западни?

— Как только вы меня поцеловали.

— Ева, — сказал я, — а сейчас маскировка необходима?

— Нет, — искренне ответила Ева. — А что?

— Вот что! — Я отпустил ее руки, привлек ее к себе и поцеловал. А Ева обхватила меня за шею руками и поцеловала от всего сердца.

— Какое совпадение, — прошептал я ей на ухо. — Именно в тот же момент я решил принять участие в игре.

— О... Джим — вздохнула Ева. На этот раз она меня поцеловала.

Машина пошла медленнее. Я беспомощно ругнул беспощадное расписание Сатаны.

— Ева, — быстро заговорил я и сунул ей в руки ожерелье Сенусерта. — Ты знаешь маленького англичанина по имени Баркер? Электрика? Похоже, он тебя знает.

— Да, — ответила она удивленно. — Знаю. Но как...

— Связись с ним, как только сможешь. Мне некогда объяснять. Но Баркеру можно доверять. Скажи ему, чтобы он пробрался ко мне в комнату в первый же вечер после моего возвращения. Всеми правдами и неправдами он должен быть у меня. Поняла?

Она кивнула, глаза ее были широко раскрыты.

— Устрой так, чтобы ты тоже была там вечером.

— Хорошо... Джим.

Я посмотрел на часы. Осталась минута и три четверти. Мы использовали их наилучшим образом.

Машина остановилась.

— Помни о Баркере, — прошептал я. Открыв дверцу, я вышел из машины. Дверца за мной закрылась, и машина двинулась дальше. Обелиск оказался совсем рядом. Я послушно обошел его. Выходя на Пятую авеню, я увидел в ста футах от себя человека. Пальто и шляпа у него были такие же, как у меня. Он размахивал малаккской тростью. Меня охватило любопытство. Я двинулся к нему и тут же остановился. Пойдя за ним, я нарушу инструкции Сатаны. Мне меньше, чем когда-либо, хотелось делать это. Я неохотно повернул назад.

Остановив такси, я поехал в клуб. Все вокруг было розовым. Мне хотелось петь. Прохожие на авеню весело скользили мимо. Ева слегка ударила мне в голову. И вдруг розовый свет померк, песня заглохла. Возвращался рассудок. Несомненно, отсутствие ожерелья уже обнаружено. Двери музея закрыты, никого не выпускают без обыска. Вероятно, тревога прозвучала, уже когда я спускался по лестнице. Возможно, я единственный, кто вышел из музея. Если это так, меня заподозрят. Я нарочно привлек к себе внимание охранников не только в коридоре, но и в самой сокровищнице. Они меня запомнили.

Почему же я ускользнул, несмотря на весь переполох? Значит, у меня была для этого причина. А какая причина? Только сбежать с ожерельем.

Допустим, воровство не обнаружат до закрытия музея. Все равно мне трудно было бы объяснить причину столь стремительного ухода. Я единственный, кто не заинтересовался происходившим.

Неужели Сатана пропустил ход в своей сложной игре, допустил ошибку в своих расчетах? Или холодно спалировал, чтобы именно на меня пало подозрение? Так или иначе, оно на меня падет.

С тяжелыми мыслями я отпустил такси и вошел в клуб.

— Рано вернулись, мистер Киркхем, — улыбнулся дежурный за стойкой, протягивая мне ключи.

Совершенно очевидно, он не подозревал, что Киркхем, вышедший отсюда несколько часов назад, и тот, который только что вошел, — разные люди. Должно быть, мой двойник действительно хорош, подумал я.

— Следующие несколько часов я буду очень занят, — сказал я ему. — То, что я пишу, требует полнейшей сосредоточенности. Ничего, абсолютно ничего, сколь бы важно оно ни казалось, не должно отвлекать меня. Вероятно, мне будут звонить, возможно, придут посетители. Говорите всем, что меня нет. Если придут репортеры, скажите им, что я встречусь с ними в восемь. Пришлите ко мне в номер все газеты к семи часам. Не раньше. Самые последние выпуски. И кто бы ни позвонил, меня не тревожьте.

— Положу запасной ключ в ваш ящик, — ответил он.

— Это хорошо действует.

Я пошел к себе в номер. Закрыв дверь, тщательно осмотрел ее. На столе почта за три дня. Писем немного, ни одного важного, и все распечатаны. Два приглашения выступить на обедах. Сделанные под копирку копии ответов с извинениями и отказом были прикреплены к ним. Моя подпись под ответами выглядела совершенно нормально. Способность моего двойника к имитации, очевидно, распространялась не только на голос и внешность. Я с интересом заметил, что причина отказа — я не буду в городе в день обеда. Так. Но где, во имя дьявола, я в таком случае буду? Рядом с машинкой — пространный документ. Пролистав его, я понял, что это доклад о возможности

эксплуатации некоторых месторождений полезных ископаемых в Китае. Доклад адресован тому самому известному адвокату, который провозгласил тост за «новопроклятого» на вечере у Сатаны накануне. Доклад был выправлен моим почерком; аннотация тоже как будто была написана мной. Я не знал, какова причина всего этого, но был уверен, что адвокат легко со всеми подробностями расскажет о появлении этого документа. Моя вера в Сатану снова воскресла. Я почувствовал себя гораздо спокойнее.

Я обшарил карманы костюмов, висевших в шкафу. Ничего, ни одного клочка бумаги.

Наступило семь часов, в дверь негромко постучали. Вошел Роберт, ночной дежурный, с пачкой газет. Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами, и видно было, что его распирают вопросы. Что ж, у меня тоже было множество вопросов. Что же написано в газетах? Но я не дам ему заподозрить свое незнание.

Поэтому я рассеянно взял у него газеты и с отсутствующим видом закрыл дверь

Как только я открыл первую же газету, мне в глаза бросился заголовок:

ТРОЙНАЯ ТРАГЕДИЯ В МЕТРОПОЛИТЕН МУЗЕЕ: ПОХИЩЕН БЕСЦЕННЫЙ ЭКСПОНАТ, НА ГЛАЗАХ ОХРАННИКОВ И ПОСЕТИТЕЛЕЙ УБИТА ЖЕНЩИНА, ЕЕ УБИЙЦА УБИТ ДРУГИМ ЧЕЛОВЕКОМ, КОТОРЫЙ, БУДУЧИ ЗАДЕРЖАН, СОВЕРШИЛ САМОУБИЙСТВО. ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КИРКХЕМ РАССТРАИВАЕТ ПЛАНЫ ПОХИТИТЕЛЕЙ. ОН ПОДНЯЛ ТРЕВОГУ И ЗАСТАВИЛ ЗАКРЫТЬ ДВЕРИ МУЗЕЯ. ПОСЛЕ СЕРИИ УБИЙСТВ, ПОГРУЗИВШИХ СОКОРОВИЩНИЦУ В ХАОС, ПРЕСТУПНИК ПРЯЧЕТ ОЖЕРЕЛЬЕ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ПРИНЦЕССЫ И СКРЫВАЕТСЯ. МУЗЕЙ МЕТРОПОЛИТЕН БУДЕТ ЗАКРЫТ, ПОКА НЕ ОБНАРУЖАТ ОЖЕРЕЛЬЕ.

Остальные заголовки в других выражениях говорили о том же. Я прочел материалы. Время от времени у меня возникало ощущение, что кто-то брызгает мне между лопatkами ледяную воду. Процитирую наиболее полный отчет.

«Неизвестная женщина сегодня днем убита в музее искусств Метрополитен на глазах у полудюжины охранников и более двадцати посетителей.

Ее убийца пытался скрыться, но прежде чем он смог уйти, на него напал товарищ этой женщины, бегущий споткнулся и получил нож в сердце. Второй убийца после погони был схвачен. Когда его вели в кабинет хранителя, чтобы там дождаться полиции, он упал. И умер через несколько секунд, очевидно, под действием какого-то быстродействующего яда, который он сумел сунуть в рот. Оба убийства и самоубийство произошли вблизи Египетского зала, где хранятся некоторые наиболее ценные сокровища музея. Воспользовавшись смятением, кто-то вскрыл витрину, в которой хранилось ожерелье, подаренное фараоном Сенусертом Вторым дочери. Ожерелье, бесценный реликт прошлого и предмет восхищения тысяч посетителей, было похищено. Его выносу из здания музея помешала, однако, бдительность мистера Джеймса Киркхема, известного исследователя, который заставил закрыть двери, прежде чем кто-нибудь смог покинуть музей. Обыск всех находившихся в здании не помог обнаружить украденное сокровище. По-видимому, вор ударился в панику, обнаружив, что не может выйти, и где-то спрятал ожерелье. Неизвестно, хотел ли он после вернуться за ним или просто избавиться. Музей будет закрыт для посетителей, пока ожерелье не найдут, что, благодаря сообразительности мистера Киркхема, является лишь вопросом времени.

Ни администрация музея, ни полиция не связывают происшедшую трагедию с воровством; вор, очевидно, поддался внезапному искушению и воспользовался представившейся возможностью».

Что ж, подумал я, я мог бы кое-что добавить к этому. И если музей будет закрыт, пока не найдут ожерелье, его дверные петли проржавеют.

Три жизни — цена безделушки! Я продолжал чтение с холодным ужасом в сердце.

«В начале третьего один из охранников египетского крыла впервые обратил внимание на женщину и двух мужчин. Они оживленно разговаривали, по-видимому, обсуждая экспозицию фигур ушебти, похожих на модели игрушек из усыпальниц. Женщина примерно тридцати лет, привлекательная блондинка, по-видимому, англичанка. Мужчины старше, охранник принял их за сирийцев. Внимание охранника привлекла своеобразная бледность их лиц и необычная величина глаз.

«Похожи на наркоманов и в то же время не похожи, — рассказывает он. — Лица болезненно бледные, почти прозрачные. Но вели они себя не как наркоманы. Разговаривали вполне разумно. И одеты хорошо». В конце концов он решил, что это иностранцы и отвлекся. Через несколько минут он увидел одного из мужчин рядом с собой. Позже было установлено, что именно этот мужчина сопровождал женщину, вошедшую в музей примерно в 1.30. Служитель в гардеробе также обратил внимание на их бледность и странные глаза. Этот мужчина миновал вход в небольшую комнату, где наряду с другими древними драгоценностями хранилось ожерелье Сенусерта. Он свернул в следующий коридор и исчез.

Женщина продолжала разговаривать со вторым мужчиной, который вошел в музей, очевидно, незадолго до двух. Неожиданно охранник услышал крик. Он обернулся и увидел, как женщина пытается отвести удары длинного ножа, которыми осыпал ее мужчина. Охранник, Уильям Бартон, закричал и побежал к ним. В то же самое время появилось множество посетителей, привлеченных со всех сторон криками.

Они оказались на пути Бартона, а стрелять он не мог из боязни попасть в женщину или в кого-нибудь из возбужденных зрителей.

Весь эпизод занял несколько секунд. Нож пронзил сердце женщины. Убийца, размахивая окровавленным лезвием, пробежал сквозь толпу окаменевших от ужаса свидетелей и побежал в том направлении, в котором исчез первый мужчина. Когда он пробегал мимо комнаты с ожерельем, оттуда выбегали посетители. И с ними один из двоих охранников, находившихся там на посту. Они отпрянули, стараясь быть подальше от ножа, некоторые упали. Началась паническая свалка, которую пытался предотвратить второй охранник.

Тем временем на повороте во второй коридор убийца оказался лицом к лицу с компаньоном женщины. Он ударил его, но промахнулся и побежал в оружейную палату, а второй с ножом в руке гнался за ним.

Эти двое схватились и упали, покатившись по крытому плитками полу, каждый стараясь ударить другого кинжалом. Со всех сторон бежали охранники и посетители, и все превратилось в ад.

Все увидели, как взметнулась рука преследователя. Другой закричал — в его сердце был нож!

Убийца вскочил и слепо бросился бежать. Преследуемый охранниками и посетителями музея, он свернулся в египетский коридор.

Его загнали в угол и свалили на пол.

Он был избит до потери сознания. Когда его несли в кабинет хранителя, тело его вдруг обвисло и потяжелело. Его положили.

Он был мертв!

Его убил шок или какой-то быстрый и мощный яд, который он принял, убедившись, что бегство невозможно. Что это было, покажет вскрытие.

Вся трагедия произошла за невероятно короткое время. Меньше пяти минут прошло между первым криком женщины и третьей смертью.

Но этого было достаточно, чтобы похититель ожерелья воспользовался представившейся возможностью. Среди посетителей музея был мистер Джеймс Киркхем, известный исследователь, который недавно привез в Америку знаменитые юаньские нефриты, подаренные музею мистером Рокбильтом. Мистер Киркхем напряженно работает над докладом о возможностях добычи полезных ископаемых в Китае для некоего мощного американского синдиката. Последние два дня он работал особенно сосредоточенно и почувствовал необходимость немного отвлечься. Он решил провести несколько часов в музее. Он зашел в египетскую комнату, где хранилось ожерелье, и рассматривал витрину с амулетами, когда послышался женский крик. Он увидел, как все побежали из комнаты, и последовал за ними. Убийства он не видел, но был свидетелем поимки второго мужчины. Занятый необходимостью закончить доклад и решив, что с него достаточно «разрядки», мистер Киркхем пошел к выходу. Он уже подошел к дверям музея, когда его охватило подозрение. Приученный своей работой к острой наблюдательности, он вспомнил, что, когда он торопился к выходу из комнаты с ожерельем вслед за другими, кто-то мимо него прошел в комнату. Он вспомнил также, что вслед за этим услышал резкий щелчок, как от сломанного замка. Поскольку все его внимание было привлечено к событиям снаружи, он не придал этому значения.

Но теперь это показалось ему весьма подозрительным.

Мистер Киркхем немедленно вернулся назад и приказал включить сигнал тревоги, после чего двери музея сразу закрыли. Поскольку его хорошо знают в музее, ему тут же подчинились.

Именно тренированная наблюдательность и быстрота реакции мистера Киркхема помешали вору».

Далее следовал рассказ об обнаружении вскрытой витрины, подтверждение того, что ни один человек не вышел из музея ни во время, ни после беспорядков, поголовный обыск в кабинете хранителя и вывод одного за другим под наблюдением всех посетителей, чтобы никто не мог подобрать спрятанное ожерелье. Мне интересно было прочесть, что я потребовал, чтобы меня обыскали наряду с другими, несмотря на протесты хранителя.

Наконец я добрался до своего интервью, изложенного во всех газетах почти одинаково.

«По правде говоря, — цитировались в газетах мои слова, — я чувствую себя виноватым за то, что не сразу понял важность своих впечатлений и не вернулся в комнату. Вероятно, я схватил бы вора с поличным. Но мозг мой на девять десятых был занят этим проклятым докладом, который должен быть закончен и отослан сегодня до полуночи. Мне кажется, что в комнате находилось около дюжины людей, но я абсолютно не помню, как они выглядели.

Услышав женский крик, я будто проснулся. Двигался я к двери полуавтоматически. Только когда я уже почти вышел из музея, начала действовать память, и я вспомнил человека, прошедшего украдкой в комнату, и резкий щелчок.

Оставалось только одно: никого не выпускать, пока не будет установлено, что ничего не украдено. Наружная охрана заслуживает похвалы за быстроту, с которой был включен сигнал тревоги. Я согласен с хранителем, что между воровством и убийством нет никакой связи. Да и какая тут возможна связь? Кто-то — не профессионал, потому что профессионал знает, что такую вещь продать невозможно, — поддался внезапному безумному искушению. Вероятно, он тут же искренне раскаялся и попытался избавиться от ожерелья. Единственная проблема — найти, куда он его засунул. Вы говорите: музей по-

везло, что я оказался там, — улыбнулся мистер Киркхем. — Что ж, еще больше повезло мне. Не хотел бы я оказаться в положении человека, первым вышедшего из музея, может быть, единственного вышедшего».

При этих словах хранитель, несмотря на все свое беспокойство, от всей души рассмеялся».

Было еще много, много другого, но я привел все слова, которые приписывались мне. Охранник, которого я видел лежащим на пороге, рассказал, как его сбили с ног и «кто-то дал мне в ухо». Второй охранник участвовал в погоне. В специальном выпуске одной из газет поместили ужасное рассуждение о возможности того, что вор заполз в рыцарское вооружение и теперь умирает там от голода и жажды. Очевидно, журналист представлял себе вооружение рыцаря железным ящиком, в котором можно спрятаться, как в шкафу.

Все газеты соглашались, что вряд ли удастся установить личность убитых. В их одежде или на них не нашли ничего, что могло бы привести к разгадке. Вот и все. Мое абсолютное алиби. Шахматные фигуры Сатаны заняли свое место, включая тех троих, которые больше никогда не двинутся. Мне было совсем неприятно читать об этом, вовсе нет. Особенно я морщился, читая, как веселился хранитель от предположения, что моя честность может быть поставлена под вопрос. Но мой двойник хорошо поработал. Это, конечно, он прошел мимо меня, когда я нагнулся, завязывая шнурок; он спокойно занял мое место без всякого перерыва. И это мимо него я прошел за обелиском и занял его место. Никто не видел, как я спускался по лестнице и сел в автомобиль рядом с Евой. Добавочной гарантией этого была отвлекающая драка. В алиби не было ни щелки. А трое мертвых, которые отвлекли внимание всех в музее и дали мне возможность украсть ожерелье? Рабы загадочного наркотика Сатаны — кефта. Доказательством служили описания их странных глаз и бледности — если мне нужны были бы доказательства. Рабы Сатаны, послушно играющие отведенную им роль в благословенной уверенности, что наградой им будет вечный рай.

Я перечитал газетные отчеты. В восемь часов ко мне впустили репортеров. Я строго придерживался фактов своего прежнего интервью. Репортеры вскоре ушли. В

конце концов я немного смог им добавить. Доклад, который так занимал меня, я оставил на виду, и они все могли его видеть.

Я пошел даже дальше. Поняв намек, содержащийся в словах двойника, я запаковал доклад, написал адрес и попросил одного из репортеров бросить его в ящик на обратном пути.

Когда все ушли, я попросил прислать обед ко мне в номер.

Но когда несколько часов спустя я лег в постель, где-то внутри было болезненное смутное ощущение. Больше, чем когда бы то ни было, я был склонен поверить в рассказ Сатаны о его истинной сущности.

Впервые за все время я его испугался.

Глава тринадцатая

На следующий день рано утром меня разбудил телефон. Говорил портье. Срочное сообщения для меня, посыльный ждет, когда я прочту. Я велел послать сообщение ко мне.

Это было письмо. Я вскрыл его и прочел:

«Хорошо сделано, Джеймс Киркхем. Я доволен вами.

Навестите своих друзей в музее сегодня днем.

Дальнейшие инструкции получите от меня завтра. С».

Я позвонил портье, чтобы отпустили посыльного, а мне прислали завтрак и утренние газеты. Конечно, это была сенсация, и все за нее ухватились. Меня вначале удивило, что очень много писалось об украденном ожерелье и мало об убийствах и самоубийстве. Потом я понял, что поскольку связи между этими происшествиями нет, газетчики рассудили здраво. В конце концов что такое три жизни для других миллионов? Они жили — и больше не живут. Есть еще множество людей.

А ожерелье уникально.

Я подумал, что Сатана, несомненно, рассуждал точно так же. Эти три жизни казались ему чем-то ничтожным по сравнению с ожерельем. И, очевидно, газеты были с ним согласны.

Три тела оставались в морге неопознанными. Музей после поисков, продолжавшихся всю ночь, не смог отыскать ожерелье. Таковы были новости, если это можно назвать новостями. Я спустился вниз и вступил в неизбежные обсуждения случившегося с другими членами клуба. В час посыльный принес мне еще одно письмо. На конверте был адрес влиятельной юридической конторы, которую возглавлял известный адвокат.

В письме чек на десять тысяч долларов!

В сопроводительной записке давалась высокая оценка моего доклада. Чек, было сказано в ней, за эту и возможные последующие работы. За последующие, разумеется, лишь как аванс. Они будут оплачены соответственно.

И вновь Сатана сказал правду. Он платил хорошо. Но что это за «последующие работы»? В три часа я пошел в музей. Без труда прошел заграждения. В сущности я стал героем. Хранитель был расстроен, но полон надежд. Уходя, я чувствовал себя гораздо несчастнее его, а что касается возможности находки ожерелья, тут у меня вообще надежд не было. С трудом я скрыл от него свое состояние. День прошел без известий от Сатаны или его служителей. Часы шли, и я все больше и больше чувствовал себя не в своей тарелке. Предположим, это единственное, что ему нужно было от меня. Выполнив поручение, я буду отброшен в сторону! Может быть, его королевство — ад, но пока там находится Ева, для меня он — рай. Я не хотел, чтобы его ворота захлопнулись передо мной. Выброшенный, я не смог бы пройти через них. Я даже не знал, где они находятся. Сон у меня в эту ночь был беспокойным, я разрывался между бессильным гневом и кошмарным ощущением невозместимой утраты.

Когда на следующее утро я вскрывал письмо Сатаны, у меня было чувство, будто ангел с пылающим мечом отошел от закрытых врат рая и знаком приглашал меня пройти.

«У меня прием, и компания для вас подходящая. Можете приказать, чтобы вашу почту из клуба пересыпали вам ежедневно. По зрелом размышлении, отказа я не приму.

В четыре часа вас будет ждать машина. С».

Внешне — сердечное настойчивое приглашение немногого отдохнуть. На самом деле приказ. Даже если бы я хотел, мне не стоило бы отказываться. Совесть перестала меня мучить. С легким сердцем я упаковал дорожную сумку, дал распоряжения погреть и с нетерпением ждал, когда подойдет назначенный час. Точно в четыре красивый лимузин остановился перед клубом, так же красиво одетый в ливрею шофер вышел из машины, с почтением приветствовал меня, как будто хорошо знал, взял мою сумку и сопроводил меня в машину.

Тут я немедленно получил доказательство, что выдержал испытание, назначенное Сатаной. Занавеси были подняты. Мне позволено увидеть, куда мы направляемся. Мы проехали по Пятой авеню и свернули на мост Квинсборо. По нему проехали на Лонг-Айленд. Примерно через сорок минут мы оказались у въезда на скоростную дорогу Бандербилта. За пятьдесят минут мы по ней проехали сорок пять миль до озера Понконкома. Далее свернули к заливу на север, проехали Смиттаун и двинулись по дороге Норт Шор. Вскоре после шести мы опять повернули к заливу и через несколько минут увидели узкую частную дорогу, проходящую по густой сосновой и дубовой роще. Мы повернули на нее. Через несколько сотен ярдов остановились у коттеджа, и шофер протянул нечто вроде пропуска вышедшему из дома человеку. Человек был вооружен мощным ружьем; очевидно, это был охранник. Через милю мы остановились у другого коттеджа, и все повторилось. Дорога начала огибать прочную высокую стену. Я понял, что о ней мне рассказывал Баркер, и удивился, как он умудрился миновать другую охрану. В 6.30 мы остановились у массивных стальных ворот. По сигналу шофера они открылись. Вышли несколько человек, расспросили шофера, осмотрели через окно меня и знаком велели проезжать.

Мое уважение к Сатане постоянно росло. Через пятнадцать минут мы были у дверей замка. Я решил, что он расположен примерно в десяти милях от нью-йоркской стороны порта Джейферсон, в лесистой местности между портом и заливом Ойстер. Построен он в небольшой долине и почти или совсем не виден со стороны залива, который, как я предположил, находится в трех четвертях мили отсюда. Местность, по которой мы проехали, такая пересеченная и так густо заросла, что я сомневался, мож-

но ли увидеть дом с общественных дорог. Меня приветствовал Консардайн. Мне показалось, что он рад меня видеть. Он сказал, что меня переместили в новое помещение, и если я не возражаю, он побудет со мной, пока я одеваюсь к обеду. Я ответил, что ничто не обрадовало бы меня больше. Я говорил искренне. Консардайн мне нравился. Новое помещение служило еще одним доказательством моего повышения. Тут была гораздо большая спальня, большая гостиная и ванна. Все комнаты удивительно обставлена и все имели окна. Я оценил тонкость намека, что я больше не пленник. Меня ждал деятельный Томас. Он открыто улыбнулся при виде моей сумки. Одежда уже аккуратно лежала на постели. Пока я мылся и одевался, мы с Консардайном болтали. Сатана, сказал Консардайн, не будет с нами сегодня вечером. Тем не менее он приказал Консардайну передать мне, что я оправдал все его ожидания. Завтра он со мной поговорит. За столом я встречу множество привлекательных людей. Потом бридж. Я, если хочу, могу принять участие. Происшествие с ожерельем мы не обсуждали, хотя, по-видимому, Томас все знал.

Я очень хотел спросить, будет ли за столом Ева, но решил не рисковать. Когда мы, пройдя три коридора в стенах и два лифта, вышли в столовую, ее там не было. Всего там собралось восемнадцать человек. Как и пообещал Консардайн, интересные, остроумные, занимательные люди. Среди них исключительно красивая полячка, итальянский граф и японский барон, все трое часто упоминались в новостях. Сеть Сатаны раскинулась широко. Прекрасный обед в прекрасном обществе — нет необходимости останавливаться на подробностях. Не говорили ни об отсутствующем хозяине, ни о наших действиях. Я испытывал сильное нетерпение вернуться к себе и ждать Баркера. Знает ли он о том, что я живу в другом месте? Сможет ли добраться до меня? В замке ли Ева? Обед кончился, и мы перешли в другую комнату со столами для бриджа. Партнеров хватило на четыре стола, двое остались лишними. Это дало мне возможность избежать игры. К несчастью для моих планов, Консардайн получил такую же возможность. Он предложил показать мне некоторые чудеса этого места.

Конечно, я не мог отказаться. Мы осмотрели с полдюжины комнат и галерей, прежде чем я смог, не нару-

шая приличий, изобразить усталость. То, что я увидел, описывать не буду; это несущественно. Но меня глубоко задели собранные тут редкости и их красота. Сатана, сказал мне Консардайн, живет в собственных огромных апартаментах, где держит наиболее дорогие для него сокровища. То, что я видел, лишь небольшая часть сокровищ замка, сказал он.

Возвращаясь, мы заглянули в комнату для бридж. Во время нашего отсутствия появились другие игроки, в ходу было еще несколько игровых столов.

За одним из них с Кобхемом в качестве партнера сидела Ева. Когда я проходил мимо, она взглянула на меня и равнодушно кивнула. Кобхем встал, и мы с большим дружелюбием обменялись рукопожатием. Ясно было, что он больше не сердится. Пока я знакомился с вновь прибывшими, Ева откинулась в кресле, напевая, и я узнал одну из модных джазовых песенок:

Повстречайся со мной, милый, когда часы пробьют
двенадцать ...

В полночь,

Когда от лунного света

Разгорятся наши сердца...

Мне не нужен был лунный свет, чтобы сердце мое разгорелось. Это сообщение. Она виделась с Баркером.

Через несколько мгновений я наступил Консардайну на ногу. Ева была подчеркнуто невежлива. Она зевала и нетерпеливо перебирала карты. Кобхем раздраженно взглянул на нее.

— Ну что, — наконец резко сказала она, — играем мы или нет? Я официально заявляю — в двенадцать часов буду уже в постели.

Я опять понял — она подчеркивает свое сообщение.

Я пожелал всем доброй ночи, и мы с Консардайном направились к выходу. Вошла еще одна небольшая группа, и нас просили остаться.

— Не сегодня, — прошептал я ему. — Я нервничаю. Выведите меня отсюда.

Он взглянул на Еву и слегка улыбнулся.

— У мистера Киркхема есть срочная работа, — объяснил он. — Я вернусь через несколько минут.

Он отвел меня в мои комнаты, показывая по пути, как действуют панели и лифты.

— На случай, если передумаете и захотите вернуться, — сказал он.

— Не передумаю, — ответил я. — Немного почитаю и лягу спать. По правде говоря, Конкардайн, я не выдержу сегодня общения с мисс Демерест.

— Я поговорю с Евой. Зачем вам чувствовать неудобство?

— Лучше не надо, — попросил я. — Я попытаюсь сам справиться с ситуацией.

— Как хотите, — ответил он и продолжал говорить о том, что утром меня будет ждать Томас. Вероятно, через него передаст свои пожелания Сатана. Если мне понадобится лакей, я могу позвать его по внутреннему телефону. Телефон давал мне впечатление уединенности, какого не давал звонок. Я решил, что Томас уже не исполняет обязанности моего надзирателя. И был этому очень рад.

Конкардайн пожелал мне спокойной ночи. Наконец я остался один.

Я подошел к окну. Оно было не зарешечено, но покрыто тонкой стальной сеткой, такой же непроходимой. Выключив все лампы, кроме одной, я стал читать. Часы показывали 10.30.

— Я здесь, капитан, и очень рад вас видеть.

Несмотря на то, что я был уверен в появлении Баркера, сердце мое подпрыгнуло и огромная тяжесть, казалось, свалилась с плеч. Я влетел в спальню и схватил его за плечи.

— А как я рад, Баркер, клянусь Господом!

— У меня для вас сообщение, — он улыбнулся, закрыв маленькие глаза. — И теперь не нужно прятаться. Никто не придет проверять вас. Теперь вы на высоком положении у Сатаны. Стали одним из них. Хорошо проделано, капитан! Я знаю, что такое хорошая работа.

Он достал сигару, закурил и сел, с восхищением глядя на меня.

— Хорошая работа! — повторил он. — И без всякой тренировки. Я сам бы не мог ее сделать лучше.

Я поклонился и придвинул к нему графин с вином.

— Нет, нет, — отказался он. — Если вы в отпуске и собираетесь лечь спать, тогда пожалуйста. Но в нашей работе старина Джон Ячменное Зерно лишь помеха.

— Я ведь новичок, Гарри, — сказал я виновато и отодвинул нетронутый графин.

Он одобрительно посмотрел на меня.

— Когда мисс Демерест все рассказала мне, — продолжал он, — меня легко было сдунуть, как перышко. Приведите его ко мне, сказала она, как только сможете. Сплю я или не сплю, неважно, я хочу его видеть, сказала она. В любое время, сказала она, только без риска. Очень хочет видеть вас, сэр.

— Она сама дала мне понять, что будет в своей комнате в двенадцать.

— Отлично, мы там будем, — кивнул он. — Есть какой-нибудь план? Раздавить его, я хочу сказать.

Я колебался. Мысль, пришедшая мне в голову, была слишком неопределенной, чтобы назвать ее планом. Слишком хрупка она пока для рассмотрения.

— Нет, Гарри, — ответил я. — Я пока еще мало знаю обстановку. Нужно осмотреться. Я знаю только одно — я освобожу мисс Демерест от Сатаны или будь я проклят.

Он скосил на меня взгляд, как испуганный терьер.

— Капитан Киркхем, — серьезно сказал он, — это ваша последняя ставка. Самая последняя, сэр. Конечно, хорошо, если бы кто-нибудь нас поддержал. И если никто не узнает, что мы замышляем. Но никто не выступит против него, сэр. Никто. Все равно что просить гору обрушиться на него, землю проглотить его, сэр.

Он помолчал.

— Вот что, капитан. Если вы решаетесь выступить против него, я с вами. Но мы должны понимать, что, кроме нас, нет никого. У нас нет ни малейшего шанса убежать. Если не он сам, то рабы кефта позаботятся об этом. Что? Мы отнимаем у них их рай? Это самоубийство, капитан, не меньше. И если они заподозрят мисс Демерест, узнают что-нибудь о ней... Боже, мне не хочется думать об этом! Нет, нужно найти какой-то другой путь, капитан.

— Я хочу сказать — если иного выхода не будет, — сказал я. — И если дойдет до открытой схватки, я не хочу, чтобы вы в ней участвовали. Я как-нибудь сам.

— Послушайте, капитан, — сказал он, его короткая верхняя губа дрожала, лицо исказилось, будто он собирался заплакать. — Не нужно так говорить со мной. Куда вы, туда и я. Разве мы не партнеры?

— Конечно, партнеры, Гарри, — ответил я, искренне тронутый. — Но когда дойдет до убийства... я сам. Вам нет необходимости идти на смертельный риск ради нас.

— Ну и ну! — огрызнулся он. — Нет необходимости! К дьяволу необходимость! Думаете, мне так приятно ползать сквозь стены, как крыса? Я бы ни слова не сказал против приличной богообязненной тюрьмы. Но это? Знаете, что это? Настоящий ад! А вы с мисс Демерест как моя семья! Нет необходимости, вы говорите! Не нужно так больше, капитан!

— Ну, ну, Гарри, я не совсем это имел в виду, — сказал я и потрепал его по плечу. — Я хотел сказать, что если дойдет до самого плохого, предоставьте Сатану мне, а сами попробуйте спасти мисс Демерест.

— Мы будем вместе, капитан, — упрямко ответил он. — Если дойдет до убийства, я с вами, — он заколебался и добавил: — Хотел бы я, во имя Господа, быть уверен, что честная пуля справится с ним.

Это задело меня за живое. Слишком близко подошел он к моим глубочайшим сомнениям.

— Заткнитесь, Гарри! — резко сказал я. — Ведь первое, что вы мне сообщили, что Сатана человек, такой же, как вы и я. И что пуля или нож покончат с ним. Почему вы передумали?

— Я блефовал, — пробормотал он. — Я хвастался, чтобы поддержать свою смелость. Его нельзя назвать вполне человеком, сэр. Я говорил, что он не Сатана. Но я не говорил, что он не дьявол. О Боже, он такой огромный! — беспомощно закончил он.

Мое беспокойство усиливалось. Я думал найти поддержку в отсутствии суеверий относительно Сатаны у Баркера. Но теперь эти суеверия овладели им. Я попробовал высмеять его.

— Будь я проклят! — усмехнулся я. — Я считал вас прожженным парнем, Гарри. Сатана говорит, что он прямиком из ада. Конечно, говорите вы себе, откуда еще ему взяться? Наверное, если бы вам рассказали о Красной Шапочке, вы любую старуху в шали примете за волка. Спрячьтесь под кроватью, малыш.

Он серьезно взглянул на меня.

— За ним ад, — сказал он. — И он знает все пароли.

Я начал сердиться. Прежде всего, споря с ним, я спорил с самим собой. В конце концов, он лишь высказывал мои мысли, которые я сам не хотел признавать.

— Ну что ж, — сказал я, — если вы так считаете, он вас прижал. Вы для меня теперь бесполезны, Гарри. Возвращайтесь в свои стены и ползайте. Ползайте и оставайтесь живым. Дьявол он или не дьявол, я с ним сражусь.

Я хотел уколоть его. К моему удивлению, он не рассердился.

— И дьявол он или нет, я тоже, — спокойно сказал он. — Морочите мне голову, капитан? Не нужно. Я сказал, что иду с вами. Хватит быть крысой в стенах. Вот и все, капитан Киркхем.

В Баркерे было странное достоинство. Я почувствовал, как загорелось мое лицо. В конце концов, он проявляет высочайшее мужество. И конечно, лучше, чтобы он вы сказал мне свои страхи, чем оставил их при себе. Я протянул ему руку.

— Простите, Гарри... — начал я.

— Не нужно, сэр, — остановил он меня. — Но в этом месте слишком много такого... этого... что вы не знаете. Но я знаю. И наверно, не вредно вам это показать. Может, и сами увидите одного-двух волков. Который час?

Голос его звучал жестко. Я улыбнулся про себя, довольный. В этом маленьком человеке чувствуется сталь. Конечно, он бросает мне вызов. Я взглянул на часы.

— Двадцать минут двенадцатого, — сказал я. — Помните о нашем свидании в полночь. Веди меня, Макдуф!

— Ваша рубашка, — сказал он, — будет маяком в темноте. Переоденьтесь.

Я быстро выбрал самую незаметную из рубашек в шкафу.

— Револьвер есть? — спросил он.

Я кивнул и указал на левую подмышку. В клубе я пополнил свой арсенал, который опустошил Консардайн.

— Суньте его в ящик, — к моему удивлению, попросил он.

— А почему?

— У вас появится искушение его использовать, капитан.

— Но если оно и появится, у него будет достаточное основание.

— Заодно можете прихватить сигнал тревоги, — сказал Баркер. — Он вам сделает столько же добра. Или вреда. Но больше вреда. Мы ведь не хотим рекламировать наше путешествие, капитан.

Мое уважение к Гарри стремительно выросло. Я спрятал пистолет в стоявшую поблизости вазу. Отстегнул кобуру и сунул ее под подушку.

— Оставляю тебя, искушение, — сказал я. — Что теперь?

Он порылся в кармане.

— Тапочки, — объявил Баркер и протянул мне пару домашних туфель на толстой резиновой подошве. И стал рыться в другом кармане.

— Кастеты, — он сунул мне в руку пару прекрасных медных кастетов. Я просунул в них пальцы.

— Хорошо, — сказал Баркер. — У них, конечно, нет дальнобойности пистолета, но если будет схватка, постремемся, чтобы было потише. Действовать нужно быстро и жестко.

— Пошли, — сказал я.

Он выключил свет в гостиной. Вернулся, двигаясь абсолютно тихо, и взял меня за руку. Провел к стене спальни.

— Положите руку мне на плечо и идите за мной, — приказал он. Я не слышал звука раздвигающейся панели и не видел во тьме никакого отверстия. Но панель открылась, и я прошел через то, что только что было сплошной стеной. Он остановился, несомненно, закрывая отверстие. Потом повернул под прямым углом направо, я за ним. Я насчитал пятьдесят шагов, прежде чем он остановился. Длинный коридор. Он на мгновение зажег свет. Передо мной был один из маленьких лифтов. Баркер сжал мне руку и ввел меня в лифт. Он пошел вниз. Баркер облегченно вздохнул.

— Тут опасно, — прошептал он. — Но дальше будет легче.

Лифт шел, казалось, очень долго. Когда он остановился, я был уверен, что мы глубоко под большим залом, где-то на уровне фундамента.

— Мы идем одним из его собственных путей, — снова прошептал Баркер. — Не думаю, чтоб даже Консардайн его знал. Но Сатану мы здесь не встретим. Знаете почему? Я хочу вам показать.

Мы пересекли широкий, около десяти футов, коридор, темный, как тюремное подземелье. Потом, по-видимому, через противоположную стену и еще по одному коридору — восемнадцать шагов. Здесь Баркер остановился и прислушался. Затем прямо передо мной появилась светлая линия в волос толщиной. Медленно, очень медленно она расширялась. На ее фоне стал виден силуэт головы Баркера. Он осторожно заглядывал в щель. Затем уверенно кивнул. И двинулся дальше. Мы находились в полутемном узком коридоре. Два человека с трудом разминулись бы в нем. Коридор был выложен каким-то полированным черным камнем, в котором тонул свет из скрытого источника. Мы были в самом конце коридора. Пол постепенно опускался в виде пандуса на протяжении более ста футов; свет был таким тусклым и обманчивым, что точнее я не могу сказать.

— Похоже на вход в ад, не правда ли? — прошептал Баркер, — Ну, через одну-две минуты сами поймете, так ли это.

Он угрюмо шел вперед, я за ним. Я подошел к участку пути, которыйставил меня в тупик. Это был крутой поворот. Освещения за ним не было совсем; тьму слегка рассеивал лишь свет сзади. Конца его я не видел. Мы двигались в сгущавшейся тьме. Пол стал ровным.

Неожиданно Баркер остановился и прижал губы к моему уху.

— Ложитесь. Ни звука, пока смотрите. Ради вашей жизни! Даже не дышите!

Я взглянул в щель. И почувствовал, как по спине и в корнях волос пробежали мураски.

Чуть подо мной и не далее чем в пятидесяти футах сидел Сатана. Он открывал ворота своего черного рая перед погибшими душами рабов кефта. При первом же взгляде я понял смысл этой сцены. Сатана сидел, наклонясь вперед, на троне из черного камня с алоей подушкой, стоявшем на невысоком широком помосте. Он был в алом. Сбоку присел на корточки обезьяноподобный палац Санчал. Слева стояли два человека с закрытыми вуалью лицами. Один из них держал большой кувшин, а другой — золотой кубок. У ног Сатаны поднималась с колен женщина. Не старая, светловолосая и когда-то, должно быть, очень красивая. Ее тело, видимое сквозь белую

рубашку — ее единственную одежду, — не потеряло стройности. Глаза ее с ужасной алчностью были устремлены на другой золотой кубок в руке Сатаны. Рот ее был полуоткрыт, губы плотно прижаты к зубам. Тело дрожало и было напряжено, будто она собиралась прыгнуть.

Палач взмахнул своей петлей и улыбнулся. Она отшатнулась. Сатана высоко поднял кубок. Раскатился его звучный, лишенный выражения голос.

— Ты, женщина, которая была Гретой фон Бонхейм, кто я такой?

Она так же без выражения ответила:

— Ты Сатана.

— А кто я — Сатана?

— Ты мой Бог!

Я почувствовал, как дрожит Баркер. Думаю, что и сам я вздрогнул. Нечестивая литания продолжалась.

— У тебя не должно быть Бога, кроме меня!

— У меня нет Бога, кроме тебя, Сатана!

— Чего ты хочешь, женщина?

Она поднесла сжатые руки к сердцу. Голос ее дрожал, она говорила так тихо, что я с трудом рассыпал:

— Мужчину и ребенка, которые умерли!

— Благодаря мне они оживут для тебя! Пей! — В его голосе звучала слабая насмешка, в глазах застыла издевка, когда он протянул кубок женщине. Схватив обеими руками, она осушила его. Потом поклонилась и отошла. И вышла из поля моего зрения, ступая при этом более твердо, лицо у нее было восторженное, губы шевелились, как будто она разговаривала с кем-то невидимым, шедшим рядом с ней.

Снова я почувствовал, как холодок ползет по спине. В том, что я видел, было нечто истинно дьявольское, нечто подлинно отдававшее Князем Проклятых. Оно проявлялось в холодном высокомерии и гордости Сатаны во все время этой богохульственной литании. Оно было в его лице, в его сверкающих глазах, в позе огромного тела. Что-то действительно адское владело им, излучалось им, окутывало его. Я уже описывал это впечатление: будто он механизм из плоти и крови, в который вселился дьявол. Мой взгляд следовал за женщиной, пока я мог ее видеть. Помещение было громадным. Через щель мне была видна едва ли третья его. Стены розового мрамора без шпалер или каких-нибудь украшений. В стенах от-

верстия, похожие на входы в глубокие ниши с серебряными занавесями. Большой фонтан отбрасывал звенящие струи воды в кроваво-красный бассейн. Повсюду были расставлены кушетки из розового камня, покрытые богатыми коврами. На них лежали, как во сне, мужчины и женщины. Их несколько десятков, только в моем ограниченном поле зрения я насчитал не менее двадцати. Потолка я не видел.

Я подумал, что занавешенные отверстия — входы в помещения, где живут рабы.

Прозвенел гонг. Занавеси отошли. В каждом отверстии стоял раб, глаза рабов в ужасном рвении не отрывались от Сатаны. Я вздрогнул. Похоже на исход проклятых. Сатана поманил. К возвышению подошел мужчина. Я принял его за американца с запада. Высокий и тощий, походка выдает человека, привыкшего к верховой езде. Лицо орлиного типа, такие часто встречаются в горах; бледность и отсутствие зрачков в глазах делали его лицо похожим на гротескную маску. Рот тонкий и озлобленный.

Как и женщина, он лег на пол перед Сатаной. Человек в вуали протянул кубок держателю кувшина, тот налил в него зеленую жидкость. Кубок был передан Сатане.

— Встань, — приказал Сатана. Проситель вскочил на ноги, не отрывая горящего взгляда от кубка. Нечестивый ритуал начался заново!

— Ты, человек, бывший Робертом Тейлором, кто я такой?

— Ты Сатана!

— А кто такой Сатана?

И снова богохульное признание:

— Ты мой Бог!

— У тебя не должно быть Бога, кроме меня!

— У меня нет Бога, кроме тебя, Сатана!

— Чего ты хочешь, человек?

Раб выпрямился, голос его утратил безжизненность. Лицо стало жестоким, как у палача.

— Убить человека, которого я ненавижу... найти его... уничтожить... убить его медленно, много раз!

— Один раз ты убил его... слишком быстро, — злобно сказал Сатана и добавил без выражения: — Благодаря мне ты найдешь того, кого ненавидишь, и убьешь его, как желаешь! Пей!

Он передал напиток. Еще дважды слышал я звон призывающего гонга, дважды видел, как из-за серебряных занавесей появлялись обреченные с бледными лицами и алчными глазами и исчезали. Один из мужчин попросил власти над царством зверей. Другой — рай, полный женщин.

Сатана обещал и давал им зеленый напиток.

Кефт!

Сильнейший дьявольский наркотик, который давал выпившим иллюзию исполненного желания. А потом обращал мозг к самому себе, пожирал его. И дьявольская алхимия поглощала саму душу.

Я смотрел, как окодованный, Ева была забыта. Но если я забыл о ней, то Баркер — нет. Щель, через которую я смотрел, закрылась. Баркер коснулся меня, мы встали. Бесшумно прошли по тусклому черному коридору.

Меня слегка тошило.

Какая прекрасная картина — Сатана, купающийся в поклонении своих рабов, распределяющий любовь и ненависть, темную власть и похоть, сарднически и беспристрастно дающий каждому то, чего он или она больше всего хочет.

Да, иллюзии. Но более реальные для наркоманов, чем жизнь без напитка.

Но, Боже, их пробуждение!

И после пробуждения испепеляющее стремление бежать от реальности. Вернуться в мир иллюзий, куда дверь открывает только кефт!

Неудивительно, что те трое в музее пошли на смерть со слепым повиновением.

И если Сатана и не тот, за кого себя выдает, то сатанинской силы он не лишен.

Я не обращал внимания, куда мы идем, слепо следя за Баркером.

— Ну, разве я был неправ? — неожиданно прошептал он. — Разве это не вход в ад? Кто же, по-вашему, Сатана?

Я пришел в себя.

— Продавец наркотиков. Притон a la Риц. Вот и все. Я видел опиумные притоны в Китае, по сравнению с которыми этот — землянка. А наркоманы там готовы

перерезать горло за дозу так же просто, как эти рабы Сатаны.

Ни одно из этих утверждений не было вполне истинным, но мне было приятно так говорить.

— Да? — цинично переспросил он. — Ну, что ж, думайте по-своему. Я надеюсь, вы на самом деле так думаете, капитан.

Я тоже надеялся, что смогу думать так.

— Тише, — прошептал он.

Мы двигались, как два привидения во тьме коридора. У меня осталось неясное впечатление, что мы воспользовались несколькими лифтами. И никакого представления, в каком направлении моя комната.

— Пришли, — прошептал Баркер и остановился, прислушиваясь. Я сунул в карман часы, чтобы их светящийся циферблат нас не выдал. При этом я взглянул на них. Было уже почти полпервого.

Баркер подтолкнул меня вперед. Слабый запах, едва ощущимый аромат.

Ева! Мы в ее комнате.

Глава четырнадцатая

Мы ее опередили, — неосторожно прошептал я. Послышался шорох, кто-то торопливо сел в постели.

— Кто здесь? — донесся негромкий голос Евы. — У меня палец на кнопке звонка.

— Это я, Джим, — ответил я так же негромко, но торопливо.

— Джим! — вспыхнул затененный свет. — Где ты был? Я до смерти беспокоилась о тебе!

Ева опиралась на подушку, карие глаза ее широко раскрыты и светятся, серебряная копна волос слегка взъерошена. Она похожа на проснувшуюся маленькую девочку. И она прекраснее всех. Каждый раз, как я смотрел на Еву, она казалась мне еще прекраснее. Я даже подумал, когда же она остановится. На ней прелестное кружевное розовое неглиже. Я знал, что всю оставшуюся жизнь при виде кружевного розового неглиже

сердце мое будет биться быстрее, даже если одежда будет выставлена в витрине магазина.

Она соскользнула с постели, подбежала ко мне и поцеловала. Это было так приятно, что я совершенно забыл обо всем. И услышал странные звуки позади. Гарри раскачивался из стороны в сторону, скав руки, полузакрыв повлажневшие глаза, лицо в экстазе, он вполголоса напевал, как любящий попугай. Он действительно был сентиментален, маленький воришка Гарри.

Ева взглянула на него и рассмеялась.

— Если хотите сказать: «Благословляю вас, дети мои», — давайте, Гарри, — щаловливо сказала она.

Он замигал, пришел в себя и улыбнулся ей.

— Вспомнил о нас с Мегги, — сказал он. — Как мы встретились. Сердце согрелось.

— Ну, ладно, — сказал я, — полагаю, можно начинать совещание. У нас много вопросов, а времени мало. Могут ли нас прервать, Ева?

— Вряд ли, — ответила она. — Откровенно говоря, здесь никто не обращает внимания наочные встречи. И все помалкивают и не приходят без приглашения. С другой стороны, Джим, ты не тот человек, которого ожидают тут встретить. Наше отвращение друг к другу, дорогой, хорошо всем известно. Сатана обязательно узнает об этом. И тогда...

Ей не нужно было кончать предложение. Я сам очень ясно представлял себе, что сделает Сатана.

— Трудно было бы объяснить и присутствие Баркера, — добавила она.

— Как, Гарри? — спросил я его. — Не могут ли вас хватиться?

— Нет, если не случится чего-нибудь необычного. Если меня станут искать в моей комнате, я скажу, что работал где-нибудь в другом месте. Сатана не станет меня искать, это точно.

— Что ж, придется рискнуть, — решил я. — Но мы будем говорить тихо и не зажжем свет.

Ева погасила лампу. Она откинула тяжелую занавесь с окна. Слабо светила луна, скрытая облаками. Мы с Баркером передвинули кушетку в темную часть комнаты. И сели на нее втроем. Мы говорили. Нет смысла пересказывать. Мы ни к чему не пришли. На мгновение вспых-

нули несколько планов и тут же потухли, как блуждающие огоньки. Я по-прежнему находился под тяжелым впечатлением увиденного в нечестивом храме Сатаны и никак не мог отвлечься. Меня не оставляло предчувствие тщетности всех наших попыток. Мы как мухи в паутине на стене храма с отпечатками следов. Отцепившись от одной нити, мы обнаруживали другую. Но постоянное присутствие теплого тела Евы, прижавшейся ко мне, ее храбрость, доверие помогали бороться с убывающей уверенностью. Выход есть. Он должен быть.

Прошло больше часа, но мы не нашли никакого выхода.

Баркер все больше беспокоился м нервничал.

— В чем дело, Гарри? — наконец спросил я его.

— Я беспокоюсь, сэр, — ответил он. — Не знаю почему. Но у меня чувство, что что-то не в порядке.

Мне показалось это забавным.

— Черт побери, вы правы, — я не мог сдержать усмешки. — Мы все время и стараемся навести порядок.

— Нет, — упрямо ответил он. — Я... я необычно обеспокоен. Я никогда не чувствую этого, если не ждет что-нибудь ужасное. Капитан, я думаю, лучше попрощаться и уходить.

Я заколебался. Как я уже сказал, мы ни к чему не пришли. В любой момент у кого-нибудь из нас могла блеснуть мысль, которая откроет дорогу на свободу. Но главное, конечно, — то, что мне не хотелось расставаться с Евой. Но не обратить внимания на беспокойство маленького человека тоже нельзя. А если он уйдет и не сможет вернуться, я окажусь в трудном положении. У меня не было ни малейшего представления, где находится моя комната и как туда добраться.

— Мы установили, что именно нам не поможет, — сказала Ева. — Звучит немного по-попугайски, но я знаю, что это прогресс. День принесет новые идеи. Встретимся снова завтра вечером.

— Хорошо, — ответил я. — Идем, Гарри.

По невольному вздоху облегчения я понял, как был обеспокоен Баркер. Ева отошла от окна, опустив занавеси. В комнате стало темно. Я почувствовал ее руку, затем она обняла меня.

— До завтрашнего вечера так долго, Джим, дорогой! — прошептала Ева.

— Быстрей! — услышал я шепот Гарри. — Быстрей, капитан!

Я осторожно двинулся к стене.

— Боже! — я услышал выдох Гарри.

В голосе его был ужас. Я прыгнул вперед.

Луч света упал на лицо Баркера. Чья-то рука вылетела из тьмы, как змея, и схватила его за горло. Я видел, как лицо его исказилось от боли, а руки вскинулись вверх в напрасной попытке разжать безжалостный зажим.

Свет ударили мне в глаза, ослепив. Я нырнул. Прежде чем я мог коснуться кого-нибудь, фонарь упал на ковер и тело Баркера ударило меня, как мешок песка, отброшенный слоном. Я отлетел назад. В комнате зажегся свет.

Прямо передо мной, угрожая пистолетом, стоял Консардайн. Глаза его были холодны и угрожающи. Из них смотрела смерть. Он перевел взгляд от меня к Еве. Лицо его смягчилось, как будто какой-то страх оставил его. Потом на лице появилось выражение удивления, недоверия. Оно снова отвердело и стало угрожающим. Ствол пистолета, направленный на меня, не дрогнул. У моих ног тяжело дышал, поднимаясь, ошеломленный Гарри. Я помог ему встать.

— Что эти люди здесь делают, Ева? — Консардайн говорил спокойно и ровно, но видно было, что он сдерживается с огромным трудом. Я понимал по быстро сменявшемуся выражению его лица, что он подумал. Вначале, что мы проникли в комнату Евы с каким-то зловещим намерением. Потом — подозрение по отношению к самой Еве.

Его нужно развеять. Ева не должна быть замешана. Сыграть на первой карте Консардайна. Прежде чем Ева смогла ответить, я заговорил.

— Вы весьма... стремительны, Консардайн, — сказал я таким же ровным, как и у него, голосом. — Но вам помогает в этом ваш пистолет, нацеленный на безоружного. Мне было не по себе, и я решил вернуться к игре в бридж. Заблудился в вашем чертовом кроличьем садке. Наткнулся на этого человека, который сказал, что работает здесь. Попросил его проводить меня в мою комнату. По какой-то проклятой иронии судьбы он сделал самую глупую из всех возможных ошибок и привел меня в комнату мисс Демерест. Поверьте, я так же стремился

выбраться отсюда, как она — выставить меня. Мисс Демерест, я думаю, вы подтвердите мои слова.

Я повернулся к ней. Я давал ей версию, достаточно правдоподобную. Консардайн не обратил на меня внимания.

— Я спросил, Ева, что эти люди делают здесь, — повторил он.

Ева спокойно смотрела на него некоторое время, потом подошла и встала рядом со мной.

— Доктор Консардайн, — сказала она, — мистер Киркхем лжет как джентльмен, чтобы спасти меня. Правда в том, что я попросила его прийти ко мне. А мистера Баркера я попросила проводить его сюда. Оба они совершенно не виноваты ни в чем, кроме того, что из вежливости выполнили мою просьбу. Вся ответственность на мне.

На висках Консардайна вздулись вены, пистолет в руке задрожал. Лицо вспыхнуло. Холодная ярость уступила место горячemu гневу. Он не стал менее опасен, но мне показалось, что Ева знает, что делает, ее инстинкт в данном случае вернее.

— Так, — хрипло сказал Консардайн. — Вы думали сделать из меня дурака! Дурачить меня! Мне не нравится быть дураком, я не люблю, когда меня надувают. Давно ли вы знаете друг друга?

— Мы никогда не встречались до того, как вы свели нас, — сказала Ева.

— А почему вы послали за ним?

— Я хочу уйти от Сатаны. Зачем же еще? — спокойно ответила Ева.

Он смотрел на нее пылающими глазами.

— А почему вы думаете, что он вам поможет?

— Потому что я люблю его! И потому что он любит меня! — негромко сказала Ева.

Он смотрел на нас. Потом внезапно гнев его рассеялся, глаза смягчились.

— Боже милостивый, — сказал Консардайн, — вы сущие младенцы!

Ева протянула ему руку. Он взял ее и мягко потрепал. Внимательно осмотрел нас, будто мы для него новый и удивительный предмет. Выключил все лампы, кроме одной, затененной, у постели Евы, подошел к окну и заглянул за занавес. Потом вернулся к нам.

— Давайте обсудим это, — сказал он. — Простите, Баркер, я вас чуть не задушил. Простите, Киркхем, я вас толкнул. Простите также, что я вас недооценил. Я рад, что это так. Ева, я вовсе не шпионил за вами. Я думал о вас. В последнее время я часто думал о вас. Я подумал, что, может, вы еще не легли. И что разговор со мной — я по возрасту гожусь вам в отцы — поможет вам. Мне нужно... кое-что сказать вам.

Несколько минут стоял я в нерешительности. Подумал, что сдвину на мгновение панель и посмотрю, спите ли вы. И когда я уже решил так поступить, панель открылась и я услышал крик Баркера. Так все получилось. Вот и все.

Я протянул ему руку, Баркер широко улыбнулся и откозырял.

— Не лучше ли мне уйти, сэр? — спросил он.

— Еще нет, — сказал Консардайн. — Киркхем, давно ли вы знаете Баркера?

— Он мне спас жизнь, да, спас, — вмешался Баркер.

— Вытащил меня из ада. И поскольку мы все говорим правду, доктор Консардайн, я скажу, что готов сделать то же самое для него и для его юной леди.

Я коротко рассказал Консардайну о своем знакомстве с Баркером. Он одобрительно кивнул.

— Прежде всего, — сказал он, — чтобы прояснить ситуацию, я хочу высказать собственную позицию. Я слуга Сатаны. Я связан с ним клятвой. Я дал клятву с открытыми глазами, полностью осознавая все, что с ней связано. Я пришел к нему добровольно, в отличие от вас, Киркхем. Я понимаю, что ваша клятва дана под давлением, и поэтому вы свободны в своих действиях, а я нет. Я не нарушу ни эту добровольную клятву, ни свое слово. Кроме того, я убежден, что если я это сделаю, то не проживу долго. А у меня глупая привязанность к жизни. Конечно, я мог бы лишить Сатану удовольствия наблюдать мои пытки, но — я не верю в существование после смерти и нахожу жизнь временами весьма интересной. Далее, у меня есть определенные жизненные стандарты, аппетиты, желания и пристрастия, которые мой контракт с Сатаной помогает удовлетворять. Без него они, несомненно, не были бы удовлетворены. К тому же я был преступником, когда пришел к нему. Я все еще преступник, но без его защиты я был бы преследуемым преступ-

ником. В общем и целом — такова моя клятва. Поэтому вы должны понять, что помочь, которую я могу вам обещать, будет чисто негативная. Я буду предупреждать вас о ловушках, чтобы вы их избегали, я закрою глаза и уши на все, чему буду свидетелем. Например, на сегодняшнее происшествие.

— Это все, чего мы можем просить, сэр, — сказал я.
— И гораздо больше, чем я имел право ожидать.

— Теперь я скажу вам, Киркхем, — продолжал он.
— Я думаю, что у вас мало шансов победить Сатану. Думаю, что избранная вами дорога в конце концов приведет вас к смерти. Говорю так потому, что знаю вашу храбрость и должен высказать то, что думаю. Я говорю это и вам, Ева, потому что вы тоже храбры. И подумайте, дитя, позволите ли вы вашему возлюбленному вступить на этот путь, на котором его ждет почти неминуемая смерть, или вы должны сделать... что-нибудь другое.

Я взглянул Еве в лицо. Рот ее дрожал, в глазах была мука.

— Что... что я могу сделать другое, доктор Консардайн? — прошептала она.

— Стать миссис Сатана, вероятно! — ответил я за него. — Нет — пока я жив!

— Это разумеется, — спокойно сказал он. — Но я не это имел в виду... — Он поколебался, бросил взгляд на Гарри и быстро сменил тему, вернее, вернулся к предыдущей. — Поймите, — сказал он, — я хочу, чтобы вы выиграли, Киркхем. Во всем, что не нарушает мою клятву Сатане и не угрожает моей привычке оставаться живым, я вам помогу. Или по крайней мере — не буду мешать. Но поймите — я слуга Сатаны. Если он прикажет мне схватить вас, я схватчу. Прикажет убить — убью.

— Если Джим умрет, я умру. Если вы убьете его, убьете и меня, — спокойно сказала Ева.

Она говорила правду. Он понял это и вздрогнул.

— Тем не менее, дитя, я это сделаю, — сказал он Еве.

Я знал, что он тоже говорит правду. И Ева знала.

— Вы... вы начали... вы хотели сказать о другом пути... — она запнулась.

— Я не хочу, чтобы вы посвящали меня в свои планы, Киркхем, — быстро прервал он ее. — Только одно. Есть ли в ваших планах попытка убить Сатану?

Я колебался. Опасный вопрос. В конце концов, Консардайн сам предупредил меня, что ему можно доверять не во всем. И каковы пределы его клятвы?

— Значит, включают, — он так понял мое молчание. — Это единственное, чего вы не должны делать. Единственное, что невозможно. Может, вы думаете, что убьете его, оставшись с ним наедине. Киркхем, говорю вам, Сатана никогда не остается один. Всегда есть скрытая охрана — в стенах, в тайниках. Они застрелят вас, прежде чем вы сможете выстрелить. К тому же Сатана мыслит необычайно быстро. Он уловит вашу мысль, прежде чем она претворится в действие. Если вы попытаетесь убить его в присутствии других, вас схватят, прежде чем вы сможете выстрелить вторично — если вы сможете выстрелить в первый раз. У Сатаны нечеловеческая жизнестойкость. Одна или две пули убьют его не скорее, чем слона. Но самое главное — у вас никогда не будет такой возможности.

Консардайн знал не все — это было ясно. Если раздвинуть щель в рабском зале чуть побольше и просунуть в нее ствол ружья, я не много дал бы за жизнь Сатаны. Конечно, принимая, что в основном он человек.

— Далее, — продолжал он, как бы отвечая на мои мысли, — допустим, вы осуществите то, что я считаю невозможным, — убьете его. По-прежнему вам не будет спасения. Лучше, чтобы вас убили тут же. На земле нет места, где вы смогли бы укрыться от мести его людей. Ибо Сатана правит не одним страхом. Далеко нет. Как он вам говорил, он хорошо платит своим слугам. Продолжение службы означает благополучие, роскошь, безопасность, власть — большую часть того, за что сражаются люди, — больше людей, чем вы можете вообразить. У Сатаны есть своя светлая сторона, как и темная. И его люди рассеяны по всей земле. Многие из них занимают положение, которое вам и не снилось. Разве не так, Ева?

— Так, — ответила она с беспокойством во взгляде.

— Трон Сатаны поконится не только на собенных спинах рабов, — продолжал он. — Как всегда, есть принцы и легионы. Короче. Я не верю, что вы сможете убить его. Если попытаетесь и промахнетесь, умрете — ужасной смертью. И Ева не будет спасена. Если убьете его, умрете так же неизбежно. В таком случае Ева от него избавится. Но согласна ли она получить свободу такой ценой?

— Нет! Нет! — воскликнула Ева и стала передо мной, расставив руки; на лице ее было отчаяние.

— Консардайн, — резко сказал я, — почему Сатана прячет руки под плащом, когда кто-то поднимается по ступеням?

— Что? Что вы имеете в виду? — Он смотрел на меня.

— Я трижды видел его на черном троне, — сказал я.

— Дважды с Картрейтом и один раз со мной. Он нажимает на рычаг и прячет руки под плащом. Что он ими делает, Консардайн?

— Вы хотите сказать, что ступени — мошенничество? Это вздор, Киркхем! — Мое предположение его как будто позабавило, но я заметил, как скжались его сильные руки.

— Я ничего не хочу сказать, — ответил я. — Я... размышляю. Вы должны были много раз видеть, как поднимаются по ступеням. Видели ли вы хоть раз руки Сатаны открытыми во время подъема? Вспомните, Консардайн.

Он молчал. Я видел, как он пытается вспомнить всех, кого манили сверкающие отпечатки. Лицо его побелело.

— Не могу сказать, — проговорил он наконец. — Не обращал внимания. Но... мне кажется, не видел.

Он вскочил на ноги.

— Ерунда! Даже если и так... ничего не значит!

Я стрелял наобум. Нет, не совсем так. Я высказал неясную мысль, туманное подозрение, которое появилось у меня, когда я ждал Баркера.

— Нет? Значит, вы считаете, что Сатана, с его вниманием к деталям, с его расстановкой фигур, с учетом каждой случайности, вы считаете, что Сатана даст возможность слушаю править им? Выигрывал ли кто-нибудь корону и скипетр?

— Да, — его ответ несколько смутил меня. — К несчастью для сомнения, которое вы чуть не поселили во мне, Киркхем, выигрывали. Я с Сатаной восемь лет. За это время я трижды видел, как побеждали подымающиеся.

Это было, как удар в лицо. На мгновение я замолк. Но не Ева.

— А что с ними случилось? — спросила она.

— Ну, — он беспокойно посмотрел на нее, — один из них пожелал... нечто особое. Он умер после этого через шесть месяцев.

— Да, — протянула Ева, — значит, он умер. А другие?

— Одна погибла в авиакатастрофе между Лондоном и Парижем. Она была на пути к... к тому, чего хотела. Даже Сатана не мог спасти ее. Все сгорели.

— Какое несчастье, не правда ли? — невинно сказала Ева. — Оба погибли. А третий?

— Не знаю, — почти гневно ответил Консардайн. — Полагаю, с ним все в порядке. Он отправился в Азию. Хотел получить нечто вроде маленького королевства, где мог бы делать, что захочет. Сатана дал ему это королевство.

— Два мертвых, один — исчезнувший, — размышляла Ева. — Но разве вы не должны были хоть что-то услышать о третьем, доктор Консардайн? Не можете ли вы узнать, что с ним стало? Может... может, умер, как и те двое?

— Как говорит Ева, двое не протянули долго, — сказал я. — Третий — под сомнением. На месте Сатаны, Консардайн, разве не пришло бы вам в голову поддерживать надежду в соискателях, показывая им время от времени, что можно выиграть? И, по-прежнему воображая себя на месте Сатаны, разве мы не стали бы подбирать успешно поднимающихся? Я бы стал. Я бы выбрал таких, которые не проживут долго. Или, если они здоровы и бодры, можно организовать несчастный случай. Как самолет, о котором вы упомянули, например.

— Проклятье! — выдохнул Гарри. — Свинья! Ему это нетрудно сделать. И готов поклясться, он это делает!

— Что делает Сатана руками, которые прячет под плащом? — повторил я.

— И что стало с третьим выигравшим? — прошептала Ева.

Консардайн дрожал. На лбу его выступил пот.

— Послушайте, Консардайн, — сказал я, — вы говорили, что не любите быть дураком. Не любите, когда вас обманывают. Допустим, Сатана колоссально одурачил вас... и всех остальных. Что тогда?

Я видел, с каким усилием он сдерживает себя. Меня это испугало. В конце концов, у меня не было ни малейших доказательств того, на что я намекал. И если Консардайн решит, что я сознательно обманываю его...

Но я не обманывал. Сомнения, возникшие у меня, были вполне законны. Сатана прятал руки. И несчастья,

постигшие победителей, — об этом знал Консардайн, не мы.

— Баркер, — повернулся он к Гарри. — Вы видели механизм, который, по словам Сатаны, выбирает сверкающие следы? Отвечайте! Так ли все, как он говорит?

Баркер стиснул руки, посмотрел жалобно на них, потом на меня и на Еву. Раз или два сглотнул.

— Отвечайте! — приказал Консардайн.

— Помоги мне Господь, капитан, — Гарри в отчаянии повернулся ко мне. — Никогда в жизни я так не хотел солгать. Хотел бы сказать, что не видел. Или что механизм не руководит этими проклятыми следами. Но, помоги мне Господь, мисс Демерест, я видел механизм. И он действительно выбирает отпечатки, доктор Консардайн. Как он говорит, так механизм и действует!

Ну, что ж. Очевидно, моя теория разбита. На мгновение я понадеялся, что маленький человек будет дипломатичен. Допустим, скажет, что не видел. Но я не мог отказать ему в праве говорить правду — если он этого хочет.

— Все в порядке, Гарри, — весело сказал я. — Мы ведь добиваемся правды. Сказанное вами решает дело, я думаю.

— Я хотел бы солгать, капитан, — он почти рыдал. — Но, дьявол, я не могу.

Я неожиданно заметил, что Консардайн ведет себя странно. Не похоже, что его вера в Сатану вернулась и укрепилась. Он казался еще больше встревоженным.

— Баркер, — сказал он, — вам лучше идти. Я провожу капитана Киркхема в его комнату.

Гарри скользнул к одной из стен. Он жалко покинул нас. Панель открылась, он исчез. Консардайн повернулся к нам.

— Теперь, Ева, — заговорил он, — я скажу то, ради чего пришел сюда. Я говорил, что думал о вас. Много думал. И хотел спасти вас от Сатаны. У меня было предложение. Идею я заимствовал у Шекспира. Помните уловку, при помощи которой честный священник хотел соединить Джульетту и Ромео и провести их враждующие семьи? Их Сатану, в некотором смысле.

— Напиток, выпив который она будет похожа на мертвую, — прошептала Ева.

— Совершенно верно, — кивнул Консардайн. — Нечто подобное я готов был предложить вам. Используя свои медицинские познания, сделать так, чтобы ваши здоровье, красота, дух, которые так привлекают Сатану, поблекли — временно. Поставить вас в такое положение, которое сделает невозможными, по крайней мере в ближайшем будущем, его личные виды на вас. И держать вас в таком состоянии, пока он не найдет подходящую замену для своих родительских инстинктов... или случится что-нибудь еще. Конечно, это рискованно. Очень рискованно для вас, Ева. Ожидание может быть долгим... я могу оказаться не в состоянии вернуть вам то, что отобрал. Но вы могли бы предпочесть риск... рукам Сатаны. Я хотел предоставить вам решение.

— Хотели? — У Евы перехватило дыхание. — Я рискну. О, доктор Консардайн, это выход!

— Неужели? — жестко спросил он. — Я так не думаю — теперь. Если вы помните, в оригинале, из которого я почерпнул идею, план потерепел неудачу из-за Ромео. Я не рассчитывал на Ромео. Я не знал о его существовании.

— Я не совсем... не совсем вас понимаю, — сказала Ева.

— Дитя, — он взял ее руки, — вы хотите отказаться от возлюбленного? Никогда не видеть его, никогда не разговаривать, не переписываться? Не недели и месяцы, а годы? Убить свою любовь к нему или жить одними воспоминаниями?

— Нет, — прямо ответила Ева и потрясла своей кудрявой головой.

— И даже если бы вы убедили ее, Консардайн, как вы думаете, что бы я стал делать? — Одно это предложение зажгло во мне негодование и упрямый гнев. — Сложу руки, подниму глаза к небу и покорно прошепчу: «Да будет воля твоя»? Нет, это был бы не я!

— Я никого не убеждаю, — спокойно ответил он. — Только указываю, что это единственный возможный выход. Если бы я проделал то, что предложил Еве, что бы получилось? Лечил бы ее некоторое время, так, чтобы Сатана убедился в неудаче лечения. Тогда он бы удалил ее куда-нибудь, и ее лечили бы другие врачи. Симптомы нельзя подделать. Они должны быть реальны. Не я один представляю медицинское братство в окружении Сатаны. Среди его подданных несколько высококлассных специ-

алистов. И даже если бы их не было, он смог бы их нанять. И наймет, если только не убедится, что болезнь матери означает неизбежную слабость потомка. Прости-те, дитя, что я говорю прямо, но сейчас не время ходить вокруг да около. Специалистов я мог бы обмануть. Обвести вокруг пальца. Я был очень хорошим... — он помолчал, вздохнул, — ну, неважно. Но Сатана избрал вас, Ева. И он так легко от вас не откажется. Если бы вы были нужны ему только как женщина, было бы гораздо легче. Но вы для него гораздо больше. Вы должны родить ему сына. Как он ни доверяет мне, но по одному моему слову он от вас не откажется. Ему нужно будет убедиться вне всякого сомнения... и в этом заключается опасность для вас... и, может быть, смерть.

Он помолчал, с жалостью глядя в ее обеспокоенные глаза.

— Слишком большой риск, — сказал я. — Сначала я попробую по-своему, Консардайн.

— Добро пожаловать, Ромео, — он слегка улыбнулся.

— Вам придется, Киркхем. Вы сделали другой путь невозможным. Вы считаете, что жизнь без Евы ничего не стоит, так?

— Я не считаю, я знаю это, — ответил я.

— И вы чувствуете то же самое по отношению... к Джиму?

— Да, — негромко сказала она. — Но... чтобы спасти его жизнь...

— Не получится, — ответил Консардайн. — Я знаю мужчин и женщин. Что бы вы ни задумали, Ева, он все равно будет стараться освободить вас. Да вы и сами не будете спокойно сидеть, как он описал, с покорно сложенными руками. Рано или поздно он попадется. И весьма вероятно, что будет раскрыта вся хитрость. Тогда мне придется расстаться со своим глупым пристрастием к жизни. Этого я не могу допустить. Но допустим, вы сбежите. Вместе. Вы будете двумя зайцами, бегущими по всему миру; и псы постоянно будут идти вслед за вами. Псы Сатаны, которые никогда не отдыхают. Вы всегда будете жить под угрозой. Стоит ли жить такой жизнью? Возможно, у вас появится ребенок. Будьте уверены, в своей мести Сатана не пощадит и его. Повторю — стоит ли жить такой жизнью?

— Нет, — сказал я, а Ева перевела дыхание и покачала головой.

— Что нам делать! — прошептала она.

Консардайн взад и вперед прошелся по комнате. Он остановился передо мной, и я опять увидел вены на его висках, как веревки; глаза его были жестки и холодны, как сталь. Он трижды ударил меня в грудь кулаком.

— Узнайте, что делает Сатана своими руками под плащом!

Он отвернулся, явно не доверяя своему самообладанию. Ева смотрела на него, как и я, удивляясь силе охватившего его гнева.

— Идемте, Киркхем, — он овладел собой. Пробежал пальцами по волосам Евы, ласково растрепав их.

— Сущие младенцы, — повторил он.

И медленно, осторожно пошел к панели.

— До вечера, — прошептал я.

Она обняла меня, прижала губы к моим.

— Джим, дорогой, — прошептала и выпустила меня. Выходя, я оглянулся. Она стояла в той же позе, вытянув руки, глаза широко раскрыты и печальны. Маленькая девочка, которая боится лечь в кровать. Я почувствовал, как дрогнуло мое сердце. Как окрепла решимость. Панель закрылась.

Молча шел я за Консардайном к своей комнате. Он вошел со мной и несколько мгновений смотрел на меня мрачно. Неожиданно я почувствовал смертельную усталость.

— Надеюсь, вы будете спать лучше меня, — неожиданно сказал Консардайн.

Он исчез. Я слишком устал, чтобы раздумывать над его словами. Умудрился раздеться и уснул раньше, чем успел укрыться.

Глава пятнадцатая

Меня разбудил телефонный звонок. Еще не вполне проснувшись, не осознавая, где нахожусь, я взял трубку. Голос Консардайна разбудил меня, как ведро холодной воды.

— Доброе утро, Киркхем. Не хотелось прерывать ваш прекрасный сон, но не хотите ли позавтракать со мной, а потом проехать верхом? У нас тут отличные лошади, а утро такое прекрасное, что жаль его упускать.

— Хорошо, — ответил я. — Буду готов через десять минут. Как мне вас найти?

— Позвоните Томасу. Я жду. — Он повесил трубку.

Солнце сияло сквозь окна. Я взглянул на часы. Скоро одиннадцать. Я проспал почти семь часов. Позвонил Томасу. Сон, плавание в бассейне и яркое солнце отодвинули тень Сатаны за край мира. Насвистывая, я с раскаянием понадеялся, что Ева чувствует себя так же хорошо. Лакей принес мне то, что Баркер назвал бы «по-настоящему шикарный» костюм для верховой езды. Он проводил меня в солнечную старомодную приятную комнату, выходящую на широкую зеленую террасу. За маленькими столиками обедали с дюжину приятно выглядевших людей. Некоторых я встречал накануне вечером. В углу я увидел Консардайна и присоединился к нему. Мы отлично позавтракали, по крайней мере я. Консардайн, казалось, не думал о еде. Его речь, слегка сардоническая, была интересна. Во время завтрака наша встреча в комнате Евы не упоминалась. Он не сделал ни малейшего намека на нее. Я, следуя его примеру, тоже. Оттуда мы направились в конюшню. Консардайн взял сильную черную кобылу, которая заржала ему настречу. Я поехал на стройном чалом жеребце. Легким галопом мы проехали вдоль беговых дорожек с препятствиями, которые вились в густом подлеске из сосны и дуба. Время от времени встречались охранники, которые вытягивались и приветствовали Консардайна. Ехали мы молча.

Неожиданно мы выехали из леса. Консардайн натянул узду. Мы находились на расчищенной вершине низкого холма. В ста ярдах под нами блестели воды залива. При мерно в четверти мили от нас стояла красавица яхта. Двухсот футов длиной и не более тридцати в ширину. Приспособленная для океанских плаваний, прочная, скоростная. Ее окраска и медные украшения сверкали близкой и золотом.

— «Херувим», — сухо сказал Консардайн. — Принадлежит Сатане. Он назвал ее так, потому что она выглядит безупречной и невинной. Есть у нее и более точное название, но оно неприлично. Кстати, она делает тридцать узлов в час.

Я перевел взгляд от яхты на прочный причал, выдавшийся в море. Возле него располагался целый флот из катеров и быстроходных моторных лодок. Заметил я и по-старомодному разбросанный дом, скрывавшийся среди деревьев недалеко от берега.

Мой взгляд следовал за изгибом берега. В нескольких сотнях ярдов от причала находилась груда скал, больших булыжников, оставленных ледником, некогда покрывавшим остров. Я вздрогнул и всмотрелся внимательней.

На одном из них стоял Сатана, в черном плаще, сложив руки; он смотрел на сверкающую яхту. Я тронул руку Консардайна.

— Смотрите, — прошептал я, — Сата... — и замолчал. Скала была пуста. Я отвел взгляд на долю секунды. Однако за это время Сатана исчез.

— Что вы увидели? — спросил Консардайн.

— Сатану, — ответил я. — Он стоял на скале. Куда он делся?

— У него там проход, — равнодушно ответил Консардайн. — Туннель, идущий от большого дома к берегу.

Он повернулся обратно в лес. Я последовал за ним. Мы проехали еще с четверть мили. И выехали на небольшую поляну, по которой протекал ручей. Консардайн спешился и бросил поводья на шею кобылы.

— Хочу поговорить с вами, — сказал он.

Я пустил жеребца пасться и сел рядом с Консардайном.

— Киркхем, из-за вас мир под моими ногами покачнулся, — отрывисто сказал он. — Вы заронили во мне черное сомнение. Одна из немногих вещей, за которые

я готов был ручаться жизнью, та, что игра Сатаны в семь следов честная. А теперь — теперь я не поручусь.

— Значит, вы не принимаете свидетельства Баркера?

— Поговорим прямо, Киркхем, — холодно предупредил он. — Вы предположили, что Сатана управляет шаром с черного трона. Своими скрытыми руками. Если это правда, то у него хватит ума делать это так, что Баркер, разглядывая механизм, ничего не сможет увидеть. Вы это знаете. Говорите прямо, повторяю вам.

— Мысль, что Баркер мог ошибиться, приходила мне в голову, — ответил я. — Но я предпочел, чтобы вы сами до нее додумались. Я сказал достаточно.

— Слишком много — или недостаточно. Вы зародили во мне сомнение. Значит, вы меня от него и избавите.

— Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что вы должны установить правду. Верните мне веру в Сатану или превратите сомнения в уверенность.

— А если я сделаю второе... — оживленно начал я.

— Вы нанесете ему удар сильнее, чем пулей или кинжалом. Вы будете не один в вашей борьбе. Это я вам обещаю.

Голос его звучал хрипло, рукоять кнута внезапно с треском сломалась под нажимом сильной руки.

— Консардайн, — резко сказал я, — почему вас так сильно трогает возможность того, что Сатана играет нечестно? Я думаю, что здесь вы к нему ближе всех. Служба ему, как вы говорите, дает вам возможность осуществить все желания. И вы сказали, что он — щит между вами и законом. Какая разница для вас тогда, как он играет своими семью следами?

Он схватил меня за плечо, и я вздрогнул от боли.

— Потому что надо мной висит приговор Сатаны к смерти!

— Над вами! — с недоверием воскликнул я.

— Восемь лет назад был произнесен этот приговор. Восемь лет он пытал меня, как подсказывали ему его капризы. Иногда намекал на возможность немедленного осуществления приговора. Иногда почти обещал отменить его. Иногда мог пообещать другую возможность подняться по ступеням. Киркхем, я не трус — но смерть наполняет меня ужасом. Если бы я знал, что она неизбежна, я смотрел бы ей в лицо спокойно. Но я считаю ее вечной

тьмой, забвением, уничтожением. Что-то во мне отшатывается от этого, сжимается в ужасе, в отвращении. Киркхем, я люблю жизнь. Если игра честная, он в своем праве. Но если она нечестная — значит, все эти восемь лет он играл со мной, насмехался надо мной, делал из меня посмешище. И, по-прежнему насмехаясь, смотрел бы, как я, не сопротивляясь, принимаю смерть, на которую он обрек бы меня, — ведь я верил, что связан своей клятвой.

Этого, Киркхем, простить нельзя. Я, во всяком случае, не прощу! И это не все. Я видел множество мужчин и женщин, поднимавшихся по ступеням, рискуя всем по слову Сатаны. Я видел, как некоторые из них спокойно шли на смерть, как пошел бы и я. Но их честь, как и моя, оказывается, поконится на бесчестности. А другие, ушедшие или сломанные и плачущие. Как Картрайт. А Сатана смеялся. И есть много таких, которые, подобно мне, живут под отложенным приговором. И все это вызвано меченою картой? Если это так, говорю вам, Киркхем, такое не должно существовать! Не должно!

Он рванул воротник, будто тот душил его.

— Боже! — прошептал он. — Отплатить ему! Если это правда... Я с песней встречу смерть... но я должен знать правду.

Я ждал, пока к нему вернется самообладание.

— Помогите мне узнать, правда ли это, — сказал я наконец. — Одному мне с этим, может, и не справиться.

Он покачал головой.

— Вам поможет Баркер.

— Я не хочу подвергать его риску. — Я решил прикрыть маленького человека, сколько смогу. — Нужно будет порыскать, Консардайн. И мы можем встретить кого-нибудь, не так настроенного, как вы. А втроем мы бы быстро кончили дело.

— Нет, — упрямо сказал он. — Почему я? Это ваше дело, Киркхем. Это вы заронили во мне сомнение. И вы должны его разрешить. Так или иначе. В конце концов ваши подозрения не основаны ни на каких доказательствах. Тривиальность, два или даже три происшествия, вполне объяснимых. Вероятность того, что вы ошибаетесь, несравненно больше того, что вы правы. Почему я должен рисковать жизнью? Я и так зашел слишком далеко. Я обещал вам нейтралитет и кое-что большее. Даль-

ше я не пойду. Используйте Баркера. Я пообещал ничего не видеть и не слышать, если встречу вас в ваших... розысках. Но сейчас я не буду обрекать себя на верную гибель, присоединяясь к вашим поискам. Я был относительно доволен жизнью. Если вы ошибаетесь, я сохраню это. Если вы правы... тогда, повторяю, вы больше не будете один.

А тем временем — Майкл Консардайн упорно держится за свое место под солнцем.

Он подозревал черную кобылу и сел на нее. Ясно, что не было смысла продолжать спор. Мы проехали через лес и спустя некоторое время повернули к замку. Я оставил Консардайна в конюшне и пошел к себе переодеться. На моей подушке лежала записка. От Сатаны. Обычное послание. Он надеется, что я хорошо провожу время, как я того и заслужил, и хочет увидеться со мной сегодня вечером в девять. Остальная часть дня прошла без происшествий. Чем более я раздумывал над разговором с Консардайном, тем более соглашался с его точкой зрения. И, как ни странно, тем лучше становилось настроение. К обеду я явился в беззаботном состоянии духа.

Во главе стола, как и накануне, сидел Консардайн. Моим соседом был Кобхем. В дальнем конце я видел Еву. Она не обращала на меня внимания. Мне было очень трудно не смотреть на нее. Кобхем много пил. Почему-то он чувствовал какую-то ответственность по отношению ко мне. Ни на кого другого не обращал внимания и мне не давал. Говорил он интересно, но чем дальше, тем все большее отвращение я к нему чувствовал. Кобхем излагал свою теорию жизни, как простой электро-химической реакции. Он ясно дал понять, что ни индивидуум, ни массы для него ничего не значат в терминах того, что обычно называют человечностью. Он был потрясающе бесчеловечен. Казалось, по отношению к людям он испытывает не больше чувств, чем по отношению к своим пробиркам. Скорее, даже меньше. В сущности, для него люди — всего лишь одухотворенные пробирки, лишь слегка различающиеся в содержимом. И он не видел причины, почему их нельзя разбивать, опустошать или изменять содержимое путем экспериментов. Он рассказал о нескольких ужасных опытах над рабами кефта. По крайней мере, надеюсь, что они были рабами. Он этого не говорил.

Слушая, я подумал, что из них двоих Сатана более человечен. Кобхем продолжал пить. Единственным результатом этого было то, что он становился все более холодно, бесчеловечно научообразным.

— В ваших ферментах слишком много чувств, Киркхем, — сказал он. — Вы, вероятно, считаете жизнь священной, если использовать шаблонное выражение; думаете, что ее нельзя уничтожать без крайней необходимости. Вздор! Она не более священна, чем электрический ток, который я включаю и выключаю, чем содержимое моих пробирок, судьбу которого решаю я. Когда природа хоть полушку давала за индивида? Нейтрализуйте в себе ослабляющие элементы, Киркхем, и вы станете великим человеком. Я могу это для вас сделать, если хотите.

Я обещал подумать.

В 8.30 появился Сатана. А я гадал, где я его увижу. Консардайн уступил свое место, и Сатана пригласил меня сесть слева от него.

— За моего нового последователя Джеймса Киркхема, — он поднял свой стакан. — Я очень доволен им.

Все стоя выпили за меня. Я увидел, как Ева намеренно поставила свой стакан нетронутым. И так же, как будто она заставила его, поступил Сатана.

В 8.45, как по сигналу, компания начала рассеиваться. Через несколько минут остались только Сатана, Кобхем и я. Я удивился, заметив, что Консардайн тоже уходит. Слуги очистили стол и по кивку Сатаны удалились.

— Через три дня из Гавра отплывает корабль, — неожиданно начал Сатана. — «Астарта». Медленное судно. Везет несколько вещей исключительной красоты. Я считаю, что настало время мне предъявить требование на эти вещи. Среди них полотно эра Джошуа Рейнольдса и другое — кисти Ромни. Там кувшин из горного хрусталя и двенадцать хрустальных чашек, покрытых чудесной гравировкой и усаженных большими неотделанными сапфирами и рубинами. Они изготовлены, возможно, в Древнем Крите для царицы Пасифаи. Во всяком случае, они очень старые. Неизвестный мастер вложил в них весь свой гений. Они долго пролежали в Кремле. Коммунисты продали их. Там есть также ожерелье из изумрудов, на каждом из которых выгравирована одна глава из «Метаморфоз» Овидия. Ничего подобного нет в мире.

Он помолчал, потом наклонил голову ко мне.

— Я должен иметь их, Киркхем. Вы с Кобхемом доставите их мне.

Я поклонился, ожидая дальнейших разъяснений. Кобхем, как я заметил, с появлением Сатаны ничего больше не пил. И вовсе не казался пьяным. Сидел молча, глядя на стакан, постукивая пальцами; на полных губах его играла еле заметная циничная усмешка. Но я чувствовал, что он украдкой следит за мной, как будто ждет чего-то. Что бы ни собирался сказать мне Сатана, похоже, он уже обговорил это с Кобхемом.

— Вас я назначаю руководителем, — продолжал Сатана, — не только потому, что задание потребует незаурядной находчивости, но из-за точного исполнения инструкций, которое вы продемонстрировали. Я передам вам задание в общих чертах, чтобы вы могли его обдумать. Более подробные инструкции получите перед отплытием.

Отплытие! Значит придется оставить Еву! Я беспокойно шевельнулся. Вероятно, озабоченность проявилась на моем лице. Во всяком случае, он ее почувствовал.

— Да, — сказал он, — переход ценностей должен осуществиться не на суще после прибытия «Астарты». Я предполагаю совершить его в открытом море. Вам предстоит участвовать в том, что предрассудок именует пиратством, Джеймс Киркхем. Какое романтическое название!

В его сверкающем взгляде было чуть заметное злорадство.

— У вас есть романтическая струнка. Я это признаю. Потому что у меня она тоже есть. Я вам даже несколько завидую.

— А я вам благодарен, — я улыбкой встретил его пристальный взгляд. Но ладони рук у меня внезапно стали мокрыми.

— «Астарта» двинется по южному маршруту, — продолжал он. — В это время года и на этих широтах штурм маловероятен. В день ее отплытия вы с Кобхемом выйдете в море на моей яхте, которой, как я заметил, вы любовались сегодня. Кроме экипажа, на яхте будет десяток моих едоков кефта. Их можно использовать в случае неожиданных осложнений. Все будут думать, что «Херувим» — прекрасное имя, не правда ли? — что

«Херувим» отправится в путешествие вдоль берега. В первый же день, вернее, ночь, «Херувим» сбросит свою ангельскую внешность. Он приобретет наружность «Морского волка» — яхты безупречно респектабельного финансиста, который в тот момент, ничего не подозревая, будет плыть к Гаване. Это также на случай неожиданностей. И, конечно, название «Херувим», всюду, где оно заметно, будет заменено на «Морской волк». Через два дня в назначенному районе вы обгоните «Астарту», разумеется, оставаясь невидимыми. Скорость «Астарты» 15 узлов, ваша — 30. Поэтому вы сможете остановить ее, взять то, что мне нужно, и вернуться назад — вновь невинный, безупречный «Херувим» — на два дня раньше, чем «Астарта» придет в порт.

У меня отлегло от сердца. Значит, Сатана не намерен причинить вреда ни кораблю, ни его экипажу. Иначе он не говорил бы о его возвращении. Кобхем коротко рассмеялся. Улыбка его стала еще циничнее. На мгновение Сатана остановил на нем свой взгляд. Кобхем беспокойно заерзал.

— Вы, конечно, предусмотрели, сэр, как нам остановить «Астарту», — сказал я.

— Естественно, — ответил он. — Я как раз подхожу к этому. В это время года на корабле не бывает больше ста пассажиров. Некоторые из них будут моими людьми. Кроме того, я постарался, чтобы пассажиров было даже меньше обычного. Часть кают зарезервирована для туристского клуба. Но, как ни странно, перед самым отплытием этот заказ будет снят. Клуб неожиданно изменит свои планы. Его щедрые представители возместят пароходной компании все затраты. «Астарта» отплывет по расписанию, так как владельцы вещей, о которых я говорю, будут беспокоиться о их сохранности. Думаю, что на борту будет не более тридцати пассажиров, из них десять — мои люди. Хорошо, Джеймс Киркхем. Мы подходим к ночи вашего приключения. Весь день вы будете следовать за «Астартой» на удалении в десять миль. Ночь будет безлунная. В девять часов в салоне корабля будет идти концерт. У нескольких пассажиров будет небольшой семейный праздник. Они все, вероятно, будут в салоне. А также некоторые из офицеров. Вы выключите огни и подплывете на четыре мили. С «Астарты» подадут сигнал, вы на него ответите. В этот момент два человека, получившие мое

задание, бросят несколько бомб в машинное отделение «Астарты». Бомбы наполнены газом, изобретением мистера Кобхема. Сразу вслед за этим находящиеся в машинном от делении потеряют всякий интерес к своей работе. Третий мой человек проберется в машинное отделение и остановит двигатели.

Он помолчал, разглядывая меня. Я чувствовал на себе и взгляд Кобхема. Каким-то чудом мне удалось не показать ужаса, который я почувствовал. Ровным голосом, равнодушным тоном я продолжал разговор.

— Итак, команда машинного отделения устранена. Что дальше?

Некоторое время Сатана не отвечал мне. Его алмазный взгляд не отрывался от меня. Я отогнал как можно дальше видение людей, задыхающихся и корчащихся на полу машинного отделения «Астарты». Вынес его взгляд и нахмурился, будто удивленный. Увидел ли он то, что хотел, не знаю, но неожиданно его приводящая в замешательство сосредоточенность уменьшилась.

— Что вы, Джеймс Киркхем! — елейно сказал он. — Вовсе не нужно убивать. Газ, о котором я говорил, не смертелен. Это снотворный газ. Действует он практически мгновенно. За пять секунд. Но он безвреден. Шесть часов, и человек просыпается даже без головной боли. Какими кровожадными он нас считает, Кобхем!

Что-то подсказывало мне скрыть облегчение, как я скрыл ужас.

— Остаются офицеры и команда, — равнодушно продолжал я. — Что с ними? Откровенно говоря, Сатана, по вашему рассказу я пока всего лишь зритель. Посыльный. Где же мои пиратские приключения?

— В этот момент дело переходит в ваши руки, — ответил он. — К этому времени вы подойдете к «Астарте» и возьмете ее на абордаж с Кобхемом и достаточным количеством людей. Не исключено, что сложатся обстоятельства, которые я не могу предвидеть, и поэтому должен довериться вашей изобретательности и храбрости. На борту «Астарты» будет большое смятение. Вы должны проследить, чтобы не спустили ни одной лодки, чтобы никто не сбежал с корабля. Перед тем, как вы высадитесь на «Астарту», с ее капитаном и одним или двумя помощниками произойдет небольшая неприятность. Ничего серьезно-

го. Нет, нет. Просто они будут выведены из строя. А может, и нет. Вы можете столкнуться с сопротивлением. Подавите его. Без крови, если сможете. Но с кровью или без нее — оно должно быть подавлено. Дело может усложниться из-за состояния погоды. Думаю, вам не будет скучно, Джеймс Киркхем.

Я тоже так думал. У меня было неприятное ощущение, будто Сатана рассказывает не все. — В последних инструкциях вы найдете точное указание местоположения тех предметов, которые вы должны привезти мне. Они находятся в прочном сейфе в стальной кладовой. Они настолько ценные, что комбинацию сейфа будет знать только капитан. Вам незачем убеждать его сообщить эту комбинацию вам. С вами будет специалист, для которого любой сейф не преграда. Получив нужные мне вещи, вы отойдете от «Астарты» и полным ходом направитесь домой, забрав с собой моих людей, которым не безопасно там оставаться. Вот и все.

Я задумался. Он имеет в виду, что некоторых его агентов могут впоследствии допросить и выяснить, кто они на самом деле. А как же мы на «Херувиме»?

— Вы не думаете, сэр, что кто-нибудь на «Астарте» позже может опознать нас? — начал я.

— Вы, разумеется, будете в масках, — прервал он ровно.

Кобхем неожиданно нетерпеливо дернулся.

— Радио, — продолжал я. — Вероятно, его выведут из строя до нападения?

— В этом не будет необходимости, — ответил он. — На яхте исключительно сильный передатчик. В момент сигнала радио «Астарты» будет заглушено, ее сигнал подавлен. Опытный радиостанция на «Херувиме» не даст пройти никакому сообщению с «Астарты».

Я продолжал думать. Казалось, все ясно. И однако — я чувствовал беспокойство, какую-то угнетенность. За гладкими фразами Сатаны скрывалось что-то еще, что-то очень зловещее.

— Я думаю, вы удовлетворены вознаграждением за маленькое дело с ожерельем, — прервал он мои мысли. — Вознаграждение за это дело будет, разумеется, больше. Приглашение ко мне прервало ваш отпуск. Как вам понравится шестимесячное путешествие после завершения дела? Поедете, куда хотите, как хотите и будете

делать, что захотите. За мой счет, конечно. Позвольте добавить, что тратить сможете сколько угодно.

— Благодарю вас, сэр, — сказал я, — но мне не нужен отпуск. Откровенно говоря, я нахожу встречи с вами гораздо более интересными, чем все, на что я могу надеяться помимо вас.

Лицо его оставалось непроницаемым, но я чувствовал, что он доволен.

— Ну что ж, посмотрим, — ответил он. — Продолжайте, как начали, Джеймс Киркхем, и у вас не будет причин жаловаться на мою склонность.

Он встал. Я поднялся — вежливо, Кобхем — осторожно. Сатана несколько мгновений созерцал нас.

— Как вы собираетесь провести вечер? — спросил он меня.

— Кобхем упоминал бридж, — ответил я, — но если у вас есть какие-то другие предложения...

Кобхем ничего подобного не говорил. Но он говорил так много, что — я надеялся — решит, что и это сказал. Именно теперь мне не хотелось оставлять Кобхема. Если у Сатаны и была мысль, как я опасался, попросить кого-нибудь из нас сопровождать его, то он передумал. Он кивнул и направился к стене.

— Неплохо бы вам завтра осмотреть «Херувима», — он повернулся у открытой панели. — Познакомьтесь с ним. Спокойной ночи.

Кобхем долгую минуту сидел молча, глядя на то место, где исчез Сатана.

— Хорошо вы придумали, Киркхем, — сказал он, наконец, медленно. — Не знаю, как вы догадались, но сегодня хватит с меня Сатаны. Очень хорошо придумали!

Он потянулся за бренди. Я улыбнулся — значит, Кобхем все помнил и понял мой маневр. Он налил почти полный бокал бренди и выпил.

— Очень хорошо! — повторил он. Я видел, что бренди быстро действует на него. — Выпейте со мной.

Я налил себе немного. А он опять наполнил и осушил свой бокал.

— Стыдно обращаться с вами, как с ребенком, — бормотал он. — Обращается с вами, будто вы только из колыбели. Вы мужчина, Киркхем. У вас есть мужество. Зачем вас обманывать? Рассказывать сказки? Проклятье, Киркхем, вы заслуживаете правды!

Вот оно! Наступает! То скрытое, зловещее, что я ощущал, готово сорваться с губ Кобхема.

— Выпейте, — сказал я, придвигая графин. — Кто обращается со мной, как с ребенком?

Он пьяно смотрел на меня.

— Вы думаете, газ уложит команду спать? — захихикал он. — Милая колыбельная песенка для бедных уставших моряков. Сладкая маленькая химическая убийственная песенка, сочиненная папой Сатаной и мамой Кобхемом? Киркхем, клянусь дьяволом, она уложит их спать. Навсегда!

Я налил себе еще бренди и спокойно выпил.

— Ну и что? — спросил я. — Короткий сон или долгий — какая разница?

— Какая разница? Какая разница! — Он посмотрел на меня, потом ударил кулаком по столу. — Клянусь Господом, я был прав! Говорил я Сатане, что у вас есть мужество! Говорил, что не нужно... не нужно путать форм... форм... формулы с вами. Какая разница, говорит он. Выпейте со мной!

Я выпил с ним. Он трясясь от хохота.

— Маски! Маски, чтобы люди на «Астарте» не узнали нас позже. Позже! Ха! Ха! Позже! Как хорошо! Дьявол, парень, никакого позже для них не будет!

Комната покачнулась. Что это он говорит?

— Не сразу. Скажем... через двадцать минут. Через двадцать минут... Бах! И взрывается хорошенькая бомба. Джентльменская бомба. Тихая, достойная. Но сильная. Бах! Дно «Астарты» отваливается. Лодок нет. Об этом позаботились едоки кефта. «Астарта» исчезает без следа. Бах! Фьють! Пузыри. Конец!

Он стал пьяно разговорчив. — Ни... н... ни на минуту не одурачили старину Киркхема. Он не подумал, что Сатана станет рисковать: вдруг кто-нибудь с «Астарты» встретит нас. Расскажет полиции о злых пиратах, захвативших их посреди океана. В ад свидетелей! Это кредо Сатаны. Одной неразгаданной загадкой океана больше. Наилучший способ. Способ Сатаны.

— Что ж, — сказал я, — очень рад слышать это. Я только об этом и беспокоился...

Опьянение соскользнуло с Кобхема, как сброшенный плащ. Лицо стало бледным и измученным. Бокал выпал из руки.

Из темного угла комнаты вышел Сатана.

Глава шестнадцатая

Это кризис. Глубокий. Вне всякого сомнения. Время для быстрого решения, если такое найдется. Меня не беспокоило, что будет с Кобхемом. Если этого бессердечного дьявола тут же потянут в ад, я и пальцем не шевельну. Но я сам мог раздвинуть его судьбу. Если Сатана решит, что я сознательно вытягивал сведения из Кобхема, он не станет спрашивать объяснений. Тот факт, что я не поверил его словам, сам по себе требует наказания. Хуже всего, что я поймал его на лжи. Он может решить, что это делает меня бесполезным для него в дальнейшем. Но это не главное. Главное в том, что я заставил его, как говорят китайцы, «потерять лицо». Если Баркер верно догадался о его происхождении, это непростительное преступление. Так или не так, но я знал, что адский интеллект Сатаны обначен в не менее адскую гордость. И эта гордость уязвлена.

Единственный шанс спасения — залечить рану, прежде чем Сатана поймет, что она нанесена. Я вскочил на ноги и пошел навстречу ему.

— Ну, — рассмеялся я, — выдержал я испытание?

Он немедленно клюнул на приманку. Верил ли он, что я так наивен, — в конце концов, неважно. Это была именно та ловушка, или, скорее, эксперимент, которых мне следовало ожидать от него. И я не знал, долго ли он слушал. Намеренно ли оставил со мной Кобхема, чтобы посмотреть, что получится? Все ли слышал? Возможно. Если и так, то я не произнес ни одного слова, которое могло бы вызвать его подозрение. И, во всяком случае, согласиться со мной — для него единственный способ сохранить гордость. Спасти лицо. Он так и поступил.

— Кобхем, — сказал он, — вы были правы.

И повернулся ко мне.

— Скажите мне, Джеймс Киркхем, когда вы впервые заподозрили, что вас испытывают? Мне любопытно узнать, насколько велика ваша проницательность.

Он знаком пригласил меня сесть и сам сел в свое кресло. Я упрямо не смотрел на Кобхема.

— Первое, что удивило меня, Сатана, — сказал я, — это ваше отношение к «Астарте». Я бы так не отнесся. Мертвец ничего не способен сказать — старое верное правило. Я следовал бы вашим инструкциям, конечно, — смело добавил я, — но не одобрил бы их.

Его глаза не отрывались от меня. Я чувствовал, как его воля бьет по мне молотом, выбивая правду.

— А когда ваше подозрение перешло в уверенность?

— Когда вы появились здесь.

И тут я позволил вырваться гневу.

— Я не допущу больше подобных экспериментов над собой, Сатана! — воскликнул я с холодной яростью, которая была вызвана не этим происшествием, но тем не менее была неподдельной. — Или мне доверяют полностью, или не верят вовсе. Если вы мне поверите и я вас подведу — что ж, лекарство в ваших руках, и я готов понести наказание. Но я больше не буду подопытным кроликом, как ребенок в психиатрической клинике. Клянусь Господом, не буду!

Я подумал, что выиграл. И не только выиграл, но и поднялся во мнении Сатаны на невиданную прежде высоту. Если его алмазно-твёрдые глаза могли смягчаться, они смягчились.

— Согласен, Джеймс Киркхем, — спокойно сказал он. — Но я рад, что подверг вас испытанию. Оно открыло мне, до какой степени я могу на вас полагаться.

— Я принял решение. Дал слово, — сказал я слегка обиженно. — Пока вы честно платите за работу, я повинуюсь вашим приказам, Сатана. Если вам это ясно, то вы не найдете более верного слугу.

— Мне это ясно, Джеймс Киркхем, — ответил он.

Я осмелился взглянуть на Кобхема. Он понемногу приходил в себя. И смотрел на меня с очень странным выражением.

— Кобхем, — рассмеялся я, — вы актер не хуже, чем химик.

— Кобхем... был... очень ценным слугой, — сказал Сатана. — И никогда не приносил больше пользы, чем сегодня.

Я увидел, как глубокая дрожь сотрясла Кобхема. И сделал вид, что ничего не заметил. Сатана встал.

— Идемте со мной, Кобхем, — сказал он. — Нам нужно кое-что обсудить. А вы... — он взглянул на меня.

— Пойду к себе. Я знаю дорогу.

Сатана вышел, Кобхем за ним. Однажды он оглянулся и бросил на меня странный взгляд. В нем была благодарность — и смертельный ужас.

Я подошел к панели, с которой начиналась моя дорога к себе.

— Джеймс Киркхем, — я обернулся.

У противоположной стены стоял Сатана. Его корпус почти закрывал Кобхема.

— Сэр?

— Джеймс Киркхем, никогда я не был более доволен вами, чем сейчас. Спокойной ночи.

— Я рад, сэр. Спокойной ночи.

За ним открылась панель. Я нажал на скрытую в обшивке пружину, стена разошлась. Передо мной был мальчишеский лифт. Я вошел в него. Сатана и Кобхем прошли сквозь другую стену.

Я мельком увидел двух рабов кефта с петлями в руках, шедших по обе стороны Кобхема.

Когда моя панель закрывалась, мне показалось, что я видел, как они схватили его за руки.

И вот я в своих комнатах. Ева будет ждать меня, но у меня не было желания совершать сегодня экскурсию. Я был уверен, что Сатана клюнул на мою наживку. Но Кобхема ждало наказание — насколько сугубое, я не знал. Сатана не зря зловеще подчеркнул «был», говоря о полезности Кобхема. И Кобхем понял угрозу. И еще я видел рабов, державших его. Сатана обо всем этом не забудет. Возможно, он вызовет меня; может быть, даже сам придет ко мне.

Лучше оставаться здесь. Раньше или позже появится Баркер. Я пошлю с ним сообщение Еве. Я выключил все лампы, кроме одной неяркой в гостиной, разделялся и лег. Курил, чувствовал легкую тошноту и приступы горячей бессильной ярости. Дело с «Астартой» было достаточно жестоким, даже в том варианте, что изложил Сатана. Откровения Кобхема сделали его ужасным. Конечно, мне придется пойти на это. Ничего другого не остается. Если я откажусь, это будет концом и для меня, и для Евы. И

кто-то другой займет мое место. Кобхем, в сущности, сделал необходимым мое участие.

Я должен найти способ помешать жестокому уничтожению корабля. Почти несомненно, что это означает мою гибель. Но это нужно сделать. Я знал, что если не вмешаюсь и позволю невинным людям идти на дно, я больше никогда не смогу найти душевное спокойствие. Я знал, что и Ева чувствовала бы то же.

Я отчаянно надеялся, что мы сможем уничтожить Сатану до моего отплытия.

Неожиданно я ощутил чье-то присутствие в комнате. Выскользнул бесшумно из постели и подошел к занавесям. Это был Баркер.

Я поманил его.

— Осторожнее, Гарри, — прошептал я. — Входите и навострите уши. Кое-что случилось.

Я кратко рассказал ему о событиях дня от беседы с Консардайном до пьяных откровений Кобхема и зловещего увода его Сатаной. Маленький человек вздрогнул.

— Боже, — прошептал он. — Кобхем — настоящий дьявол, но мне его жаль. Сатана позаботится, чтобы он больше не болтал. Нужно действовать быстро, капитан.

— У меня твердое убеждение, что моя работа сегодня — оставаться в этой комнате, — ответил я ему. — И если вы думаете, что это не трудно, когда меня ждет мисс Демерест, вы ошибаетесь.

— Вы правы, сэр. Да и мне нужно побыстрее убираться. Вот что я пришел вам сказать. Я был туцией вчера вечером, когда вы намекнули, что делает Сатана своими руками. Честность меня подвела. Не прошло и пяти минут, как я увидел, как это можно сделать. Черт победи, да можно это сделать десятью способами.

— Вы правы, — шепнул я, — но покороче. Как вы собираетесь узнать, делает ли он это?

— Вот над этим я весь день ломал голову, — ответил он. — Как пробраться в храм и осмотреть черный трон? Золотой опускается, а черный встроен. И в любой час дня и ночи там стоят два раба кефта. Сменяются четырежды в сутки, и, держу пари, он для этого подбирает самых подходящих, капитан. Пробраться туда нетрудно, за троном с полдюжины тайных ходов. Десять минут, и мы будем знать, что к чему. Но как, ради дьявола, получить эти десять минут? Перестрелять этих бледнолицых

парней — не поможет. Как только их найдут, Сатана поймет, что за игра идет в его хозяйстве.

Он помолчал.

— Вот так штука! — сказал он наконец. — Если бы мы могли попросить какого-нибудь ангела спуститься со стаканом кефта в руке у них под носом. Они пошли бы за ним, как голодные львы за костью. И ничего больше бы не увидели!

С бьющимся сердцем я схватил его за плечи.

— Клянусь Господом, Гарри! Вы попали в яблочко! — Голос мой дрожал. — Вы знаете, где он хранит это адское варево? Можете подобраться к нему?

— Конечно, знаю, — ответил он. — Я говорил вам, что в своем деле не имею равных. Конечно, смогу. Но что из этого?

— Мы будем ангелом. Кефт действует быстро, я видел. Но сколько он действует?

— Не знаю, — ответил он. — Иногда дольше, иногда короче. Но у нас будут наши десять минут и еще немало... Вот это да! — он засмеялся. — Что за игра! Если они придут в себя до смены, то ничего не скажут. А если их застанет смена, у них не будет шанса что-нибудь сказать. И даже если они расскажут, кто им поверит?

— Добудьте напиток, — сказал я. — Постарайтесь завтра. А теперь прежде всего безопасность. Уходите. Если сможете, передайте мисс Демерест, чтобы не ждала меня сегодня. Пусть не беспокоится. Но не рискуйте. Гарри, вы чудо. Если бы вы были девушкой, я бы вас поцеловал. Шагайте!

Снова он рассмеялся; и через мгновение исчез. Я перешел в другую комнату и выключил и там свет. Впервые с того времени, как я попал в руки Сатаны, я был свободен от депрессии, ужасного чувства угнетенности, которое не оставляло меня. Как будто начала открываться дверь. Дверь на свободу. Спал я крепко. Проснулся среди ночи, увидев во сне Сатану. Он стоял рядом и смотрел на меня. Не знаю, на самом ли деле это был сон. Может, он решил развеять какое-то сомнение? Если так, мой сон его развеял, потому что спал я безмятежно. Я не стал об этом беспокоиться; в следующее мгновение я опять уснул.

Следующий день пролетел быстро. Когда я одевался, зазвонил телефон. Звонил Консардайн. Он передал, что

Сатана хочет, чтобы после завтрака я побывал на яхте. Он, Консардайн, будет меня сопровождать.

Значит, планы не изменились. Я все еще должен играть свою пиратскую роль. Когда я вошел в столовую, Консардайн ждал меня. Мы вместе поели. Меня мучило любопытство относительно Кобхема. Но я ничего не спросил, а Консардайн не говорил о нем. Мы спустились на причал, говоря о разных пустяках. Ни один из нас не упоминал вчерашнюю беседу. Но он все время, должно быть, о ней думал, как и я. Но добавить нам было нечего. Он достаточно ясно определил свою позицию. Нас ждал катер, он переправил нас на «Херувим».

Внутри яхта была не менее прекрасна, чем снаружи. Капитан — приземистый плотный широкоплечий ньюфаундлендцец. Он представился как капитан Морриси. Может, именно это имя дали ему родители, а может, и нет. Вероятнее, нет. Он был истинный пират. Сто лет назад он плавал бы под Веселым Роджером. Первый помощник — привлекательный замкнутый человек с клеймом Аннаполиса. И экипаж из самых прожженных типов, каких только способны произвести моря. Дисциплина превосходная, военная. Она достигала апофеоза в машинном отделении. Двигатели, специально сконструированные дизели, работающие на нефти, — чудо.

Мне было так интересно, что я не заметил, как наступило время ленча. Я не ошибся насчет Морриси. Он рассказывал о контрабанде оружия и алкоголя, которой занимался до того, как поступил на службу к Сатане. Родившись слишком поздно для пиратского флага, он хорошо использовал то, что оставалось. Конечно, он пират, но мне он понравился.

Вернувшись в замок, я обнаружил вызов от Сатаны. Я повиновался с дурными предчувствиями. Предчувствия не оправдались. Я провел два удивительнейших часа. Меня отвели в ту часть большого здания, где находились личные апартаменты Сатаны. Не могу описать увиденное, атмосферу этих десятков комнат, больших и маленьких, где наслаждалась эта сумрачная странная душа.

Каждая из комнат представляла собой храм того загадочного, не поддающегося определению вечного духа, который человечество называет красотой и который оно всегда пыталось уловить и воплотить в материю. И Сатана тут был другим. Он преобразился, стал мягким, ни в

словах, ни во взгляде не было насмешливости. Говорил он только о своих сокровищах. Мне пришло в голову, что красоту он любит даже больше, чем власть; он считает власть средством приобрести красоту. И как бы злобен он ни был, красоту он понимал лучше любого из живущих людей.

Я ушел от него очарованный. Мне пришлось бороться с мыслью, что увиденное мною оправдывает средства его приобретения; что подлинный преступник тот, кто мешает Сатане. Как это ни странно, но я чувствовал какую-то вину за те планы, что вынашивал. С трудом удержался я от исповеди, от признания всего, от отдачи себя на его милость и от клятвы ему в вечной преданности. Думаю, что удержала меня только мысль о Еве. Возможно, такова и была его цель. Но мне снова и снова приходилось напоминать себе об этом, чтобы удалить отвращение, которое я начал испытывать к своим планам. Если кому-то это покажется прискорбной слабостью, могу только сказать, что тот, кто так думает, сам не был объектом колдовства, не слушал Сатану, проповедующего в самом сердце чуда, которое он создал.

Если это и была ловушка, я ее избежал. Но до сегодняшнего дня я сомневаюсь — быть может, в высшем смысле, Сатана все-таки был прав.

Общество за обедом помогло мне сбросить наваждение. Еще больше помог послеобеденный бридж. Я вернулся к себе около полуночи. Весь день я не видел Еву. Консардайн мельком упомянул, когда мы шли на ужин, что она уехала в город и, вероятно, сегодня не вернется. Я понял это как намек на то, что мне сегодня не следует бродить по замку.

Я лег спать, надеясь увидеть Баркера. Он не появился. За завтраком на следующий день было несколько действительно интересных людей. Среди них австралийский майор, солдафон и обаятельный негодяй. Мы вместе отправились верхом по другому маршруту, чем вчера с Консардайном. В одном месте наша тропа шла параллельно шоссе. Мимо прошумела хорошенъкая маленькая машина, направляясь в замок. Ею правила Ева. Она помахала рукой. Австралиец принял приветствие на свой счет, заметив, что проехала чертовски хорошенъкая девушка. Все вдруг прояснилось. Я решил, что увижу с ней вечером. Так я тогда подумал.

Поставив лошадь в стойло, я пошел на террасу. Может, удастся увидеть Еву или даже переброситься с ней словом. Около четырех появился Консардайн и сел рядом со мной. Казалось, он испытывает неловкость. Мы раз или два выпили, поговорили о том, о сем, но ясно было, что что-то его беспокоит. Я с каким-то предчувствием ждал, когда он заговорит. Наконец он вздохнул, повел широкими плечами.

— Что ж, — сказал он, — горькое лекарство не становится слаше оттого, что мы оттягиваем прием. Идемте, Киркхем. Приказ Сатаны.

Я ясно вспомнил слова Консардайна, что если его хозяин прикажет ему, он без колебаний задержит меня. И ощущил шок.

— Значит ли это, что я арестован?

— Вовсе нет, — ответил он. — Есть кое-что... кое-кто... Сатана хочет, чтобы вы на него взглянули. Не спрашивайте, почему. Я не знаю. Могу догадываться, но... не задавайте вопросов. Идемте.

Я, удивленный, пошел за ним. Мы пришли в одну из башен замка; по крайне мере, мы высоко поднялись над уровнем земли. И оказались в маленькой голой комнатке. Скорее, келье. Одна из стен ее слегка изгибалась, выпуклостью к нам. Консардайн подошел к этой стене и поманил меня. Он коснулся скрытой пружины. Появилось квадратное отверстие, похожее на окно размером в фут, на уровне моих глаз.

— Смотрите, — сказал он.

Место, куда я заглянул, было полно чрезвычайно ярким бледно-пурпурным светом. Свет производил крайне неприятное впечатление. Одновременно я услышал тонкий дрожащий звук, слабый, но непрерывный, на одной ноте. Я не музыкант, чтобы точно определить ноту; она была высокой, как от крыльев пчелы. Звук тоже был неприятным. Вместе свет и звук сводили с ума. С первого взгляда мне показалось, что я смотрю в круглый зал, в котором находится толпа людей; все они глядят в центр. Потом я понял, что этого не может быть: у всех этих людей одна и та же поза: они склонились на одно колено. Их, казалось, тысячи, этих склонившихся людей, ряд за рядом, один за другим, они становились все меньше и меньше, пока не исчезали в бесконечности.

Я взглянул направо и налево. Те же склоненные люди, но в профиль. Поднял глаза к потолку: и там они — висят вниз головой.

И вдруг я понял, что у них у всех одно и то же лицо.

Это лицо Кобхема! У всех лица Кобхема, истощенные и искаженные, отраженные вновь и вновь в десятках зеркал, которыми окружено все помещение. Круглые стены в фасетках зеркал, и круглый потолок тоже, и все зеркала нацелены на круглую зеркальную плиту примерно семи футов в диаметре, которая служила их фокусом.

На плите стоял склоненный Кобхем, глядя на собственные бесчисленные отражения, подчеркнутые ярким злым пурпурным светом. Кобхем вскочил и начал яростно размахивать руками. Как отряды автоматов, отражения тоже вскочили и замахали. Он повернулся, и все они, ряд за уменьшающимся рядом, повернулись. Он упал, закрыв лицо руками, но я знал, что хоть его глаза и закрыты, лица по-прежнему глядели на него, привязанные, как должно было казаться, к фигурам тысяч людей, отраженных в круглой плите от зеркал на потолке. И я знал также, что человек не может долго держать в этой комнате глаза закрытыми, он должен открыть их и смотреть, и смотреть снова. Дрожа, я отпрянул. Зрелище адское. Оно уничтожало рассудок. Тут не может быть сна. Звон скребет по нервам и не даст уснуть. Свет тоже прогоняет сон, возбуждая и без того возбужденные нервы, натягивая их до предела. Обезьянничающее войско отражений медленно, неумолимо вело рассудок по тропе безумия.

— Ради Бога... ради Бога... — Я с бессвязным лепетом, с побелевшими губами обернулся к Консардайну. — Я уже видел... Консардайн... пуля — это милосердие...

Он привлек меня обратно к отверстию.

— Просуньте голову, — холодно сказал он. — Вы должны увидеть себя в зеркалах, а Кобхем должен увидеть вас. Таков приказ Сатаны.

Я попытался вырваться. Он схватил меня за шею и придвинул к окну, как щенка толкают в миску с водой. Стена в этом месте была всего в несколько дюймов толщиной. Я был беспомощен, теперь моя голова находилась за стеной. Кобхем с трудом поднялся. Я увидел, как в зеркалах появилось мое лицо. Он тоже увидел его.

Глаза его блуждали от одного отражения к другому: он пытался понять, где я.

— Киркхем! — взвыл он. — Киркхем! Вытащите меня отсюда!

Консардайн оттащил меня назад. Он захлопнул окно.

— Вы дьявол! Вы хладнокровный дьявол! — со слезами я бросился на него.

Он схватил меня за руки. Держал легко, будто я ребенок, а я в это время пинался и извивался в тщетных попытках вырваться. Наконец, ярость моя утихла. Все еще всхлипывая, я повис в его руках.

— Ну, ну, молодой человек, — мягко сказал он. — Я не отвечаю за то, что вы увидели. Я говорил вам, что лекарство будет горьким. Но это приказ Сатаны, я должен повиноваться. Идемте со мной. К вам в комнаты.

Я, не сопротивляясь, пошел за ним. Вовсе не сочувствие к Кобхему так тронуло меня. Вероятно, он сам не раз следил через это окно, как другие мучаются в зеркальной камере. Если бы возникла необходимость, я застрелил бы Кобхема без малейшего колебания. Даже испытание Картрайта не потрясло меня так, как это. С Картрайтом все шло в открытую, вокруг были люди. И Картрайт, какказалось, имел хоть какие-то шансы выпутаться. Но эта пытка в зеркальной камере, с ее лишающим сна светом, с ее медленно убивающим звоном, в полном одиночестве, это разрушение человеческого мозга — что-то в этом было такое, чего не выразить словами, что потрясло меня до глубины души.

— Долго ли он... протянет? — спросил я Консардайна, когда мы оказались в моих комнатах.

— Трудно сказать, — он по-прежнему говорил мягко.

— Он выйдет оттуда, полностью лишившись памяти. Не будет знать своего имени, кто он, ничего из того, что когда-то знал. Никого не будет узнавать. Подобно зверю, будет ощущать лишь голод и жажду, холод или тепло. Вот и все. Все тут же будет забывать. Жить только данным моментом. А когда этот момент пройдет, он его тут же забудет. Безмозглый, бездушный — пустой. Некоторые выходили оттуда через неделю, другие сопротивлялись три. Никогда дольше.

Я вздрогнула.

— Я не пойду на обед, Консардайн.

— На вашем месте я бы пошел, — серьезно сказал он. — Так было бы разумнее. Вы не можете помочь Кобхему. В конце концов, Сатана в своем праве. Подобно мне, Кобхем поднимался по ступеням и проиграл. Он жил по воле Сатаны. А Сатана будет следить за вами. Он захочет узнать, как вы восприняли это. Возьмите себя в руки, Киркхем. Идемте и постараитесь быть веселым. Я скажу Сатане, что вас заинтересовали его сокровища. Ну, молодой человек! Неужели вы дадите ему понять, что вы почувствовали? Где же ваша гордость? К тому же это просто опасно — для ваших планов. Говорю вам.

— Останьтесь со мной, Консардайн, до того времени. Сможете?

— Я так и собирался, если вы захотите. И думаю, нам обоим сейчас не повредит хорошая выпивка.

Наливая, я бросил на себя взгляд в зеркало. Стакан в руке затрясся, жидкость пролилась.

— Никогда не смогу смотреть в зеркала, — сказал я. Он налил мне еще.

— Довольно, — резко сказал он. — Забудьте об этом. Если Сатана будет за обедом, поблагодарите его за интересный новый опыт.

Сатаны не было. Я надеялся, что он получит доклад о моем поведении. И был достаточно весел, чтобы удовлетворить Консардайна. Пил безрассудно и много.

Ева была за столом. Время от времени я ловил ее удивленный взгляд.

Если бы она знала, как мало веселья было в моем сердце, и как много черного отчаяния, она удивилась бы еще больше.

Глава семнадцатая

Я засиделся за обедом с несколькими другими, отказавшись от игры в бридж. Уже около двенадцати я вернулся к себе. Мне казалось, что сегодня Баркер обязательно появится, даже если ему не удалось раздобыть кефт. Когда я остался один, воспоминание о Кобхеме и зеркальной камере вернулось с новой силой. Почему

Сатана приказал мне смотреть на пленника? Почему я должен был увидеть себя в этих проклятых зеркалах? И почему он хотел, чтобы Кобхем увидел меня? На первые два вопроса мог быть только один ответ. Это предупреждение. Значит, мое объяснение удовлетворило его не полностью. Но если бы было так, разве он не использовал бы другие меры? Сатана ничего не оставлял случаю. Я подумал, что он удовлетворен, но тем не менее решил предупредить, что будет со мной, если он перестанет быть удовлетворенным. Я не мог сказать, почему должен был увидеть меня Кобхем. Ведь его память будет уничтожена. Ответа, казалось, нет, разве что это еще один его каприз. Но, опять-таки, капризы Сатаны, как он называл их, всегда имели причину. Неохотно и с тревогой я сдался.

В двенадцать тридцать я услышал ликующий шепот из спальни:

— Добыл, капитан!

Я пошел в спальню. Нервы напряглись, в горле пересохло. Начинается! Теперь отступления нет. Карты для игры розданы. А в качестве другого игрока — смерть, самая страшная смерть.

— Вот оно! — Баркер сунул мне в руку полупинтовую фляжку.

Она была полна той зеленоватой жидкости, которую Сатана давал рабам в мраморном зале. Кефт!

Жидкость прозрачная, внутри нее микроскопические частицы искорками отражают свет. Я открыл фляжку и принюхался. Слабый кисловатый запах с оттенком мускуса. Я уже хотел попробовать, как Баркер остановил меня.

— Не трогайте, капитан, — сказал он торопливо. — Этот напиток варили в аду. Вы и так близки к нему.

— Хорошо. — Я закрыл фляжку. — Когда пойдем?

— Прямо сейчас, — ответил он. — Парни в храме сменяются в полночь. Сейчас подходящее время. О, да...

Он порылся в кармане.

— Подумал: подойдет по сценарию, — он улыбнулся.

В его руках были два золотых кубка, в которые фигура с вуалью и кувшином наливалася кефт.

— Трудно было добыть это, Гарри?

— Минутное дело, — ответил он. — Не хочется думать, что придется возвращать эти кубки на место. Но

придется. Но я свою работу знаю, — добавил он с надеждой.

— Да уж, знаете, Гарри.

Он колебался.

— Капитан, — сказал он наконец. — Не буду скрывать от вас: у меня такое чувство, словно мы собираемся в комнату, где во всех углах змеи.

— Ну, может, нам удастся найти защитную одежду, — бодро ответил я.

— Что ж, пошли? — сказал он.

— Пошли. — Я выключил свет в первой комнате. Мы прошли через стену спальни в тускло освещенный проход. Прошли по нему к одному из лифтов. Спустились. Вышли в длинный коридор, перпендикулярный первому. Еще один спуск, и мы в абсолютно темном коридоре. Здесь Гарри взял меня за руку и повел. Неожиданно он остановился и осветил стену. В определенном месте нажал пальцем. Я не видел, чем он руководствовался, но маленькая панель скользнула в сторону. И открылось углубление со множеством переключателей.

— Контрольный щит, — Баркер шептал мне на ухо. — Мы как раз за столом, на котором вы сидели. Ложитесь.

Я лег на пол. Он бесшумно опустился рядом. Еще одна панель в шесть дюймов шириной и в фут длиной открылась с бесшумной быстротой затвора фотоаппарата.

Я смотрел в храм. Щель, через которую я смотрел, находилась на уровне пола. Она скрывалась креслом, в котором я сидел, когда поднимался Картрайт. Изогнув шею, я мог между ножек кресла видеть горизонтальный срез всего огромного помещения. Яркий свет падал прямо на черный трон. Он стоял пустой — но грозный. Примерно в дюжине футов от него по обе стороны стояли два раба кефта. Высокие сильные мужчины в белой одежде, в руках наготове петли. Их бледные лица казались мертвенно-белыми под ярким светом. Глаза без ресниц не дремлют, насторожены.

Я увидел блеск голубых глаз за троном. Глаза каменного Сатаны. Они, казалось, злобно следят за мной. Я отвел от них взгляд. И увидел заднюю часть храма.

Она также была ярко освещена. И оказалась даже больше, чем я думал. Полукругом поднимались черные сидения, их было не менее трехсот.

Щель, через которую я смотрел, закрылась. Баркер коснулся моих руки, и я встал.

— Дайте наркотик, — прошептал он.

Я протянул ему фляжку кефта. Золотые кубки были у него.

Он опять осветил щит. Взял меня за руку и положил мои пальцы на два рычажка.

— Считайте до шестидесяти, — сказал он. — Затем переключите их. Свет погаснет. Держите на них руку, пока я не вернусь. Начинайте... один, два...

Он выключил свой фонарик. И хотя я больше не слышал ни звука, я знал, что он исчез. При счете шестьдесят я повернул рычажки. Казалось, время во тьме идет очень медленно. Но на самом деле, я думаю, прошло не больше трех-четырех минут.

Так же неслышно появился Баркер. Он отвел мою руку и включил свет в храме.

— Вниз, — прошептал он.

Мы опустились на пол. Еще раз открылась наблюдательная щель. Два охранника черного трона стояли там же, где я их видел в первый раз. Они мигали, ослепленные быстрым возвратом света. И нервничали, как охотничьи псы, почувствовавшие добычу. Они вздрагивали, помахивали своими петлями и поглядывали по сторонам.

На черном троне стояли два золотых кубка с кефтом.

В тот же момент их увидели рабы. Не веря своим глазам, они смотрели на них. Потом посмотрели друг на друга. Как пара автоматов, приводимых в движение одним и тем же импульсом, сделали шаг вперед и снова посмотрели на сверкающую приманку. Неожиданно на их лицах появилось выражение ужасающего голода. Нить лопнула. Они бросились к черному трону.

Схватили золотые кубки. И выпили.

— Боже! — услышал я шепот Баркера. Он тяжело дышал и дрожал, как человек, окунувшийся в ледяную воду.

Я чувствовал себя не лучше. Что-то бесконечно ужасное было в рывке этой пары за зеленой жидкостью. Что-то адское в неудержимом приливе желания, который уничтожил в их мозгу все, кроме одного порыва. Выпить наркотик.

Они повернулись, все еще держа в руках кубки. Сначала один, затем другой опустились на ступени. Глаза их

закрылись. Тела расслабились. Но пальцы по-прежнему сжимали кубки.

— Пора, — сказал Баркер.

Он закрыл щель и контрольный щит. Потом быстро повел меня по темному коридору. Мы резко свернули. Посыпался слабый шуршащий звук. Из узкого отверстия устремился свет.

— Быстрее! — прошептал Баркер и подтолкнул меня вперед.

Мы стояли на помосте за черным троном. Под нами лежали тела двух стражников. Семь отпечатков заманчиво светились. Баркер опустился на колени. Рычаг, которым Сатана приводил в рабочее состояние механизм ступеней, лежал горизонтально в специальном углублении в камне. Баркер что-то быстро делал у его основания. Сдвинулась тонкая пластиинка. Под ней оказалось множество маленьких зубцов. Баркер протянул руку и что-то передвинул. Контрольный шар опустился с потолка.

Баркер осторожно освободил рычаг. Поднял его и нажал, как это делал Сатана. Никакого жужжания я не услышал, по-видимому, Баркер как-то выключил его.

— Вам придется спуститься и подняться по ступеням, капитан, — прошептал он. — Побыстрее, сэр. Наступайте на каждый отпечаток. Я сбежал по ступеням, повернулся и стал быстро подниматься, сильно нажимая на каждый след. На вершине лестницы я повернулся и взглянул на шар. На белой половине сверкали три символа, на черной — четыре. Сердце мое упало.

— Приободритесь, — сказал Гарри. — Вы как будто упали духом. Не нужно. Этого следовало ожидать. Подождите минутку.

Он снова стал орудовать среди зубцов, лежа на полу и погрузившись лицом в щель.

Потом издал восклицание и вскочил на ноги, лицо его заострилось, глаза горели. Он подбежал к черному трону и стал обнюхивать его, как возбужденный терьер.

Неожиданно он сел на трон и начал нажимать в разных местах.

— Сюда, — поманил он меня. — Садитесь на мое место. Положите пальцы сюда и сюда. Когда я скажу, сильно нажмите.

Он отпрыгнул. Я сел на черный трон. Он разместил мои пальцы в ряд примерно в пять дюймов длиной. Они

оказались на семи едва ощутимых углублениях вдоль края. На ощупь углубления казались не каменными. Мягче.

Баркер вернулся к зубцам и продолжал что-то делать с ними.

— Нажимайте, — прошептал он. — Нажимайте все сразу.

Я нажал. Углубления слегка подались под нажимом. Взгляд мой упал на шар. На табло ничего не было. Все сияющие символы исчезли.

— Теперь нажимайте по одному, — приказал Баркер.
Я нажал углубления одно за другим.

— Свинья! — сказал Баркер. — Кровожадная подлая свинья! Идите, капитан, взгляните.

Я опустился к нему и посмотрел на зубцы. Потом на шар. Потом снова на зубцы, не веря своим глазам.

— Мы его поймали! — прошептал Баркер. — Поймали!

Он быстро пощелкал зубцами и закрыл их. Шар вернулся на свое место на потолке.

— Кубки, — сказал Баркер. Он подбежал к рабам и вынул их из неподвижных пальцев рабов.

— Поймали! — повторил Баркер.

Мы зашли за черный трон. Баркер отодвинул панель, через которую мы проникли. И мы снова оказались в темном коридоре.

Дикое ликовение охватило меня. Но в нем была и тень сожаления, эхо послеполуденных часов очарования красотой.

То, что мы обнаружили, навсегда лишило Сатану власти над его подданными.

Мы лишили его трона!

Глава восемнадцатая

Мы добрались до тускло освещенного коридора, откуда можно было попасть в мою комнату. Баркер с предупреждающим жестом остановился.

— Слушайте! — выдохнул он.

Я услышал далекий слабый шум, какое-то бормотание. Где-то за стеной двигался человек, он приближался к нам. Неужели так быстро нашли спящих рабов?

— Идите к себе в комнату. Быстро, — прошептал Гарри.

Мы побежали. И снова остановились. В десяти футах перед нами появился человек. Казалось, он вырос из стены с волшебной быстротой. На мгновение прислонился к ней с рыданием. Потом повернулся к нам...

Это был Кобхем! Лицо его посерело, сморщилось и осунулось. Глаза в черных кругах в тусклом освещении казались глазницами черепа. Смотрели они пусто, мозг человека был опустошен. Губы распухли и кровоточили, будто он время от времени кусал их.

— Вы Киркхем! — Он, шатаясь, двинулся ко мне. — Да, я помню вас! Я шел к вам. Спрячьте меня.

Бормочущие звуки приблизились. Я увидел, как Баркер надел кастет на пальцы и готовился прыгнуть на Кобхема. Я схватил его за руку.

— Бесполезно, — предупредил я. — Его найдут. Он почти сумасшедший. Но его заставят рассказать. Я возьму его. Гарри! Скройтесь из виду!

Я схватил Кобхема за руку и повел к панели, ведущей в спальню. Открыл панель и протолкнул его. Потом прошел сам, Баркер за мной.

— Идите в шкаф, — сказал я и спрятал его среди одежды. Потом закрыл дверцу и вместе с Баркером быстро перебрался в первую комнату.

— Мне это не нравится, — прошептал Баркер.

— Это единственный выход, — ответил я. — Позже я придумаю, как избавиться от него. Вряд ли они придут сюда. Меня не станут подозревать. С какой стати? Но — все же такая возможность есть. Если они найдут здесь вас, быть беде. Можете уйти, не рискуя?

— Да, — голос и глаза маленького человека были встревоженными. — Конечно, смогу. Но, Боже, как мне не хочется оставлять вас, капитан.

— Перестаньте! — резко сказал я. — Идите к Консардайну. Расскажите ему, что мы обнаружили. Расскажите, что случилось, мисс Демерест. Если что-нибудь пойдет не так, действуйте, Гарри.

Он застонал. Я услышал слабый шум в спальне. Подошел к двери и заглянул. Кобхем шевелился в шкафу. Я постучал по шкафу.

— Тише, — сказал я ему. — Они могут быть здесь в любую минуту.

Я выключил все лампы и вернулся в первую комнату. Баркер исчез. Я снял пиджак и жилет и положил несколько книг на журнальный столик. Удобно устроился, закурил трубку и начал читать. Каждый нерв мой был напряжен, все чувства обострены. Но я льстил себе надеждой, что производил впечатление человека, полностью поглощенного чтением.

Неожиданно я почувствовал на себе взгляд. Кто-то стоял сзади и смотрел на меня.

Я продолжал читать. Молчаливое разглядывание становилось непереносимым. Я зевнул, потянулся, встал, повернулся...

За мной стоял Сатана.

С головы до ног он был в алом. За ним виднелись с подюжины рабов кефта. Еще двое стояли у открытой панели в спальне.

— Сатана! — воскликнул я удивленно, и удивление мое было искренним. Я рассматривал многие возможности, но среди них не было Сатаны, возглавившего охоту на человека.

— Вы удивлены, Джеймс Киркхем, — в лишенном выражения голосе Сатаны была нотка заботливости. — Я тоже удивился, когда вы не ответили на мой стук.

— Я ничего не слышал, — искренне ответил я. На самом ли деле он стучал?

— Вы, я вижу, увлечены чтением, — продолжал он.

— Но, может, вы удивляетесь, почему ваше молчание обеспокоило меня? Я преследую беглеца, опасного человека, Джеймс Киркхем. Отчаянного человека. След привел нас сюда. Я подумал, что он может попытаться спрятаться в ваших комнатах, что вы сопротивлялись и пострадали.

Это звучало разумно. Я помнил, какое необыкновенное расположение ко мне выказал Сатана сегодня. Сомнения мои улеглись, я слегка расслабился.

— Благодарю вас, сэр, — сказал я. — Но я никого не видел. А кто этот человек?

— Человек, которого я ищу, Кобхем.

— Кобхем! — я смотрел на него, как будто не понял.
 — Но я считал, что Кобхем...

— Вы считали, что Кобхем в зеркальной комнате, — прервал он. — Вы, несомненно, гадали, почему я поместил его туда. Вы считали его одним из моих доверенных помощников. Вы думали, что он для меня очень ценен. Он и был таким. Но неожиданно Кобхем, которому я верил и которого ценил... перестал существовать. В него вселился другой дух, которому я доверять не могу и который поэтому становится для меня угрозой.

С замирающим сердцем я увидел насмешку в жестких ярких глазах, понял, что он сознательно повысил голос, чтобы слышно было в другой комнате.

— Бедный ушедший Кобхем, — протянул Сатана, — разве я могу не отомстить за него? Должен отомстить. Я накажу этот дух-узурпатор, буду мучить его, пока он не взмолится, чтобы я выпустил его из украденного тела. Мой бедный утраченный Кобхем. Ему теперь все равно, что будет с телом, когда-то принадлежавшим ему... он будет отмщен.

Теперь насмешка звучала совершенно отчетливо. Я почувствовал, как сжимается горло.

— Вы говорите, что ничего не видели? — переспросил он.

— Ничего, — ответил я. — Если бы кто-нибудь зашел в комнаты, я бы услышал.

Тут же я понял свою ошибку и проклял себя.

— О нет, — ровно сказал Сатана. — Вы забыли, как увлечены были чтением. Меня вы не слышали. Ни когда я постучал, ни когда вошел. Я не могу подвергать вас риску. Придется осмотреть комнаты.

Он отдал приказ сопровождавшим рабам. Прежде чем они смогли двинуться, дверца шкафа распахнулась. Оттуда выпрыгнул Кобхем. Первым же прыжком он оказался на полпути к открытой панели. В руке его блеснула сталь. Еще через мгновение он был возле двух рабов, стоявших у выхода. Один из них упал с перерезанным горлом. Другой отшатнулся, держась руками за бок, сквозь его пальцы струилась кровь.

И Кобхем исчез.

Сатана отдал еще один короткий приказ. Четверо из шести оставшихся рабов ринулись к панели.

Оставшиеся два прижали мне руки своими петлями.

Сатана смотрел на меня, насмешка в его взгляде стала дьявольской.

— Я так и подумал, что он придет сюда, — сказал он.
— Поэтому, Джеймс Киркхем, я и дал ему возможность убежать.

Итак, это тоже была паутина, сплетенная Сатаной! И он заманил меня в нее! Неожиданно меня охватил неудержимый гнев. Я больше не буду лгать. Не стану носить маску. Никогда больше не испугаюсь его. Конечно, он может причинить мне боль. Может убить меня. Вероятно, он собирается сделать и то, и другое. Но я теперь знал, кто он такой на самом деле. Вся загадочность соскользнула с него... и к тому же у меня еще есть козырь, о котором он не подозревает. Я глубоко вздохнул и засмеялся.

— Может быть! — цинично сказал я. — Но я заметил, что на этот раз вы не сумели помешать ему сбежать. Жаль, что он не перерезал вашу проклятую черную глотку, вместо того вашего бедного дьявола.

— Ага, — без всякого негодования ответил он, — правда начинает изливаться из пораженного Киркхема, как вода из рассеченной Моисеем скалы. Но вы опять ошибаетесь. Я давно не наслаждался охотой на человека. Кобхем — идеальная добыча. Поэтому я и оставил панель открытой. Он долго продержится, надеюсь, дни и дни.

Он что-то сказал одному из державших меня рабов кефта. Я не понимал этого языка. Раб поклонился и вскользнул.

— Да, — повернулся ко мне Сатана, — он продержится долго. Но вы, Джеймс Киркхем, нет. Кобхем не может убежать. Вы тоже. Сегодня вечером я обдумаю, какую забаву вы предоставите мне.

Вышедший раб вернулся с шестью другими. Снова Сатана отдал приказ. Рабы окружили меня и вывели. Я пошел, не сопротивляясь. И не оглядывался на Сатану.

Но закрыть уши от его хохота я не мог!

Глава девятнадцатая

Прошёл день и наступил вечер, прежде чем я увидел Сатану вновь. Прежде чем я увидел вообще кого-нибудь, кроме тех рабов кефта, которые приносили мне еду.

Думаю, что меня отвели в одну из подземных комнат. Она была достаточно удобна, но без окон и, конечно, без дверей. Здесь мне развязали руки и оставили одного. Гнев быстро прошёл, и меня охватило отчаяние. Баркер постараётся добраться до Консардайна. Я был уверен в этом. Но успеет ли он? Поверит ли ему Консардайн? Не думаю. Консардайн из тех людей, которые на слово не верят. Ему нужно убедиться самому. Допустим даже, он поверит. Его гнев может вызвать торопливые действия, которые присоединят его к нам с Кобхемом. И Сатана будет торжествовать.

А Ева? Что она сделает, когда услышит от Гарри, что случилось со мной? Я не сомневался, что маленький человек найдет способ узнать, что случилось.

И какие дьявольские замыслы вынашивает Сатана для своей... забавы?

Ночь моя прошла невесело. День тянулся бесконечно. Увидев Сатану, я понадеялся, что часы ожидания не отразились на мне. Он вошел без всякого предупреждения, с ним был Консардайн. На Сатане был длинный черный плащ. Глаза его блеснули. Я взглянул на Консардайна. Виделся ли с ним Баркер? Лицо Консардайна было спокойно, он равнодушно смотрел на меня. Сердце мое упало.

Сатана сел. Без приглашения я последовал его примеру. Вытащил портсигар и вежливо предложил Сатане сигарету — детская бравада, о которой я немедленно пожалел. Сатана не обратил внимания на этот жест, изучая меня.

— Я не сержусь на вас, Джеймс Киркхем, — заговорил Сатана. — Если бы я мог испытывать сожаление, я бы пожалел вас. Но вы сами ответственны за свое нынешнее положение.

Он помолчал. Я ничего не ответил.

— Вы хотели обмануть меня, — продолжал он. — Вы лгали мне. Вы пытались спасти от моего правосудия человека, которого я приговорил. Вы противопоставили свою волю моей. Вы осмелились дурачить меня. Вы поставили под удар дело с «Астартой», если оно вообще еще возможно. Вам больше нельзя доверять. Вы для меня бесполезны. Каков может быть мой ответ?

— Я думаю, устранение меня, — беззаботно ответил я. — Но к чему тратить время, оправдывая одно из ваших убийств, Сатана? Я думаю, что убийство — ваша вторая натура, и вам нужно объяснять его не больше, чем желание есть или пить.

Глаза его сверкнули.

— Вы сознательно втерлись в доверие к Кобхему, вы попытались бы помешать гибели «Астарты», зная, что таков мой приказ, — сказал он.

— Верно, — согласился я.

— Вы лгали мне, — повторил он. — Мне!

— Одна ложь стоит другой, Сатана, — ответил я. — Агать начали вы. Если бы вы были со мной откровенны, я бы вам сказал, что мне нельзя доверять это дело. Вы не сделали этого. Я заподозрил ложь. Что ж, человек, лгущий в одном, может солгать и во всем остальном.

Я бросил быстрый взгляд на Консардайна. Лицо его оставалось равнодушным и таким же непроницаемым, как лицо Сатаны.

— Когда Кобхем проговорился, я утратил веру в вас, — продолжал я. — Ведь ваши убийцы на «Херувиме» вполне могли получить приказ расправиться со мной, после того как я вытащу вам ваши каштаны. Одна из ваших марионеток уже говорила вам: вините себя, Сатана. Не меня.

Консардайн внимательно следил за мной. Я все больше нервничал.

— Отец лжи, — сказал я, — или, если использовать другое ваше древнее имя, князь лжецов, все дело можно выразить в двух коротких фразах. Вы мне не верите, и я слишком много знаю. Прекрасно. За оба эти условия вам нужно винить себя. Но я вас знаю. И если вы думаете, что я буду умолять о милости — вы не знаете меня.

— Консардайн, — спокойно отозвался Сатана, — какой хороший материал пропадает. Джеймс Киркхем мог

быть мне очень полезен. Какая жалость, Консардайн. Да, какая жалость!

Он благосклонно созерцал меня.

— Откровенно говоря, не вижу, чем ваши знания могут помочь вам, — сказал он. — Мне кажется, вы должны знать, что вас выдало. Да, я хочу помочь вам, Джеймс Киркхем, — громкий голос продолжал литься, — потому что, возможно, существует мир, куда мы отправляемся, когда перерезают нить нашей жизни. Возможно, там вы даже найдете моего двойника. Постарайтесь не повторять ошибок.

Я молча слушал это зловещее шутовство.

— В конце концов, я любознателен. Ваша первая ошибка заключалась в упоминании игры в бридж. Я заметил, что Кобхем удивился. Вы слишком торопились. Нужно было подождать более удобного времени. Запомните: когда окажетесь в другом мире, никогда не торопитесь.

Очевидно, у вас была для этого причина. Также очевидно, что мне нужно было установить эту причину.

Урок номер два — в том мире, куда вы так скоро отправитесь, никогда не давайте противнику возможность подслушивать. Когда я вернулся, вы весьма изобретательно воздержались от того, чтобы заметить явный ужас Кобхема. В течение всего разговора вы настойчиво не смотрели на него. Это слишком наивно, Джеймс Киркхем. Вы недооценили интеллект, с которым попытались сразиться. Вам следовало изобразить полное и немедленное негодование. Вы должны были принести в жертву Кобхема, выдать его мне. В том прекрасном новом мире, в котором вы можете оказаться, никогда не недооценивайте вашего противника.

Но я дал вам еще один шанс. Зная Кобхема, я знал и то, что после моего... заботливого лечения он будет именно в вас искать спасения. Он подвергся лечению, увидел вас, и затем ему позволено было сбежать. Как я и думал, он отправился прямо к вам. Если бы в тот момент, как он явился к вам, вы схватили бы его, подняли тревогу, опять — принесли его в жертву, возможно, я продолжал бы вам верить. Это была с вашей стороны слабость, сентиментальность. Что вам Кобхем? Помните, в вашем новом мире избегайте всякой сентиментальности.

. Из этого циничного разглагольствования становились ясны два обстоятельства. Сатана не знал, что я выходил

из комнат, не знал, что я встретил Кобхема не у себя. Это несколько поддержало меня. Но Кобхем схвачен. Расскажет ли он об этом?

— Кстати, как Кобхем? — вежливо поинтересовался я.

— Не очень хорошо, не очень, бедняга, — ответил Сатана, — однако сегодня он доставил мне неплохое развлечение. В настоящее время он лежит в темном углу возле лаборатории и отдыхает. Вскоре он получит возможность уйти. Во время своих тщательно направляемых блужданий он время от времени будет получать возможность поесть и попить. Я не хочу, чтобы он изнемог раньше времени и перестал забавлять меня. Или, другими словами, в мои намерения не входит дать ему умереть от голода и жажды. Нет, нет, великолепный Кобхем предоставит мне много веселых часов. Я не отправлю его назад к зеркалам. Они помогли ему выставить когти. Обещаю вам, что в самом конце я сообщу ему о вашем интересе, потому что сами вы будете уже не способны сделать это.

Он встал.

— Джеймс Киркхем, — сказал Сатана, — через полчаса вы предстанете перед судом. Будьте готовы к этому времени появиться в храме. Идемте, Консардайн.

Моя надежда, что он оставит со мной Консардайна, рухнула. Мне отчаянно нужно было поговорить с ним. Но он вышел за Сатаной. Стена за ними закрылась. Консардайн даже не повернул головы.

Я вспомнил Картрайта. Консардайн привел его и стоял рядом, пока он не начал подниматься по ступеням. Может, он вернется за мной? Но он не вернулся. Через полчаса за мной пришли четверо рабов кефта. Два впереди, два позади, они провели меня длинными коридорами и вверх по каменной рампе. Потом остановились. Я услышал звук гонга. Открылась панель. Рабы собирались толкнуть меня вперед, но я отбросил их руки и пошел сам. Панель закрылась за мной.

Я оказался в храме. Я стоял в полуокружности яркого света, заливавшего ступени. Слышался шепот. Он доносился слева от меня, из полуокруглого амфитеатра. Я уловил там движение, смутно белели лица. Все сидения казались занятыми. Мне почудилось, что я слышу голос Евы, шепчущий, зовущий...

— Джим!

Еву я не видел.

Я взглянул на помост. Все было так же, как и тогда, когда я следил за Картрайтом. Блестел золотой трон. На нем сверкали драгоценные скипетр и корона.

На черном троне сидел Сатана.

Рядом с ним на kortochkax, с улыбающимся дьявольским лицом, покручивая петлей из женских волос, сидел Санчал, палач.

Снова прозвенел гонг.

— Джеймс Киркхем! Приблизьтесь для суда! — раскатился голос Сатаны.

Я прошел вперед. У основания лестницы, в круге света, я остановился. На меня смотрели из черного камня семь сверкающих отпечатков детской ноги.

Охраняя их, по семь с каждой стороны, стояли рабы кефта в белой одежде. Их глаза не отрывались от меня. Мысли стремительно неслись в голове. Выкрикнуть тайну черного трона тем, кто молча сидит, глядя на меня с полуциркульных рядов каменных сидений? Я знал, что прежде чем произнесу десяток слов, петли рабов кефта задушат меня. Сделать бросок вверх по ступеням и схватиться с Сатаной? Они схватят меня на полпути к нему. Остается только одно. Подниматься медленно. Четвертый и последний раз наступить на шестой отпечаток. Он недалеко от черного трона. Ближе седьмого. Оттуда прыгнуть на Сатану. Вцепиться зубами и пальцами ему в горло. Если доберусь до него, не думаю, что легко будет меня оторвать, живого или мертвого.

Но Баркер? У Баркера может быть свой план. Не похоже на маленького человека прятаться и спокойно дать мне пройти. И Консардайн? Знает ли Консардайн?

И Ева!

Мысли путались. Я не мог думать ясно. Ухватился за последнюю мысль и не отрывал взгляда от горла Сатаны как раз под ухом. Именно туда я вопьюсь зубами.

Но позволят ли мне подниматься по ступеням?

— Джеймс Киркхем, — раскатился голос Сатаны. — На золотой трон я поместил скипетр и корону земной власти. Чтобы напомнить вам о возможности, которой ваше неповинование лишило вас навсегда.

Я взглянул на них. Для меня они теперь не больше, чем куски раскрашенного стекла. Но с затемненных сидений донесся вздох.

— Джеймс Киркхем, вы предали меня! Вы изменник! Мне остается объявить свой приговор.

Он снова помолчал. В храме наступила мертвая тишина. Она угнетала. Ее нарушил свистящий звук: плач когтями провел по своей плети. Сатана поднял руку, и этот звук стих.

— Но я склонен к милосердию. — Возможно, только я уловил злобный блеск алмазно-твердых глаз. — Три вещи человек ценит превыше всего. В конечном счете, именно они и есть сам человек. Все они связаны друг с другом, но все различны. Это душа человека, его личность и его жизнь. Под душой я подразумеваю ту невидимую и неизвестно где находящуюся сущность, которую так ценит религия, считая ее бессмертной, что может быть правдой, а может и не быть. Под личностью я подразумеваю его, мозг, который утверждает — я есть я, кладовая памяти, искатель новых впечатлений. Жизнь не нужно определять.

И вот, Джеймс Киркхем, я предлагаю вам выбор. На одну сторону поместим вашу душу, на другую — ваш мозг и вашу жизнь. Вы можете присоединиться к моим едокам кефта. Выпейте его, и ваша жизнь и ваше еgo в безопасности. Время от времени вы будете счастливы, счастливы с такой интенсивностью, какую в обычных условиях вы никогда не испытаете. Но вы утратите вашу душу! Вы не почувствуете утраты — во всяком случае, не часто будете чувствовать. Скоро кефт станет вам более желанен, чем эта обычно такая беспокойная гостья — у вас внутри.

Он снова помолчал, разглядывая меня.

— Если вы не хотите выпить кефт, поднимитесь по ступеням, — продолжал он. — Если наступите на три мои следа, утратите жизнь, медленно, мучительно, от рук Санчала. Если наступите на четыре счастливых следа, сохраните жизнь и душу. Но должны будете оставить мне ваше еgo, то, что говорит «я есть я», все ваши воспоминания. Это не будет для вас ни опасно, ни болезненно. Я не пошлю вас к зеркалам. Сон — и нож, хитроумно перерезающий там и тут в вашем мозгу. Вы проснетесь новорожденным. Буквально, потому что у вас отнимут, отнимут навсегда, все ваши воспоминания. Как ребенок, вы пуститесь в новое путешествие по жизни. Но с жизнью — и ваша драгоценная душа не пострадает.

Я опять услышал шепот слева от себя, из темного амфитеатра. Сатана поднял руку, и все стихло.

— Таково мое решение! — провозгласил он. — Такова моя воля! Быть по сему!

— Я выбираю лестницу, — без колебаний сказал я.

— Ваш ангел-хранитель, — елейно ответил он, — несомненно, громко аплодирует вашему решению. Но вы помните, что у ангелов нет власти там, где действуют правила Сатаны? Я знал, что таков будет ваш выбор. А теперь, чтобы доказать вам, насколько безгранично мое милосердие, я предлагаю вам дорогу на свободу — да, с жизнью, мозгом и душой, все нетронутые!

Я смотрел на него, все чувства мои были напряжены. Я хорошо знал, что милосердия от Сатаны ждать нельзя. Знал и тайну ступеней, и от этого еще ясней становилась его дьявольская насмешка. Но какая еще адская выдумка ожидает меня? Скоро узнаю.

— Корни вины этого человека, — Сатана обратил свой взгляд к аудитории, — в чувствах. Он расценил благополучие другого выше моего. Да будет это уроком для всех вас. Я должен быть первым.

Но я справедлив. Других он мог спасти, себя — нет. Но может быть, кто-то спасет его. Он, возможно, расстанется с жизнью, потому что стал между мною и жизнями других.

Станет ли кто-то между мною и его жизнью?

Из тьмы храма донесся опять шепот, на этот раз более громкий.

— Подождите, — он поднял руку. — Вот что я имею в виду. Если кто-то из вас встанет, займет его место и наступит только на три следа, произойдет вот что. Если два сверкающих отпечатка счастливые, оба уйдут свободные и невредимые. И с богатой наградой.

Но если два отпечатка мои — оба умрут, и в тех самых муках, которые я обещал Джеймсу Киркхему.

Таково мое решение! Такова моя воля! Быть по сему!

А теперь, если такой человек найдется, пусть выйдет вперед.

Шум стал громче. По-видимому, Сатана заподозрил, что я не один. Это могло быть ловушкой для Баркера. Я не знал, насколько велика преданность маленького человека. Во всяком случае, это было рассчитано на неосто-

рожных. Я торопливо прошел вперед к основанию первой ступени.

— Я могу подняться и сам, Сатана, — сказал я. — Начинайте игру.

Бормотание усилилось.

Невозмутимость оставила Сатану. Впервые видел я, как чувство преобразило маску его лица. Вначале это было абсолютное недоумение, затем гнев, поднявшийся будто из самого ада. Ясно, как будто лицо растаяло, увидел я прежде скрытого демона обнаженным. Я почувствовал, как кто-то тронул меня за руку.

Рядом со мной стояла Ева!

— Уходи! — яростно прошептал я. — Немедленно уходи!

— Поздно! — спокойно ответила она.

Она взглянула на Сатану и сказала:

— Я поднимусь вместо него, Сатана.

Сатана приподнялся из черного трона, сжав кулаки. Он взглянул на палача. Черный дьявол наклонился вперед, вращая петлей. Я встал перед Евой.

— Ваше слово, Сатана, — послышался незнакомый мне голос из амфитеатра. — Ваше решение!

Сатана посмотрел во тьму, стараясь определить говорившего. Он сделал знак палачу, и тот опустил петлю. Сатана вернулся на трон. Страшным усилием он усмирил дьявола, который на мгновение снял с него маску. Лицо его снова стало неподвижно. Но огонь в глазах он погасить не мог.

— Таково мое решение, — невыразительно произнес он, но голос его звучал сдавлено. — Быть по сему. Вы хотите, Ева Демерест, подняться по ступеням вместо него?

— Да, — ответила она.

— Почему?

— Потому что я люблю его, — спокойно сказала Ева.

Руки Сатаны под плащом дернулись. Тяжелые губы исказились. На огромном куполе его лысой головы появились капельки пота.

Неожиданно он протянул руку вперед и поднял рычаг; отпечатки сверкнули, будто их подожгли...

Но я не слышал жужжания скрытых зубцов!

Что это значит? Я взглянул на Сатану. Либо я ошибся, либо гнев, овладевший им, не дал ему заметить. Но рассуждать у меня не было времени.

— Ева Демерест, — раскатился все еще странно приглушенный голос, — вы подниметесь по ступеням! И все будет в соответствии с моим решением. Но говорю вам — никто из тех, кто поднимался и проиграл, не умер такой смертью, какой умрете вы. Их смерть — рай по сравнению с тем, что предстоит испытать вам, если вы проиграете. И то же будет с вашим любовником. Вначале вы увидите его смерть. Перед смертью он отвернется от вас с отвращением и ненавистью... он пожалеет, что знал вас. А затем я отдам вас Санчалу. Но не для убийства. Нет, нет! Когда он насытится вами, вас получат мои едоки кефта. Самые низкие из них. Потом вами снова будет обладать Санчал... и на этот раз с петлей, ножами, жезлом... для его развлечения... и для моего.

Он рванул ворот плаща, будто задыхался. Потом сделал знак двум рабам, стоявшим на нижней ступени. Он отдал им команду на незнакомом языке. Они подошли ко мне. Я напряг мышцы, собираясь сделать отчаянный бросок к этому яркоглазому дьяволу на черном троне.

Ева закрыла лицо руками.

— Джим, дорогой, — быстро прошептала она под этим укрытием, — не сопротивляйся. Баркер! Кое-что произойдет...

Рабы схватили меня. Я позволил им отвести меня к креслу, из которого я смотрел, как Картрейт шел на встречу своей судьбе. Меня усадили в него. Ручные и ножные зажимы щелкнули. Вуаль опустилась на лицо. Рабы отошли.

Снизу и сзади донесся шепот:

— Капитан! Зажимы не держат! В правой щели пистолет. Я тороплюсь. Когда увидите меня, хватайте пистолет и действуйте.

— Ева Демерест! — провозгласил Сатана — Ступени ждут! Поднимайтесь!

Ева двинулась вперед. Не колеблясь, она поставила ногу на первый сияющий отпечаток.

На счастливой половине свисающего шара зажегся символ. Я услышал ропот, еще более громкий, из затененного амфитеатра. Сатана сидел неподвижно.

Она поднялась выше и наступила на следующую отметку детской ноги...

Я видел, как Сатана неожиданно наклонился вперед, глядя на шар, в его глазах было недоумение. Ропот из амфитеатра превратился в рев.

Второй символ зажегся на счастливом поле!

Она завоевала нашу свободу!

Но как это случилось? И что делает Ева?..

Она поднялась к третьему следу. И нажала на него.

Третий символ на шаре присоединился к первым двум!

Лицо Сатаны дергалось. Рев в задней части храма перешел в полное смятение. Сатана лихорадочно шарил руками под плащом.

А Ева продолжала подниматься. Подходя к каждому отпечатку, она наступала на него. И один за другим на счастливой половине шара появлялись сияющие символы.

Семь символов — и все на счастливой половине!

Ни одного — на половине Сатаны!

Шум оглушал. Сатана вскочил с черного трона. Стена за ним раскрылась. Оттуда выскочил Баркер с пистолетом в руке.

Он оказался рядом с Сатаной и нацелил пистолет ему в живот. Шум в храме затих, как будто на помещение опустился покров тишины.

— Руки вверх! — рявкнул маленький человек. — Вверх! Раз-два — и я размажу твои кишki по стене!

Сатана высоко поднял руки. Я бросился вперед. Зажимы расстегнулись так стремительно, что я упал на колени. Просунув руку в щель, я нашупал ствол пистолета. Я схватил его — палач Санчал присел, готовый прыгнуть. Я выстрелил от пола и с точностью, которая доставила мне живейшую радость, прострелил Санчалу голову. Он упал и покатился по ступеням.

Рабы кефта стояли ошеломленные, в нерешительности, ожидая приказа.

— Одно движение этих ублюдков — и ты разлетишься на куски, — услышал я голос Гарри. — Быстро говори им!

И он яростно ткнул пистолетом Сатану в бок. Сатана заговорил. Голос, доносившийся с его губ, был похож на звуки кошмаря. До сих пор я не люблю вспоминать его. Команда была дана на незнакомом языке, и у меня тут же появилось подозрение, что в ней содержалось нечто большее, чем просто приказ оставаться на месте. Рабы опустили свои петли. И отошли к стенам.

Я одним прыжком поднялся по лестнице. Ева стояла рядом с Баркером. Она обошла трон Сатаны с одной стороны, я — с другой, и мы встретились.

Гул в амфитеатре снова усилился. В полутьме люди боролись друг с другом. Бежали по ступеням. По краям светового круга появилось множество фигур.

Вперед выступил Консардайн.

Лицо его было смертельно бледным. Глаза горели огнем, не уступавшим огню Сатаны. Руки он протянул вперед, пальцы были согнуты, как когти. Он шел вперед, как ходячая смерть. И глаза его не отрывались от Сатаны.

— Еще нет, — прошептал Баркер. — Остановите его, капитан.

— Консардайн! — позвал я. — Стойте!

Он не обращал внимания. Шел медленно, как во сне, и взгляд по-прежнему не отрывался от Сатаны.

— Консардайн! — резко крикнул я. — Остановитесь! Я застрелю вас! Я серьезно! Я не хочу вас убивать. Но еще шаг, и я вас застрелю. Клянусь Господом!

Он остановился.

— Вы... не убьете... его? Вы... оставите... его... для меня?

Голос Консардайна звучал тонко и высоко. Говорила сама смерть.

— Если сможем, — ответил я. — Но постараитесь удержать остальных. Одно движение против нас, и Сатана умрет. И кое-кто из вас вместе с ним. Нам некогда отличать друзей от врагов.

Консардайн повернулся и что-то сказал. Все смолкли.

— Теперь, капитан, — резко сказал Баркер, — суньте ему револьвер и двигайте его сюда. Я собираюсь показать им.

Я прижал револьвер к телу Сатаны в районе нижних ребер и подтолкнул его к золотому трону. Сатана не сопротивлялся, шел спокойно, почти вяло. Он даже не взглянул на меня. Я смотрел на него, и смутное предчувствие становилось все сильнее. А Сатана смотрел на Консардайна. Лицо его снова стало неподвижным.

Но дьявол, несмиренный, смотрел сквозь его глаза. Я подумал, что Сатана именно Консардайна считает архипредателем, который организовал всю западню. Что мы — орудия Консардайна. Но почему такая покорность? Даже под угрозой пистолета я от него ожидал другого. И мне казалось, что, кроме смертельной угрозы, во взгля-

де его было какое-то презрение. Может, у него есть еще скрытый козырь? Беспокойство мое возрастило.

— Теперь смотрите, все вы. Я покажу, что эта подлая свинья делала с вами.

Говорил Баркер. Я не решился отвести взгляд от Сатаны, чтобы посмотреть, что он делает. Но в этом не было необходимости. Я знал.

— Обещал то и это, — продолжалась протяжная речь кокни. — Посыпал вас в ад! А сам про себя все время смеялся над вами. Смеялся до смерти. А вы, как куча доверчивых детей. Сейчас я вам покажу. Мисс Демерест, сойдите, пожалуйста, вниз, а потом поднимитесь снова.

Я увидел, как Ева спускается по ступеням.

— Секунду. — Она остановилась у основания. — Вот я сижу на троне. Поднимаю рычаг. Но после этого нажимаю вот здесь на сидении. Вот так. Теперь, мисс Демерест, поднимайтесь.

Ева поднялась, наступая на каждый отпечаток.

Краем глаза я видел шар. На нем ничего не появилось. Ни одного символа ни на какой половине.

Ни звука от присутствующих. Ошеломленные, они ждали, что дальше.

— Никакой разницы, куда наступаешь, — продолжал Баркер. — Не регистрируется. А почему? Когда я нажал на край трона, внизу, там, где механизм, выдвинулась маленькая пластинка. В то же самое время зубцы, которые своими прикосновениями заставляют вспыхивать сигналы, отодвинулись в другую сторону. Когда он хотел, все работало правильно. Механизм всегда был настроен верно, когда на троне никого не было. Но, садясь на свою проклятую черную табуретку, он прятал руки и отсоединял механизм. Целое стадо слонов могло пройти по лестнице, а шар даже не мигнул бы.

Шум поднялся заново; мужчины и женщины с криками и проклятиями устремились вперед.

— Назад! — крикнул я. — Держите их, Консардайн!

— Подождите! — завопил Баркер. — Подождите! Это еще не все, что эта свинья делала с вами!

Шум стих. Все снова смотрели на Баркера. Консардайн теперь стоял у начала лестницы. Лицо его, если это возможно, еще более побледнело. Глаза смотрели на Сатану из кругов, которые казались нарисованными. Он тяжело дышал.

Надо бы Гарри поторопиться. Консардайн долго не сможет сдерживаться. А я не хотел стрелять в него. Все это только отчасти занимало мое внимание. Я неожиданно понял, что Сатана прислушивается, прислушивается не к чему-то в храме, а к каким-то звукам издалека. Он хочет, изо всей своей нечестивой воли хочет, чтобы что-то произошло. И я заметил огонек торжества на его мраморном лице.

— Теперь я вам покажу, — слышался голос Баркера.
— Здесь, на этом же краю, семь маленьких местечек. Резиновые, посажены в камень. Отсоединив контакты ступеней, он кладет пальцы на эти резиновые прокладки. Три из них соединены с контактами так, что сигнал появляется на его половине шара. Остальные четыре вызывают появление сигнала на вашей стороне. Когда вы наступаете на отпечаток, он нажимает кнопку, которая ему нужна. И появляется символ — тот, что ему нужен. Это не вы заставляете появляться сигналы. Он!

— Минутку! Еще одну минутку! — Баркер явно наслаждался.— Сейчас я сяду в кресло и покажу вам. Покажу, каких дураков он из вас делал.

— Джим! — в голосе Евы звучала тревога. — Джим! Я только что заметила. Вдоль той стены стояли семь рабов. Теперь их только шесть. Один из них выскоулзнул!

В то же мгновение я понял, чего ждет Сатана. Я был прав, когда почувствовал в его приказе рабам что-то большее, чем просто команду не двигаться. Он приказал им при первой же возможности выбраться и поднять тревогу.

Спустить на непокорных толпу своих бездушных, безжалостных дьяволов, для которых Сатана был богом — он и только он открывал им двери рая!

Воспользовавшись тем, что все мы следили за разоблачением Сатаны, один из рабов улучил момент. Он сбежал — давно ли?

Все эти мысли пронеслись в моей голове за долю секунды.

В то же мгновение ад, который готовился в храме уже давно, разверзся.

Без предупреждения, быстро, как нападающая змея, рука Сатаны ударила вниз. Он схватил меня за руку. Мой пистолет полетел в сторону, выстрелив в полете. Я слышал крик Евы, резкий возглас Баркера. Я увидел, как Консардайн бросился вверх по лестнице прямо к Сатане.

Неожиданно весь храм залил яркий свет. Я увидел короткий миг ада, будто остановленный мгновенной выдержкой фотоаппарата. Те, кто следовал за Консардайном, и те, кто оставался верен Сатане, боролись друг с другом.

Руки Сатаны приготовились схватить меня, поднять и швырнуть навстречу Консардайну. Но я еще быстрее упал, изогнулся и всем весом ударил Сатану по ногам.

Он пошатнулся. Нога его скользнула по краю помоста. Он сделал шаг-другой вниз, пытаясь сохранить равновесие.

Консардайн добрался до него.

Он схватил Сатану за горло. Могучие руки Сатаны обхватили противника. Они оба упали. И, сцепившись, покатились вниз по ступенькам.

Послышался вой, похожий на вой волчьей стаи. Со всех сторон храма распахнулись панели. Из них устремились толпы рабов кефта.

— Быстрей, капитан!

Баркер развернул меня. И показал на золотой трон.

— За ним! — выдохнул он и побежал.

Я схватил Еву за руку, и мы побежали за Баркером. Он уже опустился на колени, лихорадочно делая что-то у стены. Что-то щелкнуло, и часть стены отошла. Я увидел отверстие, за которым начиналась узкая лестница.

— Идите вперед! — сказал Баркер. — Быстрее!

Ева скользнула в отверстие. Проходя за ней, я сквозь ножки трона в последний раз увидел храм. Он превратился в арену смерти. Сверкали ножи рабов. Кричали люди. Повсюду шла схватка. Консардайна и Сатану я не видел. К нам по лестницам бежала толпа рабов...

Баркер втолкнул меня в углубление. И спрыгнул за мной, приземлившись почти мне на голову. Стена закрылась.

— Быстрей, — выдохнул Баркер. — Боже! Теперь он до нас доберется!

Ступеньки вели в пустую маленькую каменную комнату. Над головами слышался шум борьбы. Ноги дерущихся стучали по потолку, как барабаны.

— Следите за лестницей. Где ваш пистолет? Вот, возмите мой, — Баркер сунул мне в руку автоматический пистолет.

Он повернулся к стене и стал изучать ее. Я подбежал к тому месту, где в комнате оканчивалась лестница. И слышал, как вверху пытались открыть стену.

— Готово! — воскликнул Баркер. — Быстрей!

Одна из плит стены отодвинулась. Мы прошли внутрь. Она закрылась за нами. Я ничего не видел во тьме.

Мы стояли в одном из длинных, тускло освещенных коридоров, которые, как улей, пронизывали весь дом Сатаны.

Сверху ясно продолжали доноситься звуки борьбы.

Потом пять быстрых резких взрывов.

И неожиданно, как по команде, шум стих.

Глава двадцатая

Внезапно наступившая тишина, мягко говоря, обескураживала. Пять резких звуков напоминали выстрелы из ружья. Но кто стрелял и как можно пятью пулями кончить такую схватку?

— Они затихли. Что это значит? — прошептала Ева.

— Кто-то победил, — сказал я.

— Сатана — ты думаешь, Сатана? — выдохнула она.

Я не знал, кто победил в схватке — Сатана или Консардайн. Конечно, я отчаянно надеялся, что Консардайн убил Сатану. Но так или иначе, общий итог схватки, по моему мнению, должен быть за рабами кефта. Они вооружены ножами, и они ни о чем не задумываются. Если Консардайн убил Сатану, рабы, вне всякого сомнения, послали его вслед. Но я не сказал Еве этого.

— Выиграл Сатана или проиграл, власть его кончилась, — сказал я. — Бояться его больше нечего.

— Конечно, если мы выберемся из этой проклятой дыры неиспуганными, — мрачно заметил Гарри. — Откровенно говоря, я бы скорее слышал звуки большого праздника оттуда, сверху.

— Что с вами? — спросил я.

— А праздник бы их отвлек, — ответил он и при этом искоса взглянул на Еву. — Но тут... как бы сказать...

— Будьте добры, не считайте меня слабой женщиной, Баркер, — ядовито заметила Ева. — Не стоит щадить моих чувств. Что вы хотите сказать?

— Ну, ладно. Скажу вам прямо. Я понятия не имею, где мы.

Я свистнул.

— Но дорогу сюда вы знали?

— Нет, — ответил он, — не знал. Я действовал нау-
дачу, капитан. Я знал о проходе за троном и о комнате
внизу. В ней он прячет золотой трон. Даже однажды
заглянул в нее сверху. Я решил, что оттуда должен быть
выход. Мне повезло, что я его нашел. Но как выйти
отсюда — не знаю.

— Может, лучше двигаться — куда угодно? — пред-
ложила Ева.

— Конечно, — согласился я. — У нас только один
пистолет. В любую минуту могут появиться рабы.

— Предлагаю идти направо, — сказал Гарри. — Мы
где-то вблизи от личных помещений Сатаны. Это я знаю.
Оставьте пистолет у себя, капитан.

Мы осторожно пошли вдоль коридора. Баркер осмат-
ривал стены, качал головой и что-то бормотал. Что-то
продолжало удивлять меня с той самой минуты, как Ева
вышла из темного амфитеатра и встала рядом со мной у
лестницы. Можно попробовать выяснить и сейчас.

— Гарри, — спросил я, — как вы сделали, что отпе-
чатки появлялись только на одной половине шара? Что
помешало Сатане, как обычно, манипулировать с черного
трона? Он очень старался. Вы пробрались обратно в храм
после нашего ухода?

— Я это сделал до того, как мы ушли, капитан, — он
улыбнулся. — Вы ведь заметили, как я рылся в механиз-
ме?

— Я думал, вы его настраиваете. — Я так и делал, —
он улыбнулся еще шире. — Устанавливал так, чтобы все
следы отражались на счастливой половине поля. Так,
чтобы приспособление в его троне не действовало. Я
думал, может, следующая встреча в храме будет с вами.
Боялся только, что он заметит отсутствие шума. Слава
Богу, не заметил. Слишком вышел из себя.

— Гарри, — я взял маленького человека за плечи, —
вы сполна отплатили мне за то, что я для вас сделал.

— Ну, ну, подождите, пока выберемся...

Он смолк.

— Что это? — прошептал он.

Послышался взрыв еще громче тех, что были в храме. И он был ближе к нам. Пол коридора дрогнул. Затем послышался еще один взрыв.

— Бомбы! — воскликнул Баркер.

Третий взрыв — еще ближе.

— Черт возьми! Пора убираться отсюда! — Баркер принялся обнюхивать стены, как терьер. Неожиданно он хмыкнул и остановился.

— Нашел что-то, — сказал он. — Теперь тише. Стойте за мной, я взгляну.

Он нажал на стену. Отошла панель, открыв один из маленьких лифтов. Он облегченно перевел дыхание. Мы втиснулись в лифт.

— Вниз или вверх? — он закрыл панель за нами.

— А вы как считаете?

— Ну, храм на уровне земли. Мы как раз под ним. Если пойдем вниз, окажемся где-то возле загонов рабов. Если вверх — нужно миновать храм. Если сможем миновать его, не останавливаясь, там вряд ли будет больше рабов, чем здесь, капитан.

— Вверх, — решительно сказала Ева.

— Значит, вверх, — повторил я.

Лифт медленно начал подниматься. Послышался еще один взрыв, громче предыдущих. Стены лифта задрожали. Где-то падала штукатурка.

— Все ближе и ближе, — сказала Ева.

— Если проберемся в комнаты Сатаны, поищем его личный туннель, — Баркер остановил лифт. — Он где-то поблизости. Это наш лучший шанс, капитан. Если повезет, будем в безопасности на берегу.

— Готов поклясться, что сейчас уже все в доме знают, что происходит, и пытаются выбраться. Мы могли бы уйти на катере.

— Пахнет гарью, — сказала Ева.

— Еще как, — Баркер послал лифт вверх на максимальной скорости.

Перед нами в стене появилась щель. Оттуда вырвалось облако дыма. Неожиданно Баркер остановил лифт. Он осторожно отодвинул панель. Выглянул, затем кивнул нам. Мы вышли в маленькую комнату, отделанную тусклым черным камнем. С одной стороны бронзовая дверь.

Очевидно, прихожая. Но куда она ведет? Стоя в ней и не решаясь двинуться дальше, мы услышали еще два взрыва, один сразу вслед за другим. Казалось, они произошли на том же этаже. Снизу донесся треск, как от падающей стены. Лифт, из которого мы только что вышли, полетел с грохотом вниз. Из открытой панели повалил густой дым.

— Боже! Все проклятое место в огне! — Баркер захлопнул панель и, побледнев, посмотрел на нас.

И неожиданно я подумал о Кобхеме. Кобхем, с его джентльменскими бомбами, которые должны были разворотить днище «Астарты». Сатана сказал, что Кобхем скрывается вблизи лаборатории. Во время нападения рабов на храм он мог воспользоваться возможностью и сбежать. Путь ему был открыт, он пошел прямо в лабораторию и теперь в безумной мстительности разбрасывает подготовленные бомбы.

Я тронул бронзовую дверь. Она не закрыта. Держа пистолет наготове, я медленно открыл ее. Мы были в одном конце той удивительной анфилады, той сокровищницы красоты, которую Сатана создал для себя. То волшебное место, которое произвело на меня такое впечатление, что я ушел оттуда, раздумывая, не отказаться ли от Евы и не отдать себя полностью в руки Сатаны. В тихой комнате стоял дым. Он затянул гобелены, бесценные картины, резьбу из дерева и камня. Мы пересекли эту комнату и заглянули в следующую, гораздо большую.

Из-за дыма, совсем близко, послышался еще один взрыв. Сквозь дым, спотыкаясь, шел Сатана!

При виде его мы втроем прижались друг к другу. Во рту у меня пересохло, и я почувствовал, как пот смочил корни волос. Это не было страхом. Нечто большее, чем страх.

Потому что Сатана, спотыкавшийся нам навстречу, был слеп!

Глаза его больше не были голубыми, алмазно-твёрдыми и алмазно-яркими. Тусклые и серые, они напоминали не-полированные агаты. Мертвые глаза. Как будто пламя выжгло их. Вокруг них и на них была красная краска, как маска.

Сатана был без плаща. На его распухшей шее виднелись следы пальцев. Пальцы Консардайна. Одна его рука

свисала. Другой он прижимал к груди маленькую статуэтку слоновой кости — Эрота. Из всех прекрасных вещей, ради которых он строил свои планы, грабил и убивал, эта статуэтка, я думаю, была любимой; вещь, в которой он находил чистейший, совершеннейший дух красоты, которую, как бы ни был низок Сатана, он хорошо знал и которой поклонялся.

Он спотыкался, поворачивая голову из стороны в сторону, как слепой зверь. Слезы непрерывно текли из невидящих глаз и блестели на щеках.

Сквозь завесу дыма следом за ним крался Кобхем.

Через его левое плечо висела сумка. Ее распирало изнутри; Кобхем сунул в нее руку и вытащил круглый предмет, размером с апельсин, отсвечивавший тусклым металлическим блеском.

Кобхем смеялся так же непрерывно, как Сатана плакал.

Кобхем остановился.

— Сатана! — позвал он. — Остановись! Пора отдохнуть, дорогой хозяин.

Спотыкающаяся фигура продолжала двигаться; насмешка в голосе Кобхема исчезла, он стал угрожающим.

— Стой, собака! Стой, когда я приказываю! Хочешь получить бомбу за пазуху?

Сатана остановился, дрожа, крепче сжимая статуэтку.

— Повернись, Сатана, — насмехался Кобхем. — Нежели, хозяин, ты откажешь мне в свете твоих глаз?

И Сатана повернулся.

Кобхем увидел нас.

Рука с бомбой взлетела вверх.

— Уолтер! — крикнула Ева и заслонила меня, расставив руки. — Уолтер! Не нужно!

Я не пытался стрелять. Честно говоря, я даже не подумал об этом. Меня еще не оставило оцепенение, которое охватило при виде Сатаны. Быстрая реакция Евы спасла нас вернее пули.

Кобхем опустил руку. Сатана не оборачивался. Я сомневаюсь, что он слышал. Он не чувствовал ничего, кроме своей боли и голоса мучителя, да и ему, подумал я, он повиновался, только чтобы спасти от уничтожения статуэтку.

— Ева! — Безумие отчасти спало с лица Кобхема. — Кто с вами? Подойдите ближе.

Мы придвинулись к нему.

— Киркхем? И маленький Гарри. Стойте на месте. Поднимите руки — оба. Я вам обязан, Киркхем. Но я вам не верю. Ева, куда вы идете?

— Мы пытаемся убежать, Уолтер, — мягко сказала она. — Идемте с нами.

— Идти с вами? С вами! — Безумие вновь охватывало его. — Не могу. Здесь только часть меня. Остальное в комнате, полной зеркал. Часть меня в каждом зеркале. Я не могу уйти без них.

Он помолчал, очевидно, размышляя. Дым становился гуще. Сатана стоял неподвижно.

— Разделенная личность, — сказал Кобхем. — Сатана это сделал. Но он продержал меня там недостаточно долго. Я убежал. Если бы я остался там немного дольше, весь ушел бы в зеркала. В них, и сквозь них, и прочь. А так, — продолжал Кобхем с ужасающей безличной серьезностью, — эксперимент остался незавершенным. Но я не могу уйти и оставить эти кусочки себя. Понимаете, Ева?

— Осторожно, Ева. Не возражай ему, — прошептал я. Он услышал.

— Заткнитесь, Киркхем. Я разговариваю с Евой, — злобно сказал он.

— Мы можем вам помочь, Уолтер, — спокойно сказала Ева. — Идемте с нами...

— Я пошел в храм, — прервал он, говоря совершенно спокойно, его пораженный мозг перешел на другую тему, — и взял с собой свои бомбы. Бросил несколько. Я использовал сонный газ. Консардайн лежал у основания лестницы. Спина его была сломана. Сатана как раз поднимался с него. Он закрыл рот и нос и побежал. Несколько брызг моего средства в глаза, я его прихватил с собой. Вот и все. Он пошел сюда, как крыса в нору. Он слеп теперь...

Настроение его изменилось. Он громко, безумно расхохотался.

— Идти с вами? Оставить его? После всего, что он мне сделал? Нет, нет, Ева. Нет — ради всех ангелов на небе. Мы еще погуляем, Сатана и я. И пойдем вместе. И все маленькие куски меня в его проклятых зеркалах пойдут с нами. Долгое, долгое путешествие. Но я сделал так, чтобы начало было быстрым!

— Кобхем, — сказал я, — я хочу спасти Еву. Туннель на берег. Как его найти? Или путь туда закрыт?

— Я велел вам заткнуться, Киркхем, — огрызнулся он. — Все привыкли повиноваться Сатане. Теперь Сатана повинуется мне. Все теперь повинуются мне. Вы услышали. Подойдите к стене, Киркхем.

Я подошел к стене. Делать было нечего.

— Хотите знать, как пройти в туннель? — спросил он, когда я дошел до стены и повернулся. — Идите в прихожую. Через правую стену — слушайте меня, Гарри, — он бросил на меня злобный взгляд. — Шестая панель слева по коридору. Оттуда в другой коридор. По пандусу вниз до конца. Оттуда через последнюю панель направо. Там начинается туннель. Все с этим. А теперь, Киркхем, посмотрим, пойдете ли вы с ними. Ловите. — Он поднял руку и бросил в меня бомбу.

Казалось, она летит так медленно. У меня хватило времени подумать, что будет со мной, если я ее не поймаю, или уроню, или поймаю слишком резко. Мне везло. Ничего подобного я не сделал.

— Хорошо, вы идете, — улыбнулся Кобхем. — Держите на случай встречи с рабами. Я думаю, храм я от них очистил. Газовые бомбы, Киркхем, газовые бомбы. Все они там спят и во сне пирют.

И он опять захохотал.

— Убирайтесь! — неожиданно рявкнул он.

Мы прошли обратно в прихожую. Глядеть в лицо друг другу мы не смели. Выходя, я оглянулся. Кобхем смотрел нам вслед.

Сатана не пошевелился.

Мы прошли в дверь и закрыли ее. До прихожей мы шли как могли быстро. Она была полна дымом и походила на печь. Первый коридор тоже оказался задымленным. Второй — значительно чище. Когда мы дошли до его конца, Баркер не сразу справился с панелью. В конце концов, она открылась, как дверь. Перед нами был не вход в туннель, как я ожидал, а пустая каменная комната примерно в двадцать квадратных футов. Против нас находилась тяжелая стальная дверь за решеткой. По обе стороны двери стояли едоки кефта. Мощные мужчины, вооруженные петлями и ножами. Вдобавок у них были карабины — первое огнестрельное оружие, которое я видел у рабов. Бомба Кобхема была у меня в кармане.

В первое мгновение я думал использовать ее. Здравый смысл подсказал мне, что крыша может обрушиться на нас и уж во всяком случае вход в туннель будет завален. Я опустил руку на рукоять пистолета. Рабы держали нас под прицелом своих ружей. Не стреляли они, я думаю, только потому, что узнали Баркера.

— Привет! Привет! Что это с вами? — Баркер сделал к ним шаг.

— Что вы здесь делаете? — спросил один из рабов, и из-за его слабого акцента я подумал, что он был русским до того, как стал... тем, чем стал.

— Приказ Сатаны, — резко сказал Гарри и указал на ружья. — Опустите их.

Раб, который спрашивал, что-то сказал другому на незнакомом языке, которым пользовался Сатана. Тот кивнул. Они опустили карабины, но держали их наготове.

— Пропуск? — спросил раб.

— Он у вас, капитан — Баркер быстро повернулся ко мне голову, потом снова к рабам. — Нет, не у вас. У меня...

Я догадался по его глазам, что он хотел сказать. Рука моя лежала на рукояти. Я с бедра выстрелил во второго раба. Тот схватился за грудь и упал.

В то же мгновение Баркер бросился в ноги первого раба. Тот упал. Прежде чем он мог встать, я прострелил ему голову. У меня не было угрызений совести по поводу этого убийства. Едоки кефта никогда не казались мне людьми. Во время войны я по гораздо меньшим поводам убивал куда лучших людей. Баркер обыскал упавшего раба. Он встал со связкой ключей и побежал к двери. Менее чем через минуту он отвел прутья решетки и открыл дверь. Перед нами лежал туннель, длинный, выложенный камнем и тускло освещенный.

— Нужно торопиться, — сказал Баркер, закрывая за нами тяжелую дверь. — Мне не нравится то, что он сказал о быстром начале путешествия. Я думаю, он собирается взорвать лабораторию. А там достаточно взрывчатки, чтобы взорвать весь ад.

Мы побежали по туннелю. Примерно через тысячу футов нам встретилась еще одна стена. Она закрывала путь, превращая туннель в тупик.

Баркер лихорадочно ощупывал ее дюйм за дюймом немеющими пальцами. Неожиданно стена скользнула в

сторону, как на катках. Мы прошли в отверстие и побежали дальше. Свет мигнул и погас. Мы остановились в полной темноте. Земля задрожала под ногами. Затем по слышался глухой звук, похожий на голос проснувшегося вулкана. Я обнял Еву. Пол туннеля раскачивался. Сыпался грохот падающих камней.

— Боже! Сатана уходит! — голос Баркера звучал истерически резко.

Да, это так. Сатана — ушел. И Кобхем тоже. И все остальные, живые и мертвые, в замке — они тоже ушли. И все сокровища Сатаны, вся красота, которую он собирал, — все ушло. Сожжено и разбито в ужасном взрыве. Неповторимые сокровища, прекрасные предметы, без которых мир всегда будет беднее — уничтожены навсегда. Стерты с лица земли!

Я ощущал болезненную пустоту. Как будто сами кости стали пустыми. Я чувствовал сожаление и ужас, словно присутствовал при огромном жертвоприношении.

Ева обхватила меня за шею. Я слышал ее рыдания. Отбросив расслабляющие мысли, я крепко прижал ее к себе, утешая. Камни перестали падать. Мы двинулись дальше, выбирая путь среди камней при свете фонаря Баркера. Туннель был сильно поврежден. Если я и молился, то о том, чтобы нам не завалило выход. В таком случае мы умрем, как крысы. Но повреждения уменьшались по мере того, как мы удалялись от взрыва, хотя время от времени мы продолжали слышать звуки падения камней сзади. Наконец мы пришли к грубо обработанной скале, которая закрывала туннель и должна была служить его концом. Тут Баркер трудился долго, и я с ним, и оба изо всех сил, прежде чем нашли способ открыть ее. Наконец, когда фонарик уже почти не светил, скала опустилась. Мы вдохнули холодный свежий воздух. Поблизости слышался шелест волн. Еще минута, и мы стояли на скале, на которой я видел Сатану, глядящего на волны залива.

Мы увидели огни «Херувима». Яхта ближе подошла к берегу. Ее прожектор осветил пристань, затем дорогу, ведущую к большому дому.

Мы спустились со скалы и направились к причалу.

Справа от нас небо светилось, пульсируя. Силуэты деревьев выделялись на фоне огня, как на японской гравюре.

Погребальный костер Сатаны.

Мы добрались до причала. Прожектор осветил нас. Мы смело шли вперед. Баркер сел в лодку, стоявшую у причала. На яхте, по-видимому, решили, что мы направляемся к ним. Они продолжали освещать нас прожектором.

Мотор лодки заработал. Я помог Еве спуститься в нее, потом прыгнул следом. Баркер запустил мотор на первую скорость, а потом и на полную. Лодка рванулась вперед.

Луны не было. На воде туман. Огонь погребального костра Сатаны бросал зловещий отсвет на волны.

Баркер направился к яхте. Неожиданно он резко свернул влево и прочь от «Херувима». Мы услышали крики с палубы. Туман сгустился. Луч прожектора скоро исчез из вида. Он потерял нас и повернул опять к причалу.

Баркер направил лодку к берегу Коннектикута. Он передал мне руль, а сам занялся мотором. Ева прижалась ко мне. Я обхватил ее рукой и привлек еще ближе. Ее голова опустилась мне на плечо. Мысли мои вернулись к горящему замку. Что там произошло? Может быть, звук взрыва и огонь привлекли зрителей, добровольцев-пожарных из соседних деревень, полицию? Вряд ли. Место такое уединенное, к нему так трудно добраться. Но завтра, конечно, придут. Что обнаружат? Как воспримут найденное? И сколько человек спаслось?

А те, кто остался в доме Сатаны? Те, кто погиб от рук рабов и от бомб Кобхема? Среди них были люди, занимавшие высокое положение. Как скажется их исчезновение? Газеты долго будут этим заниматься. И Сатана! В конечном счете — шулер. Преданный в конце концов им же крапленой картой. Если бы он играл свою игру в семь отпечатков честно, он был бы непобедим. Но он не захотел, власть его основывалась на лжи. А власть не может быть крепче, чем то, на чем она основана.

Ложь Сатаны предала его.

Шулер — да, но и много, много больше...

Будет ли нас преследовать месть, хотя он и погиб?

Что ж, придется рискнуть.

Я отбросил печальные мысли и решительно повернулся от прошлого к будущему.

— Ева, — прошептал я, — все, что я имею, это те шестьдесят шесть долларов и девяносто пять центов, которые у меня были, когда я впервые тебя встретил.

— Ну и что? — спросила Ева, удобнее устраиваясь у меня в руках.

— Не хватит для медового месяца, — сказал я. — Конечно, есть десять тысяч, что я получил за дело в музее. Я не могу их взять. Придется передать музею. От «канонимного донатора».

— Конечно, — равнодушно сказала Ева. — О, Джим, дорогой, как хорошо быть свободной!

Баркер продвинулся вперед и взял у меня руль. Я обнял Еву обеими руками. Далеко впереди светились огни какого-то коннектикутского города. Они пробуждали болезненные воспоминания. Я вздохнул.

— Все сокровища — погибли! — Я застонал. — Почему мне не хватило ума схватить корону или скипетр с золотого трона? У меня была возможность.

— Вот корона, капитан, — сказал Баркер.

Он порылся в кармане. Вытащил корону и положил Еве на колени. Драгоценности сверкнули. Мы смотрели на них, потом на Баркера, потом снова на них — не веря своим глазам.

— Корона погнулась немного, — весело продолжал Баркер. — Пришлось согнуть, чтобы сунуть в карман. Взял и скипетр, но он выскользнул. А подобрать времени не было. Впрочем, подобрал несколько других красивых вещиц.

И он высыпал две пригоршни колец, ожерелий и необработанных жемчужин на корону. Мы смотрели, лишившись речи.

— Разделите пополам, если вы с мисс Евой остаетесь вместе, — сказал Гарри. — Надеюсь, они не поддельные.

— Гарри! — прошептала Ева, почти не дыша. Она наклонилась и поцеловала его.

Он замигал и отвернулся к рулю.

— Напоминает мне о Мегги! — печально прошептал он.

Я почувствовал что-то круглое и твердое в кармане. Бомба Кобхема! С легким покалыванием под корнями волос я осторожно опустил ее в воду.

Огни берега приближались. Я собрал драгоценности с колен Евы и сунул их Баркеру в карман.

---

1 Донатор — от латинского *donator* — даритель.

Потом прижал Еву и повернул ее лицом к себе.

— Совсем как мы с Мегги! — хрипло прошептал Гарри.

Я прижал губы к ее губам. Жизнь показалась такой сладкой.

Но губы Евы сладче.

Оглавление

КОРАБЛЬ ИШТАР	1
1. Появление корабля.....	7
2. Первое приключение.....	10
3. Корабль возвращается.....	15
4. Грех Зарпанит	21
5. Как рассудили боги	24
6. Я — не женщина!.....	29
7. Раб на корабле.....	34
8. Рассказ Сигурда	46
9. Договор с Шарейн	53
10. На корабле под парусом	60
11. Джиджи разрывает цепи	66
12. Хозяин корабля!	75
13. Хозяин... Шарейн!	84
14. Черный жрец наносит удар	89
15. Вниз по звуковой нити	95
16. В поисках острова колдунов.....	101
17. В городе колдунов.....	108
18. Повелитель двух смертей	116
19. За стеной.....	125
20. Перед алтарем Бела.....	129
21. Танец Нарады.....	135
22. Танцовщица и жрец	141
23. Желания богов — и человека.....	146
24. В жилище Бела.....	152
25. Смерть Зубрана	165
26. Как они вернулись на корабль	167
27. Видение Кентона	170
28. Как кончилась борьба.....	180

29. Последняя битва	185
30. Корабль уходит.....	194
СЕМЬ ШАГОВ К САТАНЕ 197	
Глава первая.....	199
Глава вторая	202
Глава третья	211
Глава четвертая.....	220
Глава пятая	228
Глава шестая	237
Глава седьмая	246
Глава восьмая.....	257
Глава девятая	266
Глава десятая.....	271
Глава одиннадцатая	280
Глава двенадцатая.....	284
Глава тринадцатая	296
Глава четырнадцатая	310
Глава пятнадцатая	324
Глава шестнадцатая	336
Глава семнадцатая	346
Глава восемнадцатая	351
Глава девятнадцатая	356
Глава двадцатая	370

Литературно-художественное издание

Абрахам Меррит

Корабль Иштар

Ответственный за выпуск

Ильгар Гусейнов

Редактор

Н. Бархатов

Корректоры

Н. Суворова

О. Спановская

С. Прокопьева

Издательство «Амбер Лтд.»
665830, Ангарск, 76-9.

Лицензия ЛР № 070335 от 28.01.92.

Сдано в набор 10.05.94. Подписано в печать 20.06.94.

Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура тип Таймс.
Усл.-п. л. 20,2. Уч.-изд. л. 21. Тираж 25 500 экз. Зак. 1808.

Отпечатано при содействии издательства «Фактор».

170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5

Лицензия ЛР № 061302 от 16.06.92.

АООТ «Тверской полиграфический комбинат».
170024, Тверь, пр-т Ленина, 5.

